

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Уральский государственный педагогический университет»

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

2(68)'2018

Научный журнал

- Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации ПИ №ФС77-34838 от 25.12.2008
- Зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standard Serial Numbering – ISSN) с присвоением международного стандартного номера ISSN 1999-2629 от 14.05.2008
- Материалы журнала размещаются на сайте научных журналов Уральского государственного педагогического университета: journals.uspu.ru
- Включен в Объединенный каталог «Пресса России». Подписку можно оформить в любом почтовом отделении России. Индекс 81955
- Материалы журнала размещаются на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки, id = 28049
- Включен в базу данных European Reference Index for the Humanities (ERIH PLUS), id 485994
- Включен в международный каталог периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory
- Включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук, Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки РФ

Екатеринбург 2018

УДК 81'27
ББК Ш100.621
П50

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор: доктор филол. наук, проф. А. П. ЧУДИНОВ (Екатеринбург)

Заместители главного редактора:

доктор филол. наук, доцент Э. В. БУДАЕВ (Нижний Тагил)

кандидат филол. наук, доцент М. Б. ВОРОШИЛОВА (Екатеринбург)

Члены редакционной коллегии:

доктор филол. наук, профессор В. Н. БАЗЫЛЕВ (Москва, Россия)

доктор филол. наук, доцент Е. В. ДЗЮБА (Екатеринбург, Россия)

PhD, профессор АНДЖЕЙ ДЕ ЛАЗАРИ (Лодзь, Польша)

PhD, профессор Д. ВАЙС (Цюрих, Швейцария)

доктор филол. наук, проф. С. В. ИВАНОВА (Санкт-Петербург, Россия)

доктор филол. наук, проф. В. И. КАРАСИК (Волгоград, Россия)

доктор филол. наук, профессор Е. А. НАХИМОВА (Екатеринбург, Россия)

доктор филол. наук, профессор Б. Ю. НОРМАН (Минск, Республика Беларусь)

доктор филол. наук, профессор Н. Б. РУЖЕНЦЕВА (Екатеринбург, Россия)

PhD, профессор П. СЕРИО (Лозанна, Швейцария)

доктор, кандидат филол. наук, проф. Й. СИПКО (Прешов, Словакия)

доктор филол. наук, доцент О. А. СОЛОПОВА (Екатеринбург, Россия)

доктор филол. наук, профессор У АЙХУА (Пекин, Китай)

PhD, профессор Л. ЦОНЕВА (Велико-Тырново, Болгария)

PhD, профессор ЯН КЭ (Гуанчжоу, Китай)

Технический редактор: кандидат филол. наук Д. О. МОРОЗОВ

Заведующий отделом перевода: кандидат филол. наук И. С. ПИРОЖКОВА

Политическая лингвистика / гл. ред. А. П. Чудинов ; ФГБОУ ВО
П50 «Урал. гос. пед. ун-т». – Екатеринбург, 2018. – Вып. 2 (68). – 151 с. –
(Цена свободная).

ISSN 1999-2629

Знак информационной продукции 16+.

Журнал призван способствовать обмену новейшей информацией в области политической лингвистики, а также в сфере взаимоотношений языка, культуры и общества. Включает пять основных разделов – «Теория политической лингвистики», «Политическая коммуникация», «Язык – политика – культура», «Лингвистическая экспертиза: язык и право» и «Зарубежный опыт». Предназначен для филологов, политологов, социологов и всех тех, кто интересуется проблемами политической коммуникации.

УДК 81'27
ББК Ш100.621

Благодарим РНФ за материальную поддержку проекта в рамках гранта № 16-18-02102 «Речевое воздействие на русском языке в конфликтных и неконфликтных политических ситуациях и методология его лингвистической экспертизы с использованием современных методик (лингвокогнитивный, лингвориторический, психолингвистический анализ, критический анализ дискурса, комплексный анализ креолизованного текста и др.)».

ISSN 1999-2629

© ФГБОУ ВО «Уральский государственный
педагогический университет», 2018
© Политическая лингвистика, 2018

Ural State Pedagogical University

POLITICAL LINGUISTICS

2(68)'2018

Editor-in-Chief

Anatoliy P. Chudinov, Ph.D., Prof. (Ekaterinburg)

Deputy Editors-in-Chief:

Edward V. Budaev, Ph.D., Assoc. Prof. (Nizhniy Tagil)

Maria B. Voroshilova, Ph.D., Assoc. Prof. (Ekaterinburg)

Editorial Board

Vladimir N. Bazylev, Ph.D., Prof. (Moscow, Russia)

Elena V. Dzyuba, Ph.D., Assoc. Prof. (Ekaterinburg, Russia)

Andrzej de Lazari, Ph.D., Prof. (Lodz, Poland)

Daniel Weiss, Ph.D., Prof. (Zurich, Switzerland)

Svetlana V. Ivanova, Ph.D., Prof. (St. Petersburg, Russia)

Vladimir I. Karasik, Ph.D., Prof. (Volgograd, Russia)

Elena A. Nakhimova, Ph.D., Prof. (Ekaterinburg)

Boris Yu. Norman, Ph.D., Prof. (Minsk, Belarus)

Natalia B. Ruzhentseva, Ph.D., Prof. (Ekaterinburg, Russia)

Patrick Seriot, Ph.D., Prof. (Lausanne, Switzerland)

Joseph Sipko, Ph.D., Prof. Ph.Dr. (Prešov, Slovakia)

Olga O. Solopova, Ph.D., Assoc. Prof. (Ekaterinburg, Russia)

Wu Aihua, Ph.D., Prof. (Beijing, China)

Lilyana Tsoneva, Ph.D., Prof. (Veliko Tarnovo, Bulgaria)

Yang Ke, Ph.D., Prof. (Guangzhou, China)

Ekaterinburg 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Редакционные принципы журнала «Политическая лингвистика»	8
--	---

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Балашова Л. В. Саратов, Россия	Медицинская концептуальная метафора в политическом медиадискурсе XX—XXI вв. (динамический аспект)	10
Руженцева Н. Б. Екатеринбург, Россия	Политические и коммуникативные стратегии в печатных предвыборных материалах 2018 г.	18
Сковородников А. П. Красноярск, Россия	Ложка дегтя в бочке меда (об одной «детали» романа Евгения Водолазкина «Лавр»)	29

РАЗДЕЛ 2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Гертнер Е. В. Екатеринбург, Россия	Экспозиция предвыборной кампании — 2018: гендерная составляющая	40
Гукасова М. М. Краснодар, Россия	Комбинированная моносистемная персонализация на примере публицистики Всеволода Овчинникова	45
Лескина С. В. Шаронова В. Б. Челябинск, Россия	Корреляция степени категоричности в языке оригинала и в версии перевода в политическом дискурсе (на материале оригинала и перевода «Доктрины Никсона»)	55
Ковязина М. А. Ильющеня Т. А. Хабибуллина С. Б. Тюмень, Россия	Средства выражения отрицательной оценки при описании санкционной политики западных стран в отношении России и российских ответных санкций в текстах британских сетевых СМИ: корпусное исследование	61
Ли Сыци Харбин, Китай	Искусство речи Мао Цзэдуна	68
Нигматуллина Э. Р. Москва, Россия	Эмотивы в англоязычном политическом дискурсе: роль и условия реализации	73
Пархитко Н. П. Таран И. А. Москва, Россия	Освещение газетой «Вельт» («Die Welt») миграционных процессов ФРГ (период большой предвыборной кампании — 2017)	82
Рогозинникова Ю. В. Екатеринбург, Россия	Образы президентов России и США в политической карикатуре	87
Цзюньхуэй Фэй Гуанчжоу, Китай	Сопоставительный анализ концептуальных метафор в русских и китайских политических текстах (на материале Послания Президента РФ Федеральному собранию и Доклада Премьера Госсовета КНР о работе Правительства от 2016 г.)	101

РАЗДЕЛ 3. ЯЗЫК — ПОЛИТИКА — КУЛЬТУРА

Картушина Е. А. Москва, Россия	Языковое планирование статуса миноритарных языков в условиях многоязычия (на примере Финляндии)	106
Киквидзе И. Д. Кутаиси, Грузия	Сопоставительная теолингвистика: предмет и цели исследования	115
Никифорова И. Г. Иркутск, Россия	Сценарии школьного образовательного дискурса Третьего рейха (на материале немецкоязычных художественных фильмов)	119

У Яньцю Шаосин, КНР Цю Сюэпин Владивосток, Россия	К вопросу культурно-лингвистической и профессиональной адаптации историков-эмигрантов «первой волны».....	123
--	---	-----

РАЗДЕЛ 4. ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА: ЯЗЫК И ПРАВО

Букина Т. Г. Кутенева Т. А. Екатеринбург, Россия	Текстовые деликты в рекламном дискурсе	130
--	--	-----

РАЗДЕЛ 5. ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Павлова Д. А. Каменева В. А. Кемерово, Россия	Когезия американских и британских политических гипертекстов.....	136
---	---	-----

РАЗДЕЛ 6. РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА

Зарипов Р. И. Москва, Россия Чудинов А. П. Екатеринбург, Россия	Этнические стереотипы армейского социума США.....	144
Правила представления авторами рукописей в журнал «Политическая лингвистика»		148

CONTENTS

Editorial Principles of the Journal "Political Linguistics"	8
---	---

PART 1. THEORY OF POLITICAL LINGUISTICS

Balashova L. V. Saratov, Russia	Medical Conceptual Metaphor in the Political Media Discourse of the XX—XXI Centuries (Dinamic Aspect).....	10
Ruzhentseva N. B. Ekaterinburg, Russia	Political and Communicative Strategies in Print Pre-election Publications of 2018.....	18
Skovorodnikov A. P. Krasnoyarsk, Russia	A Fly in the Ointment (About One "Detail" of the Novel by Yevgeny Vodolazkin "Laurus")	29

PART 2. POLITICAL COMMUNICATION

Gertner E. V. Ekaterinburg, Russia	Exposition of the Pre-election Campaign 2018: Gender Component.....	40
Gukasova M. M. Krasnodar, Russia	Combined Monosystemic Personalization Drawing on the Example of Publicism by Vsevolod Ovchinnikov	45
Leskina S. V. Sharonova V. B. Chelyabinsk, Russia	Correlation of the Degree of Categoricalness in the Original Political Text and in its Translated Version (on the Basis of the "Nixon Doctrine")	55
Kovyazina M. A. Ilyushchenya T. A. Khabibullina S. B. Tyumen, Russia	Negative Evaluative Language in Description of Anti-Russian Sanctions Policy and of Russian Counter-sanctions in British Online Media Discourse: a Corpus Research.....	61
Li Siqi Harbin, China	The Speech of Mao Zedong.....	68
Nigmatullina E. R. Moscow, Russia	Emotives in Political Discourse in English: the Role and Conditions.....	73
Parkhitko N. P. Taran I. A. Moscow, Russia	Migration Processes in the Federal Republic of Germany as Depicted in "Die Welt"(Election Campaign of 2017)	82
Rogozinnikova Y. V. Ekaterinburg, Russia	The Images of the Presidents of Russia and the United States in a Political Cartoon.....	87
Junhui Fei Guangzhou, China	Comparative Analysis of Conceptual Metaphor in Russian and Chinese Political Texts (Based on Presidential Address to the Federal Assembly and the Chinese Premier's Government Work Report of 2016)	101

PART 3. LANGUAGE — POLITICS — CULTURE

Kartushina E. A. Moscow, Russia	Minority Language Status Planning under the Conditions of Multilingualism (Based on Finland).....	106
Kikvidze I. D. Kutaisi, Georgia	Contrastive Theolinguistics: Subject and Aims of the Research.....	115
Nikiforova I. G. Irkutsk, Russia	Scripts of School Educational Discourse of the Third Reich (Based on German Feature Films).....	119

Wu Yanxiu Shaoxing, China Qiu Sue Pin Vladivostok, Russia	To the Question of Cultural-linguistic and Professional Adaptation of Emigrants from Russia123
--	---

PART 4. LINGUISTIC EXPERTISE: LANGUAGE AND LAW

Bukina T. G. Kuteneva T. A. Ekaterinburg, Russia	Textual Delicts in Advertising Discourse130
--	---

PART 5. FOREIGN EXPERIENCE

Pavlova D. A. Kameneva V. A. Kemerovo, Russia	Cohesion of American and British Political Hypertexts in Web-format.....136
---	--

PART 6. REVIEWS. CHRONICLE

Zaripov R. I. Moscow, Russia Chudinov A. P. Ekaterinburg, Russia	US Military Community Ethnic Stereotypes.....144
---	--

Manuscripts Requirements.....148	
----------------------------------	--

РЕДАКЦИОННЫЕ ПРИНЦИПЫ ЖУРНАЛА «ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА»

Уважаемые авторы и коллеги, в истории развития нашего журнала наступил некий период «зрелой оценки». Мы перестали быть специализированным журналом для узкого круга любителей «политической лингвистики». А значит, расширился круг наших авторов и читателей.

Именно сейчас мы решили сформулировать основные редакционные принципы нашего журнала, что позволит легче вливаться в наш коллектив новым авторам, позволит наладить конструктивное сотрудничество.

Опираясь на наш многолетний опыт, на уже сформировавшиеся традиции нашего журнала, а также на принятые в мировой практике основы редакционной этики (см., например: *Кодекс этики научных публикаций* (<http://publicet.org/code/>), *Code of Conduct and Best Practice Guidelines for Journal Editors* (<http://publicationethics.org/resources/code-conduct>) и др.), мы представляем общие редакционные принципы нашего журнала.

Мы надеемся, что данные принципы будут приняты всеми, кто тем или иным образом участвует в жизни нашего журнала — авторами, рецензентами, редакторами, издателями, распространителями и читателями.

Общие принципы журнала «Политическая лингвистика»

Мы уважаем существующие в каждом государстве национальные особенности политической коммуникации, связанные с историей, культурой и политической системой данного государства.

Мы считаем необходимым соблюдение принципов толерантности и политической корректности, в том числе в статьях, созданных в рамках критического анализа дискурса.

Мы исходим из того, что сам факт анализа политических текстов, созданных политическими экстремистами, вовсе не свидетельствует о том, что автор публикации или редакционная коллегия в какой-либо степени солидарны с позицией соответствующего политического лидера или журналиста.

В сочетании «политическая лингвистика» для нас значимы обе части. И хотя мы считаем наш журнал лингвистическим, стремимся предоставлять трибуну политологам, психологам, социологам и специалистам по иным социально-гуманитарным наукам.

Мы стремимся к общедоступности, поэтому наш журнал представлен в свободном доступе на сайте научных журналов Уральского государственного педагогического университета journals.uspu.ru, в Научной электронной библиотеке *E-library*, а также на сайте cognitiv.narod.ru, где размещены и иные публикации по проблемам политической лингвистики, преимущественно подготовленные в рамках Уральской школы политической лингвистики.

Мы стремимся к сохранению научных традиций, чему в нашем журнале призван служить раздел «Зарубежный опыт», предназначенный для

публикации впервые переведенных на русский язык работ, которые, хотя и написаны много десятилетий назад, сохраняют свою значимость для теории и истории науки.

Мы приглашаем к активному сотрудничеству всех, интересующихся проблемами политической лингвистики. В частности, мы будем благодарны за помощь в поиске материалов для раздела «Зарубежный опыт»: к сожалению, нам все труднее находить переводчиков-волонтеров, и мы будем благодарны всем, кто либо сам найдет и переведет интересный текст, либо предложит свои услуги в качестве переводчика для текста, подобранного редакцией. Как известно, публикация перевода, в соответствии с решением экспертного совета ВАК, приравнивается для переводчика к публикации научной статьи, что иногда бывает важным при представлении диссертации к защите. Также редакционная коллегия будет благодарна за присланные рецензии на новые интересные работы, соответствующие тематике нашего журнала.

Принципы редактора журнала «Политическая лингвистика»

При принятии решения о публикации наши редакторы руководствуются в первую очередь научной значимостью рассматриваемой работы и новизной представленного материала.

Наши редакторы стремятся оценивать интеллектуальное содержание рукописей вне зависимости от расы, пола, сексуальной ориентации, религиозных взглядов, происхождения, гражданства, социального положения или политических предпочтений авторов. Учитывая специфику журнала, особенно важно последнее: как уже неоднократно сообщалось, мы против политической цензуры, с уважением относимся к политическим взглядам авторов наших публикаций, хотя не всегда и не во всем с ними согласны. Осуществляется двойное «слепое» рецензирование присланных материалов, при котором рецензенты не знают автора статьи.

Редактор не должен допускать к публикации информацию, если имеется достаточно оснований полагать, что она является плагиатом. Напоминаем, что с мая 2012 г. все поступающие в редакцию статьи тестируются в системе «Антиплагиат».

Мы настроены на тесный контакт с нашими авторами, поэтому наши редакторы не оставляют без ответа любые вопросы, касающиеся рассмотренных рукописей или опубликованных материалов, а при выявлении спорной ситуации мы стремимся сохранить научное равновесие и дать возможность авторам научно и корректно высказать свою точку зрения.

Принципы автора журнала «Политическая лингвистика»

Авторы статьи должны представлять достоверные результаты проведенных исследований.

Заведомо ошибочные или сфальсифицированные утверждения неприемлемы.

Авторы должны гарантировать, что результаты исследования, изложенные в представленной рукописи, полностью оригинальны. Чрезмерные заимствования, а также плагиат в любых формах, включая неоформленные цитаты, перефразирование или присвоение прав на результаты чужих исследований, неэтичны и неприемлемы.

Необходимо признавать вклад всех лиц, так или иначе повлиявших на ход исследования, в частности, в статье должны быть представлены ссылки на работы, которые имели значение при проведении исследования.

Авторы не должны представлять в журнал рукопись, которая была отправлена в другой журнал и находится на рассмотрении, а также статью, уже опубликованную в другом журнале. Подобные «исследования» мы возвращаем создателям с указанием места первоначальной публикации и добрыми пожеланиями.

В качестве соавторов статьи следует указывать всех лиц, внесших существенный вклад в проведение исследования. Среди соавторов недопустимо указывать лиц, не участвовавших в исследовании.

Если автор обнаружит существенные ошибки или неточности в статье на этапе ее рассмотрения или после опубликования, он должен как можно скорее уведомить об этом редакцию журнала. В таком случае мы публикуем уточняющую информацию в ближайшем номере.

Мы не имеем возможности оплачивать труд литературных редакторов и корректоров, а потому ответственность за подбор и точность цитат или иного рода недочеты несут авторы публикаций.

Контакты.

Почтовый адрес: 620017, Екатеринбург, пр-т. Космонавтов 26, Уральский государственный педагогический университет, кафедра риторики и межкультурной коммуникации (каб. 285).

Телефоны:

(343)3361592 (гл. редактор А. П. Чудинов).

Факс (343) 3361592.

Электронная почта: ap_chudinov@mail.ru.,
shinkari@mail.ru.

***С уважением
и надеждой на сотрудничество:***

д-р филол. наук, проф.
Анатолий Прокопьевич Чудинов,
д-р филол. наук, доцент
Эдуард Владимирович Будаев,
канд. филол. наук, доцент
Мария Борисовна Ворошилова,
канд. филол. наук
Даниил Олегович Морозов.

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

УДК 811.161.1'42:811.161.1"8
ББК ШП41.12-51+ШП41.12-55

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.19

Л. В. Балашова
Саратов, Россия

МЕДИЦИНСКАЯ КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МЕТАФОРА В ПОЛИТИЧЕСКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ XX—XXI ВВ. (ДИНАМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются метафоры, формируемые на базе медицинской лексики, зафиксированные в советских и постсоветских (российских) СМИ. Цель исследования — установить общее и различное в функционировании медицинских метафор на двух этапах развития русскоязычного политического дискурса СМИ, в формировании и репрезентации картины мира. Материалом исследования послужили газетные тексты, публицистический и газетный подкорпусы Национального корпуса русского языка (НКРЯ) за 1918—1945 гг. и 2000—2017 гг. Отмечается, что медицинская лексика является активным источником формирования политических метафор, однако в XXI в. число таких переносов существенно увеличивается, а используемые слова становятся более разнообразными в семантическом и функционально-стилистическом аспектах. Подчеркивается, что все исследованные метафоры функционируют в рамках единой концептуальной модели, с помощью которой авторы публикаций экспрессивно характеризуют основные проблемы в развитии страны и мира. В советских СМИ данные проблемы-«болезни» связаны с внешним, капиталистическим окружением и царским прошлым, поэтому обычно оказываются «неизлечимыми»; журналисты XXI в. уделяют основное внимание «болевым точкам» в развитии современной России, предлагая различные способы «лечения» этих проблем.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: медицинская лексика; политический медиадискурс; концептуальная метафора; средства массовой информации.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Балашова Любовь Викторовна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики, Институт филологии и журналистики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского; 410012, Россия, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, 9; e-mail: sarteorlingv@yandex.ru.

Практически все современные исследователи отмечают особую роль метафор в репрезентации языковой картины мира: «Метафоры как языковые выражения становятся возможны именно потому, что существуют метафоры в понятийной системе человека» [Лакофф, Джонсон 2004: 387; 390]. Но в разных типах дискурса реализация данных функций у переносных значений имеет свои особенности. В частности, политическая метафора, по мнению многих исследователей [Баранов 2003; Будаев, Чудинов 2006б; Чудинов 2012; Lakoff 2008], является одним из самых распространенных и эффективно действующих инструментов публичной политики. Это вполне закономерно, поскольку политический язык всегда был средством манипулирования человеческим сознанием, продвижения политических идей, заложенных в тексте, в том числе и имплицитно, «между строк» (ср.: [Балашова 2013; 2014; Дементьев 2014; 2015; Зарипов 2017; Кириллова 2011; Колтышева 2012; Марьянчик 2011]), способом, с помощью которого «социальная власть осуществляет свое господство в обществе» [Будаев, Чудинов 2006а: 33].

Более того, при динамическом подходе к политическому дискурсу «активизация метафор в социальной коммуникации может служить признаком приближающихся общественных потрясений и одновременно свидетельствовать о направлениях движения политического сознания» [Будаев, Чудинов 2008: 4], поскольку «каждый новый поворот в

историческом развитии государства приводит к языковой „перестройке“, создает свой лексико-фразеологический тезаурус, включающий также концептуальные метафоры и символы» [Там же: 17]. Вследствие этого интересным представляется проанализировать метафорическую подсистему, формируемую на базе медицинской лексики в русскоязычном политическом дискурсе советского и российского этапов его развития.

Следует отметить, что медицинская лексика в данной работе рассматривается не как строго терминологическая группа (ср.: [Муране 2002; Хади 2017]), а как сложная лексическая подсистема, связанная с отражением общей ситуации «Болезнь человека и ее лечение», вследствие чего к медицинской лексике относятся лексемы из нескольких семантических группировок: «Физиологическое, психическое и эмоциональное состояние человека»; «Профессиональная деятельность медицинских работников»; «Артефакты медицинского назначения». В рамках медицинской лексики в соответствии со структурой указанной ситуации могут быть выделены две семантические группы: (1) «**Болезненные состояния человека**» (с дифференциацией по нескольким параметрам: болезненное состояние (недомогание, болезнь, травма и т. п.) и человек в таком состоянии; причины и симптомы болезни; степень опасности заражения и распространения заболевания); (2) «**Лечение заболевания человека**» (с дифференциацией по следующим параметрам: динамика состояния

© Балашова Л. В., 2018

больного человека; меры по восстановлению здоровья больного или по предотвращению заболевания у здорового человека; специальные средства и инструменты, используемые в этом процессе; лица, принимающие такие усилия). Материал для исследования извлечен из общественно-политических советских и российских СМИ:

- 1918—1945 гг. — подкорпус НКРЯ (Национального корпуса русского языка) «Публицистика»; «Еженедельник Чрезвычайных Комиссий по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией» (далее ЕЧК), «Комсомольская правда» (далее КП), «Красная Звезда» (далее КЗ), «Правда» (далее Пр.), «Труд» (далее Тр.);

- 2000—2017 гг. — газетный подкорпус НКРЯ; «Аргументы и факты» (далее АиФ), «Известия» (далее Изв.), «Информационное агентство России ТАСС» (далее ИТА ТАСС), «Коммерсантъ» (далее Ъ), «Комсомольская правда» (далее КП), «Московский комсомолец» (далее МК), «Независимая газета» (далее НГ), «Новая газета» (далее НовГ), «Новые известия» (далее НИ), «Новый регион 2» (далее НР2), «Парламентская газета» (далее ПГ), «Правда» (далее Пр.), «РБК Daily» (далее РБК), «РИА „Новости“» (далее РИА), «Российская газета» (далее РГ), «Труд-7» (далее Тр.), «Эксперт» (далее Экс.).

Как показал анализ, медицинская лексика активно используется в качестве *источника метафоризации* как в советский, так и в российский период развития политического дискурса. В словарном составе и в принципах отбора единиц исследуемого поля есть общее и различное, причем то и другое имеет концептуальное значение.

Так, для семантической группы «**Болезненные состояния человека**» переносные значения в советских и российских СМИ регулярно фиксируются у **обобщенных наименований** физического недомогания, а также человека в таком состоянии и с такими ощущениями. Это прежде всего члены ядерного для медицинской лексики словообразовательного гнезда: *болеть*, *больной*₁ 'страдающий какой-л. болезнью', *больной*₂ 'тот, кто страдает какой-л. болезнью', *болезнь*, *болезненный* и т. п. Но в СМИ XXI в. этот ряд расширяется за счет специальной терминологии — *пациент*. Например: *Передача непосредственно народному суду расправы с „больными“ этой болезнью* [о взяточниках и коррумпированных чиновниках] *могут и должны только радовать души честных и искренних* (ЕЧК, 1918.13.10; поскольку целью данной работы является общая характеристика советского и российского полити-

ческого дискурса, то в целях сокращения ее объема мы не указываем автора и названия цитируемой публикации). — *Экономика Украины — это очень больной пациент с целым букетом хронических заболеваний* (АиФ. 2013.17.05).

Среди наименований **физических заболеваний** для формирования переносов советские и российские журналисты используют преимущественно номинации болезней, связанных с серьезной физической патологией (инвалидностью) человека, препятствующих объективному восприятию действительности и свободе движения (ср.: *слепой, слепота, слепец, глухой, хромать*); заболеваний, вызванных воздействием на организм ядовитых веществ (ср.: *отравить, отравиться*); тяжелых инфекционных болезней, часто принимавших в прошлые века характер эпидемии (ср.: *чума*); серьезных травм, заболеваний кожи, слизистых оболочек, обычно болезненных и/или внешне неприятных, опасных для окружающих (ср.: *рана, гнилой, гнилотный, проказа*). Например: *Нужно соскребить этот налет самовлюбленности и близорукости и помнить, что кооперация является сейчас чрезвычайно сильной общественной и экономической организацией* («Нижегородский кооператор», 1928. № 21); *<Выступим> против этой проказы* [распространения ложных слухов], *которая отправляет души в момент, когда мы более всего нуждаемся в поддержке* (КЗ, 1944.01.28). — *Вдохновителям „оранжевой проказы“ необходимы богатства Украины* (Пр., 2013.02.12); *Элиты по-прежнему... отравлены антисоветизмом* (Изв., 2014.05.18).

Но в современных российских СМИ этот ряд пополняется терминологическими обозначениями не только указанных выше типов заболеваний (ср.: *астигматизм*), но и болезней сердца, сосудов, желудочно-кишечного тракта и т. п. (ср.: *инфаркт, диарея, дистрофия, СПИД*), хотя в большинстве случаев это не языковые, а окказиональные метафоры. Например: *Михаил Касьянов больше не верит в перспективы российской оппозиции, сраженной политической дистрофией* (РБК, 2007.11.21).

Более однородной оказывается подгруппа используемых при переносах лексем, **именующих психические и неврологические заболевания**. Чаще всего советские и российские СМИ используют при метафоризации общеупотребительные лексемы с обобщенным обозначением психической неадекватности (ср.: *безумный, безумие, безумство, безумец, обезуметь; сумасшедший, сумасшествие; душевнобольной*),

а также обиходные и терминологические наименования нервно-психических расстройств с сильным внешним проявлением (ср.: бешеный, бешенство; истерия, истерика, истерический, истерически). Например: **Безумный империализм** [Гитлера] привел к войне (КЗ, 1942.03.05); Как это непохоже на **истеричность** немецкого наскока, ...на комедиантские речи Гитлера (КЗ, 1942. 01.21). — Настоящее ли, мнимое ли помешательство правителя оборачивается коллективным **сумасшествием** политической элиты и общества (НГ, 2014.10.14); Развиваемая в мире антироссийская **истерия** будет осуждена последующими поколениями (ПГ, 2015.02.10).

В советских СМИ из более узкой специальной терминологии фиксируются только лексема **мания** и устойчивое сочетание **нервное расстройство**, тогда как в российских СМИ при формировании языковых и окказиональных переносов используется целый ряд медицинских терминов (ср.: даун (и разговорный окказионализм дауненок), маразм, шизофрения и т. п.). Например: Вялотекущая **шизофрения** судебной системы (НовГ, 2013.10.11); Незалежный новогодний **маразм**: киевлян готовят к проведению АТО в столице («Военно-промышленный курьер», 2014.12.26); Периодически западноукраинские «политические **даунята**» приезжают (МК, 2012.07.16).

Примечательно, что в современных СМИ активно включаются в метафоризацию терминологические и разговорные наименования (лексические и фразеологические) такого социально значимого психического заболевания, как наркомания (ср.: наркоман, сесть / подсаживаться на иглу, сидеть на игле). Например: Мы много лет говорим о создании внутреннего спроса, но по-прежнему **сидим на нефтяной игле** (КП, 2013.05.21).

Метафоризация наименований **причины, источника заболевания** в советских и российских СМИ, как правило, представлена общеупотребительными и терминологическими обозначениями отравляющих веществ (ср.: отравка, отравить, яд); болезнетворного начала, распространяющегося в организме, паразитически размножающимися микробами, неклеточными частицами, обладающими геномом (ср.: заражать, поражать, бактерия). Но в современных СМИ этот ряд, как и в вышеуказанных подгруппах, расширяется за счет медицинской терминологии (ср.: вирус, инфекция). Например: В этом ее [Красной Армии] огромное превосходство над фашистской армией, **отравленной ядом** расистского людоедства. (Пр., 1941.16.09); Сумасшествие Гитлера

заразило японцев... (КЗ, 1941.12.09). — **Вирус украинства** был создан в лабораториях католических ксендзов с участием австрийского генштаба. Затем он был выпущен на волю и стал **поражать** местное население (АиФ, 2015.07.02).

Среди наименования **симптомов, внешних проявлений заболевания** в советских СМИ метафоризации подвергается ядерный в подгруппе субстантив боль и однокоренные с ним лексемы: **болеть**₃ 'испытывать болезненное ощущение' и т. п. Кроме того, в первичных значениях переносов может конкретизироваться тип симптома, внешнего проявления заболевания (ср.: зудеть, язва, гной, нарыв). В российских СМИ этот ряд вновь пополняется медицинской терминологией и общеупотребительной, разговорной лексикой, более разнообразно характеризующей внешние проявления заболевания (ср.: симптом, температура₂ 'о высокой температуре (разг.)', конвульсия). Например: От этих взаимных напоминаний в палате стоял удушливый воздух аферистской клоаки, в которой неожиданно разворосили весь старый **гной**, кое-как прикрытый по побуждениям «патриотической» стыдливости и общей заинтересованности в сохранении господствующего режима (Изв., 1930.04.12). — А Джей Макгрегор, пишущий для Forbes.com, видит в таких стартапах, как Yo, **симптом** грядущего краха технологического рынка (РБК, 2014.06.23); Всё это похоже на **гнойник**. **Гной** источает злое... но, только вскрыв **нарыв**, мы можем преодолеть безответственность наркома (КП, 2013.10.10).

Наконец, номинации **заболеваний по степени опасности заражения и распространения** как источник метафоризации фиксируются единичными лексемами как в советских, так и в российских СМИ. В тот и другой период развития русскоязычного политического дискурса используется термин **эпидемия** и его обиходный синоним или гипоним **зараза**₂ 'эпидемия, порождаемая микробами'. В современных СМИ журналисты используют еще один медицинский термин, указывающий на высшую степень распространения эпидемии, — **пандемия**. Например: Кажется, что здесь разразилась **эпидемия** [самоубийств] (КЗ, 1941.12.21); Одновременно продолжается очистка Африки от фашистской **заразы** (КЗ, 1942. 03.01). — Но до того красивы горы, что не хочется думать, что вот откуда-то отсюда расползается по стране террористическая **зараза** (КП, 2013.06.11); **Пандемия** лоббизма? (НовГ, 2009.08.05).

Таким образом, при метафоризации

членов семантической группы «**Болезненные состояния человека**» в советских и российских СМИ используются преимущественно ядерные в подгруппах и рядах лексем, не ограниченные в функционально-стилистическом отношении или представляющие собой широко распространенную медицинскую терминологию. Но в советских СМИ данные подгруппы и группа в целом последовательно увеличиваются за счет узкоспециальной медицинской терминологии, что свидетельствует о возросшем уровне образования носителей языка и об интересе общества к проблемам здравоохранения. Кроме того, в советских СМИ преобладают языковые метафоры, тогда как современные журналисты достаточно активно используют окказиональные переносы, формируемые в первую очередь на базе специальных терминов.

Аналогичные особенности прослеживаются при метафоризации в советских и российских СМИ членов второй семантической группы «**Лечение заболеваний человека**», однако динамические изменения здесь носят более радикальный характер.

Так, среди номинаций **лиц, предпринимающих усилия по восстановлению здоровья человека**, в СМИ 1918—1945 гг. в метафорических значениях зафиксированы два слова: общеупотребительное *врач* и устаревшее *лекарь*, тогда как в XXI в., помимо этого, встречаются метафоры (языковые или окказиональные) на базе разнообразной общеупотребительной и узкоспециальной терминологии (ср.: *хирург, терапевт, диагност, донор, санитар*). Например: *Влив в рот немецкого народа это варево из вранья, лекари фашистской пропаганды ожидают, что больной облегченно вздохнет и сладко уснет* (КЗ, 1942.03.17). — *Компания должна сама исправлять ошибки. Понимаете, мы не лекари, мы диагносты. А терапевты и хирурги — это Правительство, Генеральная прокуратура, Следственный комитет, МВД, Госдума, в конце концов* (КП, 2013.05.19).

Ядерной же для советских и российских СМИ в данной СГ становится подгруппа «**Предпринимаемые меры, специальные средства и инструменты для восстановления здоровья человека, предотвращения заболевания**». На обоих этапах развития дискурса наиболее регулярно формируют переносы члены одного словообразовательного гнезда, обобщенно характеризующие динамику состояния здоровья больного человека (ср.: *лечить, лечение, излечить, излечение, вылечить, залечить*), только в современных СМИ список deriva-

тов несколько больше. Например: *Зверства, грабежи и насилия, чинимые немецко-фашистскими захватчиками над мирным населением и советскими военнопленными, излечили наших бойцов от этой болезни* [благодущия и беспечности] (Пр., 1942.05.01). — *Теперь необходим разговор с людьми, чтобы **вылечить** общество от „идейно-политической шизофрении“* (РБК, 2012.01.18); *Последние пять лет грекам твердят, что если они **излечатся** от своей болезни — так тому и быть, а если откажутся от евро — небеса обрушатся на землю* (Ъ, 2015.01.24).

Среди специальной терминологии, имеющей конкретные этапы и меры по восстановлению здоровья человека, в советских СМИ нами зафиксированы лишь лексемы *диагноз, хирургия, хирургический*, тогда как современные журналисты используют при языковой и окказиональной метафоризации разнообразные наименования (ср.: *диагноз, диагностика, терапия, терапевтический, хирургия, хирургический, ампутация, реанимация, реанимировать, анестезия* и т. п.). Например: *Явившись на батарею, мастер подходит к поврежденной гаубице. Он ставит **диагноз** быстро и точно и тут же приступает к „лечению“* (КЗ, 1941.09.17). — *Украине поставлен страшный **диагноз** — „пациент мертв“* («Интерполит», 2014.11.10); ***Ампутация** политических иллюзий* (НИ, 2014.03.27); *Мы **реанимируем** переговоры по строительству глубоководного порта* (Изв., 2014.06.11).

Более разнообразными метафорами, в том числе и окказиональными, построенными на оксюмороне, представлен в советских СМИ ряд, именующий специальные средства (ср.: *лекарство, пилюля, лавро-гитлеровские* (на базе — *лавровишневы*) *капли, свинец*). В российских СМИ единицы *лекарство* и *пилюля* тоже самые востребованные при формировании переносов, но, кроме того, фиксируются также следующие: *таблетка, препарат* ‘фармацевтический продукт’, *прививка, вакцина, панацея, капельница, скальпель*. Например: *Очередную столовую ложку этого **лекарства** [дезинформации] германское информационное бюро преподносит в таком виде* (КЗ, 1942.03.17); [К. Е. Ворошилов] *Ничего подобного — эта **пилюля** [защита химической войны правительством США] была проглочена английскими консерваторами молча и не без удовольствия* (Изв., 1927.03.15); *От слепоты его [врага] излечит **свинец** прощального залпа* (КЗ, 1941.12.27). — ***Горькую пилюлю** для банков немного подсластили обещанием выделить инвесторам 30 млрд евро* (РБК, 2011.10.28); [А. Кудрин] *Я*

называю текущее состояние „экономика под **капельницей**“ (РБК, 2012.10.05).

Таким образом, медицинская лексика играет важную роль в формировании метафорической системы как советских, так и российских СМИ. Но в динамике прослеживается последовательное увеличение числа лексем, вовлекающихся в этот процесс, прежде всего за счет специальной терминологии. Далеко не всегда это приводит к формированию устойчивых языковых переносов, но большая доля индивидуально-авторских метафор усиливает экспрессию и воздействующую силу политического текста.

Наиболее значимым представляется тот факт, что метафоры на базе медицинской лексики на обоих рассматриваемых этапах развития политического дискурса образуют достаточно хорошо структурированную систему, функционирующую в рамках устойчивой языковой концептуальной модели. Данная модель представляет собой часть более общей **биоморфной** макромоделли, в основе которой лежит представление о жизни человека как о бытии какого-либо феномена непредметного мира (интеллект и эмоции человека, его внутренний мир, характер и поведение; социально-политическая, экономическая сфера; идеология и культура; абстрактная сфера и т. п.) [Балашова 2014: 183].

В соответствии с этим в **медицинской модели** больной организм осмысляется как феномен, неспособный к нормальному функционированию (саморазвитию) из-за возникших проблем, тогда как сами проблемы мыслятся как **заболевания**. В политическом дискурсе это, естественно, преимущественно социально-политические и экономические реалии. *Степень опасности заражения и распространения заболевания* ассоциируется со степенью угрозы для развития и самого существования характеризуемого явления. Например: *В борьбе с этими застарелыми болезнями нашего аппарата* [о бюрократизме], *кому, как не профессиональным организациям быть на первой линии огня?* («Железнодорожник». 1929. № 1); *„Государственный секретарь Хэлл вчера заклеил Аргентину как штаб фашистского движения... и как потенциальный источник заразы для остальной Америки“* (Пр., 1945.05.04). — *Сервисное и гарантийное обслуживание всегда было **больным** местом нашего экспорта* (Изв., 2014.04.23); *Тогдашние пионеры вряд ли могли догадываться, что **зараза**, которую победили их отцы* [о национализме и фашизме], *в начале века вновь оживет, да где — на Украине* (КП, 2014.03.25).

Тип заболевания осмысляется как кон-

кретизация существующей проблемы в функционировании данного явления, причем на исследуемых этапах развития политического дискурса формируются общие и специфические типы устойчивых ассоциаций. Так, в советских и российских СМИ болезни глаз осмысляются как недалководность, некомпетентность действий отдельных социально-политических, экономических институтов и конкретных политических деятелей. Однако сферы приложения этой разновидности медицинской концептуальной метафоры различны. В СМИ 1918—1945 гг. от этого вида «заболеваний» страдают враждебные Советской России и СССР капиталистические страны и их руководители; противостоящие власти и коммунистической партии внутренние социально-политические силы, идеологические противники, разного рода «уклонисты», руководители отсталых предприятий и т. п. Примечательно, что в этот круг попадают и деятели культуры и искусства. Например: *Только люди с гнилым нутром, только **безумные слепцы** могут сомневаться в нашей победе над немцами* (КЗ, 1941.11.15); *Будет необычайной **близорукостью**, вопиющей слепотой людей, руководящих кино, если они сейчас же не позаботятся об организации профессии драматургов в семье работников кинематографического искусства* («Советское искусство»: ОВК по делам Искусств при Совнаркоме Союза ССР № 2 (408), 1938.10.01). В российских СМИ этот вид заболевания также ориентирован на характеристику социально-политических, идеологических, экономических оппонентов, и в этой роли могут выступать как провластные структуры, так и противники власти (в зависимости от позиции автора публикации). Например: *ЕП проявляет „геополитический **астигматизм**“ по Украине* (РИАН, 2015.15.01); *Расплата за самонадеянность и **близорукость властей** была жестокой* (Тр., 2002.08.22).

Заболевания, связанные с поражением кожи, слизистых оболочек, особенно с неэстетичными, неприятными для окружающих внешними симптомами, регулярно характеризуют наиболее острые, трудно решаемые проблемы. В советских СМИ это преимущественно общественные недостатки, которые власть воспринимает как пережиток капитализма, а также те разрушения, беды, что принесла стране Гражданская война и война с фашистской Германией, сама идеология гитлеровского нацизма и т. п. Например: *Война обнажила все **язвы** самодержавия, всю его **гниль*** (КЗ, 1942.03.12); *В сонме этих общественных пороков* [чиновников в царской России] *и **язв** огромное место за-*

нимала всем известная и почти всеми употреблявшаяся **взятка** (ЕЧК, 1918.10.13); *Многое вспомнилось при взгляде на них: и раны Сталинграда, и страдания Ленинграда...* (Изв., 1945.05.09). В российских СМИ таких тематических ограничений нет. Например: *„Колдун, ведьма, леший, домовый и партнеры“ и будет стричь там деньги, зарабатывая на язвах нашей полунищей медицины* (КП, 2013.11.05); *Заслуга Суворова в том, что он объяснил им [ветеранам] их жизнь и просто закрыл их десятилетиями **кровоточащие** непониманием **раны*** (КП, 2010.06.22).

В ряде случаев тематические ограничения могут накладываться на использование в переносном значении конкретных лексем. Наиболее регулярно это наблюдается в советских СМИ. Так, лексема **чума** фиксируется исключительно по отношению к фашисткой Германии и ее идеологии. Примечательно, что подобные устойчивые, но сохраняющие экспрессию сочетания-публицизмы (*гитлеровская/коричневая чума*) регулярно представлены и в современных СМИ, а возникающие новые сочетания (например, при характеристике терроризма) явно ориентируются на эти советизмы (*чума XX в. / XXI в.*), ср.: *Недалек тот час, когда **гитлеровская чума** будет стерта с лица Земли* (КЗ, 1941.09.11). — *Уничтожение властями Грузии мемориала воинам Великой Отечественной войны... унизило все народы мира, которые воевали и боролись с коричневой **чумой** — гитлеровским фашизмом* (НР2. 21.12.2009); *Мир вновь как будто одурманили **чума** нацизма и дух беспредела* (Изв., 2014.05.07); *Эмомали Рахмон назвал Исламское государство „**чумой** века и серьезной опасностью“* (Изв., 2014.13.12).

В российских СМИ нами зафиксировано только одно подобное ограничение: устойчивые сочетания, характеризующие наркозависимость, указывают на несбалансированность, сырьевой характер экономики, экспортирование почти исключительно нефтепродуктов, хотя в последние годы тематика описываемых ситуаций может и расширяться. Например: *Экономика по-прежнему **сидит на нефтяной игле**, производство не развивается, доля импорта увеличивается* (КП, 2012.10.11); *Сериалозависимые, и **сидящие на игле** „Игры престолов“ в особенности, изнывали в предвкушении премьеры четвертого сезона шоу* (Изв., 2014.04.11).

Следует отметить, что, поскольку в современных СМИ переносные значения фиксируются у значительно большего числа номинаций самых разных физических и психических заболеваний, то с их помощью авто-

ры публикаций дают яркую, экспрессивно насыщенную характеристику жизни России и мирового сообщества. Например: *Политическая **паранойя** никогда не приносила пользы и не решала серьезных проблем ни в одном государстве* (НИ, 2010.03.15); *Евросоюз: **пандемия безумия*** (НГ, 2014.02.14); *Доля [торговли]... равна почти трети ВВП. Это выше даже, чем у США. За счет чего возник такой странный „**флюс**“?* (РГ, 2015.01.27); *Партии растворяются в политической **диарее**. Народ берет управление в свои руки* (КП, 2012.05.08); *Фашистская **гангрена** расползается по телу мирового сообщества* (КП, 2010.06.22).

В соответствии с общей концепцией *усилия, направленные на восстановление здоровья* больного человека, осмысляются как стремление решить возникшую проблему; *медицинский персонал* — как социально-политические, экономические силы, институты и т. п., которые (с разной результативностью) предпринимают такие усилия; *методы лечения, используемые медицинские средства* и т. п. — как конкретные способы, с помощью которых решается проблема. Например: *В самом ли деле... такая ли уже **неисцелимая** „язва“ [взяточничество], за лечение которой не стоит и браться* (ЕЧК, 1918.10.13); *Мы уже занялись изучением послевоенных потребностей всего мира. Мы не намечаем временных **лекарств**, мы намечаем прочное излечение* (КЗ, 1941.11.09). — *Помогут ли умирающей партии **реанимационные** предприятия от Дмитрия Медведева* (НГ, 10.12.04.10); *В пакете реформ есть и горькие **пилюли** — Порошенко* (Пр., 2015.02.02); *Тимошенко — **санитар** оппозиции* (НГ, 2013.10.11).

Устойчивость рассматриваемой концептуальной модели проявляется также в том, что советские и российские СМИ используют развернутые метафоры, хотя, безусловно, в современных публикациях их значительно больше. Например: *Германское информационное бюро **лечит** нервное расстройство утешительным враньем, которое можно назвать **лавро-гитлеровскими каплями*** (КЗ, 1942.03. 17). — *Чтобы признаться в такой, мягко говоря, аховой ситуации [о фальсификации результатов ЕГЭ в школах], нужно немалое мужество. И здорово, что чиновник такого ранга на него способен. Потому как чтобы **вылечить болезнь** нужно сначала **поставить правильный** (в нашей ситуации честный) **диагноз*** (КП, 2014.07.02); *Это [тоталитаризм] очень опасно для страны... И поэтому такие **терапевтические** вещи, такие **приемы**, если хотите, стране необходимы...*

Мне очень интересна позиция, что мы должны каким-то *терапевтическим* путем *излечиться* от некой *бациллы* [тоталитаризма], от этого *СПИДа*, так сказать, XX века (КП, 2011.04.01).

При сопоставлении функционирования медицинской модели метафоризации на двух этапах развития русскоязычного политического дискурса концептуально значимым оказывается и семантико-статистический аспект. Так, в советских СМИ около 80 % зафиксированных медицинских метафор формируются на базе семантической группы «Болезненные состояния человека», тогда как в российских СМИ метафоры этой группы также преобладают, однако около 35 % все же связаны с семантической группой «Лечение заболеваний человека». Подобная статистика вполне соответствует политическому дискурсу СМИ: внимание к проблемам, «болевым точкам» в жизни социума — одна из характерных черт политической коммуникации в целом. Однако на разных этапах развития рассматриваемого нами типа дискурса данная особенность имеет специфические черты. В советских СМИ основные проблемы — «заболевания» оказываются связанными с внешним миром, настроенным негативно по отношению к Советской России или СССР; с прошлым — с царской Россией и ее пережитками; с деятельностью идеологических и политических противников, оппонентов Советского государства и коммунистической партии. Все эти политические феномены признаются не только «тяжело больными», но и «нежизнеспособными», а как следствие, и не требующими лечения. В российских СМИ пристальное внимание к проблемам в развитии социума только усиливается, но они уже не связаны жесткими тематическими и идеологическими рамками, в которые были поставлены советские журналисты. Более того, именно внутрироссийская проблематика выходит на первое место. Естественно, авторы политических текстов прямо заинтересованы в решении этих проблем, т. е. в их «лечении», хотя, в зависимости от политической и идеологической ориентации, способы «лечения», «оздоровления» общества предлага-

ются разные, иногда диаметрально противоположные.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балашова Л. В. Политический 2012 год в зеркале концептуальной метафоры // Политическая лингвистика. 2013. № 2 (44). С. 11—23.
2. Балашова Л. В. Реализация концептов «свой — чужой» в российском политическом дискурсе начала XXI в. // Политическая лингвистика. 2014. № 1 (47). С. 40—50.
3. Балашова Л. В. Русская метафорическая система в развитии: XI—XXI вв. — М. : Рукописные памятники Древней Руси : Знак, 2014. 632 с.
4. Баранов А. Н. О типах сочетаемости метафорических моделей // Вопросы языкознания. 2003. № 2. С. 73—94.
5. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Метафора в политическом интердискурсе. — Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2006а. 215 с.
6. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Современная политическая лингвистика. — Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2006б. 252 с.
7. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Зарубежная политическая лингвистика. — Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2008. 248 с.
8. Дементьев В. В. Актуальные проблемы непрямой коммуникации и ее жанров: взгляд из 2013 // Жанры речи. 2014. № 1—2 (9—10). С. 22—49.
9. Дементьев В. В. Теория речевых жанров и актуальные процессы современной речи // Вопросы языкознания. 2015. № 6. С. 78—107.
10. Зарипов Р. И. Метафорические образы России во французском политическом дискурсе в контексте войны в Сирии // Политическая лингвистика. 2017. № 6 (66). С. 76—86.
11. Кирилова И. В. Сакральная символика традиционной народной культуры как средство воздействия в политическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2011. № 1 (35). С. 135—139.
12. Колтышева С. Я. Метафорическая модель «Шоу-бизнес — мир сказок и мифов» в дискурсе российских СМИ // Политическая лингвистика. 2012. № 3 (41). С. 81—87.
13. Краснова Т. И. Анализ политического дискурса: подходы и категории // Политическая лингвистика. 2013. № 2 (44). С. 46—55.
14. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. — М. : Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
15. Марьянчик В. А. Жертвоприношение как медиаполитический сценарий // Политическая лингвистика. 2011. № 1 (35). С. 152—155.
16. Муране С. Н. Лексика медицинской сферы в языке современной российской и латвийской прессы // Лингвистика : бюл. Урал. лингвист. о-ва. — Екатеринбург, 2002. Т. 8. С. 134—142.
17. Хади Али Абдильмумин. Функционирование медицинской и бытовой лексики в политическом дискурсе печатных и электронных СМИ XXI века // Научный форум: филология, искусствоведение и культурология. — М. : Международный центр науки и образования, 2017. С. 107—118.
18. Чудинов А. П. Дискурсивные характеристики политической коммуникации // Политическая лингвистика. 2012. № 2 (40). С. 53—59.
19. Lakoff G. The political mind. — New York : Viking, 2008. 292 p.

L. V. Balashova
Saratov, Russia

MEDICAL CONCEPTUAL METAPHOR IN THE POLITICAL MEDIA DISCOURSE OF THE XX—XXI CENTURIES (DINAMIC ASPECT)

ABSTRACT. The article deals with metaphors formed on the basis of medical vocabulary found in the Soviet and post-Soviet (Russian) media. The aim of the study is to establish the similarities and the differences in the functioning of medical metaphors at two stages of the development of the Russian language political discourse of the media, and their role in the formation and representation of the worldview. The research is based on newspaper texts, publicistic and newspaper sub-corpora of the National Corpus of the Russian Language for 1918 — 1945 and 2000 — 2017. It is noted that the medical lexicon is an active source of political metaphors, but in the XXI century the number of such transfers increases significantly, and the words become more diverse in the semantic and functional-stylistic aspects. It is emphasized that all the analyzed metaphors are used within one conceptual model by means of which the authors

of publications describe the main problems in the development of the country and the world. In the Soviet media, these problems, called "diseases", are associated with the external, capitalist environment and the Royal past, so they are usually "incurable"; the journalists of the XXI century focus on "pain points" in the development of modern Russia, offering various methods of "treatment" of these problems.

KEYWORDS: conceptual metaphors; medical vocabulary; political discourse; Russian mass media; political metaphor; media linguistics; media discourse; mass media.

ABOUT THE AUTHOR: Balashova Lyubov Viktorovna, Doctor of Philology, Professor, Department of Theory, History of Language and Applied Linguistics, Institute of Philology and Journalism, Saratov National Research State University named after N. G. Chernyshevsky, Saratov, Russia.

REFERENCES

1. Balashova L. V. Politicheskii 2012 god v zerkale kontseptual'noy metafory // Politicheskaya lingvistika. 2013. № 2 (44). S. 11—23.
2. Balashova L. V. Realizatsiya kontseptov «svoe — chuzhoy» v rossiyskom politicheskom diskurse nachala XXI v. // Politicheskaya lingvistika. 2014. № 1 (47). S. 40—50.
3. Balashova L. V. Russkaya metaforicheskaya sistema v razviti: XI—XXI vv. — M.: Rukopisnye pamyatniki Drevney Rusi: Znak, 2014. 632 s.
4. Baranov A. N. O tipakh sochetaemosti metaforicheskikh modeley // Voprosy yazykoznanija. 2003. № 2. S. 73—94.
5. Budaev E. V., Chudinov A. P. Metafora v politicheskom interdiskurse. — Ekaterinburg: Ural. gos. ped. un-t, 2006a. 215 s.
6. Budaev E. V., Chudinov A. P. Sovremennaya politicheskaya lingvistika. — Ekaterinburg: Ural. gos. ped. un-t, 2006b. 252 s.
7. Budaev E. V., Chudinov A. P. Zarubezhnaya politicheskaya lingvistika. — Ekaterinburg: Ural. gos. ped. un-t, 2008. 248 s.
8. Dement'ev V. V. Aktual'nye problemy nepryamoy kommunikatsii i ee zhanrov: vzglyad iz 2013 // Zhanry rechi. 2014. № 1—2 (9—10). S. 22—49.
9. Dement'ev V. V. Teoriya rechevykh zhanrov i aktual'nye protsessy sovremennoy rechi // Voprosy yazykoznanija. 2015. № 6. C. 78—107.
10. Zaripov R. I. Metaforicheskie obrazy Rossii vo frantsuzskom politicheskom diskurse v kontekste vojny v Sirii // Politicheskaya lingvistika. 2017. № 6 (66). S. 76—86.
11. Kirilova I. V. Sakral'naya simbolika traditsionnoy narodnoy kul'tury kak sredstvo vozdeystviya v politicheskom diskurse // Politicheskaya lingvistika. 2011. № 1 (35). S. 135—139.
12. Koltysheva S. Ya. Metaforicheskaya model' «Shou-biznes — mir skazok i mifov» v diskurse rossiyskikh SMI // Politicheskaya lingvistika. 2012. № 3 (41). S. 81—87.
13. Krasnova T. I. Analiz politicheskogo diskursa: podkhody i kategorii // Politicheskaya lingvistika. 2013. № 2 (44). S. 46—55.
14. Lakoff Dzh., Dzhonson M. Metafor, kotorymi my zhivem. — M.: Editorial URSS, 2004. 256 s.
15. Mar'yanchik V. A. Zhertvoprinoshenie kak mediapoliticheskii stsenariy // Politicheskaya lingvistika. 2011. № 1 (35). S. 152—155.
16. Murane S. N. Leksika meditsinskoy sfery v yazyke sovremennoy rossiyskoy i latviyskoy pressy // Lingvistika: byul. Ural. lingvist. o-va. — Ekaterinburg, 2002. T. 8. S. 134—142.
17. Khadi Ali Abdul'munim. Funktsionirovanie meditsinskoy i bytovoy leksiki v politicheskom diskurse pechatnykh i elektronnykh SMI XXI veka // Nauchnyy forum: filologiya, iskusstvovedenie i kul'turologiya. — M.: Mezhdunarodnyy tsentr nauki i obrazovaniya, 2017. S. 107—118.
18. Chudinov A. P. Diskursivnye kharakteristiki politicheskoy kommunikatsii // Politicheskaya lingvistika. 2012. № 2 (40). S. 53—59.
19. Lakoff G. The political mind. — New York: Viking, 2008. 292 p.

Н. Б. Руженцева
Екатеринбург, Россия

ПОЛИТИЧЕСКИЕ И КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ В ПЕЧАТНЫХ ПРЕДВЫБОРНЫХ МАТЕРИАЛАХ 2018 Г.

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена прагматико-стратегической организации предвыборного печатного дискурса. Целью автора является характеристика печатных предвыборных изданий газетного формата с точки зрения выявления в них репертуара политических стратегий кандидатов на пост президента РФ (выборы-2018), а также репертуара коммуникативных стратегий, используемых в качестве поддержки стратегий политических. В статье получено частичное решение и более узкая задача — обобщение наблюдений над формальной организацией предвыборных изданий и формулировка выводов о коммуникативных успехах и неудачах каждого из них. В качестве материала автором выбраны 4 предвыборные газеты, изданные в поддержку В. Путина, П. Грудина, Г. Явлинского и К. Собчак. Основной политической стратегией, использованной в газете «Команда Путина», является консервативная стратегия в сочетании со стратегией перспективы. Коммуникативные стратегии в материалах данного издания — это аргументативная (пристыковка к авторитету), контактоустанавливающая, развлекательная и имиджевая (реализуется вариант имиджа «Обычный человек»). Основными политическими стратегиями, реализованными в газете в поддержку П. Грудина, являются инновационная стратегия изменений в сочетании с агрессивной (наступательной) стратегией, направленной в адрес политических оппонентов. К коммуникативным стратегиям можно, в свою очередь, отнести стратегию опровержения, контратакующую и имиджевую (микророль — «Хозяин», «Батька»). В «Президентской газете» в поддержку Г. Явлинского основными политическими стратегиями являются также инновационная в сочетании с агрессивной; к коммуникативным же стратегиям можно отнести ретроспективно-перспективную, контактоустанавливающую и имиджевую (микророль — «Умник»). В предвыборной газете «Ксения» основными политическими стратегиями вновь являются инновационная и агрессивная, а коммуникативными — стратегия самоизменений, реализуемая посредством целого ряда коммуникативных тактик, контактоустанавливающая, в том числе направленная на полифоническую организацию текстового материала, и имиджевая (микророль — «Ревизор», «Женщина-мать»). Сказанное определяет тенденцию к использованию в печатном предвыборном дискурсе двух репертуаров политических стратегий: консервативной в сочетании с перспективной, с одной стороны, и инновационной в сочетании с агрессивной — с другой. В свою очередь, инвариантной коммуникативной стратегией является имиджевая стратегия. Остальные коммуникативные стратегии выступают как вариативные и во многом зависят от целого ряда экстралингвистических условий и обстоятельств.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: предвыборный дискурс; политический дискурс; политические стратегии; политическая коммуникация; политические деятели; коммуникативные стратегии; медиадискурс; средства массовой информации; медиалингвистика; медиатексты.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Руженцева Наталья Борисовна, доктор филологических наук, профессор кафедры межкультурной коммуникации, риторики и русского как иностранного, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург); 620017, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, к. 285; e-mail: verbalis@mail.ru.

Предвыборный дискурс является отдельным форматом (разновидностью) политического дискурса, о чем свидетельствует целый ряд публикаций. Так, Н. Г. Левшина считает предвыборный дискурс «особой сферой коммуникации, привязанной ко времени и месту проведения предвыборной кампании и обслуживающей определенную социальную сферу — политические выборы» [Левшина 2005: 5]. Т. М. Голубева понимает под предвыборным дискурсом «деятельность, локализацией которой выступают время и пространство избирательной кампании, и возникающие в результате этой деятельности речевые произведения в единстве с экстралингвистическими факторами, актуализирующими социокультурный контекст коммуникации» [Голубева 2009: 10]. Со своей стороны, А. Б. Халатян трактует предвыборный дискурс как «такую разновидность политического дискурса, которая является индикатором эффективности как деятельности партии, представляемой кандидатом на пост президента, так и успешности профессиональной деятельности самого политика» [Халатян 2011: 183].

Методологическая база изучения избирательных материалов, размещаемых в пе-

чатных и электронных носителях, является к настоящему времени достаточно обширной. Она включает исследования риторической и жанровой специфики [Анненкова 2012; Атьман 2011; Магера 2006; Пикулева 2004; Федотовских 2005], коммуникативной организации — стратегий и тактических схем [Левшина 2005; Лесняк 2014; Иванова 2003; Култышева 2013; Руженцева 2004; Семкин 2014; Столяров 2014; Ярославцева 2007], средств речевого воздействия, в том числе манипулятивных [Голубева 2009; Обвинцева 2012; Полюгова 2013; Сергеева 2012], образов политиков, их имиджа [Глазкова 2003; Ильина 2015; Никифорова 2016] и метафорического представления [Каслова 2003; Култышева 2016; Ширманов 2005], политических слоганов [Киселев 2002], средств аргументации [Никифорова 2015], а также характеристику моделирования предвыборного дискурса в целом [Плахотная 2004].

Целью данной статьи является характеристика печатных предвыборных материалов а) с точки зрения реализации в них политических стратегий того или иного кандидата на пост президента РФ (выборы-2018); б) с точки зрения репертуара коммуникативных стратегий, сопровождающих политиче-

скую стратегию. Более частная задача статьи — обобщить наблюдения над формальной организацией предвыборных изданий и сделать общие выводы о коммуникативных успехах и неудачах каждого из них. Предварительно нам хотелось бы остановиться на понятиях «политическая стратегия» и «коммуникативная стратегия».

Понятие «политическая стратегия» не тождественно понятию «коммуникативная стратегия». В самом общем виде под политической стратегией понимается общий план проведения рекламных политических кампаний в предвыборный период, определяющий конкретные тактические схемы его реализации. С точки зрения Д. В. Ольшанского, охарактеризовавшего политические стратегии на материале предвыборных кампаний в США, России и Украине, к политическим стратегиям относятся стратегия демонстрации символа изменений (инновационная) и консервативная; стратегии перспективные и ретроспективные, стратегии наступательные (агрессивные) и охранительные (оборонительные); стратегии оптимистические и пессимистические [Ольшанский 2003: 137—138]. Ссылаясь на Е. В. Егорову-Гантман и К. В. Плешакова, автор приводит также ряд «стратегий второго порядка» — это «стратегия рывка», «стратегия большого события», «крейсерская стратегия» и др. [Егорова-Гантман, Плешаков 2003: 231—232; цит. по: Ольшанский 2002: 138].

Что касается репертуара коммуникативных стратегий, то, по мнению О. С. Иссерс, их можно подразделить на основные, т. е. «наиболее значимые на данном этапе взаи-

модействия с точки зрения мотивов и целей» [Иссерс 1999: 106], и вспомогательные, способствующие «организации диалогового взаимодействия, оптимального воздействия на адресата... К вспомогательным стратегиям следует отнести прагматические, диалоговые и риторические типы стратегий» [Там же: 106—107].

В качестве материала нами выбраны 4 предвыборные газеты (издания газетного формата), распространяемые в предвыборный период в поддержку кандидатов в президенты РФ. Это В. Путин (самовыдвиженец), П. Грудинин (кандидат от партии КПРФ), Г. Явлинский (кандидат от партии «Яблоко»), К. Собчак (кандидат от партии «Гражданская инициатива»). Ограниченный объем статьи, к сожалению, не позволяет привлечь предвыборные материалы остальных кандидатов в президенты РФ. Указанные газеты носят массовый характер, однако их контент позволяет говорить о нетождественной прагматико-стратегической установке авторов и стоящих за ними политических сил. Перейдем к рассмотрению стратегической организации каждого издания.

1. Газета «Команда Путина» (издана под руководством координатора «Команды Путина» в Верх-Исетском районе г. Екатеринбурга).

ОСНОВНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИЕЙ данного издания является консервативная стратегия, нацеленная на защиту достигнутого Россией в годы пребывания В. Путина на посту президента, в сочетании со стратегией перспективы.

Консервативная стратегия

5 ДОСТИЖЕНИЙ ВЛАДИМИРА ПУТИНА

	Было (2000 год)	Стало (2016 год)	
Факт 1 Среднемесячная зарплата выросла	\$ 100 (2223 руб.)	\$ 605 (36 709 руб.)	505 %
Факт 2 Средняя пенсия выросла	\$ 20 (823 руб.)	\$ 221 (13 620 руб.)	1005 %
Факт 3 Рождаемость выросла	1266 тыс. чел.	1888 тыс. чел.	50 %
Факт 4 Продолжительность жизни выросла	65 лет	72 года	10 %
Факт 5 Протяженность дорог в России	584 тыс. км	1498 тыс. км	157 %

Перспективная стратегия

СТРОИТЕЛЬСТВО В РОССИИ В 2018 году

На декабрь 2018 года планируется запустить автомобильный мост через Керченский пролив. Мост, называемый Крымским, соединит между собой Таманский и Керченский полуостров и пройдет через остров Тузла. Строящийся параллельно

железнодорожный мост откроют в 2019 году.

КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ

Все коммуникативные стратегии, используемые в данной газете, являются диалоговыми, т. е. направленными на оптимизацию взаимодействия между адресантом и адре-

том издания. Это следующие стратегии: аргументативная (пристыковка к авторитету), контактоустанавливающая (обеспечивающая диалог между участниками опосредованного общения), развлекательная (усиливающая интерес к изданию, способствующая хорошему настроению и релаксации). Кроме того, в газете активно используются элементы имиджевой стратегии, реализованной в том числе в репрезентации образа жизни политика, фактов его прошлого, его «бытовой» идеологии и др.

Аргументативная стратегия (пристыковка к авторитету):

ЧТО ТАКОЕ Putin Team?

Команда Путина — это люди, которые гордятся Россией и хотят сделать ее сильнее

Это активные люди России, которые уважают свою страну

Александр Овчинников, хоккеист, основатель движения Putin Team

Елена Исинбаева, олимпийская чемпионка по прыжкам с шестом

Николай Басков, певец...

Это россияне, которых уважают в стране и в мире

Сергей Крикалев, космонавт, Герой Советского Союза

Валерий Востротин, председатель «Союза десантников России»...

Это простые люди, которые поддерживают Путина

В Екатеринбурге члены Команды Путина — это Юлия МИХАЛКОВА, Андрей РОЖКОВ, Валерий ЧЕРКАШИН, Антон ШВАЛЕВ, Тимофей ЖУКОВ, Илья ЛОБОВ, Александр КАРАБАЕВ, Олег ЗАБРОДИН, Максим ПЕРМЯКОВ и другие.

Контактоустанавливающая стратегия (апелляции к адресату издания, пробуждающие внутренний отклик, стремление действовать по заданной схеме):

Присоединяйтесь к Команде Путина! Регистрация на putinteam.ru
Шаг первый <i>С любого устройства, у которого есть выход в сеть Интернет, зайдите на сайт putinteam.ru</i>
Шаг второй <i>В правом верхнем углу открывшейся странички нажмите ссылку ПРИСОЕДИНИТЬСЯ</i>
Шаг третий <i>Пройдите авторизацию через социальные сети (FB, VK, OK) или зарегистрируйтесь через свой e-mail</i>
Шаг четвертый <i>Вы в команде! Вы можете сделать аватарку и разместить ее на своей странице в социальных сетях</i>

Развлекательная стратегия (юмор, относимый со смеховой реакцией и выполняющий функции релаксации/снятия напряжения и формирования положительного отношения к кандидату в президенты):

УЛЫБАЕМСЯ С PUTIN TEAM

• *Пенсионерке Марии Ивановне, которой не удалось дозвониться до Путина, губернатор на радостях подарил двухкомнатную квартиру.*

• *Путин весело ехал со скоростью 120 км/ч, восхищаясь состоянием костромских дорог, а впереди со скоростью 200 км/ч неслись асфальтоукладчик и бригада дорожников.*

Имиджевая стратегия (микророль — обычный человек):

ЧТО ДЕЛАЕТ ПУТИН В ОБЫЧНОЙ ЖИЗНИ?

Владимир Владимирович тоже человек, а значит, как-то проводит свой досуг. Мы постарались собрать все факты о жизни Владимира Путина.

Утренняя разминка: 1000 метров в бассейне и тренажерный зал.

Завтрак: рисовая или гречневая каша, стакан перепелиных яиц, творог с чаем.

Обед: баранина, суп.

Ужин: острое мясо с картошкой.

Перекусы на работе: курага и финики с чаем, который приносит с собой в простом термосе.

Любимый напиток: зеленый чай.

Хобби: хоккей на льду, горные лыжи.

Любимое время года: лето.

Любимый цвет: синий.

Любимая песня: „С чего начинается Родина?“

Коллекции: географические карты, марки с изображением выдающихся людей.

Коммуникативной удачей издания «Команда Путина» является, как мы считаем, во-первых, тот факт, что консервативная (с элементами перспективы) политическая стратегия реализуется в совокупности с группой диалоговых коммуникативных стратегий, задачей которых является усиление взаимодействия с адресатом: убеждение, побуждение к действию, развлечение и установление контакта, а также с общей кооперативной, бесконфликтной направленностью опосредованного общения. Во-вторых, удачей издания является отражение стратегических целей в заголовках текстов («5 достижений Владимира Путина», «Что построено в России при Путине?» — консервативная стратегия; «Конкурсы и акции от команды PUTIN TEAM», «Улыбаемся с PUTIN TEAM» — развлекательная стратегия; «Как написать письмо Путину», «Присоединяйтесь к Ко-

манде Путина! Регистрация на putinteam.ru» — контактоустанавливающая стратегия; «Интересные факты о Владимире Путине», «Что делает Путин в обычной жизни?» — имиджевая стратегия). Наконец, существенной удачей этого предвыборного печатного материала является формальная (структурная) организация издания, в котором использована современная клиповая форма подачи информации. Эта форма обеспечивает возможность и высокую скорость восприятия большого информационного потока, соответствует современному предпочтению упрощенной, фрагментарной (дискретной), нелинейной информации, а также быстрому переключению внимания. Этому, в свою очередь, способствует графическая сегментация текста, его расположение на бумажном носителе, шрифтовой и красочный наборы, иконические знаки (рисунки, фотографии, схемы и т. д.).

2. Газета КПРФ «Президент, которого ждет вся Россия, — Грудинин».

ОСНОВНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ

Основными политическими стратегиями, реализованными в данном издании, являются инновационная стратегия изменений в сочетании с агрессивной стратегией, направленной в адрес политических оппонентов (действующей власти).

Стратегия изменений (реализована в программе развития)

ПРОГРАММА РАЗВИТИЯ

Я уверен, что опираясь на команду КПРФ, левых и национально-патриотических сил России, мы можем и должны одержать победу на выборах Президента. Решив эту задачу, опираясь на поддержку народа и высшего Государственного совета во главе с Г. А. Зюгановым, мы вновь сделаем наше Отечество сильной и могучей державой, преодолеем бедность, обеспечим достойную жизнь граждан. Для этого будут реализованы следующие основные меры.

П. Грудинин

ВМЕСТО КРИЗИСА — РОСТ!

ЛЮДИ ДОЛЖНЫ ЖИТЬ, А НЕ ВЫЖИВАТЬ!

ПРАВИТЕЛЬСТВО НАРОДНОГО ДОВЕРИЯ!

Агрессивная стратегия, направленная против существующей власти, реализована в текстовых фрагментах большей части публикаций:

ПОЧЕМУ ТЕЛЕВИЗОР ВРЕТ ПРО ГРУДИНИНА?

Именно поэтому он (Грудинин) так страшен для нынешней вороватой власти

и коррумпированных чиновников. Меньше всего они хотят того, чтобы у России появился свой „батька“, который наведет порядок в стране и заставит всех работать честно. Отсюда все эти потоки лжи и грязи против народного кандидата в Президенты.

КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ

В представленном материале к основным коммуникативным стратегиям относятся оправдательная стратегия (стратегия опровержения) и имиджевая стратегия. В качестве вспомогательных стратегий реализованы контратакующая стратегия и стратегия кооперации с группой поддержки.

Стратегия опровержения (опровержение высказываний против КПСС и самого П. Грудинина) в сочетании с контратакующей стратегией:

МАККАРТИСТЫ С ПЕРВОГО КАНАЛА

Заявление штаба Павла Грудинина

Позиция СМИ: *На протяжении многих лет КПРФ и ее сторонники были излюбленным объектом поношения и издевок журналистов центрального телевидения. Яду на нас выливали немерено. Коммунистов представляли страшными призраками прошлого, готовыми растоптать светлое сегодня и еще более светлое завтра „свободной“ России. Прежде всего, такие „достижения“, как частная собственность олигархов, захвативших общенародные богатства.*

„Отобрать и поделить!“ — орал с экранов ряженные актеры в масках наследников страшных комиссаров. Именно такими страшилками и угрозами гражданской войны в 1996 году запугивал Первый канал наших соотечественников, желавших голосовать за Зюганова.

Опровержение: *Прошли годы и десятилетия. Казалось бы, слегка облагородился и Первый канал. Выросла и преобразилась КПРФ... Наша партия выдвинула новую реалистичную программу возрождения страны — „10 шагов к достойной жизни“. Обновленный социализм понимается нами как строй, органично сочетающий в себе многоукладную экономику и социальную справедливость, ведущую роль государства и частную инициативу, собственность мелкого и среднего бизнеса, многопартийность, демократию и свободу. Именно с такой программой Съезд партии выдвинул народного кандидата на пост президента страны — Павла Грудинина, поддержанного широким союзом народно-патриотических сил России. Павел Грудинин — беспартийный деловой человек, ко-*

торый смог в тяжелейшей борьбе с бюрократией и рейдерами построить социалистический оазис — совхоз имени Ленина. Взяв при его создании лучшие примеры организации современного хозяйства и социальной сферы у шведов и финнов, китайцев и англичан.

Контратака: Казалось бы, радуясь, вот он — демократический рыночный социализм! Ан нет. Для Первого Грудинин и наша партия превратились на этих выборах в лютого врага. Теперь талантливому управленцу начали обличать именно как преуспевающего хозяйственника, который и сам хорошо зарабатывает, и дает зарабатывать всему своему коллективу. А нашу партию учат соблюдать Моральный кодекс строителя коммунизма и льют крокодиловы слезы по поводу ее чистоты и единства. Оригинально!..

Чувствуется, что мастера злословия в России недаром так тщательно изучают грязный опыт маккартистов, издеваясь над светлыми идеалами, прославляя подлецов и предателей. В одном из последних своих словесных извержений г. Клейменов обвинил коммунистов и их кандидата в том, что те якобы принимают народ за „идиотов“. Нет, господа, пособники олигархии, именно вы пытаетесь сделать из нашего многострадального и талантливого народа „Иванов, не помнящих родства“. Не выйдет!

Стратегия кооперации с группами поддержки:

УРАЛ — ЗА ГРУДИНИНА!

Стало понятно, что зал не может вместить всех желающих пообщаться с народным кандидатом. Ведь для того, чтобы задать вопрос и дать наказ народному кандидату, делегации съехались не только со всей Свердловской области, но и из других регионов УрФО. Открыл мероприятие первый секретарь Свердловского обкома КПРФ А. Н. Ивачев... А. Н. Ивачев также сообщил, что на встречу прибыли делегации из Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономного округов, Курганской, Челябинской, Тюменской областей.

Имиджевая стратегия (микророль — «хозяин, «батяка»):

В Ленинском районе Московской области уцелело только предприятие Грудинина. В этой трагической судьбе тысяч совхозов и колхозов — судьба нашей советской родины, распроданной новыми „хозяевами“, раздерганной на куски с ее нефтью, газом и землей. Грудинин не пошел по этому пути и сохранил совхоз, показав пример хозяйственности и мудрого руководства,

который так необходимо распространить на всю Россию.

С лингвопрагматической точки зрения коммуникативной удачей при организации газетного материала можно считать репрезентацию стратегических целей в заголовках и в заголовочных комплексах текстов («Вместо кризиса — рост!», «Люди должны жить, а не выживать!» — стратегия изменений; «Почему телевизор врет про Грудинина?», «Маккартисты с первого канала» — стратегия опровержения; «Урал — за Грудинина!» — стратегия кооперации).

В свою очередь, коммуникативной неудачей газеты является, на наш взгляд, преобладание линейной организации текста над дискретной. Тексты достаточно объемны, однако мелкий шрифт в сочетании с большим объемом каждой публикации имеет следствием «слепую» печать. Это, без сомнения, затрудняет восприятие и понимание смысла отдельных частей предвыборного издания, как и не совсем точные шрифтовые выделения наиболее значимых частей того или иного текста.

3. «Президентская газета» Г. Явлинского.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ

Основные политические стратегии предвыборных материалов Г. Явлинского репрезентированы уже на первой полосе газеты. Это инновационная стратегия («Есть решение жилищной проблемы») и агрессивная, наступательная стратегия по отношению к основному политическому конкуренту («12 невыполненных обещаний Путина»). Частные реализации указанных стратегий представлены в заголовочных комплексах публикаций, ср. материал, реализующий стратегию инновации:

Заголовок: НОВАЯ БЮДЖЕТНАЯ ПОЛИТИКА ГРИГОРИЯ ЯВЛИНСКОГО

Подзаголовок: Только вернув деньги народу мы справимся с бедностью

Внутренние заголовки: Что такое новая бюджетная политика?

Что необходимо сделать в первую очередь, чтобы победить бедность?

В свою очередь, агрессивная (наступательная) стратегия реализована в предвыборных материалах по известной технологии, описанной Д. Ольшанским на материале кампаний в США: «Схема была простой: бралась цитата из прежних обещаний Дж. Буша, а к ней подверстывались кадры, которые ее опровергали. Так, фраза Дж. Буша „Инфляция (налоги и т. д.) не будет расти!“ соединялась с информацией о том, что

именно при Дж. Буше произошло максимальное повышение налогов и существенно выросла инфляция» [Ольшанский 2003: 137]. Тот же прием использован и в «Президентской газете» Г. Явлинского, ср.:

25 МИЛЛИОНОВ РАБОЧИХ МЕСТ

Цитата: Создание 25 миллионов новых, высокотехнологичных рабочих мест с высоким уровнем образования — это не красивая фраза. Это насущная необходимость, минимальный уровень достаточности. Вокруг решения этой общенациональной задачи нужно строить новую государственную политику.

Ссылка: Предвыборная статья Владимира Путина «Россия сосредотачивается — вызовы, на которые мы должны ответить» («Известия», 16 янв. 2012 г.).

Комментарий: По оценке аппарата уполномоченного по защите прав предпринимателей, за 2012—2015 годы количество рабочих мест в российской экономике сократилось на 6,8 миллионов.

КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ издания — это контактоустанавливающая и имиджевая стратегии, а также красной нитью проходящая через все материалы ретроспективно-перспективная стратегия.

Контактоустанавливающая стратегия (реализуется посредством тактики объединения кандидата в президенты с избирателем через местоимения *мы*, *наш*, *нам*, вопросно-ответные конструкции, апелляции и др.):

Нам пора действовать! Цель выборов 18 марта — заставить власть выполнять **нашу** программу, проводить **нашу** политику. Даже если кандидат по фамилии Явлинский не победит во втором туре, то кто бы ни стал президентом, он не сможет не считаться с миллионами голосов, которые были отданы за **нашу** программу. **Наша** программа проста: надо относиться к людям по-человечески, уважать их достоинство, бороться с бедностью, не развязывать войн, строить дома и дороги, любить, растить детей и создавать будущее, в котором нечего делать без доступной медицины и современного образования. Разве **мы** сможем сохранить себя как нация, если не доживем до завтра и не научим наших детей тому, что **наша** цель — борьба за будущее, а не борьба со всем миром?

Имиджевая стратегия (имидж «умник», поддержанный лексикой, входящей в тематическое поле «учиться»/«ученый»):

УЧЕНЫЙ КАК ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ

Первая ассоциация, которая возникает при слове «Явлинский», — слово «**умный**», Григория Явлинский **изучил** советскую и

российскую экономику и в теории, и на практике... **Автор** программы «500 дней» (1990 год), программы интеграции советской экономики в мировую «Согласие на шанс» (1991 год) и договора об экономическом сотрудничестве между республиками СССР (1991 год)... **Автор** книг и научных работ, изданных Гарвардским, Йельским и Принстонским университетами. **Профессор** Высшей школы экономики.

Ретроспективно-перспективная стратегия реализована в биографических текстах и в текстовых фрагментах, посвященных Г. Явлинскому как создателю программы «500 дней». Средствами реализации ретроспективно-перспективной стратегии являются модальная организация заголовочного комплекса центральной публикации номера и ее основного текста. Универсальная языковая категория модальности способствует градации отдельных высказываний текста в диапазоне «реальность — гипотетичность — ирреальность»; с ее помощью содержание текста соотносено сразу с тремя временными планами: прошлым — настоящим — будущим.

Заголовочный комплекс (показатели модальности выделены):

Заголовок: Человек, который мог спасти СССР.

Лид: Если бы в начале 90-х Григорию Явлинскому просто не мешали работать, мы бы сегодня жили в другой стране.

Внутренние заголовки:

500 дней, которые **спасли бы** страну.

СССР мог стать ЕС, но не стал.

А дальше вы знаете.

Основной текст

Гипотетичность (ретроспективная стратегия): И старую Россию, и СССР можно было спасти. Если бы только вовремя провели реформы.

Реальность (ретроспективная стратегия): СССР не превратился в ЕС, он превратился в нищие, голодные, часто воюющие друг с другом республики. К власти в них стали приходиться популисты, националисты, а то и просто диктаторы и феодальные баи с мечтой всей жизни: поставить себе на центральной площади золотую статую. Россия дважды не послушала Явлинского и дважды проиграла. Уже в 1992 году страну накрыла гиперинфляция в 2600 %. Накопления граждан были обесценены и фактически конфискованы. Вместо плавного перехода к рынку по программе 500 дней — шоковая терапия по программе Гайдара, меновенный отпуск цен. Вместо малой приватизации и создания среднего класса — приватизация в интересах «крас-

ных директоров», ставших баронами, и залоговые аукционы. Вместо своего дела — бессмысленный ваучер, вранье, воровство и наглость как образ действия на ближайшие 25 лет.

Ирреальность (перспективная стратегия): *Может быть, стоит прислушаться к Явлинскому сегодня? Чтобы не жалеть об упущенных возможностях завтра?*

Говоря о коммуникативных удачах «Президентской газеты» Г. Явлинского, можно отнести к ним а) разнообразие жанрового корпуса материала (жанр обращения, программный и биографический материал, интервью, информационно-справочный материал и др.); б) графическую сегментацию текста, его расположение на газетной полосе (схемы, графики, рубрикация, цветовое решение), что в целом облегчает трансляцию авторского мнения с целью в максимальной степени сделать его достоянием адресата (потенциального избирателя); в) отражение политико-стратегических целей в ряде заголовков и заголовочных комплексов текстов (инновационная стратегия — *Новая бюджетная политика Григория Явлинского*; агрессивная, наступательная стратегия — *12 невыполненных обещаний Путина // Владимир Путин избирается на очередной, четвертый президентский срок. Шесть лет назад он опубликовал серию предвыборных статей, где изложил план своих действий на шесть лет. Подведем итоги: обещания в очередной раз разошлись с реальностью*).

4. Предвыборные материалы К. Собчак (газета «Ксения», имеющая подзаголовок «Самая смелая газета Екатеринбург»).

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ

Основной политической стратегией в предвыборной газете К. Собчак является стратегия изменений, отраженная во фрагментах ее программы, размещенных на первой полосе:

За повышение пенсий.

За повышение пособий на детей до 3 лет.

За повышение зарплат врачам и учителям.

За расселение аварийного жилья.

За обновление кадровой системы.

За ответственность власти.

За возвращение выборов.

За независимость судей.

За службу по контракту.

Стратегия изменений реализуется в сочетании с агрессивной/наступательной стратегией. Критику существующей власти содержит большая часть материалов газеты:

Беспрецедентные фальсификации на выборах в Госдуму. Сотни тысяч людей выходят на улицу с требованием честных выборов.

КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ

Политические стратегии, реализованные в газете К. Собчак, являются достаточно традиционными и давно используемыми в политической практике. В свою очередь, к коммуникативным стратегиям относятся очень редко употребляемая в предвыборных материалах стратегия самоизменений, имиджевая стратегия, репрезентирующая два варианта политического имиджа, и контактоустанавливающая стратегия.

Стратегия самоизменений реализована в центральной статье газетных материалов «*Ксения Собчак: путь настоящей женщины*» и направлена на опровержение негативного стереотипа о Ксении Собчак, достаточно давно и прочно сложившегося в массовом сознании. Этот стереотип включал в себя представление о провокациях, скандалах и эпатаже, с которыми связана фигура К. Собчак. Основной тактической схемой, направленной на реализацию стратегии самоизменений, является **тактика опровержения**, ср.:

„Забавно, почти все считали, что она и правда так живет, — рассказывает оператор-постановщик Сергей Кузнецов, работавший тогда над программой, — что она напивается, шикует, устраивает вакханалии. При этом никто не знает, что Собчак практически не употребляет алкоголя, что на самом деле она дикий трудоголик. Если бы я не видел, как делается программа, я бы тоже думал, что Ксения Собчак — это средоточие всех мыслимых пороков. Великая сила телевидения!“

Другой тактикой, использованной для реализации стратегии самоизменений, является **тактика объяснения** сложившегося стереотипа:

„Я думаю, — говорит Людмила Нарусова, — что именно тогда Ксения решила: ей нет и не будет больше дела до того, что пишут в газетах. Отсюда весь ее эпатаж, все ее „громкие заявления“ — это ответ желтой прессе за годы унижения нашей семьи. Отсюда ее убеждение, что лицемерить, подличать — худшее, что может быть в жизни. Она категорически не выносит лицемеров и легунов“.

Еще одной активно используемой тактической схемой является **тактика интерпретации** (случаи, когда негативно оцениваемые общественным мнением действия К. Собчак истолковываются автором публикации в позитивном ключе):

Началось все с развлекательных программ, которые смотрела вся страна. Провокации? Отличный метод! Только с их помощью получится показать жизнь изнутри, суть вещей и людей. Почти все программы, которые она ведет, направлены именно на это... Программа „Блондинка в шоколаде“ появилась именно в тот момент, когда олигархи шокировали, соревнуясь в праздности, а гламурная жизнь доходила до абсурда. Передача была сатирой на эту жизнь. Ксения надевала на себя эту гипертрофированную маску и ярко освещала пороки общества.

Статья заканчивается фрагментом с использованием **сопоставительной тактики** посредством развертывания метафоры родства (президент Ксения Собчак — выросший ребенок):

И пусть сложно принять ее такую — повзрослевшую, самостоятельную. Но и родителям сложно изменить отношение к своему ребенку, который еще вчера устраивал скандалы, делал глупости, эпатировал. А сегодня он рядом, говорит с тобой на одном языке, а рядом с ним уже его дети. Будущее за ними. Мы должны дать им шанс.

Ксения выросла вместе со своей страной, пережив трудности последних десятилетий. И после всех испытаний стала умным человеком, нежной женой, любящей матерью. Она не останавливается. Она живет Россией и хочет продолжать развиваться вместе с ней.

Имиджевая стратегия (микророли «Ревизор», «Женщина-мать»).

Микророль «Ревизор» получила текстовое воплощение в публикации «К чиновникам по всей стране едет ревизор»:

*Основа президентской кампании Ксении Собчак — встречи с избирателями. Она проводит их в самых разных городах России — от Академгородка до Назрани. И везде ее визит превращается для местных властей в настоящую **ревизию**. Чиновники, привыкшие жить по принципу „рука руку моет“ и „ворон ворону глаз не выклюет“, оказались не готовы к такому неудобному кандидату в президенты.*

В микророли «Женщина-мать» К Собчак выступает в обращении, имеющем заголовок «У меня есть ребенок, и мне важно, в какой России он вырастет», а также в статье «Ксения Собчак: путь настоящей женщины». Кандидат в президенты позиционирует себя не только как мать своего собственного сына, но и как мать всех российских детей:

Как будут жить эти дети, когда вырастут? В каком мире? В какой стране?

Не скажут ли они нам, как мы сейчас говорим своим родителям: „Вы прозевали нашу страну, вы ничего не сделали, чтобы изменить жизнь вокруг“... Нельзя уберечь ребенка от несправедливости, заточив его в пределах Садового кольца. И нельзя ждать, когда придет кто-то и все исправит. Только в твоих руках твоя жизнь и жизнь твоих детей. Только самой можно все изменить. Выборы — это шанс на другое будущее. Кому как не дочери самого возможного кандидата на выборы 1996 это знать?

Контактоустанавливающая стратегия в предвыборной газете К. Собчак реализуется не только по линии взаимодействия автора и адресата текстов с использованием традиционных средств диалогизации монолога, но и по линии полифоничности издания. Полифония создается включением чужой речи — мнений, точек зрения, новостей, историко-биографических справок об отце К. Собчак — А. Собчаке. Об учете мнения широких масс говорит и сама К. Собчак: *Я готова разговаривать со всеми — от дальнобойщиков до олигархов*. Одной из преобладающих в газете жанровых форм являются письма читателей, в которых содержится в основном негативно-оценочная информация. Приведем заголовки писем:

Просто пора сказать „нет“.

Без права голоса.

Нищие врачи не вылечат страну.

Негативно-оценочная информация преобладает и в новостях:

Гибель детей вывела горожан на стихийных митинг.

Платим налоги — получаем обещания.

Екатеринбург зачищают от приезжих.

В целом контактоустанавливающая диалогическая стратегия поддерживает политическую агрессивную стратегию, выполняя аргументативную функцию. С помощью этой стратегии создается распространенный в политическом дискурсе образ «темного настоящего» и обосновывается необходимость поддержки К. Собчак — борца с негативными явлениями общественной жизни — на выборах президента РФ.

Что касается организации газетного материала, то коммуникативной удачей можно считать репрезентацию стратегических целей К. Собчак в заголовках публикаций, разнообразии жанровых форм, небольшой объем текстов, удачное соотношение вербального и визуального рядов, врезки (вставки в текст, имеющие графическое и цветовое выделение), шрифтовое и колористическое решение, что в целом обеспечивает легкую воспринимаемость и запоминаемость предвыборной информации.

Таким образом, под политической стратегией, реализуемой в предвыборных материалах, можно понимать план речевых действий, соотносимый с общим планом предвыборной кампании, а также с программой кандидатов, и направленный на сохранение или изменение политической модели мира в сознании адресата. В свою очередь, под коммуникативной стратегией предвыборных материалов понимается план речевых действий, релевантный для эффективного решения собственно коммуникативных задач, главными из которых является формирование привлекательного образа того или иного лидера и непривлекательного образа существующей власти. Сказанное определяет использование в проанализированных печатных материалах двух репертуаров политических стратегий. Это 1) политическая консервативная стратегия в сочетании со стратегией перспективы (В. Путин); 2) политическая стратегия изменений в сочетании с агрессивной/наступательной стратегией (инвариант для остальных кандидатов в президенты РФ). Что касается коммуникативных стратегий, инвариантной является имиджевая стратегия (реализуется в изданиях всех кандидатов), поэтому ее можно отнести к основным коммуникативным стратегиям предвыборного дискурса. Остальные коммуникативные стратегии выступают как вспомогательные вариативные и во многом зависят от биографии кандидата, его прошлой деятельности, партийной принадлежности, отношения к нему СМИ и от ряда других экстралингвистических условий и обстоятельств.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анненкова И. В. Язык СМИ и политика в риторическом аспекте (на примере предвыборных кампаний 2007—2008 гг.) // Язык СМИ и политика. — М.: МГУ, 2012. С. 162—199.
2. Атьман О. В. Вербализация стратегии самопрезентации в президентских предвыборных теледебатах как агональном жанре политического дискурса США // Политический дискурс в парадигме научных исследований. — Тюмень: Тюмен. гос. ун-т, 2014. С. 5—10.
3. Глазкова С. А. Политические традиции в формировании имиджа (проблемы политического консалтинга). — СПб.: СПбГУ, 2003. 62 с.
4. Голубева Т. М. Языковая манипуляция в предвыборном дискурсе: на материале американского варианта английского языка [Электронный ресурс]: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Н. Новгород, 2009. URL: <http://cheloveknauka.com/yazykovaya-manipulyatsiya-v-predvybornom-diskurse>.
5. Егорова-Гантман Е. В., Плешаков К. В. Политическая реклама. — М.: Никколо-Медиа, 2003. 240 с.
6. Иванова Ю. М. Стратегии речевого воздействия в жанре предвыборных теледебатов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Волгоград: ВГПУ, 2003.
7. Ильина О. В., Комаров Д. А. Конструирование образа политика в медиатексте (на примере кампании по выборам мэра Екатеринбурга 2013) // Политическая лингвистика: проблематика, методология, аспекты исследования и перспективы развития научного направления. — Екатеринбург: УрГПУ, 2015. С. 99—105.
8. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. — Омск: ОмГУ, 1999. 285 с.
9. Каслова А. А. Метафорическое моделирование президентских выборов в России и США (2000 г.): дис. ... канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2003. 209 с.
10. Киселев К. В. Политический слоган: проблемы семантической политики и коммуникативная техника. — Екатеринбург: УрО РАН, 2002. 242 с.
11. Култышева И. В. Использование коммуникативных стратегий во время теледебатов избирательной кампании в Государственную думу 2011 года // Политическая лингвистика. 2013. № 3 (45). С. 106—113.
12. Култышева И. В. Категория комического в репрезентации образа политического врага (на примере фотокарикатур и демотиваторов) // Политическая лингвистика: проблематика, методология, аспекты исследования и перспективы развития научного направления. — Екатеринбург: УрГПУ, 2016. С. 129—138.
13. Левшина Н. Г. Косвенные речевые тактики в предвыборном дискурсе: на материале выборов главы Администрации Псковской области [Электронный ресурс]: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — СПб., 2005. URL: <http://cheloveknauka.com/kosvennye-rechevyie-taktiki-v-predvybornom-diskurse>.
14. Лесняк М. В. Речевая стратегия «вероятностное оценивание» в парламентском дискурсе: немецкие кандидаты на выборах в Европарламент 2014 года // Политическая лингвистика. 2014. № 4 (50). С. 143—147.
15. Магера Т. С. Текст политического плаката: лингвистическое моделирование (на материале региональных предвыборных плакатов): дис. ... канд. филол. наук. — Барнаул, 2006.
16. Никифорова М. В., Чудинов А. П. Варианты и средства репрезентации концептуальной оппозиции в дискурсе мэра Екатеринбурга Евгения Ройзмана // Политическая лингвистика. 2016. № 4 (58). С. 154—163.
17. Никифорова М. В. Средства аргументации в жанре предвыборных теледебатов (на материале теледебатов с участием Е. Ройзмана) // Политическая лингвистика. 2015. № 1 (51). С. 120—125.
18. Обвинцева О. В. Средства эмоционального воздействия в предвыборных речах жен кандидатов в президенты США М. Обамы и Э. Ромни // Политическая лингвистика. 2012. № 4 (42). С. 163—167.
19. Олышанский Д. В. Политический PR. — СПб.: Питер, 2003. 544 с.
20. Пикулева Ю. Б. Почтовая политическая реклама предвыборных листовок и СМИ как средство формирования образа региональной власти // Проблемы речевой коммуникации. — Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2004. Вып. 4: Власть и речь. С. 70—85.
21. Плахотная Ю. И. Моделирование политического предвыборного дискурса (когнитивно-прагматический аспект): дис. ... канд. филол. наук. — Челябинск, 2004. 279 с.
22. Полюгова Е. В. Использование инвективной лексики в политических текстах (на примере агитационных материалов партии «Справедливая Россия» в Областную думу Законодательного собрания Свердловской области 2010 года) // Политическая коммуникация. — Екатеринбург: УрГПУ, 2013. С. 251—257.
23. Руженцева Н. Б. Дискредитирующие тактики и приемы в российском политическом дискурсе. — Екатеринбург: УрГПУ, 2004. 293 с.
24. Семкин М. А. Коммуникативные стратегии и речевые тактики конфронтационных электоральных риторик (на материале третьего этапа дебатов президентской предвыборной кампании США 2012 г.) // Политическая лингвистика. 2014. № 1 (47). С. 186—190.
25. Сергеева Е. В. К вопросу о некоторых манипулятивных приемах в текстах предвыборной агитации (на материале кампании 2011 года) // Политическая лингвистика. 2012. № 2 (40). С. 46—52.
26. Столяров А. А. Зарубежные пиар-стратегии в предвыборной практике российской оппозиции // Политическая лингвистика. 2014. № 1 (47). С. 191—199.
27. Халатян А. Б. Предвыборный дискурс // Политическая лингвистика. 2011. № 2 (36). С. 181—188.

28. Федотовских Т. Г. Листовка как жанр политического дискурса: когнитивно-прагматический анализ : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2005.

29. Ширманов И. А. Концептуальная метафора в дискурсе президентской предвыборной кампании 2004 г. // Политическая лингвистика. 2006. № 1 (20). С. 170—175.

30. Ярославцева А. Е. Репрезентация речевых стратегий и тактик в агитационном тексте : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Томск, 2007.

N. B. Ruzhentseva
Ekaterinburg, Russia

POLITICAL AND COMMUNICATIVE STRATEGIES IN PRINT PRE-ELECTION PUBLICATIONS OF 2018

ABSTRACT. *The article analyzes pragmatic and strategic structure of pre-election print media discourse. The aim of this research is to study print pre-election newspapers to reveal the repertoire of political strategies of the candidates for presidency in Russia in 2018. Communicative strategies used to intensify political strategies are studied as well. One more problem has been solved in this research — the analysis of the structure of pre-election publications from the point of view of communicative success or failure. The material for this research consists of four pre-election newspapers to support such candidates as V. Putin, P. Grudinin, G. Yavlinsky and K. Sobchak. The main strategies used in the paper "Putin's Team" are conservative strategy and the strategy of perspective. Communicative strategies of this newspaper are argumentative (appeal to the authority), phatic, entertaining and image-building (the image of an "Ordinary man" is being created). The main political strategies in the paper to support P. Grudinin are innovative and aggressive strategies addressed to the political opponents. Communicative strategies of this paper include those of denial, contracting and image-building (micro-king "Owner", "Father"). In "President's Newspaper" supporting G. Yavlinsky, the main political strategies are innovative and aggressive; communicative strategies include retrospective and perspective, phatic and image-building (micro-king "The Clever"). In pre-election newspaper "Ksenia", supporting K. Sobchak, we find such political strategies as innovative and aggressive, while communicative strategies include the strategy of self-change developed with the help of a number of communicative tactics; phatic aimed at polyphonic arrangement of the text; and image-building (Micro-kings) "Inspector" and "Woman-mother"). The abovementioned strategies make it possible to conclude that there is a tendency to use two types of political strategies in print pre-election papers: conservative in combination with perspective and innovative accompanied by aggressive. The invariant communicative strategy for all the analyzed materials is the image-building one. All the other communicative strategies depend on a number of extra-linguistic factors.*

KEYWORDS: pre-election discourse; political discourse; political strategies; political communication; politicians; communicative strategies; media discourse; mass media; media; media linguistics; media texts.

ABOUT THE AUTHOR: Ruzhentseva Natalya Borisovna, Doctor of Philology, Professor of Department of Intercultural Communication, Rhetoric and Russian as a Foreign Language, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

REFERENCES

1. Annenkova I. V. Yazyk SMI i politika v ritoricheskom aspekte (na primere predvybornykh kampaniy 2007—2008 gg.) // Yazyk SMI i politika. — M. : MGU, 2012. S. 162—199.

2. At'man O. V. Verbalizatsiya strategii samoprezentatsii v prezidentskikh predvybornykh teledybatakh kak agonal'nom zhanre politicheskogo diskursa SShA // Politicheskii diskurs v paradigme nauchnykh issledovaniy. — Tyumen' : Tyumen. gos. un-t, 2014. S. 5—10.

3. Glazkova S. A. Politicheskie traditsii v formirovanii imidzha (problemy politicheskogo konsaltinga). — Spb. : SPbGU, 2003. 62 s.

4. Golubeva T. M. Yazykovaya manipulyatsiya v predvybornom diskurse: na materiale amerikanskogo varianta angliyskogo yazyka [Elektronnyy resurs] : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — N. Novgorod, 2009. URL: <http://cheloveknauka.com/yazykovaya-manipulyatsiya-v-predvybornom-diskurse>.

5. Egorova-Gantman E. V., Pleshakov K. V. Politicheskaya reklama. — M. : Nikkolo-Media, 2003. 240 s.

6. Ivanova Yu. M. Strategii rechevogo vozdeystviya v zhanre predvybornykh teledybatov : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — Volgograd : VGPU, 2003.

7. Il'ina O. V., Komarov D. A. Konstruirovaniye obraza politika v mediatekste (na primere kampanii po vyboram mera Ekaterinburga 2013) // Politicheskaya lingvistika: problematika, metodologiya, aspekty issledovaniya i perspektivy razvitiya nauchnogo napravleniya. — Ekaterinburg : UrGPU, 2015. S. 99—105.

8. Issers O. S. Kommunikativnye strategii i taktiki russkoy rechi. — Omsk : OmGU, 1999. 285 s.

9. Kaslova A. A. Metaforicheskoe modelirovaniye prezident-skikh vyborov v Rossii i SShA (2000 g.) : dis. ... kand. filol. nauk. — Ekaterinburg, 2003. 209 s.

10. Kiselev K. V. Politicheskii slogan: problemy semanticheskoy politiki i kommunikativnaya tekhnika. — Ekaterinburg : UrO RAN, 2002. 242 s.

11. Kultysheva I. V. Ispol'zovaniye kommunikativnykh strategiy vo vremya teledybatov izbiratel'noy kampanii v Gosudarstvennuyu dumu 2011 goda // Politicheskaya lingvistika. 2013. № 3 (45). S. 106—113.

12. Kultysheva I. V. Kategoriya komicheskogo v reprezentatsii obraza politicheskogo vraga (na primere fotokarikatur i demotivatorov) // Politicheskaya lingvistika: problematika, metodologiya,

aspekty issledovaniya i perspektivy razvitiya nauchnogo napravleniya. — Ekaterinburg : UrGPU, 2016. S. 129—138.

13. Levshina N. G. Kosvennye rechevye taktiki v predvybornom diskurse: na materiale vyborov glavy Administratsii Pskovskoy oblasti [Elektronnyy resurs] : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — SPb., 2005. URL: <http://cheloveknauka.com/kosvennye-rechevye-taktiki-v-predvybornom-diskurse>.

14. Lesnyak M. V. Rechevaya strategiya «veroyatnostnoye otsenivaniye» v parlamentskom diskurse: nemetskie kandidaty na vyborakh v Evroparlament 2014 goda // Politicheskaya lingvistika. 2014. № 4 (50). S. 143—147.

15. Magera T. S. Tekst politicheskogo plakata: lingvitoricheskoye modelirovaniye (na materiale regional'nykh predvybornykh plakatov) : dis. ... kand. filol. nauk. — Barnaul, 2006.

16. Nikiforova M. V., Chudinov A. P. Varianty i sredstva reprezentatsii kontseptual'noy oppozitsii v diskurse mera Ekaterinburga Evgeniya Royzmanova // Politicheskaya lingvistika. 2016. № 4 (58). S. 154—163.

17. Nikiforova M. V. Sredstva argumentatsii v zhanre predvybornykh teledybatov (na materiale teledybatov s uchastiem E. Royzmanova) // Politicheskaya lingvistika. 2015. № 1 (51). S. 120—125.

18. Obvintseva O. V. Sredstva emotsional'nogo vozdeystviya v predvybornykh rechakh zhen kandidatov v prezidenty SShA M. Obamy i E. Romni // Politicheskaya lingvistika. 2012. № 4 (42). S. 163—167.

19. Ol'shanskiy D. V. Politicheskii PR. — SPb. : Piter, 2003. 544 s.

20. Pikuleva Yu. B. Pochtovaya politicheskaya reklama predvybornykh listovok i SMI kak sredstvo formirovaniya obraza regional'noy vlasti // Problemy rechevoy kommunikatsii. — Saratov : Izd-vo Saratov. un-ta, 2004. Vyp. 4 : Vlast' i rech'. S. 70—85.

21. Plakhotnaya Yu. I. Modelirovaniye politicheskogo predvybornogo diskursa (kognitivno-pragmaticheskiy aspekt) : dis. ... kand. filol. nauk. — Chelyabinsk, 2004. 279 s.

22. Polyugova E. V. Ispol'zovaniye invektivnoy leksiki v politicheskikh tekstakh (na primere agitatsionnykh materialov partii «Spravedlivaya Rossiya» v Oblastnuyu dumu Zakonodatel'nogo sobraniya Sverdlovskoy oblasti 2010 goda) // Politicheskaya kommunikatsiya. — Ekaterinburg : UrGPU, 2013. S. 251—257.

23. Ruzhentseva N. B. Diskreditiruyushchie taktiki i priemy v

rossiyskom politicheskom diskurse. — Ekaterinburg : UrGPU, 2004. 293 s.

24. Semkin M. A. Kommunikativnye strategii i rechevye taktiki konfrontatsionnykh elektoral'nykh ritorik (na materiale tret'ego etapa debatov prezidentskoy predvybornoy kampanii SShA 2012 g.) // Politicheskaya lingvistika. 2014. № 1 (47). S. 186—190.

25. Sergeeva E. V. K voprosu o nekotorykh manipulyativnykh priemakh v tekstakh predvybornoy agitatsii (na materiale kampanii 2011 goda) // Politicheskaya lingvistika. 2012. № 2 (40). S. 46—52.

26. Stolyarov A. A. Zarubezhnye piar-strategii v predvybornoy praktike rossiyskoy oppozitsii // Politicheskaya lingvistika. 2014. № 1 (47). S. 191—199.

27. Khalatyan A. B. Predvybornyy diskurs // Politicheskaya lingvistika. 2011. № 2 (36). S. 181—188.

28. Fedotovskikh T. G. Listovka kak zhanr politicheskogo diskursa: kognitivno-pragmaticheskiy analiz : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — Ekaterinburg, 2005.

29. Shirmanov I. A. Kontseptual'naya metafora v diskurse prezidentskoy predvybornoy kampanii 2004 g. // Politicheskaya lingvistika. 2006. № 1 (20). S. 170—175.

30. Yaroslavtseva A. E. Reprezentatsiya rechevykh strategiy i taktik v agitatsionnom tekste : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — Tomsk, 2007.

А. П. Сковородников
Красноярск, Россия

ЛОЖКА ДЕГТЯ В БОЧКЕ МЕДА (ОБ ОДНОЙ «ДЕТАЛИ» РОМАНА ЕВГЕНИЯ ВОДОЛАЗКИНА «ЛАВР»)

АННОТАЦИЯ. В статье проведен лингвоидеологический анализ романа Евгения Водолазкина «Лавр». Целью статьи является рассмотрение идеологической аксиологии в отношении такого объекта, как русский народ и его национальный характер. Материалом исследования служат текст романа Е. Водолазкина «Лавр», посвященные этому роману рецензии, а также научные исследования, в том числе по проблематике русского юродства, нашедшей отражение в этом романе. В результате проведенного исследования делается вывод, что в романе дана односторонне негативная характеристика нравов русского народа и осуществлена попытка десакультурации такого уникального явления русской религиозности и духовности, как юродство во Христе. Возникает противоречие между декларируемой Е. Водолазкиным позицией православного человека и текстом его романа. В частности, в романе юродивые используют матерную брань. Между тем, в различных источниках сообщается о внематерном поведении, в том числе речевом, русских юродивых, однако нет упоминаний об использовании ими матерной брани, считавшейся великим грехом. Русским людям в романе свойственна жестокость, подчас немотивированная. При этом в романе отсутствуют какие-либо добрые слова о русском народе и исключается исторический фон. В своей стилистике, переключаясь с постмодернистскими приемами иронизма и шоковой эстетики, автор выходит за границы этически допустимого. Отмечается, что такие черты романа в эпоху информационно-психологических войн способствуют укреплению русофобского настроя иностранных читателей.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: лингвоидеологический анализ; русский народ; юродство; аксиологическая односторонность; гражданская позиция.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Сковородников Александр Петрович, доктор филологических наук, профессор, профессор-консультант кафедры русского языка, литературы и речевой коммуникации, Сибирский федеральный университет; 660041, Россия, Красноярск, пр-т Свободный, 79; e-mail: skapnat@mail.ru.

Введение

В 2012 г. вышел получивший широкую известность роман Евгения Водолазкина «Лавр». Действие романа происходит в XV веке. Главным героем романа является средневековый врач (точнее — врачеватель), про которого в аннотации сказано: «...обладая даром исцеления он, тем не менее, не может спасти свою возлюбленную и принимает решение пройти земной путь вместо нее. Так жизнь превращается в житие. Он выхаживает чумных и раненых, убогих и немощных, и чем больше жертвует собой, тем очевиднее крепнет его дар». Роман написан оригинальным стилем, в котором реализован принцип чередования элементов старославянского, древнерусского и современного русского языка, что в большинстве случаев не нарушает художественно-образительной органичности текста, но придает ему индивидуальное своеобразие. Роман обладает мастерски «закрученным» сюжетом и читается с интересом; в речи повествователя и речи персонажей можно найти немало глубоких мыслей философско-вневременного характера. Безусловно, роман «Лавр» написан талантливым человеком, хорошо знающим эпоху, в рамках которой разворачиваются события (Е. Г. Водолазкин — доктор филологических наук, специалист по русскому литературному средневековью). Вполне естественно, что роман снискал симпатии читателей и довольно много вполне заслуженных комплиментарных рецензий (см., например: [Басинский 2012; Балакин 2013; Биргер 2013; Вежлян 2013; Коробкова 2013; Морозова 2013; Тока-

рева 2013; barbakan 2014; Лученко 2014; Коноплев 2016; Новоселова 2016; Шуринова 2016]).

Однако все перечисленные авторы в своих рецензиях обходят стороной такой аспект романа, как аксиологическая тональность в изображении русского народа и его традиций, а между тем такая оценочная тональность в романе присутствует и проводится сквозь весь его текст. Сам по себе немаловажный для рассмотрения достоинств текста (поскольку всякое художественное произведение не лишено влияния мировоззрения и идеологии его автора), этот вопрос приобретает особую остроту, потому что Е. Водолазкин рассматривает свой роман не как рассказ о средневековых событиях и людях, а как совокупность размышлений о современности. В интервью Екатерине Петуховой писатель сообщает: «...Мы с моим редактором Еленой Шубиной придумали даже термин — „неисторический роман“. И поставили его в подзаголовок „Лавра“, чтобы читатели не искали того, чего там нет. Потому что это роман не об истории и не о XV веке. Он о нынешнем времени. <...> Прошлые времена используются лишь как зеркало, в которое мы, нынешние, смотримся и видим в нем наши особенности» [Петухова 2017].

Целью предлагаемой статьи является рассмотрение идеологической аксиологии в отношении такого объекта, как русский народ и его национальный характер.

Материал и методы решения поставленной задачи

Материалом исследования служат, с од-

ной стороны, весь текст романа Е. Водолазкина «Лавр» (все ссылки на текст романа делаются по изданию: [Водолазкин 2014b]); с другой стороны, посвященные этому роману рецензии, а также научные исследования, в том числе по проблематике русского юродства, нашедшей отражение в этом романе.

В качестве инструмента исследования использован лингвоидеологический анализ текста. Этот анализ, проведенный А. А. Бернацкой при исследовании ряда художественных текстов (см.: [Лингвистика... 2017: 190—254]), «не оставляет сомнений в том, что художественная литература входит в число органических и незаменимых средств формирования и внедрения идеологических установок» [Бернацкая 2017: 129]. Причем, как отмечает этот и некоторые другие авторы, принципиально важной для лингвоидеологического исследования художественного текста является мысль о том, что иногда авторы этих текстов не отдают себе отчета в «идеологичности» своих речевых действий [Бернацкая 2017: 128; Рубцов, Любимова 2013: 6]. Более того, «настоящие авторы идеологических акций и инноваций обычно остаются неизвестными публике; известны лишь „актеры“, их озвучивающие» [Рубцов, Любимова 2013: 6].

Определяется лингвоидеологический анализ разными авторами по-разному и с большей или меньшей полнотой. Так, например, А. А. Мирошниченко лингвоидеологическим анализом называет «анализ устойчивых отношений, возникающих между языком и мышлением в процессе моделирования действительности». Он пишет: «Исследователю достаются лишь формы языковой (словарь, система языка) или речевой (текст) фиксации процессов моделирования. Соответственно, непосредственным объектом ЛИ-анализа являются различные языковые явления. Специфика ЛИ-анализа в том, что любой знак или структурное отношение рассматривается как продукт не только **репрезентативной** (здесь и далее выделено автором цитируемого текста. — А. С.), но и **оценивающей** функции моделирующего субъекта. <...> Процедура ЛИ-анализа предполагает ответ на вопрос: как, каким образом, в каких языковых феноменах реализуется авторская модальность моделирующего субъекта. Рабочая цель ЛИ-анализа заключается в том, чтобы установить характерные для данной ЛИ-парадигмы **ценностно-языковые соответствия**. Генеральная цель состоит в том, чтобы описать, идентифицировать лингво-идеологическую парадигму субъекта» [Мирошниченко 1995].

По мнению М. В. Гавриловой, лингвоидеологический анализ предполагает рас-

смотрение таких аспектов дискурса, как «1) уровни, структуры, стратегии или шаги, в которых идеологические убеждения выражают себя в дискурсе; 2) дискурсивные доказательства взаимодействия различных идеологий. <...> Задача лингвиста состоит в том, чтобы выявить идеологии, с которыми идентифицирует себя политик...» [Гаврилова 2002: 97].

Н. А. Купина под лингвоидеологическим анализом текста, как следует из ее статьи, понимает исследование семантики ключевых слов идеологического содержания (идеологем), их сочетаемости в речевой ткани текста, что способствует выявлению смысловых и этических приращений, отражающих точку зрения автора на те или иные политические события [Купина 2015].

Разночтения в определении лингвоидеологического анализа отчасти объясняются тем, что аналитики имеют дело с типологически разными текстами (политически-публицистическими и художественными текстами), однако все в большей или меньшей степени предполагают выявление их (текстов) идеологической оценочности. С учетом вышеприведенных определений лингвоидеологического анализа, моей главной задачей будет вычленение, демонстрация и комментирование тех высказываний и фрагментов текста романа «Лавр», которые в совокупности своих контекстуальных связей обуславливают аксиологическую тональность характеристики русских людей. Эта задача предполагает также использование так называемого «критического дискурс-анализа», понимаемого как «критическое осмысление власти языка», позволяющее увидеть «„вживание“ в общественное сознание определенных представлений»; «выявить имплицитно выраженные установки» и «показать скрытые эффекты воздействия дискурса» [Гаврилова 2002: 92].

Исследование

Как же мы, русские, смотримся в историческом зеркале Е. Водолазкина? Начнем с частного вопроса — изображения юродивых XV в. Заметим, что феномену юродства на Руси посвящена обширная литература, в том числе диссертации (см., например: [Горобинская 2000; Янчевская 2004; Мотеюнай-те 2006; Ростова 2008; Мартиросян 2011]); монографии (см., например: [Федотов 1990; Иванов 1994; Ковалевский 2000; Иванов 2005]); многочисленные статьи (см., например: [Кологривов 1961; Панченко 1976; Клибанов 1992; Шувалов 1995; Ильин 1997; Панченко 1999; Хачатрян 2003; Тетерина 2004; Круглов 2010; Ребров 2010; Каплан 2012; Гаври-

лов 2013; Каллист <http> и др.]).

В этой литературе, со ссылками на средневековые источники, подробно рассказывается о вненормативном поведении, в том числе речевом, русских юродивых того времени. Описание типичного речевого поведения юродивых дано, например, в таком солидном источнике, как статья академика А. М. Панченко «Юродивые на Руси» [Панченко 1999]. А. М. Панченко отмечает: «Идеальный язык у юродивого — молчание. Однако безмолвие не позволяет (или затрудняет) выполнять функции общественного служения, и в этом еще одно противоречие юродства. Среди возложивших на себя вериги этого подвига были убежденные, упорные молчальники, но вообще это редкость. Обыкновенно юродивые как-то общаются со зрителем — по сугубо важным поводам, **обличая или порицая** (здесь и далее выделено мной. — А. С.). Их высказывания либо ясны, либо невразумительны, но всегда кратки, это выкрики, междометия, афористические фразы» [Панченко 1999: 395]. А. М. Панченко отмечает, что сентенции юродивых имели «мистический характер пророчеств и угрозы», что их высказывания — это «одна из форм протеста в юродстве — осмеяние порока и зла...» [Там же: 396].

В романе Е. Водолазкина, кроме главного героя, жизнь которого, по сути дела, является житием святого с некоторыми элементами юродства, действуют два юродивых: Карп и Фома. Карп по поступкам и речи типичный молчальник, он произносит только свое имя. А вот другой юродивый, Фома, не типичен прежде всего потому, что его речь многословна (на его диалоги с главным героем опирается развитие сюжета). Кроме того, автор поручил ему роль резонера, изрекающего подчас философские мысли самого автора. Для нас важно отметить то, что юродивый Фома использует в своей речи матерную брань, считавшуюся и считающуюся великим грехом, так как, сквернословя, «мы погрешаем против одной из черт подобия Божьего в нас» (протоиерей Максим Козлов). Недаром «в Священном Писании говорится о том, что надо опасаться праздных слов. Так, в Послании к Ефессянам апостол Павел пишет: „Никакое гнилое слово не исходит из уст ваших, а только доброе для назидания в вере, дабы оно доставляло благодать слушающим. И не оскорбляйте Святаго Духа Божия, Которым вы запечатлены в день искупления“ (Еф. 4: 29—30)» [Почему сквернословие огромное зло? <http>]. То, что в устах юродивого выражение «ругаться миру» никак не могло быть связано с матерной бранью, можно понять, читая дореволюци-

онную православную учебную литературу. Например, в учебнике Г. С. Дебольского сказано, что для подвига юродивого «потребно великое *самоотвержение* (здесь и далее курсив автора цитируемого текста. — А. С.), чрезвычайное к себе *беспристрастие, терпение* <...> А вместе потребна и высокая мудрость, чтобы бесславию свое обращать в славу Божию; **в смешном ничего не допускать греховного, в неблагопристойном ничего соблазнительного, в обличении ничего несправедливого**» (выделено мной. — А. С.) [Дебольский 1887: 560].

А теперь в качестве иллюстрации речи Фомы приведу отрывок из длящегося на нескольких страницах его диалога с Арсением (одно из имен главного героя): *Юродивый Фома сложил руки на груди и смотрел на противоположный берег. Оттуда ему грозил кулаком юродивый Карп. Грози, говнюк, грози, прокричал юродивый Фома без злобы. Аще же ты зде единожды обрящу, сокрушу без милости твои члены. Яко исчезает дым, исчезнешь.*

Они принимают меня за юродивого, сказал Арсений Устине.

А за кого ж тебя еще принимать, удивился Фома. Посмотри на себя, Арсение. Ты и есть юродивый, иже избра себе житие буйственное и от человек уничиженное.

И он знает мое крестильное имя.

Фома засмеялся:

Как же его не знать, когда оно у каждого крещеного человека на лбу написано? <...>

Кто сей знающий тайны мои? Арсений повернулся к Фоме:

Ты кто?

Х...й в пальто, ответил Фома (с. 178—179).

Это не единственный случай, когда, кроме «обычного» сквернословия типа *говнюк, засранцы, сраный веник, сволочи*, как у черта в жопе, в речи Фомы «мелькают» и завуалированные матерки типа *Да не парься ты, ё-моё* (выделено мной. — А. С.).

Между тем многие исследователи жизни юродивых подчеркивают, что каждое их ненормативное действие, в том числе речевое, на проверку оказывается этически оправданным (многочисленные случаи такого ненормативного, но этически оправданного поведения юродивых описаны в литературе. См., например: [Фетодотов 1990: 199—209]). Именно этическая мотивированность демонстративно «отклоняющегося» поведения юродивых вызвала к ним уважение. «„Похабные“ и пророческие слова приравнялись к „гласу святых“, эпатажность жития юродивых сакрализировалась: некоторые стали местночтимыми угодниками Божи-

ми...» [Гаврилов 2013].

Совершенно очевидно, что в речевом поведении Фомы совместились автор-повествователь, идеолог-резонер и сквернослов-матерщинник. Типично постмодернистский прием, хотя автор и отрицает свою принадлежность к этому направлению мысли и эстетики, правда, отрицает неуверенно: «Те элементы средневековой поэтики, которые использованы в „Лавре“, и были описаны как постмодернистские приемы. **Это и так, и не так. Это действительно то, что перекликается с постмодернизмом и современной литературой, но я — не постмодернист, и пришел не оттуда** (выделено мной. — А. С.). Я пришел к этим приемам из Средневековья, с которым нынешняя эпоха перекликается» (сказано Е. Водолазкиным в интервью Ксении Лученко [Лученко 2014]). Получается, что «перекликается» сквернословием, в том числе матом, причем матом осовремененным.

В научной литературе, о которой говорилось выше, рассказывается о разных поступках юродивых, включая их высказывания, которые так или иначе нарушали принятые в то время нормы поведения, но нигде я не обнаружил указаний на то, что юродивые использовали матерную брань. Зато сообщается, что их шокирующее поведение всегда оказывалось этически мотивированным. В литературе о юродивых Христа ради говорится, что их поведение — это «особый вид христианского делания, особый христианский подвиг», «способ подражания Христу» [Каплан 2012], что, «подвергая атаке устоявшиеся формы общественного поведения или благочестия, юродивый обращает внимание на внутреннюю сущность, актуализирует забытое внутреннее содержание этих форм» [Ребров 2010], что «активная сторона юродства заключается в обязанности „ругаться миру“, обличая грехи сильных и слабых и не обращая внимания на общественные приличия», что, «протестуя, юродивый выполняет обязанности обличителя и общественного заступника» [Панченко 1999]; что по внешним приметам «спектакль» юродивого «может быть похож на скоморошьи представления, но по функции — на действие ветхозаветных пророков: „смеховая оболочка скрывает дидактические цели“» [Мотеюнайте 2006]. И сам Е. Водолазкин свидетельствует: «По выражению покойного Александра Михайловича Панченко, молчание — идеальный язык юродивого. <...> **Но уж если юродивый говорит, слово его имеет особый вес. Юродивый чем-то сродни библейскому пророку в умении предсказывать, но**

еще более — в обличении (очень важное качество пророка)» (выделено мной. — А. С.) [Водолазкин 2014a].

Так вот, все перечисленные здесь характеристики поведения и речи юродивых неприменимы к тем фрагментам романа Е. Водолазкина, где фигурирует матерная брань да и брань вообще. По-видимому, она использована как дань современным постмодернистским вкусам в духе и стиле таких авторов, как, например, Виктор Пелевин, Юз Алешковский, Владимир Сорокин. Разница здесь в том, что у этих авторов скабрёзности встречаются на каждом шагу, а у Е. Водолазкина представлены в небольшом количестве. В этой стилистике «проглядывают» такие черты постмодернизма, как иронизм, шоковая эстетика [Лексикон нонклассики... 2003: 353], смешение прекрасного и безобразного [Кононенко 2003: 324], или семантическая несовместимость [Ильин 1999: 239]; словом, признаки использования принципа нонселекции — «регулятивного принципа постмодернизма», который реализует себя в установке на культурный плюрализм и в ориентации на «презумпцию равновозможности и равного права на параллельное сосуществование в децентрализованном культурном пространстве различных и даже взаимоальтернативных культурных программ и стратегий» [Можейко 2001: 526—527]. Отметим также значительную роль в постмодернистском творчестве концепта и феномена игры, в том числе языковой игры [Жбанков 2001: 293]. Полагаю, что Е. Водолазкин допустил игру смыслами и значениями, т. е. языковую игру, применительно к сакральному, тем самым выйдя за границы этически допустимого. Так стилистика романа, возможно, против желания самого автора, способствует десакрализации сакрального. Об этой опасности постмодернистской игры пишет в конце своей статьи М. Р. Жбанков: «Произвол воображения, покинувшего четко обозначенные границы пространства И., порождает, наряду с другими проблемами, рискованные социальные эксперименты и одержимое мифотворчество» [Жбанков 2001: 293—294]. На возникновение игрового комического эффекта при изображении юродивых в романе «Лавр» обратили внимание некоторые рецензенты. Так, Евгения Коробкова пишет: «Водолазкин пошел на рискованный шаг, смешав древний житийный язык с современным молодежным слэнгом. Не стоит удивляться, когда юродивый Фома, изъясняющийся пассажами из Давидова Псалтиря, вдруг восклицает посреди полного здоровья: „да не парься ты, ё-моё“». И далее, цитируя лингвиста М. А. Кронгауза:

«Успех рискованного эксперимента по смещению языков кроется еще и в том, что его стилистическая игра оказывается связана с игрой содержательной» [Коробкова 2012]. А Н. С. Шуринова отмечает, что юродивый Фома объясняет пришедшему в Псков Арсению «принципы распределения территорий, напоминающие конвенцию, учрежденную детьми лейтенанта Шмидта в романе И. Ильфа и Е. Петрова „Золотой теленок“» [Шуринова 2016: 108]. Разумеется, в таких контекстах, в какие поставлен Фома в романе Е. Водолазкина, образ юродивого, как и юродства вообще, закономерно предстает как сниженный.

А теперь посмотрим, как в романе Е. Водолазкина изображены не юродивые, а обычные русские люди. Характеристики русских людей отдельными мазками обнаруживаются на протяжении всего романа. Например, в романе неоднократно возникает тема разбойников. Русские разбойники предельно жестоки: своих жертв они пытаются водой и каленым железом и убивают всех, кто только попадает в их руки. Причем они разбойничают не только в России, но и на территории других государств (Польши). В то же время оказывается, что в Италии тоже есть разбойники, но они никого не пытаются и не убивают, а взымают с проезжающих деньги. Причем с ними можно торговаться: *После всестороннего обсуждения была найдена приемлемая для всех сумма — пять дукатов с идущего в караване* (с. 303). Более того, по просьбе умирающего и раскаивающегося главаря итальянские разбойники возвращают деньги ограбленным паломникам, т. е. проявляют своего рода гуманизм.

Русским людям, не только разбойникам, свойственна жестокость, подчас немотивированная. Вот эпизод, с неясными художественными целями включенный в текст романа: *В Запсковье грязь. По дороге к дому ее месит иерей Иоанн. Жирное чавканье грязи он слышит у себя за спиной. Медленно оборачивается. Перед ним стоит человек с ножом, весь в грязи. Иерей Иоанн молча прижимает руку к груди. В голове его мелькает воспоминание о предвидении Арсения. В сердце его звучит молитва, которую он не успевает произнести. Человек наносит ему двадцать три ножевых удара. При каждом замахе он кричит и стонет от натуги. Иерей Иоанн остается лежать в грязи. Там же теряются следы человека. Говорят, что будто бы и человека не было, а был лишь всплеск грязи. Взметнувшийся за спиной иерея Иоанна и тут же растекшийся по дороге. Через малое время раздаётся нечеловеческий крик. Он перелетает*

через реку Великую и реку Пскову, распространяясь над всем городом Псковом. Это кричит попадаья (с. 208—209).

А вот как заканчивается часть романа, названная «Книга отречения»: *Мягкой балетной походкой юродивый Карп подходит к калачнику Самсону и берет зубами ближайший калач. Сделав шаг от лотка, юродивый Карп оборачивается. Жалобно смотрит на Самсона. Самсон, не меняясь в лице, снимает лоток и бережно ставит на землю. Делает несколько шагов по направлению к юродивому Карпу. Ладная фигура калачника ломается. Рука его съезжает к голенищу сапога. Там блестящее, холодное и острое. Калачник подходит вплотную к Карпу. Карп вытягивается в струнку. Он выше калачника и ощущает его дыхание шеей. Нож медленно входит в тело юродивого. Силы небесные, шепчет калачник Самсон, сколько же я ждал этого дня* (с. 221—222).

Русские люди демонстрируют жестокосердие и неблагодарность. Спасенный Арсением замерзающий не пускает в свою избу погреться своего заколеченного спасителя, он, как сказано в романе, *с криком разбежался и двумя руками толкнул Арсения с крыльца. Когда Арсений пришел в себя, снова светила луна <...> При свете луны Арсений увидел очертания дальних домов. Покачиваясь, он пошел к ним. Дома были ветхими, и Арсений понял, что в них живут бедные люди. На его стук люди вышли с палками. Они сказали: „Иди и умри, юрودة, где бо от тебе несть нам спасения“.*

Не обнаружив в этих людях сострадания, Арсений покинул их (с. 202—203).

Автор романа не ограничивается подобными эпизодами, он поручает характеристику русских людей своему резонеру — юродивому Фоме. Приведу любопытный в этом отношении диалог Фомы и жителей Завеличья. В ответ на их утверждение, что *всякий на Руси знает, что юродивых бить, это самое, нельзя*, Фома громко рассмеялся:

Поясняя свою мысль, прибегну к парадоксу. Юродивых потому и бьют, что бить их нельзя. Известно ведь, что всякий бьющий юродивого — злодей.

А кто же еще, согласились завеличские.

То-то, сказал юродивый Фома. А русский человек благочестив. Он знает, что юродивый должен претерпеть страдание, и идет на грех, чтобы обеспечить ему это страдание. Кто-то же должен быть злодеем, а? Кто-то же должен быть способен побить или там, допустим, убить юродивого, как вы считаете?

Ну, это самое, заволновались завеличские. Бить — еще куда ни шло, но убивать — разве же это благочестие? Смертный, если можно так выразиться, грех.

Твою дивизию (здесь и далее выделено мной. — А. С.), в сердцах воскликнул юродивый Фома. Так ведь русский человек — он не только благочестив. Докладываю вам на всякий случай, что еще **он бесмыслен и беспощаден, и всякое дело может у него запросто обернуться смертным грехом. Тут ведь грань такая тонкая, что вам, сволочам, и не понять.**

Завеличские не знали, что ответить (с. 194).

Замечу попутно, что рассуждения юродивого Фомы, по-видимому, отражающие точку зрения автора, бездоказательны и демагогичны.

Негативная характеристика русских людей просматривается и в несобственно-авторской речи повествовательной части текста. Например, так описывается поведение корабельщиков: **Они не разговаривали даже тогда, когда, собравшись тесным кругом, по вечерам распивали какой-то мутный напиток. Ни Арсений, ни Амброджо не знали, что именно пили эти люди, только напиток не делал их веселее. Спины их становились еще более сутулыми. Сидящие напоминали большой непривлекательный цветок, который закрывается на ночное время. Изредка они начинали что-то вполголоса петь. Песни их были столь же безрадостны и мутны, как то, что они пили** (с. 264; выделено мной. — А. С.).

А вот какую картину видит Арсений, знакомясь с жизнью населения Пскова, которая, как сказано в романе, не вселяла в него отрады: **В домах Завеличья стоял дым, смешанный с паром. Там сушилась одежда и кипели щи. Там били детей, кричали на стариков и совокуплялись в общем для всех пространстве избы. Перед едой и сном молились. Иногда сваливались спать без молитвы — наработавшись до потери сил. Или напившись. Ноги в сапогах забрасывали на подложенную женами ветошь. Громко храпели. Вытирали текущие во сне слюны и отгоняли мух. Со звуком терки водили рукой по лицу. Матерно ругались. С треском портили воздух. Все это не просыпаясь** (с. 182).

И это говорится при отсутствии каких-либо добрых слов о русском народе и исключении исторического фона в романе. Между тем, по историческим источникам, Псков в то время был одним из крупнейших торговых и ремесленных городов страны. «Псковские каменщики, строители, иконописцы и колокольные литцы славились на

всю страну. В Псковской земле больше, чем где-либо в стране, выращивалось льна и конопли — важнейших технических культур, которые пользовались спросом на мировом рынке» [Мясников 2003: 123].

Действие романа происходит между 1440 и 1520 годами. В это время на Руси происходило много важных событий: родился будущий великий князь Иван III, «собиратель земли русской»; было открыто много крупных монастырей, вокруг которых создавались новые поселения; велась успешная борьба с татарами; произошло знаменитое «стояние на Угре», которое положило конец татарскому игу; Россия воевала с Литвой, Польшей, крымскими татарами, установила отношения с Италией, Швецией, Турцией, Персией; возникло казачество; велась активная концентрация русских земель, к Московскому княжеству были присоединены многие удельные княжества; положено начало освоению Сибири (осуществлен поход Семена Курбского и Петра Ушатова во главе четырехтысячной лыжной рати через «Камень» (Уральский хребет), покорена Югорская земля); написано сказание «О человецех незнаемых в Восточной стране, о языках разных и иновидных» — первое сказание о народах Севера до Енисея с указанием их географического положения и этнографических особенностей; происходит путешествие тверского купца Афанасия Никитина в Иран и Индию («Хождение за три моря»); составлена Белозерская уставная грамота — первый законодательный акт единого Русского государства; в Кремле построены новые соборы и Грановитая палата; Иван III принимает титул «Государя всея Руси»; осуществляется первая экспедиция на Печору для поиска руды; распространяются такие технические новшества, как часы, водяные и ручные мельницы, рычажные механизмы, приводимые в движение колесом, гончарный круг, токарные станки, весы; закончен первый полный перевод Библии на церковнославянский язык; жил и в это время скончался преподобный Нил Сорский — автор «Устава монастырского»; Филофей, старец псковского Елизарова мужского монастыря, в послании Василию III сформулировал теорию «Москва — третий Рим», в рамках которой описал историческое значение Москвы как всемирного политического и церковного центра [Мясников 2003: 123].

Местом действия в романе «Лавр» является Русский Север, точнее — земли около Кирилло-Белозерского монастыря, который был не только форпостом на севере страны, но и центром русской духовности. Вот какие факты приводит Е. А. Иванова в статье

«Лингвокультурологический потенциал романа Е. Водозазкина „Лавр“» (даю выборочно).

Настоятель московского Симонова монастыря Кирилл (1337—1427), ученик Сергия Радонежского, уже будучи шестидесятилетним старцем, пришел на место, открытое ему Пресвятой Богородицей в видении, и пустынножительствовавший на Белом озере 30 лет до своей кончины. На этом месте вырос монастырь, который стал одной из трех великих крепостей, наряду с Троице-Сергиевой лаврой и Соловецким монастырем. Долгое время Кирилло-Белозерский монастырь являлся центром изучения живой святости. Монастырские старцы активно вмешивались в политическую и духовную жизнь страны. В XV—XVI вв. обитель считалась оплотом нестяжательства, в XVII веке монастырь называли «Северной лаврой». При монастыре выросла целая слобода — город Кириллов. В стенах обители была большая библиотека, работали известные духовные писатели: старец Ефросин, Пахомий Серб, резчики, иконописцы. Основатель живописной школы преподобный Дионисий Глушицкий устроил несколько монастырей на Русском Севере. Ему также принадлежат шедевры иконописи — «Успение Богоматери» и «Иоанн Предтеча в пустыне» и «Образ Кирилла Белозерского», созданный при жизни святого. Главный его храм, Успенский собор в Кириллове, был построен в 1497 году. Храмовую икону «Успение Богоматери», возможно, написал Андрей Рублев. Ферапонтов монастырь основал инок московского Симонова монастыря Ферапонт, пришедший вместе с Кириллом, учеником Сергия Радонежского, в 1397 году на Белозерье. Со временем Ферапонтов монастырь стал центром русской монастырской книжности, оплотом ортодоксального православия, местом пребывания и ссылок известных священнослужителей, ученых, знаменитостей (митрополит Спиридон, реформатор Никон и другие). Кроме этого, Ферапонтов монастырь знаменит своими уникальными росписями, фресками, иконами, выполненными Дионисием (1440—1502) и его сыновьями Феодосием и Владимиром. Все уникальные фрески интерьера собора выполнены в соответствии с особым державным стилем и ритмом, созданным Дионисием. Иконы Ферапонтова монастыря отличаются изысканной простотой и утонченностью живописи. Многие из них находятся в музеях Белозерска, Третьяковской галерее и в Русском музее. Фрески для собора Рождества Богородицы Дионисий выполнил незадолго до смерти. Это его песнь в красках, прославляющая добро и красоту и сим-

волизирующая расцвет культуры и искусства Руси в период утверждения ее могущества и формирования государственности (по [Иванова 2014: 67—70]).

Этот культурологический потенциал в романе не использован в соответствии с упомянутым замыслом «неисторического романа». И можно было бы не упрекать в этом автора, если бы все его читатели были в курсе того историко-культурного фона, о котором сказано выше. К сожалению, это не так, даже очень не так, если иметь в виду среднестатистического читателя. А поэтому, прочитав роман, такой читатель получит, во-первых, искаженное и десакрализованное представление о феномене русского юродства, а во-вторых, что еще хуже, в известной степени может быть инфицирован болезнью, именуемую «комплексом национальной неполноценности». Что же касается зарубежного читателя (роман переведен на многие языки), то он, в силу непрекращающейся уже несколько столетий антирусской и антирусской пропаганды, изображающей русских людей непредсказуемыми агрессивными варварами, получит дополнительные аргументы в пользу такого взгляда на русский народ. Таким аргументом, в частности, является и самый конец романа, когда при огромном стечении народа Лавра (последнее имя главного героя) хоронят согласно такому его завещанию: *Когда я покину мое тело, им же согрешил есмь, не церемоньтесь с ним особенно. Привяжите к ногам веревку и тащите его в болотную дебрь на растерзание зверям и гадам. Вот собственно все. <...> Это мое завещание, говорит Лавр. И его следует выполнить* (с. 433).

И завещание Лавра было с рыданиями и молитвой выполнено. Оказавшийся очевидцем этих похорон купец Зигфрид из Данцига говорит русскому купцу Аверкию: *Что вы за народ такой. Человек вас исцеляет, посвящает вам всю свою жизнь, вы же всю его жизнь мучаете. А когда он умирает, привязываете ему к ногам веревку и тащите его, и обливаете слезами.*

Ты в нашей земле уже год и восемь месяцев, отвечает купец Аверкий. А так ничего в ней и не понял.

А сами вы ее понимаете, спрашивает Зигфрид.

Мы? Купец задумывается и смотрит на Зигфрида. Сами мы ее, конечно, тоже не понимаем (с. 440—441).

Не удивляет недоумение Зигфрида, так как известно, что как «Иван-дурак, которому всегда суждена победа», не имеет аналогов в западноевропейском фольклоре, так «рав-

ным образом и юродивых не знал католический мир» [Панченко 1999: 396]. А вот последняя фраза романа, принадлежащая формально купцу Аверкию, не может не быть нагруженной идеей автора романа. Возникает вопрос: какой идеей? Об этом можно только гадать, в том числе предполагать в подтексте ироническое отношение автора к таким актам православной религиозности, как проявление фанатизма и «нецивилизованности». Хотя это противоречит суждениям самого Е. Водолазкина, который в интервью Марине Токаревой на вопрос «Что для вас самое важное в герое?» отвечает: «Может быть то, что этот человек стал чужим по отношению к самому себе, стал кем-то другим, и не однажды, а многожды. Юродство — чрезвычайно высокий подвиг, и вот почему. Отшельник уходит от мира для служения Богу, зачеркивает для себя мир, чтобы остаться с Богом. Юродивый же зачеркивает не только мир, он зачеркивает собственную личность, теряет ее, самоуничужается до крайних степеней» [Токарева 2013]. А выдающийся русский историк В. О. Ключевский отмечал, что «в таком смиреннии до самоуничужения Древняя Русь видела практическую разработку высокой заповеди о блаженстве нищих духом, которым принадлежит царствие божие» [Ключевский [http](http://)].

Между прочим, и смерть, и похороны героя романа имеют исторический аналог. Известный русский святой Нил Сорский, скончавшийся 7 апреля 1508 г., в своем предсмертном завещании ученикам просил «бросить его в пустыне — в пищу зверям — или закопать его в яму с презрением». Он писал: «Оно (тело. — А. С.) тяжко согрешило перед Богом и не достойно погребения», а затем добавил: «Сколько в моей силе было, старался я не пользоваться никакой честью на земле, в этой жизни; так пусть будет и по смерти» [Житие... [http](http://)]. По этому поводу Е. В. Романенко пишет: «Просьба Нила Сорского к братии своего скита бросить его тело без всякого погребения или без чести сродни духовному состоянию Ефрема Сирина, выраженному в его завещании. Редкое, даже в среде монашества, „Завещание“ Нила Сорского (подобные примеры, кроме „Завещания“ Ефрема Сирина, можно найти только в древних житиях Арсения и Антония Великих) должно было произвести потрясающее впечатление на иноков Нилова скита. И в то же время оно еще раз ярко высветило главную черту духовного образа основателя монастыря — глубочайшее сознание своего недостойнства, которое особенно роднило его с личностью древнего святого — преподобного Ефрема» [Романенко [http](http://)].

Такому православному максимализму можно удивляться и даже изумляться, но вряд ли стоит над ним иронизировать. Тем более не следует давать повод к восприятию сакральных текстов в ироничном или пародийном ключе. Рассмотрим два фрагмента.

1. [Из описания смерти юродивого Фомы]: *...Проследив, чтобы все было записано, юродивый Фома закрыл глаза и умер. Затем он открыл на мгновение глаза и добавил:*

Постскриптум. Пусть Арсений имеет в виду, что его ждет монастырь аввы Кирилла. Все.

Сказав это, юродивый Фома умер окончательно (с. 357).

Этот эпизод не требует комментария.

2. *Фома подбежал к реке и попробовал воду большим пальцем ноги. Сокрушенно покачивая головой, он также ступил на воду. Арсений и завеличские молча наблюдали, как юродивые шли один за другим. Они слегка подпрыгивали на волнах и смешно махали руками, удерживая равновесие.*

По воде они, стало быть, только ходят, сказали завеличские. А бегать пока еще не научились.

На середине реки юродивый Карп остановился. Дождавшись юродивого Фомы, он с размаху ударил его по щеке. Звон оплеухи долетел по воде до стоявших на берегу.

Имеет право, развели руками завеличские. Это уже его территория (с. 195—196).

В научной литературе рассказывается о таком прецеденте: «Здесь (в Великом Новгороде. — А. С.) буйствовали в 14 веке Никола (Кочанов) и Федор, пародируя своими драками кровавые столкновения новгородских партий. Никола жил на Софийской стороне, Федор на Торговой. Они переругивались и перебрасывались через Волхов. Когда один из них пытался перейти реку по мосту, другой гнал его назад: „Не ходи на мою сторону, живи на своей“. Легенда прибавляет, что после таких боев блаженным случалось возвращаться не по мосту, а прямо по воде, яко посуху» [Федотов 1990: 203]. В появлении такой легенды нет ничего удивительного, ведь юродство воспринималось и почиталось как «способ подражания Христу». Однако неискушенный читатель, не зная вышеописанного прецедентного текста, соотнесет данный фрагмент (если вообще соотнесет с чем-либо) с евангельским рассказом о хождении Иисуса Христа по воде (Мф. 14: 25—33). В любом случае контекст цитируемого фрагмента романа организован таким образом, что воспринимается либо как ироничный, либо как пародийный.

Заключение

В качестве вывода скажу следующее. Я далек от мысли, что талантливое произведение писателя Евгения Водолазкина писалось с русофобскими намерениями. Однако необходимо учитывать ряд моментов.

1. Стилистические экивоки в духе постмодернизма в изображении юродивых способствуют десакрализации юродства как особо почитаемого явления в истории русского православия, что порождает противоречие между декларируемой Е. Водолазким позицией православного человека и текстом его романа.

2. Односторонне негативное изображение нравов русских людей второй половины XV — начала XVI в. при исключении позитивного исторического фона наводит читателя, не искушенного знанием истории и культуры своего Отечества, на неутешительные выводы относительно своей страны и своего народа, а иностранному читателю, недоброжелательно относящемуся к русским, дает аргумент для укрепления своего русофобского настроения.

3. Русскому писателю, стоящему на гражданских позициях ответственности за свое слово, не стоит забывать, что мы живем в эпоху информационно-психологических войн, ведущихся против России и русской цивилизации, а поэтому не следует давать повода использовать свое писательское слово против своей страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балакин А. «Неисторический роман» о познании, отречении, пути и покое [Электронный ресурс] // Colta.ru: перезагрузка. 2013. URL: <http://archives.colta.ru/docs/13964#comments> (дата обращения: 05.01.2018).
2. Barbakan. Рецензии на книгу «Лавр» [Электронный ресурс] // Livelib.ru. 2014. URL: <https://www.livelib.ru/book/1000679616-lavr-evgenij-vodolazkin> (дата обращения: 05.01.2018).
3. Басинский П. Священная тьма [Электронный ресурс] // Российская газета. Федеральный выпуск. 2012. № 5945 (272). URL: <https://rg.ru/2012/11/26/basinskij.html> (дата обращения: 05.01.2018).
4. Бернацкая А. А. Роман В. Бенигсена «Чакра Фролова» в лингвоидеологической перспективе // Экология языка и коммуникативная практика. 2017. № 4. С. 126—154.
5. Биргер Л. Отечественный производитель святости. «Лавр» Евгения Водолазкина — роман о том, что хорошего досталось и осталось в нашей стране со времен средневековой Руси [Электронный ресурс] // Газета.ru. 2013. URL: https://www.gazeta.ru/culture/2013/01/21/a_4934437.shtml (дата обращения: 05.01.2018).
6. Вежляя Е. Присвоение истории [Электронный ресурс] // Новый мир. 2013. № 11. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2013/11/11v.html (дата обращения: 05.01.2018).
7. Водолазкин Е. Г. О юродстве. Заметки на полях романа «Лавр» [Электронный ресурс] // PRM. 2014a. URL: http://priemerussia.ru/article_materials/329 (дата обращения: 05.01.2018).
8. Водолазкин Е. Г. Лавр : роман. — М. : АСТ, 2014b. 440 с.
9. Гаврилов В. В. Духовное и душевное здоровье на Руси: икона «Богоматерь Прибавление Ума» [Электронный ресурс] // Медицинская психология в России: электр. науч. журн. 2013. № 5 (22). URL: <http://mprj.ru> (дата обращения: 05.01.2018).
10. Гаврилова М. В. Лингвистический анализ политического текста // Политический анализ. Доклады эмпиричес-

ких политических исследований СПбГУ. — СПб. : СПбГУ, 2002. Вып. 3. С. 88—108.

11. Горобинская Е. А. История и сущность политического юродства в России : дис. ... канд. полит. наук. — Екатеринбург, 2000. 138 с.
12. Дебольский Г. С. Дни Богослужения православной католической восточной церкви. Т. 1. — СПб. : Изд. книгопродавца И. Л. Тузова, 1887. 664 с.
13. Жбанков М. Р. Игра // Постмодернизм : энцикл. — Минск : Интерпрессервис : Книжный дом, 2001. С. 293—294.
14. Житие преподобного и богоносного отца нашего Нила Сорского [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Nil_Sorskij/ (дата обращения: 08.01.2018).
15. Иванов С. А. Византийское юродство. — М. : Международные отношения, 1994. 236 с.
16. Иванов С. А. Блаженные похабы: культурная история юродства. — М. : Языки славянских культур, 2005. 448 с.
17. Иванова Е. А. Лингвокультурологический потенциал романа Е. Водолазкина «Лавр» // Мир русского слова. 2014. № 3. С. 66—71.
18. Ильин И. А. Свобода духа в России. Простецы по природе и юродивые во Христе // Собр. соч. : в 10 т. / И. А. Ильин. — М. : Русская книга, 1997. Т. 6. Кн. 3. С. 77—106.
19. Ильин И. П. Нонселекция // Современное зарубежное литературоведение (страны Западной Европы и США): концепции, школы, термины : энцикл. справочник. — М. : Интрада — ИНИОН, 1999. С. 238—242.
20. Каллист У. Юродивый как пророк и апостол [Электронный ресурс] // Внутреннее Царство. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Kallist_Uer/vnutrennee-tsarstvo/10 (дата обращения: 05.01.2018).
21. Каплан В. Редкий подвиг, или Что такое юродство. Беседа с доктором филологических наук, профессором Владимиром Кириллиным [Электронный ресурс] // Фома. 2012. № 6 (110). URL: <https://foma.ru/redkij-podvig-ili-cto-takoe-yurodstvo.html> (дата обращения: 05.01.2018).
22. Клибанов А. И. Юродство как феномен русской средневековой культуры // Диспут. 1992. № 1. С. 46—63.
23. Ключевский В. О. Курс русской истории [Электронный ресурс]. URL: <http://www.spsl.nsc.ru/history/kluch/kluch41.htm> (дата обращения: 08.01.2018).
24. Ковалевский Иоанн. Подвиг юродства. — М. : Лепта-Пресс, 2000. 384 с.
25. Кологривов Иоанн. Юродивые Христа ради [Электронный ресурс] // Очерки по истории русской святости. — Брюссель : Жизнь с Богом, 1961. С. 239—250. URL: http://www.odinblago.ru/rus_sviat/ (дата обращения: 05.01.2018).
26. Кононенко Б. И. Большой толковый словарь по культурологии. — М. : Вече 2000 : АСТ, 2003. 512 с.
27. Коноплев Е. Евгений Водолазкин: слово держит мир [Электронный ресурс] // Pravmir.ru. 2016. URL: <http://www.pravmir.ru/na-etape-rya-a-1/> (дата обращения: 05.01.2018).
28. Коробкова Е. «Большую книгу» получил «Лавр»: средневековый роман о средневековой России [Электронный ресурс] // Вечерняя Москва. 2013. URL: <https://goo.gl/GpbsrX> (дата обращения: 05.01.2018).
29. Круглов С. Христиане — безумцы «ради Христа»? [Электронный ресурс] // Нескучный сад. 2010. URL: <http://www.pravmir.ru/v-chem-xristiane-bezumcy-radi-xrista/> (дата обращения: 05.01.2018).
30. Купина Н. А. Русская идея в контексте современности: «Бесы» Достоевского и аксиологические суждения Бердяева // Политическая лингвистика. 2015. № 2 (52). С. 31—37.
31. Лексикон неклассики. Художественно-эстетическая культура XX века / под ред. В. В. Бычкова. — М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003. 607 с.
32. Лингвистика информационно-психологической войны : моногр. Кн. 1 / А. А. Бернацкая, И. В. Евсеева, А. В. Колмогорова [и др.] ; под ред. проф. А. П. Сковородникова. — Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2017. 340 с.
33. Лученко К. Евгений Водолазкин: человек в центре литературы [Электронный ресурс] // Pravmir.ru. 2014. URL: <http://www.pravmir.ru/chelovek-v-centre-literatury/> (дата обращения: 05.01.2018).
34. Мартиросян О. А. Юродство в русском литературном сознании : дис. ... канд. филол. наук. — Архангельск, 2011.

203 с.

35. Мирошниченко А. А. Толкование речи. Основы лингво-идеологического анализа [Электронный ресурс]. — Ростов н/Д, 1995. 112 с. URL: http://www.kazhdy.ru/andrey_miroshnichenko/rech/1/ (дата обращения: 23.01.2018).

36. Можейко М. А. Нон-селекции принцип // Пост-модернизм : энцикл. — Минск : Интерпрессервис : Книжный дом, 2001. С. 526—527.

37. Морозова Т. Евгений Водолазкин. Лавр [Электронный ресурс] // Знамя. 2013. № 4. URL: <http://magazines.russ.ru/znania/2013/4/m18.html> (дата обращения: 05.01.2018).

38. Мотейунайте И. В. Восприятие юродства русской литературой XIX—XX вв. : дис. ... д-ра филол. наук. — Великий Новгород, 2006. 330 с.

39. Мясников А. Л. Хроника человечества. Россия. — М. : Астрель : АСТ, 2003. 1200 с.

40. Новоселова П. И. Кризис духовно-нравственных основ человеческой жизни в романе Е. Водолазкина «Лавр»: проблемы поэтики [Электронный ресурс] // Язык. Культура. Коммуникация. 2016. № 2. URL: <http://journals.susu.ru/lcc/article/view/445/483> (дата обращения: 05.01.2018).

41. Панченко А. М. Древнерусское юродство // Смерховый мир Древней Руси / Д. С. Лихачев, А. М. Панченко. — М. : Наука, 1976. С. 93—104.

42. Панченко А. М. Юродивые на Руси [Электронный ресурс] // Русская история и культура: работы разных лет / А. М. Панченко. — СПб. : Юна, 1999. С. 392—407. URL: <http://ec-dejavu.ru/j/Jurod.html> (дата обращения: 05.01.2018).

43. Петухова Е. Евгений Водолазкин: «Кот Мусин был соавтором большинства моих работ» [Электронный ресурс] // Собака-СПб.ру. 2017. URL: <http://www.bigbook.ru/articles/detail.php?ID=29091> (дата обращения: 05.01.2018).

44. Почему сквернословие огромное зло? Ответы пастырей [Электронный ресурс] // Православие.ру. 2016. URL: <http://www.pravoslavie.ru/90957.html> (дата обращения: 23.01.2018).

45. Ребров Д. Юродивые: святые дураки [Электронный ресурс] // Нескучный сад. 2010. URL: <http://www.pravmir.ru/svyatyte-duraki/> (дата обращения: 05.01.2018).

A. P. Skovorodnikov
Krasnoyarsk, Russia

A FLY IN THE OINTMENT (ABOUT ONE "DETAIL" OF THE NOVEL BY YEVGENY VODOLAZKIN «LAURUS»)

ABSTRACT. The article contains a linguistic ideological analysis of the novel by Vodolazkin «Laurus». The purpose of the article is to consider ideological axiology in relation to such object as the Russian people and their national character. The material of the study is the text of E. Vodolazkin's novel «Laurus», reviews that are devoted to this novel and scientific research, including on the problems of Russian holiness reflected in this novel. As a result of research author of the article comes to conclusion that the novel gives one-sided negative evaluation of the morals of Russian people. In the novel there is an attempt to devalue such a unique phenomenon of Russian religiosity and spirituality as a holiness in Christ. There is a contradiction between the position of the Orthodox man that declared by E. Vodolazkin and the text of his novel. In particular the holy people use obscene language in the novel. Meanwhile it is reported about abnormal behavior, including speech of the Russian holy people in various sources, but there is no mention of their using of abusive language, which was considered as a terrible sin. In the novel Russian people are characterized by cruelty, occasionally this cruelty is unmotivated. At the same time, in the novel there are no kind words about the Russian people and the historical background is excluded. The author goes beyond the boundaries of ethically permissible in stylistics. There is something in common with the postmodern methods of irony and shock aesthetics. It is noted that such features of the novel in the era of information psychological wars contribute to strengthening the russophobic attitude of foreign readers.

KEYWORDS: linguo-ideological analysis; Russian people; foolishness for Christ; axiological unilateralism; social stand.

ABOUT THE AUTHOR: Skovorodnikov Aleksandr Petrovich, Doctor of Philology, Full Professor, Professor-consultant of Department of Russian Language, Literature and Communication, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia.

REFERENCES

1. Balakin A. «Neistoricheskiy roman» o poznanii, otrechenii, puti i pokoe [Elektronnyy resurs] // Colta.ru: perezyadka. 2013. URL: <http://archives.colta.ru/docs/13964#comments> (data obrashcheniya: 05.01.2018).
2. Barbakan. Retsenzii na knigu «Lavr» [Elektronnyy resurs] // Livelib.ru. 2014. URL: <https://www.livelib.ru/book/1000679616-lavr-evgenij-vodolazkin> (data obrashcheniya: 05.01.2018).
3. Basinskiy P. Svyashchennaya t'ma [Elektronnyy resurs] // Rossiyskaya gazeta. Federal'nyy vypusk. 2012. № 5945 (272). URL: <https://rg.ru/2012/11/26/basinskiy.html> (data obrashcheniya: 05.01.2018).
4. Bernatskaya A. A. Roman V. Benigsena «Chakra Frolova» v lingvoideologicheskoy perspektive // Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika. 2017. № 4. S. 126—154.

46. Романенко Е. В. Нил Сорский и традиции русского монашества [Электронный ресурс]. URL: <https://goo.gl/ByfMLe> (дата обращения: 08.01.2018).

47. Ростова Н. Н. Человек обратной перспективы: философско-антропологическое исследование феномена юродства Христа ради : дис. ... канд. филос. наук. — М., 2008. 193 с.

48. Рубцов А. В., Любимова Т. Б. Идеология и процессы социальной модернизации. Введение. — М. : Academia, 2013. С. 5—10.

49. Тетерина Е. А. Юродство как феномен русской духовной культуры [Электронный ресурс] // Наука. Общество. Государство : электрон. науч. журн. 2004. № 3 (7). URL: http://esj.pnzgu.ru/files/esj.pnzgu.ru/teterina_ea_14_3_16.pdf (дата обращения: 05.01.2018).

50. Токарева М. Известный писатель — о подвиге самоотречения, сходстве нашего времени со Средневековьем и своей неприязни к культу успеха [Электронный ресурс] // Новая газета. 2013. № 109. URL: <https://goo.gl/GzwtJ6> (дата обращения: 05.01.2018).

51. Федотов Г. П. Святые Древней Руси / предисл. Д. С. Лихачева и А. В. Меня ; коммент. С. С. Бычкова. — М. : Моск. рабочий, 1990. 269 с.

52. Хачатрян Е. О явлении юродства в христианстве и исламе (социальный и политический аспекты) [Электронный ресурс] // Суфий : электрон. журн. 2003. URL: <https://goo.gl/rUqQ2> (дата обращения: 05.01.2018).

53. Шувалов А. В. Святые или больные? Юродство как психопатологический феномен // Независимый психологический журнал. 1995. № 1. С. 34—38.

54. Шуринова Н. С. «Мертвый язык» как средство воскрешения субъективности «другого» в романе Е. Г. Водолазкина «Лавр» // Новое прошлое. 2016. № 4. С. 99—110.

55. Янчевская К. А. Юродство в русской литературе второй половины XIX века : дис. ... канд. филол. наук. — Барнаул, 2004. 195 с.

- Meditinskaya psikhologiya v Rossii: elektr. nauch. zhurn. 2013. № 5 (22). URL: <http://mprj.ru> (data obrashcheniya: 05.01.2018).
10. Gavrilova M. V. Lingvisticheskiy analiz politicheskogo teksta // Politicheskii analiz. Doklady empiricheskikh politicheskikh issledovaniy SpbGU. — Spb. : SPbGU, 2002. Vyp. 3. S. 88—108.
11. Gorobinskaya E. A. Istoriya i sushchnost' politicheskogo yurodstva v Rossii : dis. ... kand. polit. nauk. — Ekaterinburg, 2000. 138 s.
12. Debol'skiy G. S. Dni Bogoslužheniya pravoslavnoy kafolicheskoy vostochnoy tserkvi. T. 1. — SPb. : Izd. knigotorgovtsa I. L. Tuzova, 1887. 664 s.
13. Zhbakov M. R. Igra // Postmodernizm : entsikl. — Minsk : Interpresservis : Knizhnyy dom, 2001. S. 293—294.
14. Zhitie prepodobnogo i bogonosnogo ottsa nashego Nila Sorskogo [Elektronnyy resurs]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Nil_Sorskij/ (data obrashcheniya: 08.01.2018).
15. Ivanov S. A. Vizantiyskoe yurodstvo. — M. : Mezhdunarodnye otnosheniya, 1994. 236 s.
16. Ivanov S. A. Blazhennyye pokhaby: kul'turnaya istoriya yurodstva. — M. : Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2005. 448 s.
17. Ivanova E. A. Lingvokul'turologicheskiy potentsial romana E. Vodolazkina «Lavr» // Mir russkogo slova. 2014. № 3. S. 66—71.
18. Il'in I. A. Svoboda dukha v Rossii. Prostetsy po prirode i yurodivye vo Khriste // Sobr. soch. : v 10 t. / I. A. Il'in. — M. : Russkaya kniga, 1997. T. 6. Kn. 3. S. 77—106.
19. Il'in I. P. Nonseleksiya // Sovremennoe zarubezhnoe literaturovedenie (strany Zapadnoy Evropy i SShA): kontseptsii, shkoly, terminy : entsikl. spravochnik. — M. : Intrada — INION, 1999. S. 238—242.
20. Kallist U. Yurodivyy kak prorok i apostol [Elektronnyy resurs] // Vnutrennee Tsarstvo. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Kallist_Uer/vnutrennee-tsarstvo/10 (data obrashcheniya: 05.01.2018).
21. Kaplan V. Redkiy podvig, ili Chto takoe yurodstvo. Beseda s doktorom filologicheskikh nauk, professorom Vladimirom Kirilinyim [Elektronnyy resurs] // Foma. 2012. № 6 (110). URL: <https://foma.ru/redkiy-podvig-ili-chto-takoe-yurodstvo.html> (data obrashcheniya: 05.01.2018).
22. Klivanov A. I. Yurodstvo kak fenomen russkoy srednevekovoy kul'tury // Disput. 1992. № 1. S. 46—63.
23. Klyuchevskiy V. O. Kurs russkoy istorii [Elektronnyy resurs]. URL: <http://www.spsl.nsc.ru/history/kluch/kluch41.htm> (data obrashcheniya: 08.01.2018).
24. Kovalevskiy Ioann. Podvig yurodstva. — M. : Lepta-Press, 2000. 384 s.
25. Kologrivov Ioann. Yurodivye Khrista radi [Elektronnyy resurs] // Ocherki po istorii russkoy svyatosti. — Bryussel' : Zhizn' s Bogom, 1961. S. 239—250. URL: http://www.odinblago.ru/rus_sviat/ (data obrashcheniya: 05.01.2018).
26. Kononenko B. I. Bol'shoy tolkovyy slovar' po kul'turologii. — M. : Veche 2000 : AST, 2003. 512 s.
27. Konoplev E. Evgeniy Vodolazkin: slovo derzhit mir [Elektronnyy resurs] // Pravmir.ru. 2016. URL: <http://www.pravmir.ru/na-etape-rya-1/> (data obrashcheniya: 05.01.2018).
28. Korobkova E. «Bol'shuyu knigu» poluchil «Lavr»: srednevekovyy roman o srednevekovoy Rossii [Elektronnyy resurs] // Vechnyya Moskva. 2013. URL: <https://goo.gl/GpbsrX> (data obrashcheniya: 05.01.2018).
29. Kruglov S. Khristiane — bezumtsy «radi Khrista»? [Elektronnyy resurs] // Neskuchnyy sad. 2010. URL: <http://www.pravmir.ru/v-chem-khristiane-bezumcy-radi-xrista/> (data obrashcheniya: 05.01.2018).
30. Kupina N. A. Russkaya ideya v kontekste sovremennosti: «Besy» Dostoevskogo i aksiologicheskie suzheniya Berdyayeva // Politicheskaya lingvistika. 2015. № 2 (52). S. 31—37.
31. Leksikon nonklassiki. Khudozhestvenno-esteticheskaya kul'tura XX veka / pod. red. V. V. Bychkova. — M. : Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2003. 607 s.
32. Lingvistika informatsionno-psikhologicheskoy voyny : monogr. Kn. 1 / A. A. Bernatskaya, I. V. Evseeva, A. V. Kolmogorova [i dr.]; pod. red. prof. A. P. Skovorodnikova. — Krasnoyarsk : Sib. feder. un-t, 2017. 340 s.
33. Luchenko K. Evgeniy Vodolazkin: chelovek v tsentre literatury [Elektronnyy resurs] // Pravmir.ru. 2014. URL: <http://www.pravmir.ru/chelovek-v-centre-literatury/> (data obrashcheniya: 05.01.2018).
34. Martirosyan O. A. Yurodstvo v russkom literaturnom soznanii : dis. ... kand. filol. nauk. — Arkhangel'sk, 2011. 203 s.
35. Miroshnichenko A. A. Tolkovanie rechi. Osnovy lingvotseologicheskogo analiza [Elektronnyy resurs]. — Rostov n/D, 1995. 112 s. URL: http://www.kazhdy.ru/andrey_miroshnichenko/rech/1/ (data obrashcheniya: 23.01.2018).
36. Mozheyko M. A. Non-seleksiya printsipov // Postmodernizm : entsikl. — Minsk : Interpresservis : Knizhnyy dom, 2001. S. 526—527.
37. Morozova T. Evgeniy Vodolazkin. Lavr [Elektronnyy resurs] // Znamya. 2013. № 4. URL: <http://magazines.russ.ru/znamiya/2013/4/m18.html> (data obrashcheniya: 05.01.2018).
38. Moteyunayte I. V. Vospriyatie yurodstva russkoy literatury XIX—XX vv. : dis. ... d-ra filol. nauk. — Velikiy Novgorod, 2006. 330 s.
39. Myasnikov A. L. Khronika chelovechestva. Rossiya. — M. : Astrel' : AST, 2003. 1200 s.
40. Novoselova P. I. Krizis dukhovno-nravstvennykh osnov chelovecheskoy zhizni v romane E. Vodolazkina «Lavr»: problemy poetiki [Elektronnyy resurs] // Yazyk. Kul'tura. Kommunikatsiya. 2016. № 2. URL: <http://journals.susu.ru/lcc/article/view/445/483> (data obrashcheniya: 05.01.2018).
41. Panchenko A. M. Drevnerusskoe yurodstvo // Smekhovoy mir Drevney Rusi / D. S. Likhachev, A. M. Panchenko. — M. : Nauka, 1976. S. 93—104.
42. Panchenko A. M. Yurodivye na Rusi [Elektronnyy resurs] // Russkaya istoriya i kul'tura: raboty raznykh let / A. M. Panchenko. — SPb. : Yuna, 1999. S. 392—407. URL: <http://ec-dejavu.ru/j/Jurod.html> (data obrashcheniya: 05.01.2018).
43. Petukhova E. Evgeniy Vodolazkin: «Kot Musin byl soavtorom bol'shinstva moikh rabot» [Elektronnyy resurs] // Sobaka-Spb.ru. 2017. URL: <http://www.bigbook.ru/articles/detail.php?ID=29091> (data obrashcheniya: 05.01.2018).
44. Pochemu skvernoslovie ogromnoe zlo? Otvety pastyrey [Elektronnyy resurs] // Pravoslavie.ru. 2016. URL: <http://www.pravoslavie.ru/90957.html> (data obrashcheniya: 23.01.2018).
45. Rebrov D. Yurodivye: svyatye duraki [Elektronnyy resurs] // Neskuchnyy sad. 2010. URL: <http://www.pravmir.ru/svyatye-duraki/> (data obrashcheniya: 05.01.2018).
46. Romanenko E. V. Nil Sorskii i traditsii russkogo monashestva [Elektronnyy resurs]. URL: <https://goo.gl/ByfMLe> (data obrashcheniya: 08.01.2018).
47. Rostova N. N. Chelovek obratnoy perspektivy: filosofsko-antropologicheskoe issledovanie fenomena yurodstva Khrista radi : dis. ... kand. filos. nauk. — M., 2008. 193 s.
48. Rubtsov A. V., Lyubimova T. B. Ideologiya i protsessy sotsial'noy modernizatsii. Vvedenie. — M. : Academia, 2013. S. 5—10.
49. Teterina E. A. Yurodstvo kak fenomen russkoy dukhovnoy kul'tury [Elektronnyy resurs] // Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo : elektron. nauch. zhurn. 2004. № 3 (7). URL: http://esj.pnzgu.ru/files/esj.pnzgu.ru/tete_rina_ea_14_3_16.pdf (data obrashcheniya: 05.01.2018).
50. Tokareva M. Izvestnyy pisatel' — o podvige samootrecheniya, skhodstve nashego vremeni so Srednevekov'em i svoey nepriyazni k kul'tu uspekha [Elektronnyy resurs] // Novaya gazeta. 2013. № 109. URL: <https://goo.gl/GzwtJ6> (data obrashcheniya: 05.01.2018).
51. Fedotov G. P. Svyatye Drevney Rusi / predisl. D. S. Likhacheva i A. V. Menya ; komment. S. S. Bychkova. — M. : Mosk. rabochiy, 1990. 269 s.
52. Khachatryan E. O yavlenii yurodstva v khristianstve i islama (sotsial'nyy i politicheskii aspekty) [Elektronnyy resurs] // Sufiy : elektron. zhurn. 2003. URL: <https://goo.gl/rtUqQ2> (data obrashcheniya: 05.01.2018).
53. Shuvalov A. V. Svyatye ili bol'nye? Yurodstvo kak psikhopatologicheskii fenomen // Nezavisimyy psikhologicheskii zhurnal. 1995. № 1. S. 34—38.
54. Shurinova N. S. «Mertvyi yazyk» kak sredstvo voskresheniya sub'ektivnosti «drugogo» v romane E. G. Vodolazkina «Lavr» // Novoe proshloe. 2016. № 4. S. 99—110.
55. Yanchevskaya K. A. Yurodstvo v russkoy literature vtoroy poloviny XIX veka : dis. ... kand. filol. nauk. — Barnaul, 2004. 195 s.

РАЗДЕЛ 2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ

УДК 811.161.1'42:811.161.1'38
ББК ШП41.12-51+ШП41.12-55

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.01

Е. В. Гертнер
Екатеринбург, Россия

ЭКСПОЗИЦИЯ ПРЕДВЫБОРНОЙ КАМПАНИИ — 2018: ГЕНДЕРНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ

АННОТАЦИЯ. В статье анализируется экспозиция предвыборной президентской кампании 2018 года, отличительной особенностью которой стало активное участие женщин, стимулированное самовыдвижением Ксении Собчак. Задача исследования — выявление сформировавшихся в СМИ точек зрения, связанных с выдвижением женщин на пост президента РФ. Материал анализа — корпус высказываний, извлеченных из базы данных «Интегрум», а также результаты проведенного соцопроса. Непосредственный предмет наблюдения — гендерная составляющая высказываний. По данным «Интегрума» было сделано три выборки высказываний, включающих собственное имя — Ксения Собчак: выборка 1 (16.10.17 — 16.11.17; всего документов — 1281), выборка 2 (16.12.17 — 16.01.18; всего документов — 717), выборка 3 (06.03.18 — 20.03.18; всего документов — 1125). В ходе анализа отмечено изменение имиджевых характеристик Собчак в восприятии СМИ с момента ее заявления о намерении участвовать в выборах; после того, как она была зарегистрирована ЦИК; собрала необходимые подписи, сформулировала тезисы политической программы и была зарегистрирована кандидатом на пост президента РФ от непарламентской партии «Гражданская инициатива». В высказываниях, составляющих первую выборку, политическая активность женщин, в том числе представительниц шоу-бизнеса, иронически оценивается как «эффектное шоу». Особый объект иронии — «светская львица Собчак». В высказываниях, составляющих вторую выборку, ирония постепенно вытесняется рациональным осмыслением тезисов политической программы. На основе принципа гендерной дифференциации с опорой на типологию, предложенную Н. Д. Арутюновой, в статье являются классифицирующие, характеризующие, реляционные предикаты, соотношение которых позволяет зафиксировать сдвиги в коллективном восприятии имиджа Ксении Собчак — от гламурной «кандидатки в кандидаты» до официально зарегистрированного кандидата на пост президента РФ. В высказываниях, составляющих третью выборку, в составе аксиологических суждений сохраняется гендерная константа. Прогнозируется возможность дальнейшего политического будущего Ксении Собчак, занявшей четвертое место по результатам президентских выборов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: предвыборные кампании; имидж политика; политические деятели; политический дискурс; политические коммуникации; классифицирующие предикаты; характеризующие предикаты; реляционные предикаты; медиалингвистика; медиадискурс; средства массовой информации; СМИ; женскость.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Гертнер Елизавета Викторовна, аспирант кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации, Уральский федеральный университет; 620083, Россия, г. Екатеринбург, ул. Ленина, 51; e-mail: elizavetagertner@gmail.com.

2018-й стал годом выборов президента Российской Федерации. Дата выборов — 18 марта. Перед стартом официальной предвыборной кампании развернулась нестандартная экспозиция, состоящая из трех этапов. На первом этапе ЦИК зафиксировала рекорд: 70 субъектов, намеревавшихся принять участие в выборах (Российская газета. 15.01.2018; извлечения из текстов СМИ передаются светлым курсивом). По данным сайта «Выборы президента РФ», среди претендентов было 12 женщин. Особый общественный интерес вызвали четыре женщины — представительницы шоу-бизнеса.

На втором этапе состоялась подача документов в Центральную избирательную комиссию. Документы подали 30 кандидатов в кандидаты, в том числе 8 женщин. Утверждено 16, среди них только 5 женщин: Эльвира Агурбаш (предприниматель), Ирина Волынец (общественный деятель, правозащитник), Екатерина Гордон (журналистка), Наталья Лисицина (машинист башенного крана на металлургическом заводе), Ксения Собчак (журналистка, теле- и радиоведущая).

На третьем этапе зарегистрированные кандидаты в кандидаты должны были собрать необходимое количество подписей

граждан. Итоговый список кандидатов на пост президента РФ был утвержден 10 февраля 2018 г. [Центральная избирательная комиссия Российской Федерации]. Именно эта дата стала фактической завязкой избирательной кампании — 2018, участниками которой стали 8 кандидатов. В итоговый список вошла одна женщина — Ксения Собчак [Выборы президента РФ]. Включенный в текущее реальное время разворот экспозиции характеризуется уменьшением числа субъектов-действователей (от 70 до 8), а также возможным изменением их ролевого статуса: субъект выдвигается от парламентской партии (например, В. В. Жириновский); от непарламентской партии (например, Г. А. Явлинский); субъект объявляет о самовыдвижении, но затем выдвигается от партии (например, К. А. Собчак); субъект — самовыдвиженец (В. В. Путин).

Одной из первых, 18 октября 2017 г., о своем самовыдвижении под лозунгом «Собчак против всех» заявила Ксения Собчак (далее также КС). Ее примеру последовали другие женщины. Можно говорить о произошедшем гендерном взрыве. «Грамматический вирус женскости», который был зафиксирован в языковой картине мира [Вепрева 2010: 74], обнаружил себя в «политическом вирусе женскости». Деятельность

публичного политика, по мнению исследователей, крайне непроста для женщины, так как «традиционные общества не так легко впускают женщину на подобные новые для них роли» [Почепцов 2000: 622]. В этой связи следует отметить, что «существенным компонентом социальной роли является ожидание: то, чего ожидают окружающие от поведения индивида, они вправе требовать от него; он же обязан в своем поведении соответствовать этим ожиданиям» [Крысин 1989: 134]. Стратегическая задача КС — кардинальное изменение сложившегося имиджа. Проследим, как в восприятии общественности менялись имиджевые характеристики КС с момента ее заявления о намерении участвовать в выборах и после того, как она подала документы в ЦИК и приступила к сбору подписей. Известно, что в речи «может проявляться множественность точек зрения» [Успенский 2000: 15] на один объект или же общая, коллективная точка зрения. Чтобы выявить наличие последней, воспользуемся материалами базы данных «Интергум». Из указанной базы данных извлечены три выборки высказываний, включающих собственное имя КС: выборка 1 (с 16.10.17 по 16.11.17 — 1280 документов); выборка 2 (с 16.12.17 по 16.01.18 — 717 документов). Третья выборка отражает ход предвыборной кампании и ее результаты (с 6.03.18 по 20.03.18 — 1125 документов). По принципу дополнения используются материалы текстов СМИ (с 15.01.18 по 15.03.18).

В высказываниях, составляющих выборку 1, обращает на себя внимание сочетание феномен Собчак, которое акцентирует необычное для российской политической ситуации явление: *...у нас возможен сам феномен Собчак; ...федеральные каналы открыли свои эфиры как для самой претендентки, так и для обсуждения ее, так сказать, феномена*. В границах дихотомии «мужчины — женщины» возникает едкая ирония, свидетельствующая о коллективном неприятии факта самовыдвижения представительниц шоу-бизнеса, не имеющих прямого отношения к политической деятельности: *Народ шутит, что раньше знали Собчака, Гордона и Чехова мужчинами, а теперь женские версии полезли*. Объект иронии укрупняется, подчеркивается несовместимость гламура как «особого типа потребительской культуры» [Дондурей 2006: 107], чаще всего связанного именно с женским образом [см. Gundle 2006: 43], и политики. Например: *На пост президента РФ готова баллотироваться порноактриса* (Беркова); *Она* (Беркова) *пристроилась за тройкой*

гламурных самовыдвиженок — Ксении Собчак, Кати Гордон и Анфисы Чеховой; Но нужно понимать, что это еще только кандидаты в кандидаты на выборы. Объект иронии — *гламурные самовыдвиженки*.

Участие в выборах женщин интерпретируется как шоу. Эта ключевая метафора укрупняется: с ее помощью экспозиция предвыборной кампании в целом оценивается как «нечто показное, рассчитанное на шумный внешний успех» [ТСРЯ 2008: 1111]. Наблюдается развитие метафорической модели «ЖИЗНЬ — это ТЕАТР <...> прагматический потенциал этой метафорической модели определяется ярким концептуальным вектором неискренности, искусственности, ненатуральности, имитации реальности» [Чудинов 2001: 114]: *Шоу на неделе поддержали своими выдвижениями и новые „кандидаты в президенты“; ...она* (КС), *безусловно, прибавит этой президентской гонке шарма, придаст элемент шоу*. В то же время возможность участия женщины в выборах подтвердил В. В. Путин во время выступления на Валдайском форуме: *На вопрос, может ли следующим президентом России быть женщина, <...> глава государства ответил: „У нас все возможно, почему нет?“* (Независимая газета. 23.10.2017). Пресс-секретарь президента конкретизировал ответ: *Ничто не мешает Собчак стать кандидатом на президентских выборах, поскольку она „является гражданином Российской Федерации, который в соответствии с Конституцией может баллотироваться в президенты страны“* (Ежедневная деловая газета РБК. 19.10.2017). Общая мысль: КС имеет конституционное право стать кандидатом на пост президента РФ.

В корпусе анализируемых высказываний обращают на себя внимание таксономические сопроводители собственного имени КС. На основе разграничения «классифицирующих», «характеризующих» и «реляционных» предикатов [см.: Арутюнова 1999: 8] с учетом принципа гендерной дифференциации можно выделить группы предикатов, относящихся непосредственно к КС. На шкале времени (выборка 1 и выборка 2) отмечены подсистемы классифицирующих предикатов. В их числе номинации лица со значением женскости, не включенные в словообразовательные пары и обозначающие лицо женского пола (*дама, мадам, девчонка, девушка, баба, дева, женщина*); номинации-феминитивы, включенные в словообразовательные пары и обозначающие лицо женского пола по профессии и роду занятий: *журналистка, ведущая, телеведущая, радиоведущая, а также хайперша, шоуменша*; ряд суще-

ствительных лица, объединенный семантическим стержнем «участник политического процесса» (частотность этих номинаций возрастает в высказываниях, составляющих выборку 2): *оппозиционерка, претендентка, кандидатка, самовыдвиженка*. Особо выделяются номинации, включенные в словообразовательные пары, из состава которых извлекается имя мужского рода, употребляющееся в значении женского: *журналист, шоумен, блогер*, ср.: *оппозиционер, участник президентской гонки, кандидат, кандидат от партии «Гражданская инициатива», претендент на пост президента*. Характерно, что выбор имен мужского рода сопровождается преимущественно фиксацией политической деятельности КС (выборки 2, 3).

Характеризующие предикаты отражают узнаваемость КС: *известная, популярная, яркая, эпатажная*. В выборке 1 предикаты-ярлыки строятся на базе оксюморона: *гламурный лидер, светская оппозиционерка, причудливый кандидат*. Подчеркивается несовместимость сформировавшегося имиджа и имиджа политика.

Константные реляционные предикаты отсылают к именам родителей КС, чаще всего к отцу (*дочь Анатолия Собчака; дочь первого мэра Санкт-Петербурга; Собчак-младшая*).

Имиджевые характеристики КС, свидетельствующие о сформированности ожиданий адресата, подтверждаются данными, полученными в результате соцопроса, проведенного в конце 2016 г. В нем приняли участие 50 студентов Уральского федерального университета. Информантам было предложено закончить предложение: *Ксения Собчак — это...* Опрос показал, что профессиональная деятельность является основной при восприятии имиджа КС. В ответах информантов классифицирующие предикаты (*ведущая, телеведущая, радиоведущая, журналист*) являются наиболее частотными и, как правило, сочетаются с характеризующими: *блистательная, гламурная, классная* (ведущая). КС воспринимается как медийное лицо: *медиаперсонаж, медийная личность, публичная персона, знаменитость*. В ответах студентов встречаются существительные лица со значением женскости в сочетании с оценочными прилагательными: *эпатажная женщина, экстравагантная женщина, странная девушка*. Можно заметить сдвиги в восприятии имиджа КС, наведенные ее выступлением на проспекте Сахарова 24 декабря 2011 г. (предикаты: *оппозиционер, общественный деятель*), однако акцентируется несовместимость ролевых масок: *светская львица,*

но мнит себя политиком; гламурный политик; оппозиционная тетка. В ответах информантов встречаются реляционные предикаты: *дочь Собчака, дочь питерского мэра*.

Речевая действительность свидетельствует о том, что сложившиеся коллективные представления, несмотря на фактор узнаваемости, не складываются в целостный образ КС. Активная публичная деятельность, независимость суждений, обнаруживающая склонность КС к речевой борьбе, обуславливает постепенное изменение в восприятии интеллектуальной составляющей имиджа — в суждениях журналистов все чаще используются акротезы: *Ксения Собчак — это вовсе не „накрашенная кукла“, как о ней думают отдельные недоброжелатели, а вполне себе зрелый, опытный и тонкий политический игрок*. Особую роль в коллективном восприятии деятельности КС сыграла ее поддержка непарламентской партией: *Партия „Гражданская инициатива“ выдвинула на выборы президента телеведущую Ксению Собчак, ее кандидатуру поддержали 96 делегатов съезда, против высказались семеро; Собчак, ранее беспартийная, вступила в ряды этой партии и вошла в состав ее политсовета. Свое решение Собчак объяснила стремлением показать, что пришла в политику всерьез и надолго*. Информационная составляющая высказываний журналистов вытесняет оценочно-ироническую: *На заседании во вторник ЦИК рассмотрел пакет документов Ксении Собчак на выдвижение. „Разрешить кандидату на должность президента РФ Ксении Анатольевне Собчак открыть специальный избирательный счет для формирования избирательного фонда в дополнительном офисе ПАО Сбербанк“*. Отмечается, что *в избирательный фонд К. А. Собчак поступило 80 513 793,01 рубля* (Российская газета. 22.01.2018). Больше только у В. В. Жириновского (204 703 303,14 рубля) и В. В. Путина (401 439 927,38 рубля). В прессе фиксируется рост рейтинга КС: *Число намеренных голосовать за Собчак меньше чем за месяц выросло в два раза*.

В СМИ уделяется внимание политической платформе КС: *Свой основополагающий предвыборный текст под названием „123 трудных шага“ обнародовала недавно Ксения Собчак*. Отмечается, что некоторые положения программы *...трудно будет оспорить, например, тезисы о необходимости демилитаризации и деbüroкратизации экономики с конкретными поэтапными шагами в этих направлениях*. Собчак, однако, не развивает концепцию «аксиологического консерватизма, который находит естествен-

ную массовую поддержку избирателей» [Купина 2016: 39], кроме того, отдельные программные установки (*разрешены однополые браки и мелкая торговля марихуаной; призыв в армию отменен* и т. п.) противоречат внутрикультурным традициям. Прогнозируется, что КС может побороться на выборах за третье место: *„За“ Собчак — тот же эффект новизны, агрессивная кампания. „Против“ — громадный антирейтинг* (Российская газета. 13.02.2018).

По итогам выборов КС заняла четвертое место после В. В. Жириновского, который выступал ее постоянным оппонентом на телевизионных дебатах. В высказываниях, составляющих выборку 3, обсуждаются острые ситуации, включенные в оппозицию «мужское — женское», обнаруживающие восприятие импульсивности, несдержанности и эмоциональности как гендерно специфических признаков женскости: *Жириновский назвал Собчак душой, а та облила его водой; Ксения Собчак возмутилась тем, что остальные участники регулярно ее перебивают; В итоге Ксения Собчак заплакала*. В. В. Жириновский ответил ироничным комментарием: *Мама прибежит, носик утрет*. Можно сделать вывод о сохранении гендерной константы политического дискурса.

Участие женщины в выборах в качестве кандидата на пост президента приводит политиков и журналистов к серьезным размышлениям. Гендерный ярлык «скандальность» регулярно сочетается с ярлыком *светская львица*: *Ксения Собчак когда-то была всего лишь светской львицей <...> от прошлого не уйдешь, каждый шаг Собчак, даже вполне мирный, заканчивается скандалом*.

Учитывая невозможность избавления от сложившегося имиджа, КС предлагает: *Сейчас я меняюсь и хочу меняться вместе с вами. Я делаю новый шаг вперед: начинаю свою политическую деятельность* (Российская газета. 15.03.2018). Идея совместности выражается в политическом призыве: *Путь к свободе не прост, и я прошу пройти его вместе со мной*. Средствами самопрезентации являются я-высказывания: *Я отвечаю за каждый свой поступок; Я зарабатываю деньги; Я участвовала в протестах; Я родила и воспитываю сына...* (Российская газета. 15.03.2018). Гендерная идентичность не снимается, подчеркивается, что собственно женское может сочетаться с политическим. Свобода, правда, молодость, смелость — ключевые идеологемы предвыборной кампании КС: *Правда и свобода — вот две вещи, ради которых я иду в политику* [Собчак против всех].

ЗА МОЛОДОСТЬ
ЗА СМЕЛОСТЬ

СОБЧАК

Рис. Предвыборная агитация К. А. Собчак

Общественное мнение меняется в определенном направлении: *Для Собчак те голоса, которые она получила, — хороший старт и на протяжении 10—15 лет ей есть куда развиваться*. Развязка предвыборной кампании позволяет политикам и журналистам прогнозировать политическое будущее КС. Складывается темпоральная цепочка, включенная в отрезок биографического времени КС: ближайшая ретроспекция: представитель шоу-бизнеса; персонаж политического шоу; актуальное настоящее: кандидат на должность президента РФ, набравший на выборах 1,68 % голосов; реальное будущее: перспектива продолжения успешной политической деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. — М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
2. Вепрева И. Т. «Грамматический вирус» женскости на фоне тенденции к анализу в современном русском языке // Русский язык и литература в международном образовательном пространстве: современное состояние и перспективы: 2 Междунар. конф. (Гранада, 8—10 сент. 2010 г.). — Granada; Madrid: RUBINOS-1860, S. A., 2010. Т. 1. С. 74—78.
3. Выборы президента РФ [Электронный ресурс]: сайт. URL: <http://president-rf.ru/> (дата обращения: 10.02.2018).
4. Дондурей Д. Красота — это страшная сила? Опыт глянцевого кино. 2006. № 11. С. 107—118.
5. Крысин Л. П. Социоллингвистические аспекты изучения современного русского языка. — М.: Наука, 1989. 186 с.
6. Купина Н. А. Предвыборная агитационная кампания — 2016: аксиологический консерватизм и идеологический радикализм // Политическая лингвистика. 2016. № 5 (59). С. 37—44.
7. Почепцов Г. Г. Имиджелогия. — М.: Рефл-бук; Киев: Ваклер, 2000. 768 с.
8. Собчак против всех [Электронный ресурс]: сайт. URL: <https://sobchakprotivvseh.ru> (дата обращения: 20.03.2018).
9. ТСРЯ = Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / под ред. Н. Ю. Шведовой. — М.: Азбуковник, 2008. 1164 с.
10. Успенский Б. А. Поэтика композиции. — СПб.: Азбука, 2000. 352 с.
11. Центральная избирательная комиссия Российской Федерации [Электронный ресурс]: сайт. URL: <http://www.cikrf.ru/> (дата обращения: 10.02.2018).
12. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991—2000). — Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2001. 238 с.
13. Gundle S. The glamour system. — New York: Palgrave Macmillan, 2006. 211 p.

E. V. Gertner
Ekaterinburg, Russia

EXPOSITION OF THE PRE-ELECTION CAMPAIGN 2018: GENDER COMPONENT

ABSTRACT. *The article analyzes the exposition of the pre-election campaign of 2018, the distinctive feature of which was the active participation of women, stimulated by the self-nomination of Ksenia Sobchak. The task of the study is to identify the points of view formed in the media related to the nomination of women for the presidency. The material for the analysis is the texts of the Integrum database and the results of the social survey. The subject of observation is the gender component of statements. According to Integrum, three samples of statements including the name — Ksenia Sobchak were made: sample 1 (16.10.17 — 16.11.17; 1281 documents), sample 2 (16.12.17 — 16.01.18; 717 documents), sample 3 (06.03.18 — 20.03.18; 1125 documents). The change in the image characteristics of the candidate in the media texts has been noted since: the announcement of the intention to participate in the elections; after she successfully submitted the documents to the Central Election Commission; when collected signatures and formulated the thesis of her political program and registered as a candidate for the post of President of the Russian Federation from the non-parliamentary party "Civil Initiative". In the statements that make up the first sample, the political activity of women, including representatives of show business, is ironically evaluated as a spectacular show. A special object of irony is "socialite Sobchak". In the statements that make up the second sample the irony is gradually replaced by a rational understanding of the thesis of Sobchak's political program. Based on the principle of gender differentiation and using the typology proposed by N. D. Arutyunova, the article reveals the classifying, characterizing, relational predicates, the ratio of which allows us to fix the shifts in the collective perception of Ksenia Sobchak's image from glamorous candidate to officially registered candidate for the presidency of the Russian Federation. In the statements that make up the third sample axiological assertions still have gender constant. The possibility of further political future of Ksenia Sobchak is predicted.*

KEYWORDS: election campaign; image of a politician; politician; political discourse; political communication; classifying predicates; characterizing predicates; regulating predicates; media linguistics; media discourse; mass media; media; femininity.

ABOUT THE AUTHOR: Gertner Elizaveta Viktorovna, Post-graduate Student, Department of Russian Language, General Linguistics and Speech Communication, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia.

REFERENCES

1. Arutyunova N. D. *Yazyk i mir cheloveka*. — M. : Yazyki russkoy kul'tury, 1999. 896 s.
2. Vepreva I. T. «Grammaticheskiy virus» zhenskosti na fone tendentsii k analitizmu v sovremennom russkom yazyke // *Russkiy yazyk i literatura v mezhdunarodnom obrazovatel'nom prostreanstve: sovremennoe sostoyanie i perspektivy* : 2 Mezhdunar. konf. (Granada, 8—10 sent. 2010 g.). — Granada ; Madrid : RUBINOS-1860, S. A., 2010. T. 1. S. 74—78.
3. *Vybory prezidenta RF* [Elektronnyy resurs] : sayt. URL: <http://president-rf.ru/> (data obrashcheniya: 10.02.2018).
4. Dondurey D. *Krasota — eto strashnaya sila?* Opyt glyantsevoy pressy // *Iskusstvo kino*. 2006. № 11. S. 107—118.
5. Krysin L. P. *Sotsiolingvisticheskie aspekty izucheniya sovremennogo russkogo yazyka*. — M. : Nauka, 1989. 186 s.
6. Kupina N. A. *Predvybornaya agitatsionnaya kampaniya — 2016: aksiologicheskiy konservatizm i ideologicheskiy radikalizm* // *Politicheskaya lingvistika*. 2016. № 5 (59). S. 37—44.
7. Pocheptsov G. G. *Imidzhologiya*. — M. : Refl-buk ; Kiev : Vakler, 2000. 768 s.
8. Sobchak protiv vseh [Elektronnyy resurs] : sayt. URL: <https://sobchakprotivvseh.ru> (data obrashcheniya: 20.03.2018).
9. *TSRYa = Tolkovyy slovar' russkogo yazyka s vklucheniem svedeniy o proiskhozhdenii slov / pod red. N. Yu. Shvedovoy*. — M. : Azbukovnik, 2008. 1164 s.
10. Uspenskiy B. A. *Poetika kompozitsii*. — SPb. : Azbuka, 2000. 352 s.
11. *Tsentral'naya izbiratel'naya komissiya Rossiyskoy Federatsii* [Elektronnyy resurs] : sayt. URL: <http://www.cikrf.ru/> (data obrashcheniya: 10.02.2018).
12. Chudinov A. P. *Rossiia v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoy metafory (1991—2000)*. — Ekaterinburg : Ural. gos. ped. un-t, 2001. 238 s.
13. Gundle S. *The glamour system*. — New York : Palgrave Macmillan, 2006. 211 p.

М. М. Гукасова
Краснодар, Россия

КОМБИНИРОВАННАЯ МОНОСИСТЕМНАЯ ПЕРСОНАЛИЗАЦИЯ НА ПРИМЕРЕ ПУБЛИЦИСТИКИ ВСЕВОЛОДА ОВЧИННИКОВА

АННОТАЦИЯ. Работа посвящена такому многогранному междисциплинарному феномену, как персонализация. Специальное внимание уделено политическому контексту персонализации. Принято выделять непосредственную персонализацию (такая персонализация, которую раскрывают указания на «персону», например, система наименований лица), опосредованную (лицо характеризуется через иные именованности: номинации проблем, событий, животных; в анализируемом медиатексте — через общие философские, социальные, духовные, этические проблемы) и комбинированную, сочетающую оба основных типа. На примере анализа медиатекста В. Овчинникова (публицистический цикл «Ветка сакуры») автор исследования выявляет комбинированный монотипный характер персонализации. Исследование позволяет сделать вывод о многоаспектности персонализации в медийном творчестве В. Овчинникова, которая проявляется в единстве бытия человека с природой, в ее деятельностном, созидательном и потребительском подходах. Выделяется шесть компонентов рассмотрения персонализации: знаниевый, профессиональный, эмоциональный, волевой, креативный и патриотический. Текстобразующим для исследуемого текста является представление амбивалентности; формулируется предлагаемое В. Овчинниковым «рабочее определение» японской натуры: японская натура в принципе двойственна, и это проявляется разносторонне и специфически. В некоторых контекстах двойственность реализуется как трезвая самооценка субъектом ограниченности его понимания. С помощью публицистического типа познания, с опорой на персонализацию в журналистском тексте читатель начинает проникать в сознание народа, особенности его искусства, архитектуры, живописи, его эстетики. Обстоятельность, глубина познаний В. Овчинникова о Японии как предпосылка успеха его работы проявляются в публицистическом начале его книги, в живой реакции на актуальные события.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический контекст; непосредственная персонализация; комбинированная персонализация; монотипная персонализация; медийный образ; журналистика.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Гукасова Мира Михайловна, преподаватель Института среднего профессионального образования, соискатель кафедры истории и правового регулирования массовых коммуникаций, Кубанский государственный университет; 350040, Россия, г. Краснодар, ул. Ставропольская, д. 149; e-mail: mira_1966@mail.ru.

Для современной науки о журналистике характерно взаимодействие установок, нацеленных на объяснение связей между новыми тенденциями медиаведения и динамикой самих медиа. Так, привлекают всё большее внимание изменения в пространстве очерка [Седенкова 2009]. Эти изменения соотносятся с определенными способами раскрытия реальности, которые ранее не обобщались на медийном материале. В их системе заслуживает внимания персонализация, определяемая на основе соотнесения дефиниций как такое «медийное представление потребности личности в активной созидательной деятельности, которое проявляется в общественно-политической, культурной, экономической, научной сферах с привлечением масс-медиа» [Гукасова 2016: 57]. При этом «популярные издания маркированы персонализацией как в содержательном, так и в стилистическом отношении» [Мальцева 2008: 146]. Показательно, что Р. И. Мальцева иллюстрирует эту закономерность медийным раскрытием политической проблематики. Системную значимость подобного освещения поддерживает иное понятие — позиционирование, т. е. «фиксация определенного понятного аудитории образа, имиджа отображаемого объекта или явления действительности, продуцируемая и репродуцируемая средствами массовой информации и другими медиа с целью занять обособленное положение в сознании целевой аудитории» [Самойленко 2017: 30]. Указанная целевая, а

точнее телеологическая направленность также раскрывается на примере политического контента.

Цель данной статьи — выявить проявления персонализации в публицистическом дискурсе.

Явление персонализации требует междисциплинарного рассмотрения. Персонализация характерна для медийной сферы. По характеру проявления персонализация бывает непосредственная, опосредованная и комбинированная. Непосредственной является такая персонализация, которую раскрывают указания на «персону», например, система наименований лица. Опосредованной оказывается персонализация, при которой лицо характеризуется через иные именованности: номинации проблем, событий, животных и др. При комбинированном характере в персонализации сочетаются два вышеуказанных метода. Средства медиадискурса как классификационное основание могут уточнять вышеуказанную характеристику; такими средствами становятся конкретные единицы двух видов: или специально выделяющие, подчеркивающие персону, или же освещающие ее без «самоактуализации», а в разносторонних связях. Соответственно различаем специализированную и неспециализированную передачу персонализации. Монотипная комбинированная специализированная персонализация определяется в единстве непосредственных и опосредованных показателей: личность освещается как конкретными указаниями на персону, само-

оценкой, так и косвенно, обобщенно через наименования проблем и т. п. [Гуасова 2018: 137—139].

В медиаведческом плане такую персонализацию уместно проиллюстрировать на примере публицистики В. Овчинникова. Известный журналист-международник, японист, публицист В. В. Овчинников (более сорока лет проработавший корреспондентом, политическим обозревателем газеты «Правда» в Японии, затем обозревателем «Российской газеты») длительное время разрабатывает тему единства бытия человека с природой. Результатом его работы стал, в частности, публицистический цикл «Ветка сакуры. Рассказ о том, что за люди японцы», впервые представленный в рамках журнальной периодики — изданный в «Новом мире» в 1970 г. [Докучаева 2012: 137—140].

Установка на персонализацию представлена уже в подзаголовке («...что за люди...») и развернута в пространстве всего дискурса. Оговорим, что для логической структуры понятия «персонализация», используемого в филологическом исследовании, значим ряд аспектов, которые связаны с созидательной установкой личности, закрепляются в разных категориальных системах и объединяются в междисциплинарном контексте. Отметим шесть основных взаимодополнимых аспектов; они выделяются на различных совместимых классификационных основаниях и соотносятся с персонализацией. Это следующие компоненты: знаниевый, профессиональный, эмоциональный, волевой, креативный (в иной системе координат — акциональный) и патриотический.

Знаниевый аспект (компонент) определяется как осознание самим человеком своего персонального потенциала. «Знание с точки зрения уровня персонализации можно разделить на явное (формализованное) и скрытое. ...Неявное знание существует на персональном уровне, поэтому его достаточно сложно формализовать, передать, использовать кому-нибудь, кроме владельца» [Разинкина 2014]. При этом знаниевый компонент логической структуры понятия «персонализация» включает и когнитивную составляющую. В этих же категориальных координатах определяется второй компонент — профессиональный, обращенный к жизненному самоопределению личности, непосредственно влияющий на качество жизни человека, его самореализацию, чувство собственного достоинства и значимости. С двумя названными аспектами соотносится третий компонент логической структуры понятия персонализации — эмоциональный, понимаемый онтологически: «...в эмоциях и чув-

ствах как раз и отражается соотношение между тем, „чего хочет“ человек, и тем, „что он может“. А в результате во многом возникает то, „что он есть“» [Рубинштейн 2002: 681]. В используемом категориальном аппарате с тремя аспектами закономерно связан четвертый — волевой компонент логической структуры понятия «персонализация», который определяет реализуемость знаниевых, эмоциональных и иных установок и конкретизируется как мужество, настойчивость, решительность, целенаправленность. Четыре указанных аспекта (компонента) предопределяют системную значимость пятого — креативного. Как компонент логической структуры понятия персонализации он «выражается в способности к творчеству, <...> реализуется в форме новых идей и подходов в науке, культуре, политике, бизнесе — словом, во всех динамичных областях жизни... Этим и определяется ее ценность для общества» [Ободникова 2013: 125—127]. Опираясь на дефиниционный анализ, уместно сблизить креативный компонент с акциональной (деятельностной, преобразовательной) стороной персонализации. «Человек как субъект деятельности планирует, организует, направляет, корректирует ее. В то же время сама деятельность формирует человека как ее субъекта, как личность» [Ждан 2007: 75—76].

В дефинициях креативности и акциональности архисемой выступает элемент «созидание», причем в них может акцентироваться двунаправленность отношений между феноменом личности и феноменом деятельности. В логическую структуру понятия персонализации, судя по исследовательской практике и по эмпирическому материалу, входит и шестой, патриотический компонент, выделяемый с учетом аксиологических и нравственных оснований. В нем обобщаются социально-психологические и нравственные качества личности, сочетающие в себе чувство любви к Родине, ответственность за развитие ее социальных и политических институтов, осознание себя как полноправного гражданина, обладающего совокупностью прав и обязанностей. Примечательны в этом плане суждения философа И. А. Ильина: «...далеко не каждому суждено любить свою родину, и соответственно стать патриотом. Это объясняется отсутствием у людей духовного начала, преобладанием лично-эгоистических или эгоистических классовых интересов над более возвышенными, в том числе истинно патриотическими»; «Идея родины предполагает в человеке живое начало духовности...»; «Есть люди, никогда не бывавшие в России и еле говорящие по-русски, но сердцем поющие и тре-

пещущие вместе с Россией...» Таким образом, «чтобы постигнуть сущность родины, необходимо уйти вглубь своего сердца, проверяя и удостоверяясь, и обнять взором весь объем человеческого духовного опыта» [Ильин: 171—176].

Проиллюстрируем проявление каждого из шести компонентов в пространстве персонализации. Нижеследующий контекст раскрывает их в единстве: «В быту японцев прочно укоренились обычаи коллективно любоваться наиболее поэтическими явлениями природы. Зимой принято любоваться свежесвыпавшим снегом. Весной — цветением сливы, азалий, вишни. ...Речь идет не о каком-то избранном классе. Металлургические заводы, профсоюзы шахтеров, электротехнические фирмы, рыболовецкие артели заказывают для этого целые экскурсионные автоколонны... Японцы не любят оценивать искусство на бегу, приемля его лишь как часть повседневной жизни. Чайная церемония, мастерство икебана, стихосложение, любование природой — все это объединено у них названием „фурю“, что можно перевести несколькими старомодным термином „изящные досуги“... Японцы, побывавшие в Соединенных Штатах, поражаются тому, как много там людей — и причем людей богатых — не имеют никаких художественных интересов. В противоположность этому у японцев, особенно в пожилом возрасте, непременно есть излюбленные увлечения: живопись, выращивание хризантем, коллекционирование керамики...».

Личностное и обобщенное начала в персонализации определяются «излюбленными увлечениями». В заключительных высказываниях контекста представлен знаниевый компонент: увлечение взаимообусловлено знанием его предмета, «погружением» в чайную церемонию, в секреты стихосложения и т. д. Этому закономерно сопутствует волевая установка. Патриотический компонент персонализации определяется не прямолинейно — и оттого с особой системностью: типичная самоидентификация японцев связана с художественными интересами (в отличие от их значимого отсутствия, например, у многих американцев). Оригинально раскрыт креативный компонент персонализации — это единство созерцания и духовного созидания. На периферии и притом в системной связи с иными компонентами проявляется профессиональный аспект: показателен тот факт, что увлечением могут быть объединены лица разных профессий (шахтеры, металлурги, рыбаки...).

Стержневым же компонентом семантической структуры персонализации оказывается

эмоциональный, а точнее, эмоционально-оценочный аспект. В его представлении взаимодействуют четыре средства. Это единицы, связанные ассоциативно-деривационными системными отношениями («любование», «излюбленный»); специализированный квалификатор: «оценивать»; и носитель метаязыковой характеристики с японской лексемой: «...стихосложение, любование природой — все это объединено у них названием „фурю“, что можно перевести несколько старомодным термином „изящные досуги“».

Рассмотрим публицистический цикл В. Овчинникова «Ветка сакуры» со стороны системных характеристик персонализации. Цикл, по признанию самих японцев, стал одним из лучших произведений об их стране. Известно, что в Японии сложилась своя модель демократии, на которую оказали влияние национальная социокультурная и этико-правовая специфика, традиции политической культуры. Специфика формирования гражданского общества в Японии состоит также в том, что здесь еще в Средневековье, с V—VI вв. н. э., активно, разносторонне, оригинально развивается процесс формирования личности, причем традиционно ценится сохранение гармоничных отношений между человеком и природой. В 1971 г. в этой стране было создано Агентство по охране окружающей среды (ныне Министерство окружающей среды). Журналист-международник В. Овчинников стремится проникнуть в сущность природного явления, понять и объяснить читателю наиболее важное, значимое для Японии и самих японцев, через определенные природные и национальные символы раскрыть душу этого загадочного, стойкого, мужественного, умного народа. Здесь проявляется не только непосредственная, но и моносистемная опосредованная специализированная персонализация. В таких случаях личность персонализуется опосредованно, без узко определенной характеристики человека или его конкретного творческого «продукта» и т. п., а, например, через общие философские, социальные, духовные, этические проблемы. При этом налицо специализированность, т. е. соотнесенность с конкретной личностью или объектом природы. Таков следующий фрагмент в материале, главной темой которого стали цветение сакуры, священная гора Фудзияма.

Обратимся к лингвистической верификации приведенных медиаведческих положений.

При этом опираемся на исследовательскую практику анализа дискурсивных определений Японии, учитываем специфические языковые характеристики публицистического

дискурса, включая «ответственность автора», средства ее выражения [Федосюк 2013: 227], и тот факт, что «СМИ создают и поддерживают целостную, упорядоченную картину мира» [Добросклонская 2015: 78]; эта упорядоченность может носить динамический характер, например в представлении образов той или иной страны зарубежными медиа [Егорова 2016: 3—4; Тарасенко 2014: 11 и след.]. В специальной работе Н. Б. Руженцевой «Япония в определениях-репликах: дискурсивный контекст как фактор текстообразования» (2013) представлено, в частности, семь основных характеристик на материале публицистики Вс. Овчинникова, для которой показателен неpoleмический контекст. Это широкий круг дефиниций, выделенных в одном ряду на взаимодополняющих основаниях: от социокультурных до «определений-аллюзий» [Руженцева 2013: 19—32].

Для исследуемого материала особо значимы «определения, подчеркивающие парадоксальность, непредсказуемость Японии» [Там же: 24]. В аспекте персонализации это специфическое дефинирование развивается в характеристику двойственности, амбивалентности. Причем она значима для персонализации как сама по себе, так и в единстве с другими категориальными характеристиками. Напомним, что текстообразующая роль представления амбивалентности на ином материале выявлена, например, в специальной работе Е. И. Дибровой уже в первые годы XXI в. (см. также недавние работы А. А. Голубковой, Е. О. Труфановой и других ученых) [Диброва 2004: 6—26; Голубкова 2016: 170—181; Труфанова 2017: 100—112].

Репрезентативен контекст, открывающийся фрагментом: «Двойственность японской природы проявляется в контрасте между суровым, бескомпромиссным подавлением личных порывов во имя долга и поразительной терпимостью к человеческим слабостям, на которые японцы смотрят скорее как на человеческие радости».

Такие контексты обобщаются следующим «рабочим определением»: **Японская натура в принципе двойственна, и это проявляется разносторонне и специфически.**

Соотнесем четыре аспекта этого определения, существенных для персонализации. Это акцентирование самого феномена контраста, одновременность и попеременность проявления полярных смыслов, их семантическая специфика и аксиологическая сторона.

Феномен контраста закрепляется в контексте специализированными средствами: «контраст», «столкновение», «противобор-

ство». Их лексическое разнообразие акцентируют системную семантическую и, шире, сущностную общность.

Одновременность и попеременность проявления контрастных начал представлены лингвистически упорядоченно. Показательна двойственность эмоциональных, этических, деонтологических отношений, характеризующаяся антонимами и явленная как доминанта, двойственность «здесь и сейчас» — «в контрасте между суровым, бескомпромиссным подавлением личных порывов во имя долга и поразительной терпимостью к человеческим слабостям, на которые японцы смотрят скорее как на человеческие радости».

Не менее показательна попеременность контрастных проявлений, которую также предполагает вышеприведенное определение двойственности. Например: «Японец же именно в среднем возрасте меньше всего хозяин сам себе. Но, как ни странно, к этому его приучают подчеркнутой, даже чрезмерной свободой в ранние годы жизни».

Семантическая специфика контраста углубляет системную суть принципиального характера двойственности. Для персонализации значимо контрастное соотнесение «личность — группа». См.: «Действительно, вступая в 21-й век Япония предпринимает энергичные усилия, чтобы из „царства групп“ превратиться в „царство личностей“».

Не менее актуально представление органической двусторонности природы, души. Причем ему сопутствует семантическое уточнение отличий японской ментальности, духовности от западной: «Это никак не вяжется с укоренившимся на Западе взглядом относительно духа и плоти как враждующих в человеке сил, первая из которых олицетворяет добро, а вторая — зло».

Двойственность человеческой природы японцы толкуют по-иному. Они считают, что у всякой души есть как бы две стороны: мягкая и жесткая, подобно тому как одна и та же рука может разить врага и ласкать ребенка; японцы не видят в людской природе противоборства духа и плоти, им также не присуще смотреть на жизнь лишь как на столкновение добра и зла».

Такое использование системных семантических отношений, прежде всего антонимических и ассоциативных, включает элемент отрицательной дефиниции в развернутой характеристике, «контекстуальном толковании».

Аксиологическая сторона определения японской природы как принципиально двойственной взаимосвязана с предшествующими аспектами и представлена у публициста с помощью квалификаторов контрастных

оценок: нельзя — надо — надлежит. Например: «Нельзя ценить лишь душевную мягкость, порицая жесткость, или наоборот. К жизни надо всякий раз обращаться именно той стороной души, какой надлежит».

Двойственность показательна не только сама по себе, но и в единстве с другими смысловыми характеристиками, значимыми для персонализации. Такова характеристика непостижимости японского характера для иностранца, она выступает как основа следующего рабочего определения: **Япония — страна, у которой духовный мир жителей доступен наблюдателю лишь внешне.** Показателен контекст, значимый для персонализации автора-публициста:

«...в тот вечер я осознал, какой непроницаемой стеной еще скрыт от меня внутренний мир японцев. Много ли толку было понимать их язык — вернее, слова и фразы, если при этом я с горечью чувствовал, что сам строй их мыслей мне непостижим, что их душа для меня пока еще потемки.

Была, правда, минута, когда все вдруг стало понятным и близким, когда охмелевшие женские голоса стройно подхватили знакомую мелодию:

...И пока за туманами
Видеть мог паренек,
На окошке на девичьем
Все горел огонек...

Как дошла до них эта песня? То ли их мужья привезли ее из сибирского плена, прежде чем свирепый шторм порешил рыбацкие судьбы? То ли эти женщины овдовели еще с войны и от других слышали эту песню об одиночестве, ожидании и надежде, до краев наполнив ее своей неутолимой тоской? <...> то утихала, то оживлялась беседа. Но я уже безнадежно потерял ее нить».

В контексте двойственность реализуется как трезвая самооценка субъектом ограниченности его понимания. Этому служит столкновение двух смысловых полюсов. Таково мимолетное и притом иллюзорное, внешнее впечатление ясности: «минута, когда всё вдруг стало понятным и близким» — и глубинная непостижимость: «непроницаемой стеной скрыт от меня внутренний мир японцев». Лингвистическая определенность последней представлена и линейно, сильными позициями: от начальной, где внутренний мир скрыт «непроницаемой стеной», до финальной с констатацией утраченной смысловой ясности: «потерял... нить». А близкие к начальному фрагменту актуализируемые семы «понятности, близости» только подчеркивают принципиальную непостижимость внутреннего мира.

Для публициста важна основательность

знаний о стране, причем знать нужно так, чтобы читатель не превзошел наблюдательностью самого автора. Для этого мало одного любопытства, простой заинтересованности предметом. Всеволод Овчинников не просто побывал на Японских островах, прожил там несколько лет. К этой книге его подготовила и журналистская работа в Китае, и глубокая любовь к языкам, культуре, народам Востока, и внимательное изучение литературы и быта. В. Овчинникову в «Ветке сакуры» мастерски удалось передать всю «многоцветность» Японии, сложность и философскую глубину народа с древней историей и древней культурой. Из этой книги читатель узнает, что для японцев означает чайная церемония — целый ритуал и какую роль в их жизни играют цветы (целое искусство — создание икебаны).

Цветение сакуры явлено в своеобразной системной семантической связи с представлением национального характера. Этому служит актуализация трех основных типов отношений. Во-первых, используется полисемия. В контексте реализуются два лексико-семантических варианта прилагательного «розовый»: цветовой и оценочный. Они даны в искусно-органичном взаимодействии: «...их (японцев. — М. Г.) изображали только одной краской — или розовой, или черной.

Сакура, то есть вишня, которая украшает множество японских вееров, кимоно и фуро-сики, цветет действительно розовыми цветами. Я не думаю, однако, чтобы розовой была жизнь Японии».

См.: «**РОЗОВЫЙ.** <...> 2. Бледно-красный. <...> 4. Ничем не омраченный, заключающий в себе только приятное, радостное, светлое» [Большой толковый словарь русского языка 2014: 1127].

Во-вторых, цветение вишни лингвистически конкретно ассоциируется с «окраской бытия» японцев. Этому вектору персонализации сопутствуют ассоциации, обобщающие многоаспектность и трепетную мимолетность цветущей сакуры: «Ее розовые соцветия волнуют и восхищают японцев не только своим множеством, но и своей недолговечностью». Доминантная сема в единичах контекста — мимолетность.

Непосредственная персонализация — раскрытие своеобразного объекта любования: способность восхищаться этим творением природы раскрывает особую эмоциональную глубину и «созерцательную креативность» личности.

В-третьих, на основе такой непосредственной персонализации закономерно вырастает опосредованная — особая направленность человеческого познания. См.: «По-

этизация изменчивости, недолговечности связана со взглядом буддийской секты дзэн, оставившей глубокий след в японской культуре. Смысл учения Будды, проповедует дзэн, настолько глубок, что его нельзя выразить словами. Его можно постигнуть не разумом, а интуицией; не через изучение священных текстов, а через некое внезапное озарение. Причем к таким моментам чаще всего ведет созерцание природы в ее бесконечном изменении». В представлении человека как субъекта, «персоны» познания ведущую роль играют согипонимические системные семантические отношения, ряд «разум — интуиция — слова — озарения» как разные «модусы» постижения бытия. Предполагаем также проявление лексико-семантической конверсии; способом выражения оказывается невыразимость: «Смысл учения настолько глубок, что его нельзя выразить словами». Причем способ этот особый, в чем-то обладающий высокой объяснительной силой.

Отмеченные особенности обобщаются в сложном единстве. С необходимостью дополняют друг друга крайне различные средства: от полисемии единицы «розовый» до системных отношений в паре «разум — интуиция». В пространстве персонализации, таким образом, востребуется особая упорядоченность выявленных лингвистических характеристик.

С помощью публицистического типа познания с опорой на персонализацию в журналистском тексте читатель начинает проникать в сознание народа, особенности его искусства, архитектуры, живописи, его эстетики.

Примером служит контекст, построенный на основе гипо-гиперонимических системных семантических отношений: «Японцам присуща не столько решимость покорять, преобразовывать природу, сколько стремление жить в согласии с ней. Этой же чертой пронизано их искусство. Японские архитекторы возводят свои постройки так, чтобы они сливались с окружающей средой, были открыты ей. Цель японского садовника — воссоздать природу в миниатюре. Ремесленник стремится показать фактуру материала, повар — сохранить вкус и вид продукта».

Опорной для персонализации оказывается цепочка: гипероним «японцы» и гипонимические номинации профессий: японский архитектор — садовник — ремесленник — повар... Открытый характер ряда соотносен со строгой лингвистической организацией, в которой участвуют целевые и инструментальные семы. При этом грамматические значения моделей двусоставных предложений, глагольных и именных (схемная семан-

тика), организованы в контексте таким образом, что формируется значение всеобщности особого созидания. В итоговой характеристике персонализация оригинально соединяет разные меры обобщенности: «Стремление к гармонии с природой — главная черта японского искусства. Она определяет подход художника к материалу».

Только владея знаниями нелегкого японского языка и культуры, автор может расшифровать загадки Страны восходящего солнца. Публицист приводит выдержки из многих трудов зарубежных авторов, создавая таким образом обширную библиографию о стране. Десятки имен показывают основательность В. Овчинникова. Более того, весь этот материал органически вошел в книгу, пять больших разделов которой названы: «Их вкусы», «Их мораль», «Их быт», «Их труд», «Их помыслы». Уже эти названия показывают, какое увлекательное путешествие совершит читатель вместе с автором по Японии.

Обстоятельность, глубина познаний В. Овчинникова о Японии как предпосылка успеха его работы проявляются в публицистическом начале его книги, в живой реакции на актуальные события, в той смелости, с которой пересекаются в его работе различные исторические пласты. По мнению профессора В. В. Тулупова, «профессиональные и личностные качества журналиста можно оценить с точки зрения действия внутренних, внешних и субъективных факторов». Внутренние факторы он связывает «с особенностью самой профессии, журналистского труда: оперативность, аналитизм, объективность, сообразительность, находчивость, обаяние, креативность, эрудированность, владение устным и письменным словом, умение вести полемику, поддерживать дискурс, потребность рассказывать, умение создавать оригинальный информационный продукт, следование профессиональным и этическим стандартам» [Тулупов 2014: 216]. В этом участвуют также внешние и субъективные факторы. Первые влияют извне: требования к знанию родного и иностранных языков, к универсальности, к технической подготовленности. Субъективные же факторы, по мнению В. В. Тулупова, связаны с человеческими качествами специалиста: гражданственность, пассионарность, ответственность, честь и достоинство, смелость, мужество, доброта, физическое здоровье. Эти факторы присущи публицистике В. Овчинникова и определяют комбинированный характер персонализации. Один фактор подтолкнул к идее написать «Ветку сакуры» и об-
разно, с помощью выразительных средств,

осуществить эту идею доступным языком. Без знания японского языка, без смелости писателя, интеллектуально, физически и духовно постигшего вершину священной японской горы, читатель не узнал бы о «Японии публициста», т. е. стране с разноцветными переливами и полутонами (можно трактовать это и как понимание, вживание публициста в японскую культуру, менталитет). Здесь самым прямым образом проявился второй фактор. Третий фактор выразился в гражданской позиции В. Овчинникова, который не остался равнодушным и поднял проблему стонущего от боли национального символа японцев на мировом уровне.

Основная цель этих очерков для публициста — расширение кругозора читателей, просвещение своих собеседников. Овчинников вводит их в загадочный мир Страны восходящего солнца. Рассказ о том, что за люди японцы и каковы их ценности, сыграл значимую роль в формировании медийного образа Японии. Публицистика писателя была востребована обществом, она выходила в СССР как раз в то время, когда «многие читатели интересовались и жизнью других стран, научными исследованиями: географическими, этнографическими и т. п. Возникла потребность в прессе о путешествиях в широком смысле этого слова» [Ростовская 2018: 29]. «Ветка сакуры» — своеобразный путеводитель по японской душе; по выражению самого Овчинникова, «японский характер можно сравнить с деревцем, над которым долго трудился садовод — изгибая, подвязывая, подпирая его. Если даже избавить такое дерево от пут и подпорок, дать волю молодым побегам, то под их свободно разросшейся кроной все равно сохраняются очертания, которые были когда-то приданы стволу и главным ветвям». На протяжении всей книги автор подробно выясняет, как создавался характер целого народа. Живо, эмоционально автор повествует нам о символе Японии — священной горе Фудзияма («Восхождение на Фудзи»). Символьность автор сам разгадал благодаря своей профессии — и сразу просвещает читателя. Лишь только Овчинников взобрался на самую вершину горы (3776 метров), он вспомнил японскую пословицу: «Кто ни разу не взобрался на эту гору, тот дурак; но кто вздумал сделать это дважды, тот дважды дурак». Дорогу на Фудзи он описывает как священный ритуал: «На высоте 3776 метров сами собой приходят возвышенные мысли.

Но, взобравшись на Фудзи, лучше любоваться далями — не приглядываться к самой вершине, не смотреть под ноги». Публицист

согласен с японцами, что «традиционное паломничество делает человека чище». А далее автор закономерно поднимает нравственные проблемы, которые «испытывает народная гора», ввергнутая в политический контекст: «Но четверть миллиона восхождений в год отнюдь не очищают саму святыню. Вершина вулкана похожа уже не столько на отвал шлака, сколько на свалку мусора. Повсюду разбросаны консервные банки, пестрые обертки, пустые бутылки... Местные старожилы помнят со слов своих дедов народные приметы, которые предвещают очередное извержение Фудзи. Нынешнее поколение окрестных жителей научилось распознавать приближение бедствий иного рода. Корея, Вьетнам, Персидский залив — каждой американской авантуре в Азии предшествовали или сопутствовали военные учения на склонах Фудзи». Подножие священной горы все послевоенные годы служит полигоном для морской пехоты США — профессиональных карателей, составляющих ядро «корпуса быстрого развертывания».

Сравнивая священную гору с «израненным телом», журналист словно беседует с японской святыней и доносит до нас ее величие: «Фудзи — это вулкан правильной конической формы, самая высокая и самая красивая гора в Японии... Фудзи волнует своей картинностью в благородном смысле этого слова. Кажется, перед тобой не явление природы, а произведение искусства...». И будто предупреждением человечеству за его неправильное отношение к природе звучит заключительная часть очерка: «Иностранные туристы падки на сувениры с изображением Фудзи. Для них это марка местной экзотики, вроде наклейки на чемодан. Да, Фудзи действительно можно считать национальным символом Японии. И будь жив Хokusai, он запечатлел бы на своей очередной гравюре ее сто первое лицо. Он изобразил бы не только воронки на теле горы, но и крестьянок, бесстрашно загорадивших собой боевые мишени. Он сумел бы показать, что израненная святыня, символизирующая собой трудолюбивый японский народ, — вулкан дремлющий, но не потухший, вулкан, который способен проявить спокую могучую силу...». Сегодня многие туристы преодолевают вершину Фудзи не для того, чтобы пройти какой-то путь очищения, познания Истины, красоты мира и Природы, а для того, чтобы перед собратями кичиться: «Я был на Фудзи. Вот какой я — крутой!».

Системные семантические отношения, в которые вступает номинация «Фудзи», способствуют персонализации. Этот топоним охвачен единством разноплановых связей,

включая ономаσιологические и экспрессивные. Наиболее обобщенным является символический смысл «Фудзи-символ»: «Фудзи действительно можно считать национальным символом Японии». Уже этот высокий уровень обобщенности определяется в ассоциации с человеком, народом: «святыня, символизирующая собой трудолюбивый японский народ, — вулкан дремлющий, но не потухший, вулкан, который способен проявить свою могучую силу...». Ассоциативные отношения опираются на ряд сем, включая «покой» и «сила», и реализуют нормативную связь «гора» — «человек», отраженную в специальном академическом «Русском ассоциативном словаре» [РАС 2002, т. 1: 140].

Системные ассоциативные отношения «Фудзи — лицо», «Фудзи — крестьянка» представляют персонализацию специализированно: «И будь жив Хокусаи, он запечатлел бы на своей очередной гравюре ее (Фудзиямы. — М. Г.) сто первое лицо. Он изобразил бы не только воронки на теле горы, но и крестьянок, бесстрашно загородивших собой боевые мишени». В этом контексте слова «гора» и «человек» углубляют семантику друг друга. Такому соотношению сопутствуют ассоциативно-деривационные отношения, представляющие сакральные меры личности: в контексте последовательно используется ряд «святыня — священная гора».

Функциональный оттенок системных семантических отношений определяется в ряду «гора — паломничество — человек»: «традиционное паломничество делает человека чище».

Персонализации способствуют и эмоционально-экспрессивные характеристики. Так соотносятся единицы «самая красивая — волнует — картинность». Их своеобразную системность представляет семантический оттенок рукотворности («произведение искусства» в конце фрагмента). См.: «...это вулкан правильной конической формы, самая высокая и самая красивая гора в Японии... Фудзи волнует своей картинностью в благородном смысле этого слова. Кажется, перед тобой не явление природы, а произведение искусства...». Семантический оттенок рукотворности также обращен к личности, специфически соединяя независимое от человека творение природы и его особую значимость в постижении личности.

Публицистические произведения В. Овчинникова можно рассматривать как медийный «вариант решения проблемы», о котором говорит медиавед Д. Ю. Волокитин: «Практически любой социальный конфликт — толчок для создания журналистского материала» [Волокитин 2016: 5]. В одной из сво-

их статей В. Овчинников отмечает: «Многие часто спрашивают, как мне удалось в советское время, когда была строгая цензура, печатать такие честные произведения? Меня спасло глубокое знание стран, из-за которого начальство не решалось давить из-за боязни „сесть в лужу“. Я убежден, что компетентность журналиста — залог его творческой независимости. Поэтому своим девизом по жизни я сделал надпись, которую мне удалось прочесть в Токио на могиле Рихарда Зорге: „Чтобы узнать больше, нужно знать больше других. Нужно стать интересным для тех, кто тебя интересуется...“. Как много полезной информации читатель узнает из этого короткого монолога публициста: и кто такой Р. Зорге, где разведчик захоронен, и какая эпитафия на его могиле. А главное — автор словом воздействует на читателя так, что у него побуждается интерес что-то новое узнать, тяга к знаниям.

С опорой на персонализацию раскрывается, что в основе успешной личности — глубокие знания, благодаря которым возможна качественная профессиональная деятельность, заслуживающая авторитет, безупречную репутацию в обществе. Вышеприведенный материал свидетельствует о том, что перед нами журналист-путешественник, долгое время писавший репортажи о явлениях разных сфер жизни в странах пребывания, который считает важнейшим качеством журналиста компетентность в широком понимании. Повторяя образ, введенный самим Овчинниковым, современный медиавед отмечает: «Ему удалось создать „путеводитель по японской душе“» [Щеглова 2014: 170—175]. Причем у читателя возникает ощущение, что он не книгу читает, а созерцает картину талантливого художника. Именно так написана «Ветка сакуры», словно радужными кистями, с гармоничным перетеканием из одного в другое.

Придавая своей профессии особый статус, Овчинников реализует персонализацию убедительно и чутко: «*Ощуцаю себя счастливейшим человеком, поскольку мне не стыдно ни за одну свою строчку. Я выполнил главный долг любого журналиста — помогал людям становиться зорче, мудрее, просвещеннее и добрее. Мы, журналисты 60-х годов, всегда относились к делу нашей жизни — международной журналистике, не как к ремеслу, а как к служению*» [Овчинников 2014]. Словно в подтверждение этих слов в поздравительной телеграмме к 90-летнему юбилею В. Овчинникова премьер РФ Д. А. Медведев по праву называет его «патриархом российской публицистики», отмечая его профессиональную персонализа-

цию: «Ваши яркие и увлекательные репортажи из Китая, Японии, Великобритании в свое время были „окном в мир“ для миллионов людей. Вы как-то сказали, что компетентность журналиста — залог его творческой независимости. И всю жизнь Вы следуете этому правилу». А в поздравлении президента страны В. В. Путина делается упор на возрастной аспект персонализации и преемственность в журналистском творчестве: «Отрадно, что и сегодня вы заняты любимым делом, продолжаете активно трудиться, передаете свой бесценный опыт молодым коллегам» [Шестаков 2016].

Итак, персонализация в публицистике выдающегося очеркиста В. В. Овчинникова представлена в раскрытии единства бытия человека с природой, их сил и отношений. На этом основана ведущая мысль его творчества: анализ бытия человека невозможен без обращения к природным основаниям сущности человека и к деятельному развертыванию его сущностных сил. Такая задача требовала персонализации комбинированного характера, использования как непосредственного ее вида, так и опосредованного.

В общем виде обе соответствующие группы персонализации определяются системой компонентов. Шесть основных выявленных компонентов: знаниевый, профессиональный, эмоциональный, волевой, креативный и патриотический — подкрепляются семантическими соответствиями в наполнении контекстов. При этом наличие избирательная связь персонализации с системными семантическими отношениями: их характер при непосредственной персонализации и при опосредованной совпадает не полностью.

ЛИТЕРАТУРА

- Алимурадов О. А. Функциональная природа лексического значения // Вестн. Пятигор. гос. лингвист. ун-та. 2004. № 4. С. 77—82.
- Алимурадов О. А., Бруданина А. В. Опыт моделирования динамики формирования и вербализации концепта: теоретико-методологические подходы и практические приложения (на материале концепта PARTING, вербализуемого средствами английского языка) // Вестн. Пятигор. гос. лингвист. ун-та. 2009. № 3. С. 105—110.
- Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. — СПб. : РАН : Норинт, 2014. 1456 с.
- Волокитин Д. Ю. Замысел журналистского материала: идея, медиапотенциал, информационный повод, формулирование // Уч. зап. Крым. федер. ун-та им. В. И. Вернадского. Филологические науки. 2016. Т. 2 (68). № 4. С. 3—11.
- Голубкова А. А. Амбивалентное очарование модерна // Новый мир. 2016. № 11. С. 170—181.
- Гукасова М. М. Персонализация в социокультурном медиапространстве: от философских истоков до возможностей СМИ. — Саарбрюккен : LAP LAMBERT Academic Publ., 2016. 207 с.
- Гукасова М. М. К вопросу о видах персонализации как способа медийного представления общественно-политических проблем // Вестн. Пятигор. гос. ун-та. 2018. № 1. С. 137—139.
- Диброва Е. И. Амбивалентность как текстообразующая категория // Текст. Структура и семантика. — М. : МГГУ им. М. А. Шолохова, 2004. С. 6—26.
- Добросклонская Т. Г. Язык средств массовой информации. — М. : КДУ, 2015. 116 с.
- Докучаева И. Сравнительный анализ образа Японии в творчестве В. В. Овчинникова и В. Я. Цветова (на примере произведений «Ветка сакуры» и «Пятнадцатый камень Реандзи») // Сер.: Гуманитарные науки. 2012. № 24 (143). Вып. 16. С. 137—140.
- Егорова Э. В. Лексическая реализация политических стереотипов в медиапространстве : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 2016. 26 с.
- Ждан А. Н. Методологические уроки С. Л. Рубинштейна // Методология и история психологии. 2007. Т. 2. Вып. 4. С. 75—76.
- Ильин А. И. Путь духовного обновления // Собр. соч. Т. 1. С. 171—176.
- Коханова Л. А., Речицкий Л. А. Четвертый сегмент СМИ: реальность или вымысел? // Журналист. Социальные коммуникации. 2016. № 1—2. С. 63—76.
- Мальцева Р. И. Несколько замечаний о природе популярной прессы // Коммуникационные системы и текстовые структуры. — Краснодар : КубГУ, 2008. С. 139—149.
- Ободникова И. А. Педагогические подходы к определению креативности // Вестн. Брян. гос. ун-та. 2013. № 1. С. 125—127.
- Овчинников В. В. Ветка сакуры. Рассказ о том, что за люди японцы. — М. : Молодая гвардия, 2014. 221 с.
- Разинкина И. В. Управление знаниями с точки зрения глубины процессов изменений и уровня персонализации [Электронный ресурс] // Вестн. Москов. гос. обл. ун-та : электрон. журн. 2014. № 3. URL: <http://vestnik-mguo.ru/vi/Articles/Doc/580> (дата обращения: 15.03.2018).
- РАС = Русский ассоциативный словарь : в 2 т. / отв. ред. Ю. Н. Караулов ; РАН. — М. : АСТ, 2002.
- Ростовская Ю. В. Туристическая пресса в СССР: характер становления и развития // Вопросы теории и практики журналистики. 2018. Т. 7. № 1. С. 24—41.
- Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. Сер.: Мастера психологии. — Питер, 2002. 720 с.
- Руженцева Н. Б. Япония в определениях-репликах: дискурсивный контекст как фактор текстообразования // Политическая лингвистика. 2013. № 1 (43). С. 19—32.
- Современный русский язык / под ред. Л. Р. Дускаевой. — М. ; СПб. : Питер, 2014. 352 с.
- Самойленко Н. С. Позиционирование в тексте СМИ: номинативный аспект : дис. ... канд. филол. наук. — Воронеж, 2017. 214 с.
- Седенкова Е. «Калейдоскоп жизни» Всеволода Овчинникова [Электронный ресурс]. 2009. 14 апр. URL: http://www.iile.ru/news_5920.html (дата обращения: 01.02.2018).
- Тарасенко Т. П. Доминирующие модели образа России в современном дискурсе зарубежных СМИ. — Краснодар : КубГУ, 2014. 231 с.
- Труфанова Е. О. «Я» как реальность и как конструкция // Вопр. философии. 2017. № 8. С. 100—112.
- Тулупов В. В. Профессиональные стандарты, роли и деинтерпретация в журналистике // Вестн. КГУ им. Н. А. Некрасова. 2014. № 7. С. 214—219.
- Федосюк М. Ю. Синтаксис современного русского языка. — М. : ИНФРА-М, 2013. 245 с.
- Чудинов А. П. Политическая лингвистика : учеб. пособие. 3-е изд., испр. — М. : Флинта : Наука, 2008. 256 с.
- Шестаков Е. Человек с улицы Правды // Рос. газ. 2016. 17 нояб.
- Щеглова Е. А. Стилистические особенности авторской колонки «Час с Овчинниковым» // Медиалингвистика / С.-Петербург. гос. ун-т, Ин-т «Высш. шк. журн. и масс. коммуникаций». 2014. Вып. 3 : Речевые жанры в массмедиа : сб. статей. 228 с.

M. M. Gukasova
Krasnodar, Russia

COMBINED MONOSYSTEMIC PERSONALIZATION DRAWING ON THE EXAMPLE OF PUBLICISM BY VSEVOLOD OVCHINNIKOV

ABSTRACT. The paper discusses such multidimensional phenomenon as personalization. Special attention is paid to the political context of personalization. There are three types of personalization: direct personalization (personalization on the basis of calling a person by name), indirect personalization (a person is characterized by naming the problems, events, animals; in the analyzed discourse they are referred to with the help of general philosophical, social, spiritual and ethnic problems) and combined personalization that has the features of the other two types. Based on the media text by V. Ovchinnikov (a publicistic cycle "A Branch of Sakura") the research reveals combined monosystemic nature of personalization. A conclusion is made about the presence of multidimensional personalization in the works by V. Ovchinnikov that manifests itself in the unity of existence of a man and the nature, and in its activity-based, creative and consumer approaches. There are six components of personalization: knowledge-based, professional, emotional, volitional, creative and patriotic. Ambivalence lies in the basis of the text; there is V. Ovchinnikov's definition of the Japanese nature: the Japanese nature is ambivalent, which manifests in a flexible and specific way. In some context this ambivalence appears in the understanding of a person's narrow-mindedness. With the help of publicistic cognition and supported by personalization present in a publicistic text, readers comprehend the way of thinking of the people, their art, architecture, painting and aesthetic in general. The deep knowledge of Japan is found in the very beginning of V. Ovchinnikov's book and in his reaction to the current issues.

KEYWORDS: political context; direct personalization; combined personalization; monosystemic personalization; media image; journalism.

ABOUT THE AUTHOR: Gukasova Mira Mikhailovna, Teacher of the Institute of Secondary Professional Education, Applicant Student of the History and Legal Regulation of Mass Communications Department, Kuban' State University, Krasnodar, Russia.

REFERENCES

1. Alimuradov O. A. Funktsional'naya priroda leksicheskogo znacheniya // Vestn. Pyatigor. gos. lingvist. un-ta. 2004. № 4. S. 77—82.
2. Alimuradov O. A., Brudanina A. V. Opyt modelirovaniya dinamiki formirovaniya i verbalizatsii kontsepta: teoretiko-metodologicheskie podkhody i prakticheskie prilozheniya (na materiale kontsepta PARTING, verbalizuemogo sredstvami angliyskogo yazyka) // Vestn. Pyatigor. gos. lingvist. un-ta. 2009. № 3. S. 105—110.
3. Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka / gl. red. S. A. Kuznetsov. — SPb. : RAN : Norint, 2014. 1456 s.
4. Volokitin D. Yu. Zamysel zhurnalistskogo materiala: ideya, mediapotsentsial, informatsionnyy povod, formulirovanie // Uch. zap. Krym. feder. un-ta im. V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki. 2016. T. 2 (68). № 4. S. 3—11.
5. Golubkova A. A. Ambivalentnoe ocharovanie moderna // Novyy mir. 2016. № 11. S. 170—181.
6. Gukasova M. M. Personalizatsiya v sotsiokul'turnom media-prostranstve: ot filosofskikh istokov do vozmozhnostey SMI. — Saarbrücken : LAP LAMBERT Academic Publ., 2016. 207 s.
7. Gukasova M. M. K voprosu o vidakh personalizatsii kak sposob medynogo predstavleniya obshchestvenno-politicheskikh problem // Vestn. Pyatigor. gos. un-ta. 2018. № 1. S. 137—139.
8. Dibrova E. I. Ambivalentnost' kak tekstoobrazuyushchaya kategoriya // Tekst. Struktura i semantika. — M. : MGGU im. M. A. Sholokhova, 2004. S. 6—26.
9. Dobroslonskaya T. G. Yazyk sredstv massovoy informatsii. — M. : KDU, 2015. 116 s.
10. Dokuchaeva I. Sravnitel'nyy analiz obraza Yaponii v tvorchestve V. V. Ovchinnikova i V. Ya. Tsvetova (na primere proizvedeniy «Vetka sakury» i «Pyatnadsatyy kamen' Reandzi») // Ser.: Gumanitarnye nauki. 2012. № 24 (143). Vyp. 16. S. 137—140.
11. Egorova E. V. Leksicheskaya realizatsiya politicheskikh stereotipov v mediaprostranstve : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — M., 2016. 26 s.
12. Zhdan A. N. Metodologicheskie uroki S. L. Rubinshteyna // Metodologiya i istoriya psikhologii. 2007. T. 2. Vyp. 4. S. 75—76.
13. Il'in A. I. Put' dukhovnogo obnoveniya // Sobr. soch. T. 1. S. 171—176.
14. Kokhanova L. A., Rechitskiy L. A. Chetvertyy segment SMI: real'nost' ili vymysel? // Zhurnal. Sotsial'nye kommunikatsii. 2016. № 1—2. S. 63—76.
15. Mal'tseva R. I. Neskol'ko zamechaniy o prirode populyarnoy pressy // Kommunikatsionnye sistemy i tekstovye struktury. — Krasnodar : KubGU, 2008. S. 139—149.
16. Obodnikova I. A. Pedagogicheskie podkhody k opredeleniyu kreativnosti // Vestn. Bryan. gos. un-ta. 2013. № 1. S. 125—127.
17. Ovchinnikov V. V. Vetka sakury. Rasskaz o tom, chto za lyudi yaponsy. — M. : Molodaya gvardiya, 2014. 221 s.
18. Razinkina I. V. Upravlenie znaniyami s tochki zreniya glubiny protsessov izmeneniy i urovnya personalizatsii [Elektronnyy resurs] // Vestn. Moskov. gos. obl. un-ta : elektron. zhurn. 2014. № 3. URL: <http://vestnik-mgou.ru/vi/Articles/Doc/580> (data obrashcheniya: 15.03.2018).
19. RAS = Russkiy assotsiativnyy slovar' : v 2 t. / otv. red. Yu. N. Karaulov ; RAN. — M. : AST, 2002.
20. Rostovskaya Yu. V. Turisticheskaya pressa v SSSR: kharakter stanovleniya i razvitiya // Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki. 2018. T. 7. № 1. S. 24—41.
21. Rubinshteyn S. L. Osnovy obshchey psikhologii. Ser.: Mastera psikhologii. — Piter, 2002. 720 s.
22. Ruzhentseva N. B. Yaponiya v opredeleniyakh-replikakh: diskursivnyy kontekst kak faktor tekstoobrazovaniya // Politicheskaya lingvistika. 2013. № 1 (43). S. 19—32.
23. Sovremennyy russkiy yazyk / pod red. L. R. Duskaevoy. — M. ; SPb. : Piter, 2014. 352 s.
24. Samoylenko N. S. Pozitsionirovanie v tekste SMI: nominativnyy aspekt : dis. ... kand. filol. nauk. — Voronezh, 2017. 214 s.
25. Sedenkova E. «Kaleydoskop zhizni» Vsevoloda Ovchinnikova [Elektronnyy resurs]. 2009. 14 apr. URL: http://www.iile.ru/news_5920.html (data obrashcheniya: 01.02.2018).
26. Tarasenko T. P. Dominiruyushchie modeli obraza Rossii v sovremennom diskurse zarubezhnykh SMI. — Krasnodar : KubGU, 2014. 231 s.
27. Trufanova E. O. «Ya» kak real'nost' i kak konstruktivnaya // Vopr. filosofii. 2017. № 8. S. 100—112.
28. Tulupov V. V. Professional'nye standarty, roli i destruktivnaya realizatsiya v zhurnalistike // Vestn. KGU im. N. A. Nekrasova. 2014. № 7. S. 214—219.
29. Fedosyuk M. Yu. Sintaksis sovremennogo russkogo yazyka. — M. : INFRA-M, 2013. 245 s.
30. Chudinov A. P. Politicheskaya lingvistika : ucheb. posobie. 3-e izd., ispr. — M. : Flinta : Nauka, 2008. 256 s.
31. Shestakov E. Chelovek s ulitsy Pravdy // Ros. gaz. 2016. 17 noyab.
32. Shcheglova E. A. Stilisticheskie osobennosti avtorskoy kolonki «Chas s Ovchinnikovym» // Medialingvistika / S.-Peterb. gos. un-t, In-t «Vyssh. shk. zhurn. i mass. kommunikatsii». 2014. Vyp. 3 : Rechevye zhanry v massmedia : sb. statey. 228 s.

С. В. Лескина, В. Б. Шаронова
Челябинск, Россия

КОРРЕЛЯЦИЯ СТЕПЕНИ КАТЕГОРИЧНОСТИ В ЯЗЫКЕ ОРИГИНАЛА И В ВЕРСИИ ПЕРЕВОДА В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ОРИГИНАЛА И ПЕРЕВОДА «ДОКТРИНЫ НИКСОНА»)

АННОТАЦИЯ. В статье предлагается краткий анализ фрагмента политического текста на языке оригинала (английский) и его русской версии с целью соотнести степень сохранения категоричности при переводе. В качестве материала для выделения и анализа дискурсных маркеров категоричности выбраны оригинал и перевод на русский язык фрагмента речи президента США Р. Никсона, в которой он обращается к американской нации по поводу участия страны во вьетнамской войне. Выделенные вербализаторы категоричности и в тексте на языке оригинала, и в переводе распределяются по двум уровням — лексическому и синтаксическому. В результате анализа выделяются как совпадения способов вербализации категоричности, так и расхождения: более высокая степень в одном языке и ослабленная при переводе. Наблюдаются и случаи усиления категоричности и безапелляционности заявления (например, неопределенный артикль перед словом «нация» заменяется притяжательным местоимением «наша»). Это явление предлагается называть адгерентной категоризацией: категоричность добавляется при трансформации из одного языка в другой. Подобные расхождения могут являться нормой в любом виде дискурса, кроме политического: при переводе политических текстов с одного языка на другой необходимо обращать особое внимание на соблюдение степени категоричности для того, чтобы избежать возможных разногласий в понимании и интерпретации значимой информации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: адгерентность; маркеры; безапелляционность; политический дискурс; переводы.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ: Лескина Седда Витальевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации Челябинского филиала РАНХиГС (Российской академии народного хозяйства и государственной службы); 454077, Россия, г. Челябинск, ул. Комарова, 26; e-mail: seda-70@mail.ru.

Шаронова Виктория Борисовна, кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой лингвистики и профессиональной коммуникации Челябинского филиала РАНХиГС; 454077, Россия, г. Челябинск, ул. Комарова, 26; e-mail: vsharon@list.ru.

Для максимально корректного анализа способов выражения категоричности в речи политиков и сохранения и/или опускания ее при переводе необходимо представить анализ рассматриваемого явления в современной лингвистике и его авторское понимание.

В современном языкознании и коммуникативистике проблемами изучения категоричности занимались такие ученые и исследователи, как Л. В. Азарова, Г. И. Гушина, К. Ю. Малышкин, Е. В. Понамарёва, И. А. Стернин и др.

Лексикографический анализ термина «категоричность» позволяет представить его интерпретацию различными словарями:

– *решительность, твердость, ультимативность, безапелляционность, императивность; безусловность, директивность* [Словарь синонимов 2002];

– *нравственно-этическое качество, выражающее уверенность в своих словах и поступках. Проявляется как недопущение другого мнения, прямого и прямолинейность, требование безоговорочного, безусловного выполнения распоряжения* [Энциклопедический словарь педагога 2000].

Анализ англоязычных словарей демонстрирует отличительные признаки данной лексемы уже на лексикографическом и лексико-грамматическом уровне. Согласно словарям [CALDT; Thesaurus; MWD], в английском языке лексема «категоричность» образована не от прилагательного «categorical», имеющего значения *absolute, forthright, ultimate, specific* и другие, которые очень близки к значению русского эквивалента. Согласно

базе словарей «ABBY Lingvo 5», в английском языке значение категоричности передается такими словами, как *flatness* и *rigidity*. Лексема *categoricalness*, безусловно, существует и используется в английском языке, но связана со значением «относящийся к определенной категории», что не совпадает с исследуемым нами. Лексикографический анализ лексемы *rigidity* показал, что в английском языке «категоричность» синонимична таким словам, как *harshness, cruelty, hardness, sharpness, strictness, toughness, unkindness* и др.

В таких разделах современной лингвистики, как теория языковых барьеров, прагматика речевого общения, семантика и речевой этикет, присутствуют различные точки зрения на изучение категоричности. Под категоричным высказыванием понимаются типы фраз, для которых характерны решительность, уверенность (в высказывании, формулировке, суждении и т. д.), не допускающая возражений и иных толкований. Следовательно, категоричное высказывание передает прямолинейность, однозначность и полную уверенность говорящего [Понамарёва 2014: 171].

К. Ю. Малышкин достаточно обоснованно предлагает следующее определение категоричности: «Категоричность — это выражаемая языковыми и неязыковыми средствами и характеризующаяся экстралингвистической обусловленностью, имеющая модусную природу семантико-прагматическая категория высказывания, соотносимая с процессом демонстрации степени уверенности, безапелляционности говорящего по от-

ношению к передаваемой им информации» [Малышкин 2015: 4].

Анализ исследований по тематике категоричности позволяет констатировать, что, являясь категорией, она (категоричность) проявляется на всех языковых уровнях и реализуется огромным многообразием языковых средств. Основываясь на работах исследователей, занимающихся вербализацией категоричности в русском и английском языках, таких как К. Ю. Малышкин [Малышкин 2015], Л. В. Топка [Топка 2010] и других, мы составили список возможных вербализаторов категоричности на лексическом и на синтаксическом уровнях в русском и английском языках:

- формы императива;
- вводно-модальные слова, выражающие логическую оценку высказывания, уверенность говорящего в реальности сообщения;
- модальные глаголы со значением долженствования; прилагательные, наречия и междометия с семантикой уверенности, обобщенности, решительности и безапелляционности;
- разговорные вставки с глаголами уверенности, знания;
- простые синтаксические конструкции;
- синтаксический параллелизм и др.

Анализ дискурсов на предмет изучения категоричности по релевантным темам позволяет утверждать, что возможно выделить два вектора категоричности:

- вектор положительной направленности, наблюдающийся, когда категоричное высказывание передает прямолинейность и полную уверенность говорящего;
- категоричное утверждение отрицательной полярности, выступающее в роли результата несдержанности в выражении оценок, невежливости, пренебрежения мнением собеседника.

Иногда категоричность трактуется как «несдержанность в выражении оценок, невежливость, пренебрежение мнением собеседника» [Гущина 2009; Топка 2010]. Такое понимание в некоторых речеповеденческих ситуациях является адекватным и возможным, так как основано на презентации категоричности лексикографическими источниками. Однако, учитывая специфику политического дискурса, полно и детально описываемую в работах Э. В. Будаева, Р. Водак, А. А. Романова, А. П. Чудинова, Е. И. Шейгал и других, отметим, что задача применения категоричности в речи политиков обусловлена иными факторами.

Выделим две причины включения средств выражения категоричности в речь политиков:

- реализация побудительной функции политического дискурса;

– реализация категории авторитетности [Сухорукова 2011].

Побудительная функция — это функция воздействия на адресата. Ее задачей является мобилизация избирателей для проведения определенных акций. Побудительная функция призвана эмоционально влиять на граждан, формировать в их сознании определенную политическую картину мира, преодолевать существующие в обществе противоречия. Цель политического дискурса — убедить, оживить в адресате намерения, дать почву для убеждения и побудить к действию [Чудинов 2009].

Цель автора побудительного сообщения — удовлетворение своих потребностей и/или желаний за счет использования потребностей и/или желаний другого человека, т. е. эксплуатация воли другого человека. Таким образом, первоочередной задачей при побуждении является либо создание условий, при которых желания/цели человека совпадут с желаниями/целями говорящего, либо убеждение собеседника в идентичности его желаний и целей с таковыми автора побудительного сообщения. В обоих случаях категоричность высказываний представляет собой максимально эффективное средство воздействия на сознание аудитории посредством выражения любой эпистемической модальности любыми способами — эксплицитными либо имплицитными, так как «самоуверенность политика передается всей нации» [Штир 2010]. Иными словами, отсутствие какой-либо неопределенности или неуверенности в вербальном поведении политика является потенциалом его победы.

В статье о вербализации категории авторитетности Н. И. Сухорукова предлагается подробнейший анализ лингвистических маркеров категории авторитетности на материале ежедневных комментариев британского финансового аналитика Д. Фуллера. В своем материале она отмечает и подчеркивает, что «именно прямолинейность и категоричность являются основными средствами реализации коммуникативной категории авторитетности. При этом в языковом плане прямолинейность и категоричность выражаются синтаксически, лексически или на общетекстовом уровне посредством различных дискурсных маркеров» [Сухорукова 2011: 36—37].

В качестве материала для выделения и анализа дискурсных маркеров категоричности мы выбрали оригинал и перевод на русский язык фрагмента речи президента США Р. Никсона, в которой он обращается к американской нации по поводу участия страны во вьетнамской войне (см. табл.).

Таблица. Доктрина Никсона в оригинале и переводе

<i>President R. Nixon's Address to the Nation on the War in Vietnam (1969) (Nixon Doctrine)</i>	Обращение президента Р. Никсона к нации по поводу войны во Вьетнаме (1969 год) («Доктрина Никсона»)
(1) <i>Good evening, my fellow Americans. Tonight I want to talk to you on a subject of deep concern to all Americans and to many people in all parts of the world — the war in Vietnam.</i>	(1) Добрый вечер, мои сограждане. Сегодня я хочу поговорить с Вами по поводу глубокого беспокойства всех американцев и многих людей во всем мире — о войне во Вьетнаме.
(2) <i>The American people cannot and should not be asked to support a policy which involves the overriding issues of war.</i>	(2) Американцы не могут поддержать такую политику, которая затрагивает наиважнейшие проблемы войны и мира.
(3) <i>But I had a greater obligation than to think only of the years of my administration and of the next election. I had to think of the effect of my decision on the next generation and on the future of peace and freedom in America and in the world.</i>	(3) Но я, принимая решения, обязан руководствоваться прежде всего их долгосрочными последствиями для мира и свободы в Америке и во всем мире, а не своими сиюминутными интересами.
(4) <i>In January I could only conclude that the precipitate withdrawal of American forces from Vietnam would be a disaster not only for South Vietnam but for the United States and for the cause of peace.</i>	(4) В январе я мог только заключить, что ускоренный вывод американских войск из Вьетнама будет катастрофой не только для Южного Вьетнама, но и для Соединенных Штатов, для всего дела мира.
(5) <i>A nation cannot remain great if it betrays its allies and lets down its friends.</i>	(5) Наша страна не сможет оставаться великой державой, если она предаст своих союзников и подведет друзей.
(6) <i>For these reasons, I rejected the recommendation that I should end the war by immediately withdrawing all of our forces.</i>	(6) Исходя из всего вышесказанного, я отклонил предложение о немедленном выводе наших войск из Вьетнама.
(7) <i>We have offered the complete withdrawal of all outside forces within 1 year. We have proposed a cease-fire under international supervision. We have offered free elections under international supervision with the Communists participating in the organization and conduct of the elections as an organized political force. We have indicated that we are willing to discuss 8) the proposals that have been put forth by the other side.</i>	(7) Мы предложили полный вывод наших и северо-вьетнамских вооруженных сил в течение одного года. Мы предложили перемирие при условии международного наблюдения. Мы предложили свободные выборы под международным контролем с участием коммунистов как организованной политической силы. Мы дали понять , что мы желаем обсуждать 8) все предложения, которые будут выдвинуты другой стороной.
(9) <i>I shall not hesitate to take strong and effective measures to deal with that situation.</i>	(9) Я не останавлиюсь перед принятием сильных и эффективных мер, чтобы исправить такую ситуацию.
(10) <i>It is not the easy way. It is the right way. It is a plan.</i>	(10) Это не легкий путь. Это — правильный путь. Это — план.
(11) <i>I respect your idealism. I share your concern for peace. I want peace as much as you do.</i>	(11) Я уважаю ваш идеализм. Я разделяю ваше беспокойство относительно мира. Я хочу мира так же, как и Вы.

Все выделенные нами вербализаторы категоричности и в тексте на языке оригинала, и в переводе распределяются по двум уровням — лексическому и синтаксическому, при условии, что к синтаксическим вербализаторам мы относим единицы «малого» и «большого» синтаксиса, соответственно словосочетания и предложения. Рассмотрим последовательно случаи совпадения и случаи расхождения степени категорично-

сти Доктрины Никсона в двух исследуемых языках.

Совпадение вербализации категоричности при переводе мы выделили в контекстах № 1, 2, 3*, 4, 7, 10 и 11 (здесь и далее нумерация соответствует предложенной в таблице); различия в вербализации — в контекстах № 3*, 5, 6, 8 и 9. Начнем с самого частотного варианта соотношения текстов — степень категоричности при переводе сохраняется.

Контекст № 1 демонстрирует полное совпадение способа вербализации категоричности в английском и русском языке — через применение обобщающего слова «all» / «все» (поскольку принадлежность к частям речи в русском и в английском языке разнится, здесь и далее считаем возможным определять рассматриваемую языковую единицу как «обобщающее слово». Отличия, безусловно, есть, но они не связаны с категорией категоричности, а являются демонстрацией отсутствия в английском и наличия в русском языке падежей).

Обратим внимание, что в контекстах № 7, 10 и 11 используется синтаксический параллелизм простых предложений как в оригинальной версии, так и в переводной. По мнению А. А. Болдырева, Н. И. Сухоруковой и других исследователей, синтаксический параллелизм является одним из самых распространенных маркеров категории авторитетности в научном дискурсе [Болдырева 2008; Сухорукова 2011] как методический прием, делающий подачу материала более доступной для понимания и запоминания реципиентами. Анализ материала подтверждает, что используются преимущественно короткие простые предложения, что обеспечивает краткую и безапелляционную констатацию фактов.

Полагаем, что синтаксический параллелизм и построение речи на основе простых синтаксических конструкций, действительно, является имплицитным средством вербализации категоричности, так как подача материала в упрощенной манере способствует реализации побудительной функции, реализуемой через включение в речь языковых средств, характеризующихся категоричностью.

Рассматривая Доктрину с позиций передачи и сохранения категоричности при переводе с английского языка на русский, отметим, что максимальный интерес, безусловно, представляют случаи, в которых в двух языках наличие/отсутствие категоричности или ее степень не совпадают. Несмотря на наличие синтаксического параллелизма в контекстах 7, 10 и 11, в версиях на обоих языках также наблюдается и некоторое отличие: русская версия усилена добавлением местоимения «все» (8), которое отсутствует в оригинале, хотя с точки зрения грамматики в английской версии в качестве обобщающего и конкретизирующего фактора выступает определенный артикль перед словом «proposals», отсутствие которого в русском языке компенсируется интенсификатором «всё».

Некоторые различия в степени категоричности в языке оригинала и в русской версии мы наблюдаем в контексте № 5, в кото-

ром, по нашему мнению (которое основывается на правилах грамматики английского языка), использование неопределенного артикля перед существительным *nation* позволяет при переводе говорить про **какую-то** нацию, любую. Упоминание любой нации, на наш взгляд, снижает категоричность фразы и смысла, поскольку чем шире спектр действия, тем слабее сила. Русский вариант, в котором переводчик использует притяжательное местоимение «наша», напрямую указывает именно на американский народ, что немедленно усиливает категоричность и безапелляционность заявления. Полагаем, что имеет место явление, которое можно назвать «адгерентная категоризация». Адгерентный характер обусловлен тем, что категоричность **добавлена** при трансформации из одного языка в другой. В этом же контексте нами обнаружен один случай «адгерентной категоризации», которая проявляется через использование модального глагола *может* / *can* в различных временных формах. Полагаем, что использование модального глагола *can* в настоящем времени демонстрирует нейтральную степень категоризации, поскольку наблюдается простая констатация факта без каких-либо усилительных моментов и футуристских заявлений. Включение в русскую версию временной формы будущего — *не сможет* — незамедлительно повышает степень категоричности, поскольку полная уверенность в неспособности к чему бы то ни было в будущем является вербализатором безапелляционности и категоричности в суждении об описываемом явлении.

В контексте № 6 мы видим обратное явление — снижение степени категоричности в русской версии документа. Обозначенное снижение обусловлено опусканием в предложении модального глагола *should*, использование которого в английском тексте значительно повышает категоричность, так как данный модальный глагол, наравне с другими, включается в речь как обыденного, так и политического дискурса для большей убедительности и для снижения возможности оспаривания сказанного.

На наш взгляд, достаточно спорная и неоднозначная ситуация наблюдается в контексте № 3. С одной стороны, здесь степень категоричности можно оценить как идентичную в обеих версиях (оригинальной и переводной), с другой стороны, наблюдается несколько различий. Отличие первое заключается в использовании различных частей речи для вербализации категоричности. Если в английском языке это существительное *obligation*, в русской версии данный смысл пе-

редается через глагол *обязан*. Учитывая то, что глаголы обозначают действие, а существительные — предмет, выразим свое личное мнение о том, что слово, называющее действие, всегда сильнее и экспрессивнее, чем называющее статичный объект, именно поэтому категоричность, передаваемая глаголом, видится нам более сильной. Второе отличие касается степени категоричности, которая, на наш взгляд, слабее в русском языке, что обусловлено подменой наречия *only* фразовым сочетанием *прежде всего*. Поясним: наречие *only* не предполагает никаких послаблений и означает полную категоричность и безапелляционность, в то время как выражение *прежде всего* означает и допускает возможные перемены в дальнейшем. Третьим отличием, которое мы отметили, стал недостаточно полный перевод английской фразы *I had to think of the effect of my decision on the next generation and on the future of peace and freedom in America and in the world*, смысл которой передан в русской версии в несколько усеченном виде, а категоричность теряется при опущении эквивалента модального *must*, представленного в языке оригинала формой *had to*.

Проведя анализ фрагмента Доктрины Никсона в двух языках, полагаем обоснованным и корректным сформулировать некоторые промежуточные выводы. С одной стороны, степень категоричности в политическом дискурсе, текстовым репрезентантом которого является выбранный нами документ, коррелирует в обоих языках, поскольку и в русской, и в английской версии присутствуют вербализаторы категоричности на различных языковых уровнях. Однако подчеркнем, что также отмечены и случаи несовпадения не только в степени категоричности, но даже в ее наличии. На наш взгляд, подобные расхождения могут являться нормой в любом виде дискурса, **кроме** политического. Обращая особое внимание на названные выше и неоднократно описывавшиеся в работах лингвистов характеристики и функции политического дискурса, подчеркнем, что при переводе политических текстов с одного языка на другой необходимо обращать особое внимание на соблюдение степени категоричности для того, чтобы избе-

жать возможных разногласий в понимании и интерпретации значимой информации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамов Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений [Электронный ресурс] / электронная версия, «Граммота.Ру», 2002. URL: <http://www.gramota.ru/slovari/info/abr/> (дата обращения: 07.03.2018).
2. Безрукова В. С. Основы духовной культуры (энцикл. слов. педагога) [Электронный ресурс]. — Екатеринбург, 2000. 937 стр. URL: <http://www.twirpx.com/file/1142474/> (дата обращения: 07.03.2018).
3. Болдырева А. А. Авторитетность в научной коммуникации // Авторитетность и коммуникация : коллектив. моногр. — Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 2008. № 4. 216 с. (Сер. «Аспекты языка и коммуникации»; вып. 4).
4. Гущина Г. И. Категорические и некатегорические высказывания в диалогической речи (на примере русских и английских художественных текстов первой половины XX в.) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Уфа, 2009.
5. Мальяшкін К. Ю. Категоричність як семантико-прагматична категорія висловлювання (на матеріалі сучасного російського мови) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Омск, 2015.
6. Понамарёва Е. В. Категоричность как особая коммуникативная категория (на материале английского языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 2 (4). С. 170—175.
7. Речь Р. Никсона 3 ноября 1969 г. («Доктрина Никсона») [Электронный ресурс]. URL: <http://www.coldwar.ru/conflicts/vietnam/vietnamization.php> (дата обращения: 07.03.2018).
8. Сухорукова Н. И. Прямолинейность и категоричность высказывания как проявление коммуникативной категории авторитетности (на материале аутентичных англоязычных финансово-аналитических комментариев) // Язык, сознание, коммуникация : сб. ст. — М. : МАКС Пресс, 2011. № 43. С. 28—37.
9. Топка Л. В. Языковые средства выражения категоричности: сопоставительный анализ // Современные лингвистические теории: проблемы слова, предложения, текста : сб. науч. тр.; посвящ. юбилею профессора Марии Васильевны Малинович / отв. науч. ред. проф. Ю. М. Малинович. — Иркутск : ИГЛУ, 2010. С. 223—230.
10. Чудинов А. П. Современная политическая коммуникация : учеб. пособие / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2009. 292 с.
11. Штир Г. (Gábor Stier). Самоуверенность Путина передается всей России [Электронный ресурс] // РИА «Новости». 2010. URL: <http://inosmi.ru/politic/20100909/162795642.html> (дата обращения: 07.03.2018).
12. President Nixon's Address to the Nation on the War in Vietnam [Electronic resource] // Watergate.info. 1969. URL: <http://watergate.info/1969/11/03/nixons-silent-majority-speech.html> (date of access: 07.03.2018).
13. CALDT = Cambridge Advanced Learner's Dictionary & Thesaurus [Electronic resource] // © Cambridge Univ. Pr. URL: <http://dictionary.cambridge.org/dictionary/british/> (date of access: 07.03.18).
14. MWD = Merriam Webster dictionary [Electronic resource]. URL: <http://www.merriam-webster.com/> (date of access: 07.03.2018).
15. Thesaurus.com [Electronic resource]. URL: <http://www.thesaurus.com/browse/categorical?s=t> (date of access: 07.03.2018).

S. V. Leskina, V. B. Sharonova
Chelyabinsk, Russia

CORRELATION OF THE DEGREE OF CATEGORICALNESS IN THE ORIGINAL POLITICAL TEXT AND IN ITS TRANSLATED VERSION (ON THE BASIS OF THE "NIXON DOCTRINE")

ABSTRACT. The article focuses on comparative analysis of an extract from a political text in the original (in English) and its Russian variant in order to compare the degree of categoricalness in the original text and its translation. The research is based on the speech by R. Nixon, the US President, in which he addresses the American nation to explain the role of the USA in the war in Vietnam. Two versions of the text are analyzed — the original variant in English and its translation into Russian. Verbal elements expressing categoricalness are singled out in both texts and they belong to two levels — the lexical level and the syntactical level. The comparative analysis revealed

similarities and differences in expressing categoricalness. The degree of categoricalness is higher in the original version, while in translation it is weakened. However, there are cases when the translation is more categorical and prescriptive (for example, the indefinite article before the word "nation" is replaced by the pronoun "our" in the Russian version). We propose to call such phenomenon adherent categorization — categoricalness is added in translation from one language into another. Such discrepancies may be considered appropriate in all kinds of discourse except for political discourse: it is important to preserve the degree of categoricalness of the original text in its translation to avoid differences in understanding and interpretation of the important information.

KEYWORDS: adherence; markers; categoricalness; political discourse; translation.

ABOUT THE AUTHORS: Leskina Seda Vitalievna, Doctor of Philology, Associate Professor, Department of Linguistics and Professional Communication, RANEPa, Chelyabinsk branch, Chelyabinsk, Russia.

Sharonova Viktoria Borisovna, Candidate of Pedagogy, Associate Professor, Head of Department of Linguistics and Professional Communication, RANEPa, Chelyabinsk branch, Chelyabinsk, Russia.

REFERENCES

1. Abramov N. Slovar' russkikh sinonimov i skhodnykh po smyslu vyrazheniy [Elektronnyy resurs] / elektronnyaya versiya, «Gramota.Ru», 2002. URL: <http://www.gramota.ru/slovari/info/abr/> (data obrashcheniya: 07.03.2018).
2. Bezrukova V. S. Osnovy dukhovnoy kul'tury (entsikl. slov. pedagoga) [Elektronnyy resurs]. — Ekaterinburg, 2000. 937 str. URL: <http://www.twirpx.com/file/1142474/> (data obrashcheniya: 07.03.2018).
3. Boldyreva A. A. Avtoritetnost' v nauchnoy kommunikatsii // Avtoritetnost' i kommunikatsiya : kolektiv. monogr. — Voronezh : Voronezh. gos. un-t, 2008. № 4. 216 s. (Ser. «Aspekty yazyka i kommunikatsii»; vyp. 4).
4. Gushchina G. I. Kategoricheskie i ne kategoricheskie vyskazyvaniya v dialogicheskoy rechi (na primere russkikh i angliyskikh khudozhestvennykh tekstov pervoy poloviny XX v.) : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — Ufa, 2009.
5. Malyshkin K. Yu. Kategorichnost' kak semantiko-pragmaticheskaya kategoriya vyskazyvaniya (na materiale sovremennogo russkogo yazyka) : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — Omsk, 2015.
6. Ponamareva E. V. Kategorichnost' kak osobaya kommunikativnaya kategoriya (na materiale angliyskogo yazyka) // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2014. № 2 (4). S. 170—175.
7. Rech' R. Niksona 3 noyabrya 1969 g. («Doktrina Niksona») [Elektronnyy resurs]. URL: <http://www.coldwar.ru/conflicts/vietnam/vietnamization.php> (data obrashcheniya: 07.03.2018).
8. Sukhorukova N. I. Pryamolineynost' i kategorichnost' vyskazyvaniya kak proyavlenie kommunikativnoy kategorii avtoritetskosti (na materiale autentichnykh angloyazychnykh finansovoye-analiticheskikh kommentariyev) // Yazyk, soznanie, kommunikatsiya : sb. st. — M. : MAKS Press, 2011. № 43. S. 28—37.
9. Topka L. V. Yazykovye sredstva vyrazheniya kategorichnosti: sopostavitel'nyy analiz // Sovremennye lingvisticheskie teorii: problemy slova, predlozheniya, teksta : sb. nauch. tr.; posvyashch. yubileyu professora Marii Vasil'evny Malinovich / otv. nauch. red. prof. Yu. M. Malinovich. — Irkutsk : IGLU, 2010. S. 223—230.
10. Chudinov A. P. Sovremennaya politicheskaya kommunikatsiya : ucheb. posobie / Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2009. 292 s.
11. Shtir G. (Gábor Stier). Samouverennost' Putina peredaetsya vseey Rossii [Elektronnyy resurs] // RIA «Novosti». 2010. URL: <http://inosmi.ru/politic/20100909/162795642.html> (data obrashcheniya: 07.03.2018).
12. President Nixon's Address to the Nation on the War in Vietnam [Electronic resource] // Watergate.info. 1969. URL: <http://watergate.info/1969/11/03/nixons-silent-majority-speech.html> (date of access: 07.03.2018).
13. CALDT = Cambridge Advanced Learner's Dictionary & Thesaurus [Electronic resource] // © Cambridge Univ. Pr. URL: <http://dictionary.cambridge.org/dictionary/british/> (date of access: 07.03.18).
14. MWD = Merriam Webster dictionary [Electronic resource]. URL: <http://www.merriam-webster.com/> (date of access: 07.03.2018).
15. Thesaurus.com [Electronic resource]. URL: <http://www.thesaurus.com/browse/categorical?s=t> (date of access: 07.03.2018).

М. А. Ковязина, Т. А. Ильющенко, С. Б. Хабибуллина
Тюмень, Россия

**СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ОТРИЦАТЕЛЬНОЙ ОЦЕНКИ ПРИ ОПИСАНИИ САНКЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ
ЗАПАДНЫХ СТРАН В ОТНОШЕНИИ РОССИИ И РОССИЙСКИХ ОТВЕТНЫХ САНКЦИЙ
В ТЕКСТАХ БРИТАНСКИХ СЕТЕВЫХ СМИ: КОРПУСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ**

АННОТАЦИЯ. В настоящей статье анализируются лексические средства выражения отрицательной оценки в публикациях британских интернет-СМИ. Материалом исследования послужил корпус, включающий свыше 600 статей онлайн-изданий «The Guardian», «The Telegraph» и «Mirror Online». Отобранные для корпуса публикации посвящены санкционной политике западных стран в отношении Российской Федерации и ответным санкциям со стороны России. В задачи исследования входило определить, какие лексические средства используются в анализируемом материале для выражения негативной оценки внешней политики Российской Федерации. Актуальность настоящего исследования заключается в применении методов корпусной лингвистики с целью статистической обработки лексических средств выражения отрицательной оценки в рамках медиадискурса. Дискурсивный анализ позволил сформировать на базе полученного корпуса выборку единиц с отрицательной семантикой. В ходе исследования применяются такие инструменты корпусного анализа, как корпусная поисковая система «Sketch Engine» и приложение «AntConc», с помощью которых определяются наиболее частотные единицы, демонстрирующие отрицательную оценку, а также единицы, наиболее тесно связанные с ключевым понятием «sanctions» («санкции»). Статистическая оценка анализируемых данных способствует повышению объективности результатов исследования. Полученные данные позволяют обнаружить такой дополнительный способ отображения оценки в языке, как метафорический перенос. Метафору относят к средствам выражения скрытой оценки. В частности, в публикациях британских интернет-СМИ, обсуждающих санкции в отношении России, выявлены антропоморфные и социоморфные метафоры, которые формируют у адресата медиатекста образ, ассоциирующий санкционную политику в отношении РФ с «войной», а ее последствия — с «мертвой хваткой на горле российской экономики».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: медиадискурс; антироссийские санкции; отрицательная оценка; корпусный анализ; медиалингвистика; медиатексты; политический дискурс; корпусные поисковые системы; дискурс-анализ.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ: Ковязина Марина Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и перевода, Институт социально-гуманитарных наук, Тюменский государственный университет; 625003, Россия, г. Тюмень, ул. Володарского, д. 6; e-mail: makovyazina@mail.ru.

Ильющенко Татьяна Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и перевода, Институт социально-гуманитарных наук, Тюменский государственный университет; 625003, Россия, г. Тюмень, ул. Володарского, д. 6; e-mail: tatyana1223@mail.ru.

Хабибуллина Сайда Биктимировна, ассистент кафедры английской филологии и перевода, Институт социально-гуманитарных наук, Тюменский государственный университет; 625003, Россия, г. Тюмень, ул. Володарского, д. 6; e-mail: saidakh@mail.ru.

Данное исследование нацелено на анализ оценки в медийных сетевых текстах, описывающих международные политические события, участником которых является Российская Федерация. Сетевые СМИ представляют собой новые формы современного дискурса и соотносятся с изданиями, изначально возникшими на базе web-технологий и функционирующими исключительно в Сети. Интернет-СМИ отличаются гипертекстуальностью, интерактивностью, мультимедийностью [Карпова 2010: 34]. В частности, нас интересует взгляд британских сетевых СМИ на события последних лет, связанные с санкционной политикой западных стран против России и ответными мерами со стороны РФ, оценка последствий данной напряженной политической ситуации как для инициаторов антироссийских санкций, так и для самой России.

Под санкциями в отношении России мы имеем в виду ограничительные меры со стороны Евросоюза, США и других западных стран, направленные против России и ее граждан, в том числе запрет на въезд для

отдельных лиц и запрет на ведение экономической деятельности для компаний. Первые санкции были введены США 17 марта 2014 г. в связи с кризисом на Украине [Руксперт <http://>]. В данной работе представлены результаты анализа лингвистических средств выражения оценки, используемых в текстах британских онлайн-изданий.

Материалом исследования послужил корпус медийных текстов, опубликованных в крупнейших британских интернет-изданиях: *The Guardian* (www.theguardian.com), *Mirror Online* (www.mirror.co.uk) и *The Telegraph* (*Telegraph Online*) (www.telegraph.co.uk). Выбор указанных изданий обусловлен тем, что в задачи исследования также входило сопоставление средств выражения оценки, присутствующих в статьях авторитетных изданий *The Guardian* и *The Telegraph* и в текстах таблоида *Mirror Online*. В корпус вошли статьи, опубликованные на сайтах британских интернет-СМИ в период с марта 2014 г. по август 2016 г. Объем полученного корпуса текстов представлен в таблице 1.

Таблица 1

Корпус статей об антироссийских санкциях в британских интернет-изданиях

Интернет-издание	Количество статей	Количество слов в корпусе	Среднее количество слов в статье	Количество токенов
The Guardian	134	114 254	852	131 408
Mirror Online	131	77 458	591	88 078
The Telegraph	369	337 747	959	340 715
Всего	637	529 459	—	560 201

Общий объем полученного корпуса медийных текстов об антироссийских санкциях в британских сетевых изданиях составил 529 459 слов (560 201 токен).

Одной из ключевых категорий современного новостного дискурса, согласно исследованиям М. Беднарек и Х. Кейпл, является оценочная дихотомия «негативность/позитивность» [Bernarek, Caple 2017: 9—10]. А. А. Ивин определяет оценку, или оценочное высказывание, как «высказывание, устанавливающее абсолютную или сравнительную ценность некоторого объекта» [Ивин 2012: 203]. Оценка «относится к понятийным категориям, под которыми понимаются смысловые компоненты общего характера, свойственные обширным классам языковых единиц, выражаемые разнообразными средствами на каждом уровне языковой структуры» [Якушина 2003: 6]. В качестве субъекта оценки могут выступать лицо или социум, с точки зрения которого дается оценка. Объект оценки — это лицо, предмет, событие или положение вещей, к которым оценка относится [Вольф 2002].

В данной работе в ходе анализа оценки политических событий, представленной в британских сетевых СМИ, авторами были применены методы корпусной лингвистики. Анализ медиадискурса с помощью традиционных методов в сочетании с методами корпусного анализа представлен в исследованиях П. Бейкера и его соавторов [Baker et al. 2008; Baker 2013], Й. Лауккаринена [Laukkarinen 2013] и др.

Для выявления средств выражения отрицательной оценки в англоязычных медиатекстах мы опираемся на данные, полученные при помощи корпусных методов. Одним из ключевых инструментов корпусного анализа в нашей работе является корпусная поисковая система «Sketch Engine» (*the.sketchengine.co.uk*). Указанная система поз-

воляет пользователю извлекать данные о частотности и сочетаемости единиц корпуса, получать список семантически связанных слов при помощи функции «Тезаурус», а также сравнивать функционирование лексем, наряду с другими функциями, типичными для поисковых систем такого типа. Данные о сочетаемости единицы интегрированы с функцией конкорданса [Kilgarriff et al. 2004: 4]. Сетевая версия системы «Sketch Engine» включает большое количество готовых к использованию корпусов на нескольких десятках языков, а также инструменты для создания, установки и управления собственным корпусом [Kilgarriff et al. 2014: 17—18].

Другой инструмент получения данных о частотности и сочетаемости единиц корпуса — программное приложение «AntConc» (Version 3.4.3), которое позволяет составлять частотный список единиц корпуса, формировать конкорданс для искомого слова в формате KWIC (ключевое слово в контексте), выявлять ключевые слова корпуса, а также анализировать коллокации и кластеры [Anthony 2014].

Прежде всего мы обратились к анализу ключевого слова корпуса — *sanction(s)*. С помощью функции «Тезаурус» (Thesaurus) системы «Sketch Engine» на основе общих коллокатов формируется дистрибутивный тезаурус на базе корпуса текстов. Если два слова в корпусе имеют много общих коллокатов, они появятся в тезаурусе данных слов [Kilgarriff et al. 2014: 14]. Результатом обработки корпуса при помощи данного инструмента является облако тезауруса (*thesaurus word cloud*) и сводная таблица лексем, включенных в облако, в лемматизированной форме с указанием их ранга и частотности [Kilgarriff et al. 2014: 14, 29]. Ранг присваивается лексеме на основе статистической меры *logDice* [Rychlý 2008: 9].

об относительной частоте указанных лексем получены с помощью инструмента поиска по текстам в системе «Sketch Engine», причем поиск был ограничен грамматическим классом (noun, adjective, verb), чтобы избежать омонимии.

ГРУППА 1. Существительные с отрицательной семантикой в корпусе текстов британских сетевых СМИ (указаны от наиболее частотного к наименее частотному слову): *crisis* (1396,63), *conflict* (528,77), *ban* (500,23), *threat* (454,91), *risk* (376,01), *aggression* (302,15), *tension* (256,83), *fear* (224,94), *collapse* (142,68), *disaster* (137,65), *violation* (135,97), *blacklist* (124,22), *damage* (119,18), *retaliation* (110,79), *blow* (102,4), *confrontation* (100,72), *danger* (85,61), *trouble* (58,75), *ultimatum* (58,75), *destabilisation* (53,72), *weakness* (50,36), *disruption* (45,32), *terror* (43,64), *punishment* (40,29), *woe* (33,57), *hypocrisy* (30,22), *deterioration* (28,54), *instability* (25,18), *harm* (18,47), *hardship* (15,11).

Приведем примеры использования данных лексем в корпусе:

*The import **ban** will hit all EU countries and the United States, which last week stepped up punitive action against Russia in response to Moscow's support for eastern separatists in Ukraine... (The Guardian 6.08.2014)*

The Russian president tells the West to stop using the language of ultimatums as he boasts of Russia's 'success' avoiding a **crisis** after sanctions (The Telegraph, 19.06.2015).

Vladimir Putin has splashed out more than £100million on two new luxury private jets as his country remains on the brink of an economic **disaster** (Mirror Online, 25.03.2015).

For Russia, however, such action by the United States and Europe would be a serious and ongoing **punishment** for an economy that is already weak and in decline (The Guardian. 4.03.2014).

Таблица 2

Общелитературные и терминологические существительные, описывающие неблагоприятные экономические процессы в текстах британских интернет-СМИ

Термины-существительные, обозначающие неблагоприятные экономические процессы	Толкование	Относительная частота (ipm)
recession	A situation when demand is sluggish, real output is not rising and unemployment is increasing. A recession is usually identified when real gross domestic product (GDP) falls for two successive quarters. It is not as severe as a depression [DE]	181,29
default	Failure to make payments such as the interest or redemption payments on debt on the due date. Default may be partial or total, ranging from a slight delay in payment accompanied by apologies and promises that payment will soon be forthcoming to total and defiant repudiation [DE]	119,18
slump	A prolonged period of abnormally low economic activity and abnormally high unemployment [DE]	68,82
deficit	An excess of expenditure or liabilities over income or assets in a given period) [ODE]	40,29
crunch	"A situation in which a business or economy has very little money can be referred to as a crunch" [CCALED]	21,82
stagnation	A situation in which there is little or no change in techniques or income levels [DE]	18,47

ГРУППА 2. Существительные, в том числе термины, описывающие неблагоприятные экономические процессы, вероятность развития которых, с точки зрения авторов исследуемых текстов, значительно повышается вследствие введения экономических санкций в отношении Российской Федерации. В таблице 2 приведен перечень вошедших в данную группу лексем с толкованиями, подтверждающими их специальное или терминологическое значение, позволяющее отнести их к сфере экономики. Источниками дефиниций послужили толковые словари *A Dictionary of Economics*, 2002 (DE), *Collins Cobuild Advanced Learner's English Dictionary*, 2008 (CCALED), *Oxford Dictionary of English*, 2005 (ODE). В таблице также указана относительная частота (ipm) для каждой из этих единиц в корпусе.

Приведем примеры использования данных единиц в корпусе текстов британских сетевых СМИ:

*The bank said Russia faces a mounting **deficit** on its capital account* (The Telegraph. 1.12.2014).

*It will bring only diplomatic isolation and economic **stagnation** to Russia's long suffering people* (Mirror Online. 20.02.2015).

*Another **default** is almost "inevitable" if the Russian interest rate hike does not stop the rouble's fall, analysts have said* (The Telegraph. 16.12.2014).

*But plummeting oil prices will strike a significant blow to Russia's economy and could send it into a **recession**, analysts said* (The Guardian. 12.10.2014).

ГРУППА 3. Прилагательные с отрицательной семантикой в корпусе текстов британских сетевых СМИ (указаны в порядке убывания частотности): *tough* (384,41), *weak* (176,26), *unacceptable* (151,08), *dangerous* (146,04), *negative* (70,50), *vulnerable* (60,43), *severe* (58,75), *grave* (52,04), *hostile* (47,00), *retaliatory* (40,29), *damaging* (30,22), *pointless* (21,82), *volatile* (20,14), *useless* (16,79), *disastrous* (15,11), *inappropriate* (13,43), *cowardly* (1,68). Например:

International credit card companies face a "severe impact" on their operations in Russia following a strict new law Moscow has adopted in response to Visa and Mastercard freezing service to banks under US sanctions (The Guardian. 6.05.2014).

*Western economic sanctions are a **cowardly** strategy and will do more harm than good to all of Europe* (The Telegraph. 24.07.2014).

*In contrast to the many EU leaders urging a more accommodating policy towards Russia, Tusk described Putin's strategy as directly **hostile** and requiring a tough response* (The Guardian. 15.03.2015).

*After Litvinenko, more sanctions against Russia would be **pointless** — and hypocritical* (The Guardian. 22.01.2016)

*The response of the Russian authorities to what could have turned into a **grave** crisis has shown that the lessons of the past may have been learned* (The Telegraph. 31.05.2016).

ГРУППА 4. Глагольные единицы, описывающие процессы, которые могут оказать негативное воздействие на различные сферы деятельности как в Российской Федерации,

так и в западных странах либо ухудшить дальнейшие отношения между ними (указаны в порядке убывания частотности): *to destabilise* (85,61), *to weaken* (82,25), *to damage* (82,25), *to collapse* (65,47), *to retaliate* (53,72), *to deteriorate* (48,68), *to harm* (38,61), *to worsen* (36,93), *to toughen* (31,89), *to slump* (30,22), *to disrupt* (25,18), *to endanger* (8,39). Например:

*Russia warns it would **retaliate** against proposed sanctions threatened by the EU over Ukraine crisis* (The Telegraph. 7.03.2014).

Moscow was defiant on Wednesday in the face of sweeping US and EU sanctions designed to punish its continued backing of separatists in eastern Ukraine... (The Guardian. 30.07.2014).

*Meanwhile, Mr Cameron was forced to defend sanctions against Putin's regime amid fears they would **damage** British businesses which export to Russia* (Mirror Online. 18.02.2015).

ГРУППА 5. Метафорический перенос как средство выражения отрицательной оценки в статьях, посвященных вопросу антироссийских санкций, в британских интернет-СМИ.

Метафору относят к средствам скрытой оценочности, выполняющим оценочно-ориентирующую функцию с целью создать у адресата яркий, зримый образ, суггестивно влияющий на принятие решения [Дементьева 2009: 90]. В собранном нами корпусе медийных текстов отчетливо выделяются антропоморфная и социоморфная метафоры.

Антропоморфная метафора — метафора, в которой явления объективной действительности представлены в ассоциативной связи с человеческими формами и качествами. В качестве понятийных сфер-источников выступают следующие: «Анатомия», «Физиология», «Болезни», «Семья» и др. [Чудинов 2006: 136]. Антропоморфная метафора реализуется в статьях британских сетевых СМИ через следующие единицы: *to hurt* (176,26), *to suffer* (134,29), *pain* (112,47), *painful* (52,04), *to cripple* (23,50), *to paralyse* (16,79), *nightmare* (15,11), *stranglehold* (8,39). Например:

*Russia's economy has been **crippled** by Western sanctions following its annexation of Crimea, as well as sliding oil prices that are likely to keep Russia in recession this year* (The Telegraph. 31.07.2015).

*America has barely concealed its frustration with Europe's refusal **to inflict** real economic **pain** on Moscow...* (The Telegraph. 16.07.2014).

*The sanctions are a warning to the Russian president that unless he pulls out troops the EU will continue **to tighten the stranglehold** on Russia's economy* (The Telegraph. 5.09.2014).

Социоморфная метафора — это метафора, в которой предметы и явления действительности представлены по образцу различных сфер социальной деятельности человека.

Понятийными сферами-источниками служат такие, как «Преступность», «Война», «Театр (зрелищные искусства)», «Экономика», «Игра и спорт» [Чудинов 2006: 136—137]. Такие лексемы, как *war* (1096,15), *weapon* (428,05), *violence* (127,58), *battle* (95,68), *unrest* (67,15), *warfare* (28,54), *violent* (26,86), *battlefield* (13,43), участвуют в формировании социоморфной метафоры:

*The west has many more vigorous measures at its disposal, but it also has too many interests in Russia to punish Moscow hard. In its complex **battle** of sanctions chess with Vladimir Putin, the west has so far confined itself to rather modest tactics* (The Guardian. 4.05.2014).

*...Western governments are declaring economic **war** against Russia in a clumsy lunge at "regime change"* (The Telegraph. 18.12.2014).

Итак, результатом представленного корпусного исследования стало выявление основных лексических средств выражения отрицательной оценки при описании санкционной политики западных стран по отношению к России в статьях британских сетевых СМИ. Отрицательная семантика выделенных групп лексических средств разного лексико-грамматического статуса (существительные, глаголы, прилагательные) заключается в их негативной оценке текущих экономических процессов в России, их возможного влияния на экономическую ситуацию в западных странах и политических взаимоотношений России с Западом в целом. Негативная риторика в текстах статей о санкционных мерах усиливается за счет использования лексических средств в основе метафорических переносов, формирующих интенсификацию негативных эмоций со стороны субъекта оценки, т. е. автора текста. В целом можно утверждать, что применение методов и инструментов корпусной лингвистики в исследованиях, посвященных такому субъективно воспринимаемому объекту, как «оценка», значительно повышает объективность и обоснованность результатов исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антироссийские санкции [Электронный ресурс] // Руксперт. URL: http://ruxpert.ru/Антироссийские_санкции (дата обращения: 12.11.2017).
2. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. — М. : Едиториал УРСС, 2002. 261 с.
3. Дементьева М. К. Языковые средства выражения оценки в современном российском официальном политическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2009. № 4 (30). С. 82—92.
4. Ивин А. А. Оценки в процессах коммуникации // Филология науки. 2012. Т. 17. № 1. С. 203—213.
5. Карпова Т. Б. Сетевые СМИ как тип дискурса современной России // Мир русского слова. 2010. № 2. С. 34—38.

6. Копотев М. В. Введение в корпусную лингвистику [Электронный ресурс]. — Прага : Animedia Company, 2014. 218 с. URL: <http://animedia-company.cz/ebooks-catalog/business-popular-science-catalog/vvedeniye-v-korpusnuju-lingvistiku> (дата обращения: 20.02.2018).
7. Марьянич В. А. Аксиологическая структура медиа-политического текста (лингвостилистический аспект) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Архангельск, 2013. 36 с.
8. Чудинов А. П. Политическая лингвистика. — М. : Флинта : Наука, 2006. 256 с.
9. Якушина Р. М. Динамические параметры оценки : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Уфа, 2003. 24 с.
10. A Dictionary of Economics / J. Black, M. Hashimzade, G. Myles. 2nd edition. — Oxford Univ. Pr., 2002. 507 p.
11. Anthony L. AntConc (Version 3.4.3). [Computer Software]. — Tokyo, Japan : Waseda Univ., 2014. URL: <http://www.laurenceanthony.net> (date of access: 05.03.2018).
12. Baker P., Gabrielatos C., Khosravini M., Krzyzanowski M., Mccenery T., Wodak R. A useful methodological synergy? Combining critical discourse analysis and corpus linguistics to examine discourses of refugees and asylum seekers in the UK press // *Discourse & Society*. 2008. Vol. 19 (3). P. 273—306.
13. Baker P., Gabrielatos C., Mccenery T. Sketching Muslims: A Corpus Driven Analysis of Representations Around the Word 'Muslim' in the British Press 1998—2009 // *Applied Linguistics*. 2013. Vol. 34 (3). P. 255—278.

14. Bednarek M., Caple H. The Discourse of News Values: How News Organisations Create Newsworthiness. — Oxford/New York : Oxford Univ. Pr., 2017. 320 p.
15. Collins Cobuild Advanced Learner's English Dictionary [Electronic resource]. URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english> (date of access: 25.02.2018).
16. Kilgariff A., Baisa V., Bušta J., Jakubíček M., Kovář V., Michelfeit J., Rychlý P., Suchomel V. The Sketch Engine: Ten Years On [Electronic resource] // *Lexicography ASIALEX*. 2014. Vol. 1. P. 7—36. URL: <http://link.springer.com/article/10.1007/s40607-014-0009-9> (date of access: 21.12.2017).
17. Kilgariff A., Rychlý P., Smrž P., Tugwell D. The Sketch Engine [Electronic resource] // *Proceedings of the XI EURALEX International Congress*. — Lorient : Univ. de Bretagne-Sud, 2004. P. 105—116. URL: https://www.sketchengine.co.uk/wp-content/uploads/The_Sketch_Engine_2004.pdf (date of access: 01.03.2018).
18. Laukkanen J. A very European crisis: A corpus study of linguistic differences in the reporting of the Greek debt crisis [Electronic resource]. — Helsinki : Univ. of Helsinki, 2013. 82 p. URL: <https://helda.helsinki.fi/bitstream/handle/10138/41891/averageur.pdf?sequence=1> (date of access: 18.11.2017).
19. Oxford Dictionary of English / C. Soanes, A. Stevenson. — Oxford Univ. Pr., 2005. 2112 p.
20. Rychlý P. A Lexicographer-Friendly Association Score [Electronic resource] // *Proceedings of Recent Advances in Slavonic Natural Language Processing, RASLAN 2008*. — Brno : Masaryk Univ., 2008. P. 6—9. URL: <https://nlp.fi.muni.cz/raslan/2008/papers/13.pdf> (date of access: 24.01.2017).
21. Sketch Engine [Electronic resource]. URL: <https://the.sketchengine.co.uk> (date of access: 01.03.2018).

M. A. Kovyazina, T. A. Ilyushchenya, S. B. Khabibullina
Tyumen, Russia

NEGATIVE EVALUATIVE LANGUAGE IN DESCRIPTION OF ANTI-RUSSIAN SANCTIONS POLICY AND OF RUSSIAN COUNTER-SANCTIONS IN BRITISH ONLINE MEDIA DISCOURSE: A CORPUS RESEARCH

ABSTRACT. The article focuses on the negative evaluative language in British online media texts. The research is based on a corpus of over 600 articles published on the websites of mainstream and tabloid news media, namely "The Guardian", "The Telegraph" and "Mirror Online". The texts discuss western anti-Russian sanctions policy and Russian counter-sanctions. The research is targeted at determining lexical means of negative evaluation of the Russian Federation foreign policy. The application of discourse analysis has resulted in a selection of lexical means with negative semantics reflecting negative evaluation. Corpus linguistics tools such as the online corpus query system Sketch Engine and the application AntConc were used in the conducted analysis. These tools enabled statistical assessment of lexical means with negative semantics. In addition, the Sketch Engine tool "Thesaurus" has identified the items which are closely associated with the key notion of the research — "sanctions". The analysis has revealed metaphors as the other language means of negative evaluation in media texts. Metaphors are known to reflect evaluation implicitly. However, they help create a vivid image in the mind of a reader. Thus, metaphors used by journalists of online media compare anti-Russian sanction policy to "war" and "battlefield", while its consequences are compared to "a stranglehold on Russia's economy".

KEYWORDS: media discourse; anti-Russia sanctions; negative evaluation; corpus analysis; media linguistics; media texts; political discourse; corpus search engines; discourse analysis.

ABOUT THE AUTHORS: Kovyazina Marina Anatolievna, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of English Philology and Translation, Institute of Social Sciences and Humanities, Tyumen State University, Tyumen, Russia.

Ilyushchenya Tatiana Anatolievna, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of English Philology and Translation, Institute of Social Sciences and Humanities, Tyumen State University, Tyumen, Russia.

Khabibullina Saida Biktimirovna, Assistant Lecturer, Department of English Philology and Translation, Institute of Social Sciences and Humanities, Tyumen State University, Tyumen, Russia.

REFERENCES

1. Antirossiyskie sanktsii [Elektronnyy resurs] // *Rukspert*. URL: http://rukspert.ru/Antirossiyskie_sanktsii (data obrashcheniya: 12.11.2017).
2. Vol'f E. M. Funktsional'naya semantika otsenki. — M. : Editorial URSS, 2002. 261 s.
3. Dement'eva M. K. Yazykovye sredstva vyrazheniya otsenki v sovremennoy rossiyskom ofitsial'nom politicheskom diskurse // *Politicheskaya lingvistika*. 2009. № 4 (30). S. 82—92.
4. Ivin A. A. Otsenki v protsessakh kommunikatsii // *Filosofiya nauki*. 2012. T. 17. № 1. S. 203—213.
5. Karpova T. B. Setevye SMI kak tip diskursa sovremennoy Rossii // *Mir russkogo slova*. 2010. № 2. S. 34—38.
6. Kopotev M. V. Vvedenie v korpusnuju lingvistiku [Elektronnyy resurs]. — Praha : Animedia Company, 2014. 218 c. URL: <http://animedia-company.cz/ebooks-catalog/business-popular-science-catalog/vvedeniye-v-korpusnuju-lingvistiku> (data obrashcheniya: 20.02.2018).

7. Mar'yanchik V. A. Axiologicheskaya struktura media-politicheskogo teksta (lingvostilisticheskiy aspekt) : avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. — Arkhangel'sk, 2013. 36 c.
8. Chudinov A. P. Politicheskaya lingvistika. — M. : Flinta : Nauka, 2006. 256 s.
9. Yakushina R. M. Dinamicheskie parametry otsenki : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — Ufa, 2003. 24 s.
10. A Dictionary of Economics / J. Black, M. Hashimzade, G. Myles. 2nd edition. — Oxford Univ. Pr., 2002. 507 p.
11. Anthony L. AntConc (Version 3.4.3). [Computer Software]. — Tokyo, Japan : Waseda Univ., 2014. URL: <http://www.laurenceanthony.net> (date of access: 05.03.2018).
12. Baker P., Gabrielatos C., Khosravini M., Krzyzanowski M., Mccenery T., Wodak R. A useful methodological synergy? Combining critical discourse analysis and corpus linguistics to examine discourses of refugees and asylum seekers in the UK press // *Discourse & Society*. 2008. Vol. 19 (3). P. 273—306.

13. Baker P., Gabrielatos C., Mcenery T. Sketching Muslims: A Corpus Driven Analysis of Representations Around the Word 'Muslim' in the British Press 1998—2009 // *Applied Linguistics*. 2013. Vol. 34 (3). P. 255—278.
14. Bednarek M., Caple H. *The Discourse of News Values: How News Organisations Create Newsworthiness*. — Oxford/New York : Oxford Univ. Pr., 2017. 320 p.
15. Collins Cobuild Advanced Learner's English Dictionary [Electronic resource]. URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english> (date of access: 25.02.2018).
16. Kilgariff A., Baisa V., Bušta J., Jakubíček M., Kovář V., Michelfeit J., Rychlý P., Suchomel V. The Sketch Engine: Ten Years On [Electronic resource] // *Lexicography ASIALEX*. 2014. Vol. 1. P. 7—36. URL: <http://link.springer.com/article/10.1007/s40607-014-0009-9> (date of access: 21.12.2017).
17. Kilgariff A., Rychlý P., Smrž P., Tugwell D. The Sketch Engine [Electronic resource] // *Proceedings of the XI EURALEX International Congress*. — Lorient : Univ. de Bretagne-Sud, 2004. P. 105—116. URL: https://www.sketchengine.co.uk/wp-content/uploads/The_Sketch_Engine_2004.pdf. (date of access: 01.03.2018).
18. Laukkarinen J. A very European crisis: A corpus study of linguistic differences in the reporting of the Greek debt crisis [Electronic resource]. — Helsinki : Univ. of Helsinki, 2013. 82 p. URL: https://helda.helsinki.fi/bitstream/handle/10138/41891/aver_yeur.pdf?sequence=1 (date of access: 18.11.2017).
19. *Oxford Dictionary of English* / C. Soanes, A. Stevenson. — Oxford Univ. Pr., 2005. 2112 p.
20. Rychlý P. A Lexicographer-Friendly Association Score [Electronic resource] // *Proceedings of Recent Advances in Slavonic Natural Language Processing, RASLAN 2008*. — Brno : Masaryk Univ., 2008. P. 6—9. URL: <https://nlp.fi.muni.cz/raslan/2008/papers/13.pdf> (date of access: 24.01.2017).
21. Sketch Engine [Electronic resource]. URL: <https://the.sketchengine.co.uk> (date of access: 01.03.2018).

Ли Сыци
Харбин, Китай

ИСКУССТВО РЕЧИ МАО ЦЗЭДУНА

АННОТАЦИЯ. Язык служит средством для сообщения мыслей, чувств и побуждений, это важный коммуникативный и когнитивный инструмент. Люди обмениваются языковыми сообщениями в том числе для того, чтобы сформировать четкое представление об окружающей действительности. В этом плане важны языковые аспекты распространения идеологии и политических решений — сфер деятельности, связанных с решением проблем, для чего политикам требуется формулировать идеи, мнения, позицию по разным вопросам. Политику для успешной деятельности важно на высоком уровне овладеть помогающими убеждению аудиторию ресурсами языка. В начале статьи представлен аналитический обзор публикаций, посвященных изучению вербальных характеристик первых лиц государства. Дискурс политических лидеров рассматривается в рамках лингвополитической персонологии — относительно нового направления в языкознании, изучающего феномен профессиональной языковой личности в сфере политики. Актуальность работы обусловлена необходимостью уточнения понятийно-терминологического аппарата данной научной области, определения оптимальных методик анализа и перспективных исследовательских задач, а также определения границ рассматриваемого научного направления в контексте современной гуманитарной науки. В ходе анализа выделены такие предметные области лингвополитической персонологии, как президентский дискурс и изучение образов исторических персоналий. В свете сформулированных положений рассматривается дискурс Мао Цзэдуна. В годы революционной борьбы с учетом политической ситуации Мао Цзэдун мастерски использовал выразительные эмотивные средства языка, речь политика была яркой и мощной, простой и воодушевляющей, оказывала глубокое влияние на народные массы. Мао Цзэдун добился поддержки людей и считается мастером красноречия. Сегодня риторика Мао Цзэдуна не потеряла значения для политиков. Четкое представление о средствах языка и риторическое искусство имеют важное значение для политической деятельности. Мао Цзэдун считается мастером языка. В языковом плане его выступления были простыми и яркими, исполненными юмора, также политик умело использовал метафоры и афоризмы. Политикам, которые стремятся улучшить свои лидерские качества, необходимо тщательно изучать риторическое мастерство Мао Цзэдуна.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: лингвоперсонология; политическая коммуникация; языковая личность; политические деятели; политические метафоры; политическая риторика; риторическое мастерство.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Ли Сыци, аспирант, институт русского языка, Хэйлунцзянский университет; 150001, Китай, провинция Хэйлунцзян, Харбин, Сюэ Фу, д. 74; e-mail: 459526706@qq.com.

Введение

Лингвополитическая персонология — пограничная область языкознания, оформившаяся на стыке политической лингвистики [Чудинов 2006 и др.] и лингвистической персонологии [Базылев 2005; Иванцова 2002; Нерознак 1996 и др.]. Успешно пользуясь методологическими достижениями обозначенных дисциплин, лингвополитическая персонология в то же время активно расширяет границы собственных практических изысканий, что закономерно ведет к углублению ее теоретической базы и формированию собственной терминосистемы.

Цель статьи — уточнить понятийно-терминологический аппарат лингвополитической персонологии на основании обзора публикаций по изучению речи политических лидеров и обобщенно представить особенности речи Мао Цзэдуна.

1. Понятийно-терминологический аппарат

Основной термин современной российской лингвополитической персонологии называет ее объект исследования — это «языковая личность (политика)» [Мадалиева 2011; Нехорошева 2012 и др.]. В лингвоперсонологии «языковая личность» понимается как «личность, отраженная в созданных ею текстах» [Иванцова 2002: 10]. Специфика языковой личности политика как профессиональной (дискурсивной) личности определяется комбинаторикой индивидуальных и ин-

ституциональных коммуникативно-речевых манифестаций. Характеризуя политика как языковую личность, исследователи подчеркивают синкретичный, многомерный характер данного феномена. В близком и даже аналогичном значении используются термины «речевой / коммуникативный портрет» [Алышева 2012; Гаврилова 2011, 2012 и др.], «идиостиль» [Седых 2016 и др.] и «речевой / коммуникативный имидж» [Романова 2009; Руженцева 2015 и др.]. Каждый из этих терминов сам по себе не вызывает возражений, особенно когда используется в рамках исследований, принадлежащих к соответствующим научным школам и направлениям (лингвистическая персонология, имиджелогия, стилистика, речевое портретирование и др.). Также Г. Г. Матвеева отмечает, что, как и языковая личность, речевой портрет бывает индивидуальным и коллективным. В центре внимания при составлении индивидуального речевого портрета находится индивидуальный стиль, отражающий особенности конкретной языковой личности. Такой портрет составляется чаще всего при исследовании личности неординарной, элитарной, которой свойственно творческое отношение к языку.

Изучение понятия «речевой портрет» исторически начинается с фонетического портрета, основополагающие приемы описания которого разрабатываются в середине 60-х гг. XX в. М. В. Пановым. Анализируя про-

изношение отдельных личностей, М. В. Панов дает характеристику литературной нормы в диахроническом аспекте и создает ряд фонетических портретов политических деятелей, писателей, ученых. Заметим, что в странах Запада, и в первую очередь США, изучение дискурса первых лиц государства ведется очень активно, при этом наибольшее признание среди исследовательских методов получили когнитивный анализ [Hodges 2013; Lakoff 2017 и др.] и риторическая критика [Arthur, Woods 2013; Stuckey 2015 и др.]. Как подчеркивает Е. А. Нахимова, в современной политической лингвистике выделяются два подхода к изучению президентского дискурса. В первом случае (узкий подход) предметом рассмотрения становится собственно речевая деятельность президента — проявление различных аспектов языковой личности в жанрах президентского дискурса. Во втором случае (широкий подход) исследуются не только речь президента, но и пути создания образа президента в коммуникативной деятельности иных политических деятелей и журналистов. Изучение подобных материалов позволяет определить, как руководитель страны воспринимается в национальном сознании [Нахимова 2007: 44].

2. Коммуникативное мастерство Мао Цзэдуна

Коммуникативное мастерство является одним из основных качеств политика. В годы революции благодаря глубоким знаниям и активной социальной практике Мао Цзэдун создал яркие и живые речи и стал в этом плане замечательным образцом для соратников. Охарактеризуем основные признаки выступлений Мао Цзэдуна.

1. Четкость выражения мысли для легкого понимания

Легкость понимания — это основное требование искусства речи. При координации какой-либо деятельности нужно выражать мысли четко и ярко, чтобы адресаты быстро и точно поняли и приняли к исполнению приказы. Языковой стиль Мао Цзэдуна в основном проявлялся в общении с людьми. Он смог описать абстрактные теории с помощью простых и живых образов, так что даже неграмотные крестьяне могли легко понять и с охотой принять его политические идеи.

Мао Цзэдун обращал большое внимание на речь простых людей, призывал учиться говорить у них. Он заметил: «Речь народа очень богатая, живая и отражает реальную жизнь. Многие из нас, многие управленческие кадры не могут научиться мастерству

при использовании языка, поэтому мы пишем статьи и выступаем с речами скучно и неэффективно. Наши речи немощны, как нищие, нездоровые, тощие и уродливые люди». Мао Цзэдун превосходно освоил народный язык, и это отражалось в его статьях. Например, затрагивая конкретные вопросы и давая экономический и политический анализ, он использовал метафоры: «Сколько риса кушать — это зависит от блюда», «Отрезать по размеру», «Петь соответствующую ситуации песню». Когда Мао Цзэдун раскрыл заговорщические планы Гоминьдана, он использовал метафоры: «Они обещали баранину, но продавали собачатину». Такие метафоры значительно усиливают эффект речи и находят понимание и поддержку у людей. Лишенные образности, стереотипные слова не привлекают слушателей. Итак, писать статьи нужно не только понятно, но и с четкой аргументацией, чтобы произвести глубокое впечатление на реципиентов.

2. Использование метафор, свобода в подборе выражений

Когнитивные метафоры помогают описывать связи между явлениями, позволяют конкретизировать абстрактные положения, делают сложные теоретические построения простыми для понимания. В идеологической работе Мао Цзэдун часто и умело использовал метафоры. При помощи метафор Мао Цзэдун понятно и свободно выражал революционные идеи. В «Теории парадокса» Мао Цзэдун выявил внутренние и внешние отношения между описываемыми явлениями, используя метафору: «Яйцо превращается в цыпленка при идеальной температуре, но температура не может превращать камень в цыпленка». Эта метафора так удачна, что преподаватели философии часто приводят ее в качестве примера. Объясняя отношения между исследованием и решением проблемы, Мао Цзэдун использовал следующую метафору: «Исследование напоминает беременность, а решение проблемы — рождение». Мао Цзэдун умело использовал метафоры, говорил с юмором, поэтому его речи производили глубокое впечатление на слушателей.

3. Цитирование древних афоризмов, развитие традиций

Китайским народом в течение тысячелетий создавались замечательные традиции и культура, мы должны наследовать и развивать их. В данном отношении Мао Цзэдун может служить прекрасным образцом. Он помещал свои речи в контекст вековой мудрости, цитировал идиомы, басни, использовал аллюзии и т. д. Поэтому для речей поли-

тика характерно разнообразие, и благодаря нему китайский марксизм стал ярким и доступным для широкого понимания. По неполным статистическим данным, в своей книге Мао Цзэдун свободно и контекстуально оправданно процитировал более 600 древних афоризмов.

Например, для того чтобы объяснить «правильное политическое направление, революционный стиль работы и гибкую стратегию и тактику», он обратился к роману «Путешествие на Запад». Мао Цзэдун отметил: «Монах Тансэн (Танский монах) — целеустремленный человек, но у него есть недостатки: он легко верит другим и его легко обманывают. У Чжу Бацзе много недостатков, но у него есть одно достоинство. Он не боится грязного, и именно он открыл вонючий переулок. Сунь Укун является очень гибким, но у него большой недостаток — ему не хватает целеустремленности. Белый конь не стремится к получению прибыли и довел Тансэна до Запада. Нам нужно ценить людей по их достоинствам».

Мао Цзэдун не только усвоил обширное культурное наследие Китая, но и творчески развил, обогатил его, что позволило ему успешно пропагандировать революционные идеи и сделать свои политические взгляды более популярными и убедительными.

4. Юмор, заинтересовывающие слушателей формулировки

Один американский психолог сказал: «Юмор — это одна из самых интересных, самых мощных, самых универсальных форм искусства». Юмористический стиль изложения облегчает общение, делает отношения между людьми более гармоничными, смягчает неудобные ситуации, примиряет противоречия. Мао Цзэдун обладал хорошим чувством юмора и прекрасно понимал его роль. В 1945 г. в ходе переговоров с Гоминьданом кто-то спросил Мао Цзэдуна: «Если переговоры провалятся и будет война, вы одержите победу?». Мао Цзэдун ответил: «Противоречие между Гоминьданом и КПК представляет собой противоречие двух разных интересов. Фамилия господина Цзяна символизирует то, что он неудачный генерал, а моя фамилия символизирует то, что силы КПК одержат победу». Остроумный ответ Мао Цзэдуна произвел глубокое впечатление на людей и придал его сторонникам уверенности.

5. Краткость и обобщенность высказываний

Нужно говорить коротко, чтобы раскрыть или подчеркнуть основное содержание. Мао Цзэдун всегда советовал выступать с речью и писать статьи коротко и четко. Он увещевал: «Слишком длинные статьи как ткань, которой ленивые женщины обматывают

свои ноги, длинные и вонючие». Для того чтобы китайский народ смог понять и освоить марксизм, овладел революционной теорией, Мао Цзэдун обобщил и конкретизировал содержание марксизма. В ходе Первой национальной революции солдаты Красной армии в основном состояли из малограмотных крестьян. В данной ситуации Мао Цзэдун особое внимание уделил построению своих речей, призванных разъяснить солдатам сложные социально-политические теории.

Выступая, для объяснения революционных идей Мао Цзэдун представлял их в виде небольшого количества кратко сформулированных пунктов; часто использовались числа «два», «три», «четыре». Число «два» связывалось с двумя фронтами войны: коммунисты и Красная армия ведут справедливую войну против империализма и Гоминьдана. «Три» отсылало к трем основным правилам дисциплины для Красной армии. Число «четыре» символизировало четыре важных дела (цели) Красной армии: во-первых, нужно делить поля местных помещиков; во-вторых, создать из рабочих и крестьян военную силу; в-третьих, укрепить революционную власть и успешно воевать с Гоминьданом (проще говоря, создать китайское Советское правительство); в-четвертых, создать местную партийную организацию и бороться с помещиками.

Во многом благодаря яркому, краткому и доступному стилю речи Мао Цзэдуна политические идеи КПК получили понимание и поддержку среди населения Китая, что в конце концов привело к победе этой партии. В связи со стремительными изменениями современной международной обстановки для повышения квалификации членов Коммунистической партии Китая и управленческих кадров большое значение имеет изучение ораторского искусства Мао Цзэдуна.

Заключение

Мы считаем, что речи Мао Цзэдуна уникальны и выразительны, а не однообразны и блеклы, как выступления некоторых других политиков. В своих выступлениях Мао Цзэдун создал героический язык великих пролетарских свершений новой эпохи. Поэтому речи Мао Цзэдуна имеют непреходящее значение для теоретиков и практиков политики, входят в духовное богатство человечества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева А. К. Политический портрет В. В. Путина и Д. А. Медведева (на материале современной прессы и ассоциативного эксперимента) // Политическая лингвистика. 2012. № 3 (41). С. 64—80.
2. Алышева Ю. С. Речевой портрет В. В. Путина // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. 2012. № 2 (16). С. 171—174.
3. Анисимова С. А. Роль прецедентных феноменов в фор-

мировании национального ментального пространства (по материалам сопоставительного анализа дискурсов президентов В. В. Путина и Б. Обамы) // Политическая лингвистика. 2016. № 3 (57). С. 77—83.

4. Базылев В. Н. Канон русской политической лексики Павла I (о принципах реконструкции российского исторического политического дискурса) // Политическая лингвистика. 2017. № 1 (61). С. 10—20.

5. Базылев В. Н. Лингвистическая персонология: Ирина Хакамада (к определению статуса дисциплины) // Изв. УрГПУ. Сер. «Лингвистика». — Екатеринбург, 2005. Вып. 15. С. 163—167.

6. Богин Г. И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Л., 1984. 31 с.

7. Васильев А. Д. Свои и чужие в контексте программы «Прямая линия с Владимиром Путиным» (2014 г.) // Политическая лингвистика. 2015. № 4 (54). С. 18—24.

8. Виноградов В. В. Избр. тр. О языке художественной прозы. — М. : Наука, 1980. С. 53—175.

9. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. — М. : Просвещение, 1987. 264 с.

10. Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Русский речевой портрет. Фонохрестоматия. — М. : Наука, 1995. 114 с.

11. Нахимова Е. А. Прецедентные имена в президентском дискурсе // Политическая лингвистика. 2007. № 2 (22). С. 44—48.

12. Нахимова Е. А. Использование корпусной методологии при сопоставительном изучении прецедентных имен // Политическая лингвистика. 2013. № 3. С. 48—56.

13. Нахимова Е. А. «Прямая линия» с народом: президентские ответы на детские вопросы // Политическая лингвистика. 2016. № 2 (56). С. 22—26.

14. Николаева Т. М. «Социолингвистический портрет» и методы его описания // Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики : докл. Всесоюз. науч. конф. 1991. Ч. 2. С. 73—75.

15. Панов М. В. История русского литературного произношения XVIII—XX вв. Изд. 2-е, стер. — М. : Едиториал

УРСС, 2002. 456 с.

16. Попова О. В. Языковая личность Ивана Грозного: на материале деловых посланий : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. — Омск, 2004. 177 с.

17. Чудинов А. П. Заметки о риторическом мастерстве И. В. Сталина // Художественный текст: структура, семантика, прагматика. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1997. С. 201—212.

18. Чудинов А. П. Политическая лингвистика : учеб. пособие. — М. : Флинта : Наука, 2006. 256 с.

19. Arthur D., Woods J. The Contextual Presidency: The Negative Shift in Presidential Immigration Rhetoric // Presidential Studies Quarterly. 2013. Vol. 43. Iss. 3. P. 468—489. DOI: <https://doi.org/10.1111/psq.12041>.

20. Hodges A. The Generic U.S. Presidential War Narrative: Justifying Military Force and Imagining the Nation // Discourses of War and Peace / ed. by A. Hodges. — New York : Oxford Univ. Pr., 2013. P. 47—68. DOI: <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199937271.003.0003>.

21. Kang Jialong. Mao Zedong de yuyong guan // Yuyan wenzi yingyong. 2002. № 4. P. 1—7. = 康家珑.毛泽东的语用观[J]. 语言文字应用. 2002. No 4. P. 1—7.

22. Lakoff G. The President Is The Nation: The Central Metaphor Trump Lives By // Georgelakoff.com. URL: <https://georgelakoff.com/2017/08/01/the-president-is-the-nation-the-central-metaphor-trump-lives-by/> (date of access: 15.08.2017).

23. Li Xiao. Lun Mao Zedong de yuyan meixue fengge // beifang gongye daxue xuebao. 2002. № 2. P. 36—40. = 李肖.论毛泽东的语言美学风格[J].北方工业大学学报. 2002. № 2. P. 36—40.

24. Stuckey M. Political Rhetoric. A Presidential Briefings. — New Brunswick : Transaction Publ., 2015. 125 p.

25. Zhou Ling. Mao Zedong yuyan fengge qianxi // Mao Zedong sixiang yanjiu. 2002. № 19 (3). P. 44—45. = 周玲.毛泽东语言风格浅析[J].毛泽东思想研究. 2002. № 19 (3). P. 44—45.

Li Siqi

Harbin, China

THE SPEECH OF MAO ZEDONG

ABSTRACT. Language serves as a means for exchange of ideas, emotions and wishes; it is an important communicative and cognitive tool. People exchange messages to form the view of the surrounding reality. From this perspective, the aspects of language used to promote certain ideology, political views and activities to solve the problems are especially important, that is why politicians have to formulate their ideas, opinions, and views on different issues. A politician should know the means of the language that may help them achieve their goals. The article provides an analytical overview of the papers devoted to the study of verbal characteristics of political leaders. Discourse of political leaders is analyzed from the point of view of linguo-political personology — a relatively new branch of linguistics that studies the phenomenon of professional linguistic persona in political sphere. The urgency of this research is determined by the necessity to specify the terminology of this branch, to identify the suitable research methods and promising research goals, as well as to define the borders of the scientific area in the context of the Humanities. The analysis allowed to identify such subject areas of linguo-political personology as presidential discourse and the study of the images of historical figures. In the light of the provisions we study the discourse of Mao Zedong. During the revolution Mao Zedong used expressive language means very skillfully; his speech was powerful and expressive, simple and encouraging, and it made a great impact on the people. Mao Zedong won people's support and he is believed to be a master of eloquence. Today Mao Zedong's rhetoric is important for contemporary politicians. A clear understanding of the language means and the oratorical art plays a great role in political life. Mao Zedong is a great public speaker. From the point of view of the language his speeches were simple, but memorable, full of humor, metaphors and aphorisms. Politicians who want to strengthen their leadership properties should carefully study the speeches by Mao Zedong.

KEYWORDS: linguo-personology; political communication; linguistic persona; political leaders; political metaphors; political rhetoric; rhetoric skills.

ABOUT THE AUTHOR: Li Siqi, Post-graduate Student, Institute of the Russian language, Heilongjiang University, Harbin, China.

REFERENCES

1. Alekseeva A. K. Politicheskii portret V. V. Putina i D. A. Medvedeva (na materiale sovremennoy pressy i asotsiativnogo eksperimenta) // Politicheskaya lingvistika. 2012. № 3 (41). S. 64—80.

2. Alysheva Yu. S. Rechevoy portret V. V. Putina // Vestn. Volgogr. gos. un-ta. 2012. № 2 (16). S. 171—174.

3. Anisimova S. A. Rol' pretsedentnykh fenomenov v formirovani natsional'nogo mental'nogo prostranstva (po materialam sopostavitel'nogo analiza diskursov prezidentov V. V. Putina i B. Obamy) // Politicheskaya lingvistika. 2016. № 3 (57). S. 77—83.

4. Bazylev V. N. Kanon russkoy politicheskoy leksiki Pavla I (o printsipakh rekonstruktsii rossiyskogo istoricheskogo politicheskogo diskursa) // Politicheskaya lingvistika. 2017. № 1 (61). S. 10—20.

5. Bazylev V. N. Lingvisticheskaya personologiya: Irina Khakamada (k opredeleniyu statusa distsipliny) // Izv. UrGPU. Ser. «Lingvistika». — Ekaterinburg, 2005. Vyp. 15. S. 163—167.

6. Bogin G. I. Model' yazykovoy lichnosti v ee otnoshenii k raznovidnostyam tekstov : avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. — L., 1984. 31 s.

7. Vasil'ev A. D. Svoi i chuzhie v kontekste programmy «Pryamaya liniya s Vladimirom Putinym» (2014 g.) // Politicheskaya lingvistika. 2015. № 4 (54). S. 18—24.

8. Vinogradov V. V. Izbr. tr. O yazyke khudozhestvennoy prozy. — M. : Nauka, 1980. S. 53—175.
9. Karaulov Yu. N. Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'. — M. : Prosveshchenie, 1987. 264 s.
10. Kitaygorodskaya M. V., Rozanova N. N. Russkiy rechevoy portret. Fonokhrestomatiya. — M. : Nauka, 1995. 114 s.
11. Nakhimova E. A. Pretsedentnye imena v prezidentskom diskurse // Politicheskaya lingvistika. 2007. № 2 (22). S. 44—48.
12. Nakhimova E. A. Ispol'zovanie korpusnoy metodologii pri sopostavitel'nom izuchenii pretsedentnykh imen // Politicheskaya lingvistika. 2013. № 3. S. 48—56.
13. Nakhimova E. A. «Pryamaya liniya» s narodom: prezidentskie otvety na detskie voprosy // Politicheskaya lingvistika. 2016. № 2 (56). S. 22—26.
14. Nikolaeva T. M. «Sotsiolingvisticheskiy portret» i metody ego opisaniya // Russkiy yazyk i sovremennost'. Problemy i perspektivy razvitiya rusistiki : dokl. Vsesoyuz. nauch. konf. 1991. Ch. 2. S. 73—75.
15. Panov M. V. Istoriya russkogo literaturnogo proiznosheniya XVIII—XX vv. Izd. 2-e, ster. — M. : Editorial URSS, 2002. 456 s.
16. Popova O. V. Yazykovaya lichnost' Ivana Groznogo: na materiale delovykh poslaniy : dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.01. — Omsk, 2004. 177 c.
17. Chudinov A. P. Zametki o ritoricheskoy masterstve I. V. Stalina // Khudozhestvennyy tekst: struktura, semantika, pragmatika. — Ekaterinburg : Izd-vo Ural. un-ta, 1997. S. 201—212.
18. Chudinov A. P. Politicheskaya lingvistika : ucheb. posobie. — M. : Flinta : Nauka, 2006. 256 s.
19. Arthur D., Woods J. The Contextual Presidency: The Negative Shift in Presidential Immigration Rhetoric // Presidential Studies Quarterly. 2013. Vol. 43. Iss. 3. P. 468—489. DOI: <https://doi.org/10.1111/psq.12041>.
20. Hodges A. The Generic U.S. Presidential War Narrative: Justifying Military Force and Imagining the Nation // Discourses of War and Peace / ed. by A. Hodges. — New York : Oxford Univ. Pr., 2013. P. 47—68. DOI: <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199937271.003.0003>.
21. Kang Jialong. Mao Zedong de yuyong guan // Yuyan wenzi yingyong. 2002. № 4. P. 1—7.
22. Lakoff G. The President Is The Nation: The Central Metaphor Trump Lives By // Georgelakoff.com. URL: <https://georgelakoff.com/2017/08/01/the-president-is-the-nation-the-central-metaphor-trump-lives-by/> (date of access: 15.08.2017).
23. Li Xiao. Lun Mao Zedong de yuyan meixue fengge // beifang gongye daxue xuebao. 2002. № 2. P. 36—40.
24. Stuckey M. Political Rhetoric. A Presidential Briefings. — New Brunswick : Transaction Publ., 2015. 125 p.
25. Zhou Ling. Mao Zedong yuyan fengge qianxi // Mao Zedong sixiang yanjiu. 2002. № 19 (3). P. 44—45.

Э. Р. Нигматуллина
Москва, Россия

ЭМОТИВЫ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ: РОЛЬ И УСЛОВИЯ РЕАЛИЗАЦИИ

АННОТАЦИЯ. Целью статьи является рассмотрение указаний на эмоции, реализующихся в современном англоязычном политическом дискурсе, и определение контекстуальных условий их функционирования. Обращение к изучению эмотивов в англоязычном политическом дискурсе представляется в настоящее время очень актуальным в рамках исследования механизмов воздействия на общественное мнение в условиях политической конкуренции. Материалом для исследования послужило 170 статей общественно-политической тематики, опубликованных с июля 2016 года по январь 2018 года. К эмотивам, т. е. указаниям на эмоции, относятся обозначения эмоций, обозначения эмоциональных состояний и проявлений эмоций. Определяется ряд контекстуальных условий, способствующих появлению эмотивов в англоязычном политическом дискурсе. В качестве основания таких условий в большинстве случаев в рассмотренном материале выступает метафорическая концептуализация. Анализируются наиболее популярные метафорические способы представления: персонификация (политическая сила представляется как носитель эмоции), объективация (перенесение эмоции в материальный мир и представление в виде объекта, который можно получить или отдать), движение (переход от одного эмоционального состояния к другому). Политика, будучи сферой поиска доказательств неких идеологических установок и борьбы за власть, является и областью воздействия на общественное мнение, и проведенный анализ показывает, что прагматические цели автора подкрепляются отчетливо проявляющимся эмоциональным фоном, в связи с чем большую роль в политическом тексте в последнее время начинают играть лексические единицы, служащие указаниями на эмоциональную реакцию участников событий.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс; эмотиология; эмотивы; типология эмотивов; концептуальные метафоры; политическая метафорология.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Нигматуллина Элина Рустемовна, аспирант, соискатель кафедры лексикологии английского языка, Московский государственный лингвистический университет; 119034, Россия, Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1; e-mail: elinainigmatullina@inbox.ru.

Различные формы проявления эмоций в тексте неоднократно становились объектом исследования в лингвистике [Шаховский 2007, 2008, 2010 (а), 2010 (б); Апресян, Апресян 1993, 2007; Вежбицкая 1990; Арutyнова 1998; Красавский 2001 (а), 2001 (б) и др.]. Однако многие аспекты обозначения эмоциональных реакций, функционирования слов, обозначающих эмоции, и особенностей выражения и восприятия эмоций в разных лингвокультурах все еще остаются недостаточно изученными.

Отметим, что большая часть работ, касающихся рассмотрения реализации эмоций в языке, выполнена на материале художественного текста [Баженова 2004; Однорова 2016; Лепенышева 2011 и др.]. Это связано с традиционным мнением, что основным полем при изучении эмотивов является художественная литература. Наглядность образного текста, дающая обширный материал для эмотиологии, доказывает, что именно художественный текст позволяет продемонстрировать эмоционально заряженную природу человеческих мыслей и взаимоотношений и наиболее полно отражает психолингвистические, лингвокультурные и другие особенности человеческих переживаний.

Один из ведущих представителей эмотиологии В. И. Шаховский отмечает, что «любой художественный текст облигаторно воспроизводит эмоциональную жизнь людей. В художественном произведении особенно очевидно, что целью их речевой деятельности в абсолютном большинстве слу-

чаев является эмоциональный контакт (фатическая функция эмоций) или аффектация чувств (прагматическая функция эмоций)» [Шаховский 2008: 25]. Другими словами, лингвисты часто склонны видеть в художественной литературе «учебник человеческих эмоций и эмоциональной жизни языковой личности», где приводятся названия эмоций и показан набор эмоциональных ситуаций. Таким образом, художественная литература иллюстрирует функционирование эмотивов в ситуации реальной коммуникации, а значит «учит» их корректному определению, выражению и пониманию [Ивашкович, Максимова; цит. по Шаховский 2007: 24].

Принято считать, что институциональный дискурс не предоставляет широких возможностей для реализации эмотивов, и особенно это справедливо для политического дискурса.

В настоящее время нет единого общепринятого определения политического дискурса. В. З. Демьянков указывает на существование по крайней мере четырех возможных точек зрения на дефиницию и ракурс рассмотрения политического дискурса:

«— политологической — в рамках политологической интерпретации, на основании которой делаются выводы политологического характера;

— чисто филологической — как любой другой текст; однако, „боковым зрением“ исследователь смотрит на фон — политические и идеологические концепции, господствующие в мире интерпретатора,

— социопсихолингвистической — при из-

мерении эффективности для достижения скрытых или явных, — но, несомненно, политических — целей говорящего;

— индивидуально-герменевтической — при выявлении личностных смыслов автора и/или интерпретатора дискурса в определенных обстоятельствах» [Демьянков 2002: 33].

В настоящем исследовании мы понимаем **политический дискурс** как дискурс газетных и журнальных статей, посвященных описанию и интерпретации внутри- и внешнеполитических событий.

Учитывая первичную цель политического дискурса, который сводится к описанию и анализу внутригосударственных и внешнеполитических действий и событий, можно предполагать, что политический дискурс должен быть по большей части лишен описания эмоциональных проявлений, как и сама сфера политики.

Как показывает анализ, политический текст не оперирует голыми фактами: информация до читателя проходит через призму оценочных установок и чувств журналиста, излагающего и интерпретирующего сообщения. В результате политический дискурс приобретает такие важные характеристики, как эмотивность и экспрессивность, которые неоднократно являлись предметом специального исследования [Алешина 2015; Седых 2012; Сопова 2014; Чернякова 2011]. На сегодняшний день имеется ряд работ, рассматривающих элементы политического дискурса, которые обеспечивают его экспрессивность и эмотивность, т. е. реализуют эмотивное отношение к описываемым событиям со стороны автора дискурса [Гаврилов, Зарилов, Романов 2017; Обвинцева 2012 и др.]. Однако из этого рассмотрения практически выпадают прямые указания на эмоции, которые испытывают участники событий.

В связи с этим целью данной статьи является рассмотрение указаний на эмоции, реализующихся в современном англоязычном политическом дискурсе, и определение контекстуальных условий их функционирования. Обращение к изучению эмотивов в англоязычном политическом дискурсе представляется в настоящее время очень актуальным в рамках исследования механизмов воздействия на общественное мнение в условиях политической конкуренции.

Материалом для исследования послужило 170 статей общественно-политической тематики, опубликованных в журналах (*The Economist*, *The Economist USA*, *The Spectator*, *The Time*, *The Week USA*) и газетах (*The Financial Times Weekend*, *The New York Times*) и их электронных версиях за период с

июля 2016 г. по январь 2018 г.

К эмотивам, т. е. указаниям на эмоции, которые испытывают участники событий, мы относим обозначения эмоций, обозначения эмоциональных состояний и проявления эмоций.

Как показывает проведенное исследование, указания на эмоции могут принимать разные формы. Рассмотрим их подробнее.

К первой группе эмотивов были отнесены слова, обозначающие эмоции и чувства. Необходимо отметить, что деление на чувства и эмоции условно, однако, несмотря на то что в психологической науке данные явления часто рассматриваются отдельно как различные по происхождению, функционированию и другим отличительным особенностям [Ильин 2013: 283—285], для целей нашего чисто лингвистического исследования мы объединяем их в одну группу. Примерами лексических единиц данной группы являются *hope*, *believe*, *desire*, *surprise*, *pleasure*, *passion*, *disgrace*, *fear*, *danger*, *anger*, *need*, *encouragement*.

Агенсом при указании на эмоцию чаще всего является некая организация, группа лиц или абстрактное существительное как носитель эмоции. Отметим, что эмотивы в таких случаях приводятся автором либо в начале, либо в середине сообщения. Приведем наиболее показательные контексты их реализации.

No great hope was held out that it would be any better by the next meeting in December [The Spectator. 21.10.2017: 7]. (1)

Republicans tried and failed last week to revive their repeal plan, which is doomed: The hard-line Freedom Caucus objects to all government subsidies for health care, while moderates in the House and Senate **fear angering** their constituents by taking insurance coverage away [The Week USA. 21.04.2017: 12]. (2)

Turkey has not shut it off in spite of **its own anger** at the referendum — it needs the money [The Spectator. 21.10.2017: 3]. (3)

Как показывают приведенные далее примеры, указания на эмоции могут быть представлены не только посредством имен существительных, но и через глагольные формы, обозначающие действие или состояние объекта, такие как *to be shocked*, *to (be) upset*, *to blame*, *to be excited*, *to cheer*, *to enjoy*, *to underwhelm*, *to be frightened*, *to soothe*, *to worry* (feel or cause to feel anxious or troubled about actual or potential problems) [OED: URL]:

To soothe army concerns, Xi made a calculated decision to inspect his troops wearing battle fatigues in this year's military parade [The Economist. 20.05.2017: 12]. (4)

Post-Christian, multicultural societies **are**

frightened of seeming to favour Christians, and so they ignore them [The Economist. 20.05.2017: 11]. (5)

Investors **cheered** by the game's sudden popularity added \$7.5 billion to Nintendo's market value in two days [Time. 25.07.2016: 19]. (6)

Weapons of mass destruction **threaten** all humanity, Americans included [The Week USA. 21.04.2017: 6]. (7)

Когда указание на эмоции передается через глагольную лексику, в качестве носителя эмоции обычно выступает некий коллективный агент — общественное мнение, человечество, группа людей (*army, multicultural societies, investors, weapons*) и т. д.

Упоминание эмоций может также принимать форму определения. В нашем материале зафиксированы такие определения, как *depressing, shocking, threatening, embarrassing* и др. Например:

The **depressing** truth is that Scotland and Wales are the relatively simple aspects of Brexit and devolution [The Spectator. 21.10.2017: 10]. (8)

Japan and South Korea together hold 70 percent of herbal medicine patents, while China "holds an **embarrassing** 0.3 percent" [The Week USA. 21.04.2017: 15]. (9)

В большинстве приведенных примеров с определениями, обозначающими эмоции, используются абстрактные существительные. В тексте с использованием таких лексических единиц автор формирует два коммуникативных фокуса. Первый фокус задает абстрактное существительное (например, *truth*), в то время как второй фокус указывает на эмоциональную реакцию субъекта (*depressing truth*).

Аналогичные конструкции прослеживаются в случае реализации эмотивов-наречий (*cheerfully, angrily* и др.):

...those abbreviations stand for credit-default swaps, collateralized debt obligations and residential mortgage-backed securities didn't help much; it just punted the explanation downfield. The language is **astorishingly** complex because the financial instruments themselves are, too — at least, that's what I thought at the time [The NYTM, 06.11.2016: 20]. (10)

Project Fear, as the Remain campaign was dubbed, seemed to be too certain about its predictions and projections, many of which came with **suspiciously** precise numbers attached, like the claim that Brexit would cost £4,300 (\$5,300) per household [The NYTM, 06.11.2016: 21]. (11)

В ряде контекстов сочетается несколько указаний на эмоции. Благодаря этому чита-

телю удается проследить общий эмоциональный фон события, что соответствует прагматической цели автора сообщения:

To Trump, precise policy details tend to be irrelevant to his larger campaign argument (...). He likes the **shock and awe** of his approach, with no apparent **concern** for the reactions of Hillary Clinton (and many U.S. allies), for whom talk of an "obsolete" NATO and of building walls, both literal (along the southern border) and figurative (by **threatening** punitive tariffs against major trading partners), is irresponsible and wrongheaded [Time. 25.07.2016: 31]. (12)

Предварительный анализ показывает, что в современном политическом дискурсе реализуется приблизительно одинаковое количество указаний на отрицательные и положительные эмоции и чувства. Как известно, число лексем, обозначающих отрицательные эмоции, в языковой системе значительно превышает число лексем, обозначающих положительные эмоции. Так, А. Вежбицкая выделяет «норму» коммуникации, соответствующую некоему ожидаемому стандарту общения. «Отклонение» от этого стандарта (нормы) предполагает противопоставление включаемых в эти группы понятий [Вежбицкая 1996: 81]. Если рассматривать положительные эмоции коммуниканта/автора как ожидаемые, следует отметить, что достижение нормы, в понимании некоторых лингвистов, — это есть цель, должное, но человек «принимает хорошее не как должное <...>, а как явление, заслуживающее внимания и поощрения и потому, безусловно, достойное сообщения». Также отмечается, что при этом проявления нормы «почти столь же информативны, как сообщения об отклонении от нормы. Вследствие этого ситуация соответствия стандарту и особенно превышения требований имеет такой же широкий выход в лексику, как и ситуация несоответствия» [Арутюнова 1988: 235].

Из приведенных нами примеров видно, что положительные эмоции по частотности упоминания в политическом тексте не уступают отрицательным. Попутно отметим, что существуют целые статьи, набор эмоций которых состоит по большей части из обозначений отрицательных или положительных эмоций в зависимости от цели автора или его отношения к происходящему политическому событию (действию).

В целом ряде случаев «знак эмоции» (положительный или отрицательный) можно определить только по контексту. Например, эмоция *surprise* (*a feeling of mild astonishment or shock caused by something unexpected*) [OED: URL] может выступать как положительная и как отрицательная реакция на со-

бытие. В следующем примере описывается неожиданный и поэтому вызывающий удивление результат выборов — поражение партии социал-демократов:

*Mrs Merkel's Christian Democrats won another German state election, this time in North Rhine-Westphalia. It was the third **surprise** consecutive defeat for the Social Democrats* [The Economist. 20.05.2017: 7]. (13)

На основании анализа контекста можно сделать вывод о том, что победа христианских демократов должна была расцениваться ими как приятная (положительная) неожиданность, в то время как для социал-демократов эта неожиданность явно была неприятной (отрицательной). Рассмотрим еще один контекст:

*Palestinians, for their part, talk of their **dismay** at how Jordanian troops gave up Jerusalem's Old City with barely a fight, and of their **surprise** at discovering that the armoured vehicles rumbling into the city were not Iraqi reinforcements but Israeli* [The Economist. 20.05.2017: 204]. (14)

В данном контексте слово *surprise* указывает на скорее неприятную эмоцию, что поддерживается в описываемой ситуации употреблением существительного *dismay* (*concern and distress caused by something unexpected*) [OED: URL].

Отметим попутно, что «surprise» и его синоним «astonishment» являются одними из самых частотных эмотивов в англоязычном политическом дискурсе. Это близкие синонимы, однако между ними имеются и некоторые семантические различия:

- “Surprise can mean to come upon another suddenly and with startling effect, or, more broadly, it can apply to an unexpected or unanticipated development that tends to arouse some degree of surprise, amazement, or wonder: both senses imply a lack of preparation or a reversal of what is anticipated.”

- “Astonish can imply a dazing or silencing (...) or may mean to surprise so greatly as to seem incredible (...) or sometimes merely unusual (...)” [Webster's New Dictionary of Synonyms 1984: 804].

Таким образом, семантика «astonishment» указывает на большую степень неожиданности для коммуниканта и на его неспособность быстро принять решение, в то время как «surprise», скорее, указывает на то, что коммуниканта застали врасплох. Эти семантические особенности рассматриваемых синонимов обычно акцентируются в контексте, например:

*In retrospect, four electoral votes hardly ended up being the difference, but in the heat of the coverage, as the **astonishment** of the*

evening unfolded, there was a moment when the NBC News political director, Chuck Todd, stood before his digital map of the country, breaking down the evenness of the race <...> [The NYTM. 20.11.2016: 38]. (15)

В данном примере сообщается важная деталь — то, что выпускающий редактор «NBC News» застыл перед электронной картой, пытаясь осмыслить приходящие из разных частей страны известия о результатах выборов, чем явно продемонстрировал свою способность быстро и сдержанно отреагировать на происходящее.

Интересно отметить, что в политическом дискурсе достаточно часто реализуется и указание на отсутствие ожидаемой эмоции:

*The company now calls itself “The World's No.1 Site for Medical, Illness & Healing fundraising” and says it has raised \$5bn for users globally since 2010. It should be **no surprise** that healthcare proved fertile territory* [FTW. 13.01.2018: 85]. (16)

Конструкция «It's no surprise...» не только указывает на отсутствие эмоции, но и фактически воссоздает целую политическую ситуацию, подчеркивая, что сбор денег на лечение больных всегда создавал благоприятную почву для злоупотреблений.

Перейдем к рассмотрению второй группы эмотивов, представленных в нашем материале, куда мы относим указания на эмоционально-интеллектуальные состояния. Отсутствие четкого различия между эмоциональным и эмоционально-интеллектуальным состояниями человека представляет собой определенную трудность. Обозначим условную границу между ними, опираясь на накопленные психологической наукой знания.

Эмоционально-интеллектуальные состояния отличаются от эмоций тем, что являются гораздо более длительно протекающими процессами (*to feel uneasy, to be constraint*). Эмоции, в свою очередь, представляют собой чувственные (часто краткие и спонтанные) психологические реакции и тесно связаны с сознанием человека. Однако при таком психологическом подходе возникает ряд вопросов. Например, «страх» может быть краткой и спонтанной эмоцией, но может быть и длительным состоянием, основанным на логическом восприятии человека (ср. *I'm afraid of dogs. I William was suddenly afraid for her.*) [OED: URL]. Определить, к какой категории — эмоциям или эмоционально-интеллектуальным состояниям — относится то или иное указание на эмоцию, бывает достаточно сложно. Поскольку граница между эмоциями и эмоционально-интеллектуальными состояниями не является четкой, для

цели нашего исследования мы использовали чисто лингвистические критерии и относили ко второй группе эмотивов словосочетания с глаголами *feel, be, continue, seem* и другими, например: *to feel a stab of pain, to feel much less confident, to feel unwelcome, to feel like (mutiny), to feel pleased*:

*Soon Christians will be **made to feel unwelcome** in Europe itself* [The Spectator. 21.10.2017: 11]. (17)

Такие словосочетания представляют особый интерес, поскольку агент всегда является индивидом или коллективом, способным переживать то или иное эмоциональное состояние в результате чьих-либо положительных (18) или отрицательных действий (19) по оценке реципиента:

*I visualise him [D. Trump], as he is banging out these frequently deranged messages on his tablet, doing that weird epicene puckering of the mouth thing, and then **feeling pleased with himself*** [The Spectator. 21.10.2017: 17]. (18)

*Scepticism remains strong among Social Democrats, who **feel the party lost its identity** in the previous grand coalition between 2013 and 2017* [FTW. 13.01.2018: 4]. (19)

Третья группа указаний на эмоции относится к их физическим проявлениям. В этом случае предполагается реализация эмоциональных реакций через различные части речи (это такие слова, как *smiled, laughed, was petrified, turn cold, cry, tears, shout, yelling* и др.). Англоязычный газетно-журнальный политический дискурс отличается разнообразием проявлений как положительных (*smile/laugh*), так и отрицательных эмоций (*tears/shout*).

Таким образом, под проявлениями эмоций мы понимаем сопровождающие эмоцию физические реакции человека, связанные с повышением или понижением температуры тела, с внутренними физическими ощущениями, изменением характера движения, с тем, как человек произносит слова, с его мимикой и др.

Рассмотрим следующий пример:

*Yes, this is a somewhat belated Damascus conversion: many of you arrived at this conclusion even long before I **was whooping and hollering in paroxysms of pleasure** at his election a year ago* [The Spectator. 21.10.2017: 17]. (20)

Интересно отметить, что используемые автором лексические единицы, обозначающие проявление отрицательной эмоции путем введения метафоры болезни (*whoop: a long rasping indrawn breath, characteristic of whooping cough; paroxysm: a sudden recurrence or attack of a disease*) и относительно нейтральные разговорные слова (*to holler:*

informal: give a loud shout or cry) [OED: URL] указывают на то, что перед нами пример проявления негативной эмоциональной реакции. В то же время автор относит все это к проявлениям положительной эмоции (*pleasure*), что, с одной стороны, создает юмористический эффект через оксюморон, а с другой — ярко описывает смешанные чувства американцев по поводу избрания Д. Трампа.

Выделим примеры, когда сама эмоция не называется, но легко определяется через ее основные проявления:

*Lord Curzon was less stoical: after a long and **fruitless** meeting with the obdurate French Prime Minister Raymond Poincare, he staggered out of the room **in tears** saying, 'I can't stand that horrible little man. I can't stand him!'* [The Spectator. 21.10.2017: 18]. (21)

В следующем примере Трамп и Ким Чен Ын представляются психически нездоровыми людьми, кричащими друг другу оскорбления на площадке для несовершеннолетних преступников, что рисует красочную картину неконструктивного диалога, который складывается в результате переговоров двух сторон. Оценка и ирония как вспомогательные средства позволяют представить отрицательную эмоцию как ключевую в данном контексте и в данных политических переговорах в целом:

*The ludicrous and **embarrassing** exchanges with Kim Jong-un, for a start — two stunted mentals **yelling insults** in a borstal playground, even if Trump's deeds in that neck of the woods have been rather more judicious than his words (so far)* [The Spectator. 21.10.2017: 17]. (22)

Проведенное нами изучение языкового материала позволяет сделать вывод о том, что в англоязычном политическом дискурсе разного рода указания на эмоции и их проявления встречаются гораздо чаще, чем обычно принято считать. Политический дискурс во многих случаях фиксирует эмоциональную реакцию прямых или косвенных участников на происходящее. Чаще всего представляется целая палитра эмоциональных и психологических реакций, которые образуют в тексте цепочки лексических единиц, раскрывающие эмоциональное состояние участников события и наблюдателя. Например, в следующем примере автор выражает всестороннюю сложность сложившейся политической ситуации путем создания настроения социальной безысходности с помощью слов, обозначающих эмоции, чувства, а также эмоционально-интеллектуальные состояния, что позволяет адресату поддерживать точку зрения автора, проявив сочувствие к жертвам событий:

We could have opposed attempts to un-

*dermine Kurdistan's autonomy, while reminding the Kurdistan government that the route to independence would not be found by a **protest** referendum. But instead we walked away — to the **dismay** of our Kurdish allies, and to the **delight** of Iran* [The Spectator. 21.10.2017: 3]. (23)

В контексте (24) слова *fears* и *hopeful* относятся к одному коммуниканту, а *wants* — к другому. При этом описание намерений и желаний премьер-министра является более развернутым (*wants to use the departure to "protect and extend" workers' rights*), поэтому выражает не только желание, но и решимость предпринять определенные действия:

*Frances O'Grady, general secretary of the Trades Union Congress, expressed **fears** that protections given to workers under the EU working time directive — and separate legislation covering parental leave and other benefits — could be watered down after Britain has fully left the bloc. The prime minister has said she **wants** to use the departure to "protect and extend" workers' rights, and to that effect into the Conservative party's 2017 election manifesto. Ms O'Grady said in an interview: "I'm always **hopeful** when politicians talk about improving workers' rights but there's come a point where you want to see the evidence that isn't just words"* [FTW. 13.01.2018: 2]. (24)

Рассматривая особенности указания на эмоции, необходимо обозначить ряд контекстуальных условий, при которых в англоязычном политическом дискурсе происходит экспликация эмоциональных, чувственных и интеллектуальных состояний. В большинстве случаев в нашем материале такие контексты базируются на метафорической концептуализации.

Одним из наиболее распространенных способов концептуализации в политическом дискурсе является персонификация [Беляевская 2013: 45]. Как показывает исследование политического дискурса, персонификация является основным методом метафорического представления и позволяет читателю изобразить государство, страну, политическую партию, общественную или политическую организацию как носителя эмоции — некое существо, способное самостоятельно переживать то или иное эмоциональное состояние, подобно человеку:

Beijing has asserted itself** in the South China Sea, though regional flashpoints remain, from North Korea and Taiwan to the **uneasy relationship with India** and the continuing **confrontation with Japan [The Spectator. 21.10.2017: 13] (25).

Правительство воспринимается как один человек или все население определенной страны (города), как тот, кто принимает реше-

ния и осуществляет действия, направленные на установление или разрыв контактов:

*Making up with **Seoul**: After a yearlong diplomatic spat, **China and South Korea have restored cordial relations**. **China had slapped** an economic boycott on South Korean products after Seoul let the U.S. deploy an advanced anti-missile system — the Terminal High Altitude Area Defense — on its territory* [The Week USA. 10.11.2017: 9]. (26)

Отметим, что в политическом дискурсе носителями эмоции намного чаще выступают общественные организации, чем люди, которые их представляют:

***The central government has felt the need** to clamp down more than usual during the Congress period on the largely Muslim western territory of Xinjiang <...>* [The Spectator. 21.10.2017: 13]. (27)

Не менее важным контекстуальным основанием для реализации эмотивов в англоязычном политическом дискурсе является объективация как возможность перенесения эмоции или чувства в материальный мир с представлением ее в роли некоего объекта, который можно получить или отдавать. Рассмотрение эмоциональной реакции с позиций объекта позволяет представить невидимое в виде чего-то видимого и осязаемого, наделив эмоцию дополнительными свойствами (например, способностью к делению):

*We adopted the word "robot" from a popular 1921 play by the Czech writer Karel Capek about a factory that turns out robots, from **robota**, a Czech word for forced labor, who rise up and exterminate humanity. But the citizens of Singapore, Korea and Japan, the world's leading users of industrial robots, and China, the most rapidly growing market for them, generally **don't share the same anxieties*** [The NYTM. 26.02.2017: 33]. (28)

Движение является следующей метафорической концептуальной моделью, позволяющей ввести в политический дискурс указание на эмоциональное состояние человека, поскольку позволяет описывать переход от эмоционального состояния к безэмоциональному (29) или из одного эмоционального состояния в другое (30):

*Some argue that the administration and Senate are pushing too many nominees through too quickly, but that is their prerogative: senators can slow the process if they **feel steamrollered*** [The Economist USA. 13.01.2018: 24]. (29)

The constitutional court ruled on Thursday that the pre-trial detention of Mehmet Altan and Sahin Alpay violated their right to freedom of expression and said they should be released.

(...) *After the lower courts refused to release the two men, **elation turned to dismay*** [FTW. 13.01.2018: 5]. (30)

В английской концептосфере представлена и концептуализация эмоций и чувств путем обращения к стихиям. Самыми часто употребляемыми аналогиями являются ассоциации с землей и водой. Причем «текущие эмоции» отличаются быстрой изменчивостью, преобразованием в другое состояние, большей подвижностью [Арутюнова 1998: 390]. Исследователи объясняют такие ассоциации жизненной потребностью человека в воде [Магомедова 2015: 110]:

*Frances O'Grady, general secretary of the Trades Union Congress, expressed **fears** that protections given to workers under the EU working time directive <...> could be **watered down** after Britain has fully left the bloc* [FTW. 13.01.2018: 2]. (31)

Интересно отметить, что стихия земли в политическом тексте представлена посредством фитоморфной метафоры:

*Her [MsO'Grady's] **concern** is partly **rooted** in how some of Mrs May's senior ministers believe that Brexit will give the government a once-in-a-lifetime opportunity to cut back employment laws* [FTW. 13.01.2018: 2]. (32)

Несмотря на классификационное разграничение метафорических концептуализаций, эксплицирующих эмоции, в современном англоязычном политическом дискурсе встречается и совместная реализация (конвергенция) нескольких метафорических концептов.

Например, концептуальная метафора движения очень часто сочетается с концептуальной метафорой воды. В таком случае политические действия и процессы, описываемые автором, представляются не напрямую, а через стихию воды, что позволяет ввести в политический дискурс указание на эмоции. Например:

*But what China's leaders don't see is that the greatest **threat** posed by technology comes from the power of automation to decimate manufacturing jobs and the state's inability to control the **flow of information** in a world of **leaks**, cyberespionage and other forms of "forced transparency." Those are the kinds of forces even Xi can't control* [Time. 25.07.2016: 12]. (33)

*The working class, or at least the white part, has **emerged** as our great national mystery. Traditionally Democratic, they helped elect a flamboyantly ostentatious billionaire to the presidency. "What's wrong with them?" the liberal pundits keep asking. Why do they believe Trump's promises? Are they stupid or just **deplorably** racist? Why did the working class align itself against its own interests?* [The NYTM. 26.02.2017: 28]. (34)

Фитоморфная метафора также оказывается тесно связанной с движением и динамикой. Наиболее наглядно демонстрирующими качественные и количественные изменения свойств объекта являются примеры фитоморфных метафор разрастания и цветения:

*And it eliminates the alternative minimum tax — essentially the sole reason Trump paid any tax on his \$150 million income in the 2005 return that was partly leaked to the press. Trump "doesn't just benefit from his tax plan," said Jamelle Bouie in Slate.com. "**He flourishes** under it"* [The Week USA. 13.10.2017: 16]. (35)

Одна из наиболее популярных фито- и зооморфных метафор подчеркивает главное свойство живого организма — развитие и рост ("(of a living thing) undergo natural development by increasing in size and changing physically". —> "become larger or greater over a period of time; increase") [OED: URL]:

*Instead the party is trying to preserve support among Malay voters by reinforcing pro-Malay policies and by building bridges with PAS, an Islamist opposition party that is **growing more extreme*** [The Economist. 20.05.2017: 18]. (36)

Приведем еще один любопытный пример:

*Any 'hate speech' about it **tars** you as an Islamophobe, a designation that by 2037 lands you in the slammer for ten years* [The Spectator. 21.10.2017: 21]. (37)

Глагол «tars» (от «to tar») в последнем примере мы относим к фитоморфной метафоре с учетом этимологии: согласно Оксфордскому словарю, изначально это слово возникло от древнеанглийского «teru, teoru» (tree), а с течением времени стало использоваться для обозначения смолы (дегтя). Однако мы допускаем, что такое отнесение условно: в переносном значении также прослеживается категоризация по группам «черное/тьма» (то, что «плохо») и «белое/свет» (то, что «хорошо»), наводящая на мысль о том, что коммуникативной целью автора текста была реализация концептуальной оппозиции «добро — зло». Помимо этого, характерные особенности вещества (темного, похожего на грязь), его цвет и вязкая, липкая структура, а также перенесение этих особенностей на репутацию человека позволяют классифицировать данную метафору как пример объективизации.

Несмотря на то что большинство обнаруженных нами фитоморфных метафор было связано с динамическими процессами, нашлись и фитоморфные метафоры, базирующиеся на статичных явлениях (см. примеры 21 и 32).

Несмотря на то что большинство лингвистов, занимающихся исследованием мета-

форической концептуализации и репрезентацией эмоций, отмечают, что эмоции очень часто концептуализируются через огонь и повышенную температуру [Lakoff 2003; Lakoff 2008; Апресян В. Ю., Апресян Ю. Д. 2007: 293—307 и др.], нами подобные концептуализации были выявлены только в художественной литературе [Нигматуллина 2016: 170—172]. В текстах, отобранных из более сотни английских политических газет и журналов, данная метафорическая концептуализация не была связана с выражением эмоций и чувств.

Суммируя вышесказанное, можно сделать вывод о том, что политические события в современном англоязычном политическом дискурсе подаются на достаточно явно представляемом эмоциональном фоне. Политика, будучи сферой поиска доказательств неких идеологических установок и борьбы за власть, является и областью воздействия на общественное мнение, и проведенный нами анализ показывает, что прагматические цели автора подкрепляются отчетливо проявляющимся эмоциональным фоном, в связи с чем большую роль в политическом тексте в последнее время начинают играть лексические единицы, служащие указаниями на эмоциональную реакцию участников событий.

ИСТОЧНИКИ

1. Financial Times Weekend (FTW), the. 13.01.2018.
2. Economist USA, the. 13.01.2018.
3. Economist, the. 20.05.2017.
4. New York Times Magazine (NYTM), the. 20.11.2016.
5. New York Times Magazine (NYTM), the. 26.02.2017.
6. New York Times Magazine (NYTM), the. 06.11.2016.
7. Spectator, the. 21.10.2017.
8. Week USA, the. 21.04.2017.
9. Week USA, the. 13.10.2017.
10. Week USA, the. 10.11.2017.
11. Time, the. 25.07.2016.
12. Collins Online Dictionary and Thesaurus [Electronic resource]. URL: <https://www.collinsdictionary.com> (date of access: 21.01.2018).
13. Oxford English Dictionary [Electronic resource]. URL: www.oed.com/ (date of access: 21.01.2018).
14. Webster's New Dictionary of Synonyms. A dictionary of discriminated synonyms and analogous and contrasted words. — Springfield, Massachusetts, USA : Merriam-Webster Inc., Publ., 1984. 909 p.

ЛИТЕРАТУРА

15. Алешина Е. Ю. Публичный политический дискурс конфликтной ситуации. — М. : Прометей, 2015. 220 с.
16. Апресян В. Ю., Апресян Ю. Д. Метафора в семантическом представлении эмоций // Вопросы языкознания. 1993. № 3. С. 27—35.
17. Апресян В. Ю., Апресян Ю. Д. Метафора в семантическом представлении эмоций // Актуальные проблемы современной лингвистики. — М. : Флинта : Наука, 2007. С. 293—307. 412 с.
18. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. — М. : Языки русской культуры, 1998. 896 с.
19. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: оценка. Событие. Факт. — М. : Наука, 1988. 341 с.
20. Баженова И. С. Обозначения эмоций в художественном тексте (прагматический аспект) : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19. — М., 2004. 418 с.

21. Беляевская Е. Г. Концептуальная метафора как источник стилистических приемов в дискурсе // Вопросы когнитивной лингвистики. 2013. № 3 (36). С. 41—48.
22. Вежицкая А. Сравнение — градация — метафора // Теория метафоры. — М. : Прогресс, 1990. С. 133—152. 499 с.
23. Вежицкая А. Язык. Культура. Познание. — М. : Русск. словари, 1996. 416 с.
24. Гаврилов Л. А., Зарипов Р. И., Романов А. С. Об экспрессивности «мертвых» метафор // Политическая лингвистика. 2017. № 4. С. 91—95.
25. Демьянков В. З. Политический дискурс как предмет политологической филологии // Политическая наука. Политический дискурс: история и современные исследования. 2002. № 3. С. 32—43.
26. Ивашкович Т. И., Максимова Е. О. Эмотивы в дискурсивном пространстве художественного текста // Эмоциональные концепты в структуре художественного произведения : материалы Междунар. заоч. науч. конф. (г. Астрахань, 20—25 апр. 2013 г.) / ФГБОУ ВПО «Астрахан. гос. ун-т». — Астрахань, 2013. С. 60—62.
27. Ильин Е. П. Эмоции и чувства : учеб. пособие. — СПб. : Питер, 2013. 784 с.
28. Красавский Н. А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. — Волгоград : Перемена, 2001a. 495 с.
29. Красавский Н. А. Динамика эмоциональных концептов в немецкой и русской лингвокультурах : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19. — М., 2001b. 507 с.
30. Лепеньшева А. А. К вопросу о роли эмоции «Удивление» в когнитивно-информационной деятельности человека (на примере художественных текстов) // Вестн. Перм. ун-та. 2011. № 1. С. 45—51.
31. Магомедова С. М. Метафоризация гнева в аварском языке // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. № 2 (43). С. 110.
32. Нигматуллина Э. Р. Метафорические модели эмоций недовольства в русском и английском неформальном общении // Молодежь в науке: новые аргументы : сб. науч. работ 4 Междунар. молодеж. конкурса. — Липецк : Аргумент, 2016. Ч. 1. С. 170—172.
33. Обвинцева О. В. Средства эмоционального воздействия в предвыборных речах жен кандидатов в президенты США М. Обамы и Э. Ромни // Политическая лингвистика. 2012. № 4 (42). С. 163—167.
34. Одноралова А. А. Пейзаж как средство репрезентации эмоций в английской художественной прозе // Инновационная наука. 2016. № 4-4 (16). С. 104—106.
35. Седых А. П. Эмоционально-экспрессивные компоненты фразеологического дискурса В. В. Путина и А. Меркель // Политическая лингвистика. 2012. № 2. С. 39—45.
36. Сопова И. В. Эмоционально-экспрессивная составляющая фразеологического дискурса В. В. Путина // Язык и культура. 2014. № 11. С. 29—33.
37. Чернякова Ю. С. Эмотивность американского и русского политического дискурса // Функциональная семантика и семиотика знаковых систем : сб. науч. ст. — М., 2011. С. 114—120.
38. Шаховский В. И. Лингвокультурология эмоций : учеб.-метод. пособие. — Волгоград : ВГПУ «Перемена», 2007. 80 с.
39. Шаховский В. И. Что такое лингвистика эмоций // Мир лингвистики и коммуникации : электрон. науч. журн. 2008. № 1 (12). С. 22—30.
40. Шаховский В. И. Эмоции в национальном характере и стереотипах как лингвокультурологическая и лингводидактическая проблема // Вопросы психолингвистики. 2010a. № 11. С. 51—55.
41. Шаховский В. И. Эмоции: долингвистика, лингвистика, лингвокультурология. — М. : Книжный дом «Либроком», 2010b. 128 с.
42. Lakoff G. Women, Fire, and Dangerous Things. — Univ. of Chicago Pr., 2008. 632 p.
43. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. — Univ. of Chicago Pr., 2003. 242 p.

E. R. Nigmatullina
Moscow, Russia

EMOTIVES IN POLITICAL DISCOURSE IN ENGLISH: THE ROLE AND CONDITIONS

ABSTRACT. The aim of this research is to study emotives in contemporary political discourse in English and to reveal contextual conditions of their functioning. The analysis of emotive means in political discourse in English is very relevant today especially in the frames of the study of manipulation mechanisms in political competition. The material for this research is made of 170 articles of socio-political content published in June 2016 — January 2018. Emotives, i.e. means expressing emotions, include names of emotions, emotional states and display of emotions. There are certain contextual conditions that stimulate the appearance of emotives in political texts in English. Metaphoric conceptualization is the most frequent condition in the analyzed texts. The most wide-spread metaphorical means are analyzed: personification (political forces are the bearers of emotions), objectivation (emotions are transferred to the world of things, they are presented as objects that can be given or taken), and move (transition from one emotion to another). Politics, being a sphere full of search for evidence and defense of ideological views and fight for power, is a sphere of manipulation of the public opinion and the undertaken analysis proves that pragmatic goals of text authors are supported by the emotional background, that is why emotional vocabulary plays an important role in contemporary political texts.

KEYWORDS: political discourse; emotiology; emotives; typology of emotives; conceptual metaphor; political metaphorology.

ABOUT THE AUTHOR: Nigmatullina Elina Rustemovna, Post-graduate Student, Department of English Lexicology, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia.

REFERENCES

1. Financial Times Weekend (FTW), the. 13.01.2018.
2. Economist USA, the. 13.01.2018.
3. Economist, the. 20.05.2017.
4. New York Times Magazine (NYTM), the. 20.11.2016.
5. New York Times Magazine (NYTM), the. 26.02.2017.
6. New York Times Magazine (NYTM), the. 06.11.2016.
7. Spectator, the. 21.10.2017.
8. Week USA, the. 21.04.2017.
9. Week USA, the. 13.10.2017.
10. Week USA, the. 10.11.2017.
11. Time, the. 25.07.2016.
12. Collins Online Dictionary and Thesaurus [Electronic resource]. URL: <https://www.collinsdictionary.com> (date of access: 21.01.2018).
13. Oxford English Dictionary [Electronic resource]. URL: www.oed.com/ (date of access: 21.01.2018).
14. Webster's New Dictionary of Synonyms. A dictionary of discriminated synonyms and analogous and contrasted words. — Springfield, Massachusetts, USA : Merriam-Webster Inc., Publ., 1984. 909 p.
15. Aleshina E. Yu. Publichnyy politicheskiy diskurs konflikt-noy situatsii. — M. : Prometey, 2015. 220 s.
16. Apresyan V. Yu., Apresyan Yu. D. Metafora v semanticheskom predstavlenii emotsiy // Voprosy yazykoznaniya. 1993. № 3. S. 27—35.
17. Apresyan V. Yu., Apresyan Yu. D. Metafora v semanticheskom predstavlenii emotsiy // Aktual'nye problemy sovremennoy lingvistiki. — M. : Flinta : Nauka, 2007. S. 293—307. 412 s.
18. Arutyunova N. D. Yazyk i mir cheloveka. — M. : Yazyki russkoy kul'tury, 1998. 896 s.
19. Arutyunova N. D. Tipy yazykovykh znacheniy: otsenka. So-bytie. Fakt. — M. : Nauka, 1988. 341 s.
20. Bazhenova I. S. Oboznacheniya emotsiy v khudozhestven-nom tekste (pragmaticheskiy aspekt) : dis. ... d-ra filol. nauk : 10.02.19. — M., 2004. 418 s.
21. Belyaevskaya E. G. Kontseptual'naya metafora kak istochnik stilisticheskikh priemov v diskurse // Voprosy kognitivnoy lingvistiki. 2013. № 3 (36). S. 41—48.
22. Vezhbitskaya A. Sravnenie — gradatsiya — metafora // Te-oriya metafory. — M. : Progress, 1990. S. 133—152. 499 s.
23. Vezhbitskaya A. Yazyk. Kul'tura. Poznanie. — M. : Russk. slovari, 1996. 416 s.
24. Gavrilov L. A., Zaripov R. I., Romanov A. S. Ob ekspres-sivnosti «mertvykh» metafor // Politicheskaya lingvistika. 2017. № 4. S. 91—95.
25. Dem'yankov V. Z. Politicheskiy diskurs kak predmet polito-logicheskoy filologii // Politicheskaya nauka. Politicheskiy dis-kurs: istoriya i sovremennye issledovaniya. 2002. № 3. S. 32—43.
26. Ivashkovich T. I., Maksimova E. O. Emotivny v diskursiv-nom prostranstve khudozhestvennogo teksta // Emotsional'nye kontsepty v strukture khudozhestvennogo proizvedeniya : mate-rially Mezhdunar. zaoch. nauch. konf. (g. Astrakhan', 20—25 apr. 2013 g.) / FGBOU VPO «Astrakhan. gos. un-tet». — Astrakhan', 2013. S. 60—62.
27. Il'in E. P. Emotsii i chuvstva : ucheb. posobie. — SPb. : Pi-ter, 2013. 784 s.
28. Krasavskiy N. A. Emotsional'nye kontsepty v nemetskoy i russkoy lingvokul'turakh. — Volgograd : Peremena, 2001a. 495 s.
29. Krasavskiy N. A. Dinamika emotsional'nykh kontseptov v nemetskoy i russkoy lingvokul'turakh : dis. ... d-ra filol. nauk : 10.02.19. — M., 2001b. 507 s.
30. Lepenyshva A. A. K voprosu o roli emotsii «Udivlenie» v kog-nitivno-informatsionnoy deyatel'nosti cheloveka (na primere khudo-zhestvennykh tekstov) // Vestn. Perm. un-ta. 2011. № 1. S. 45—51.
31. Magomedova S. M. Metaforizatsiya gneva v avarskom yazyke // Voprosy kognitivnoy lingvistiki. 2015. № 2 (43). S. 110.
32. Nigmatullina E. R. Metaforicheskie modeli emotsiy ne-dovol'stva v russkom i angliyskom neformal'nom obshchenii // Molodezh' v nauke: novye argumenty : sb. nauch. rabot 4 Mezhdunar. molodezh. konkursa. — Lipetsk : Argument, 2016. Ch. 1. S. 170—172.
33. Obvintseva O. V. Sredstva emotsional'nogo vozdeystviya v predvybomnykh rechakh zhen kandidatov v prezidenty SSHA M. Obamy i E. Romni // Politicheskaya lingvistika. 2012. № 4 (42). S. 163—167.
34. Odnoralova A. A. Peyzazh kak sredstvo reprezentatsii emot-siy v angliyskoy khudozhestvennoy proze // Innovatsionnaya nauka. 2016. № 4-4 (16). S. 104—106.
35. Sedykh A. P. Emotsional'no-ekspressivnye komponenty frazeologicheskogo diskursa V. V. Putina i A. Merkel' // Politiche-skaya lingvistika. 2012. № 2. S. 39—45.
36. Sopova I. V. Emotsional'no-ekspressivnaya sostavlyayush-chaya frazeologicheskogo diskursa V. V. Putina // Yazyk i kul'tura. 2014. № 11. S. 29—33.
37. Chernyakova Yu. S. Emotivnost' amerikanskogo i russkogo politicheskogo diskursa // Funktsional'naya semantika i semiotika znakovykh sistem : sb. nauch. st. — M., 2011. S. 114—120.
38. Shakhovskiy V. I. Lingvokul'turologiya emotsiy : ucheb.-metod. posobie. — Volgograd : VGPU «Peremena», 2007. 80 s.
39. Shakhovskiy V. I. Chto takoe lingvistika emotsiy // Mir lingvistiki i kommunikatsii : elektron. nauch. zhurn. 2008. № 1 (12). S. 22—30.
40. Shakhovskiy V. I. Emotsii v natsional'nom kharaktere i ste-reotipakh kak lingvokul'turologicheskaya i lingvodidakticheskaya problema // Voprosy psikholingvistiki. 2010a. № 11. S. 51—55.
41. Shakhovskiy V. I. Emotsii: dolingvistika, lingvistika, lingvo-kul'turologiya. — M. : Knizhnyy dom «Librokom», 2010b. 128 s.
42. Lakoff G. Women, Fire, and Dangerous Things. — Univ. of Chicago Pr., 2008. 632 p.
43. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. — Univ. of Chicago Pr., 2003. 242 p.

Н. П. Пархитко, И. А. Таран
Москва, Россия

**ОСВЕЩЕНИЕ ГАЗЕТОЙ «ВЕЛЬТ» («DIE WELT») МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ ФРГ
(ПЕРИОД БОЛЬШОЙ ПРЕДВЫБОРНОЙ КАМПАНИИ — 2017)**

АННОТАЦИЯ. В научной статье исследуются ключевые аспекты освещения миграционных процессов немецкой газетой «Die Welt» в преддверии всеобщих парламентских выборов в Германии (сентябрь 2017 года). Авторами анализируется контент издания с точки зрения особенностей подачи информации, отбора фактов, специфики композиции и стилистических характеристик. Основной акцент ставится на выявление параллелей между политическими реалиями предвыборной кампании и спецификой статей, выходящих в данный отрезок времени по миграционной тематике: авторы проводят контент-анализ, который позволяет говорить об эмотивной составляющей журналистского текста, о способах аргументации, преобладании объективных или субъективных элементов. Показана динамика и трансформация подачи материала журналистами в рамках предвыборной кампании, авторы выявляют механизм освещения миграционного вопроса в ФРГ, основные тенденции интерпретации информационных поводов, касающихся беженцев и мигрантов на территории Германии и Евросоюза. В статье также изучены последние изменения в методах подачи проблемы миграции, градус эмотивного контекста материалов, использование ярко окрашенной и экспрессивной лексики, взаимосвязь между реальной обстановкой и тем, какими средствами это отображается в издании. Показывает, что в период предвыборной кампании материалы рассматриваемой газеты стали более однозначными, часто ярко выражена позиция автора по проблеме, увеличилось соотношение оценочных суждений и фактической информации, все больше авторов выступают с идеей о том, что государство не в состоянии обеспечить безопасность своих граждан, а определенные беженцы представляют реальную опасность для немецкого народа.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: миграция населения; медиадискурс; медиатексты; средства массовой информации; СМИ; медиа-лингвистика; политический дискурс; избирательные кампании.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ: Пархитко Николай Петрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории журналистики, Российский университет дружбы народов; 117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6; e-mail: scharnchorst@mail.ru.

Таран Ирина Андреевна, магистр 1 курса филологического факультета, кафедра теории и истории журналистики, Российский университет дружбы народов; 117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 13; e-mail: Iratrn@mail.ru.

Мировая тенденция увеличения интенсивности миграционных процессов характеризуется тем, что основной поток беженцев устремляется в страны с высоким уровнем жизни, к которым в первую очередь относятся государства Евросоюза, а особенно ФРГ.

Поскольку вопрос миграции стал одной из наиболее серьезных политических проблем и, пожалуй, наиболее сложной гуманитарной проблемой во всем мире, начиная с «Арабской весны» 2011 г. и до настоящего момента, данная тема стала объектом особого внимания в мировых средствах массовой информации.

Для немецкого общества тема миграции особенно актуальна. Она ставится на общественное обсуждение, политики используют эту проблему в своих предвыборных кампаниях, обещая решить кризис теми или иными способами.

Политический ландшафт, сформировавшийся в ФРГ по итогам прошедших в стране парламентских выборов 27 сентября 2017 г., подтверждает тезис о том, что миграционный вопрос остается едва ли не ключевым фактором для исхода голосования в целом ряде федеральных земель ФРГ.

Центральное место на печатном рынке Германии занимает газета «Вельт» («Die Welt») с числом читателей около 709 тысяч. Будучи информационной ежедневной газетой, входящей в издательский концерн «Axel Springer Verlag», она пользуется большим

успехом среди немецкой бизнес-элиты. Издательская политика ориентируется в большей степени на аналитическую журналистику. Тираж газеты составляет 251 000 экземпляров. Издание можно охарактеризовать как консервативное. Оно было основано английскими оккупационными властями в Гамбурге, первый номер вышел 2 апреля 1946 г.

В связи с последними изменениями в миграционных процессах любопытно будет проанализировать динамику изменений в подаче информации немецкими журналистами, проследить взаимосвязь реальной политической ситуации с тем, что приводится в материалах в рамках большой предвыборной кампании 2017 г.

Миграционную тематику в издании освещают журналисты Фрея Петерс (Freia Peters), Марсель Лейбехер (Marcel Leubecher) и Томас Шмоль (Thomas Schmoll), Мануэль Бевардер (Manuel Bewarder) и др.

Проблемы, которые освещают эти журналисты: влияние миграционных процессов на экономику Германии, последствия миграционного кризиса в Германии, миграционная политика Германии как часть ее долгосрочной программы развития, реальные факты о мигрантах и беженцах как средство политической пропаганды. Рассмотрим конкретные публикации.

1. Материал газеты «Die Welt» от 24 сентября 2017 г. под названием «**BAMF ищет 800 беженцев, которых никогда не прове-**

ряли» (**BAMF sucht 800 Geschützte, die nie geprüft wurden**)) авторов Мануэля Бевардера (Manuel Bewarder) и Марселя Лейбехера (Marcel Leubecher) [Bewarder, Leubecher 2017].

Материал сообщает о том, что 800 неизвестных просителей убежища до сих пор не имеют удостоверений личности. Беженцам из Сирии и Ирака их официальный статус был предоставлен только на основе анкеты.

После этого дается оценка работы **BAMF**. *«Федеральное управление по миграции и беженцам борется с брешью в безопасности: в разгар кризиса прибыло 800 сирийцев и иракцев, у которых до сих пор не были взяты отпечатки пальцев. Они — потенциальная угроза безопасности».*

Затем журналисты для сравнения упоминают ситуацию, наблюдавшуюся тремя месяцами ранее, когда 31 мая глава Федерального управления по делам миграции и беженцев (BAMF) представила делегатам бундстага цифру, которая, согласно материалу, вызвала всеобщее удивление. Ютта Кортт (Jutta Cordt) заявила, что у 5000 аккредитованных просителей убежища не были взяты отпечатки пальцев. Это было установлено путем проверок в области обеспечения безопасности и качества. Тут журналисты подчеркивают, что данные Кортт еще не были согласованы с Федеральным управлением полиции.

В конце раздела Мануэль Бевардер (Manuel Bewarder) и Марсель Лейбехер (Marcel Leubecher) дают расширенную оценку работе BAMF:

Хотя число людей, въезжающих в страну, значительно сократилось, обработка процедур предоставления убежища является серьезной проблемой для BAMF. Президент BAMF Кордт (Cordt) в мае сообщила депутатам Европарламента, что они уже пригласили этих 5000 человек. Если эти люди будут согласны, в середине июля полиция возьмет у них данные. Но это были лишь надежды. Позже мы увидели, что это не работает, надеждам не суждено было сбыться. Как сообщало министерство внутренних дел Германии, 829 беженцев еще не прошли проверку личности в начале сентября.

После этого журналисты говорят о несоответствии между признанием BAMF эффективной другими структурами власти и тем, как обстоят дела на самом деле: *С одной стороны, BAMF высоко оценивается в парламентских кругах и силой безопасности, с другой стороны, основная проблема никуда не исчезла: ошибки в разгар кризиса бежен-*

цев до сих пор не удалось устранить. 800 беженцев, которые никогда не проверялись, просто говорят об угрозе безопасности. Во внутренних документах BAMF также упоминается „группа риска“.

Затем журналисты ссылаются на Закон о процедурах предоставления убежища, который предусматривает, что «личность беженца должна быть идентифицирована посредством определенных мер». Акцент ставится на том, что отпечатки пальцев и создание фотографий — это часть обязательных мер.

В следующем разделе материала под названием «BAMF должна бороться с отсутствием сотрудничества» описываются причины того, почему сейчас есть ряд проблем в процессе принятия беженцев, а также вытекающие из этого серьезные последствия.

Журналисты вспоминают, что в ноябре 2014 г. была введена ускоренная процедура принятия для сирийцев, позднее также для эритрейцев и религиозных меньшинств из Ирака. Эти люди указали свои причины для бегства в анкете. Опросы, проведенные сотрудниками BAMF, осуществлялись только в исключительных случаях.

Согласно материалу, BAMF запрашивала информацию только о том, как некоторые беженцы будут решать конкретные проблемы, связанные с расходами. Беженцев могут госпитализировать или же переместить в другие земли. После этого информация о новых адресах должна направляться в BAMF местными властями. В некоторых случаях, однако, сообщают авторы, также отсутствует готовность последних сотрудничать.

Тут журналисты предполагают еще одну причину, по которой часть приглашенных так и не появилась. По их мнению, некоторые из этих людей могут вообще не жить в Германии, возможно, они уже вернулись на родину.

Необходимо отметить, что тональность материала сильно отличается от материалов газеты в период с 2014 по 2016 г.: в тот период рисовался положительный образ беженцев, приводились позитивные прогнозы их интеграции в немецкое общество, описывалось немало удачных примеров такой интеграции. Статистические данные подбирались таким образом, чтобы не акцентировать внимание читателей на проблемах, а выявить преимущества оживления миграционных процессов в Германии. Накануне выборов 2017 г. материал газеты демонстрирует совершенно другую тональность. Стил по-прежнему отличается особой корректностью и умеренностью. Однако в статье появилась информация о беженцах, которая противоречит идее всеобъемлющей терпимости и полной открытости к принятию ми-

грантов. В материале журналисты не выступают против принятия беженцев. Однако прослеживается совершенно четкая линия критики существующей системы безопасности. Журналисты анализируют официальные данные, согласно которым очевидны проблемы в работе государственных служб, что в первую очередь является значительной угрозой для безопасности немецких жителей. Хотя прямая параллель «беженец — опасность» не проводится, однако из контекста понятно, что автор выстраивает другую схему: «неразбериха в правоохранительных органах и 800 беженцев без документов — серьезная брешь в безопасности Германии». Критика затронутой проблемы более тонкая, выстроена в первую очередь на фактическом материале, содержит небольшое количество оценочной информации. Журналистами проводится сравнительный анализ ситуации в конце мая и начале сентября 2017 года, выясняется, что проблема полностью не устранена и повод для беспокойства все еще остается.

2. Материал от 24 сентября 2017 г. **«ХДС Меркель — плохая коалиционная партия» («Merkels CDU, die schlechte Koalitionspartei»)** автора Ульфа Пошардта (Ulf Poschardt) [Poschardt 2017].

Большая часть данного материала посвящена политической гонке во время предвыборной кампании. Анализируются возможности политических сил Германии, их противостояние:

Сначала канцлер разгромила FDP, теперь вот SPD. Если в Союзе не будет восстаний, Меркель должна будет спросить, что случилось с ее коллегами.

Миграционный вопрос затрагивается косвенно, применительно к политике Меркель и к тому, что пишут об этом немецкие СМИ.

Тот факт, что миграционная политика Меркель не подверглась нападению левых оппозиционеров в бундестаге, уже говорит о многом, так же как и хор средств массовой информации с альтернативной точкой зрения.

По мнению журналиста, в ходе политической гонки была подорвана идея мультикультурализма, терпимости, так как многие политические лидеры выступали с откровенно расистскими речами, продвигали свои идеи в медиа, что Ульф Пошардт оценивает как всеобщую истерию.

3. Материал от 6 сентября 2017 г. **«Символический, но малоэффективный приговор» («Ein Urteil mit Symbolkraft, aber wenig Auswirkungen»)** автора из Брюсселя Ханнелоре Кролли (Hannelore Croll) [Croll 2017].

В первой части материала автор излагает читателю суть проблемы, сообщая, что Евро-

пейский суд отклонил иск Венгрии и Словакии против перераспределения беженцев.

Затем Ханнелоре Кролли раскрывает детали происходящего и говорит о том, что спор по поводу распределения беженцев раскалывает ЕС уже более двух лет. По мнению журналистки, особенно активно отказываются признать беженцев по квоте «Partout» Венгрия и Словакия, которые даже пошли против ЕС вплоть до обращения в Европейский суд (СЕС):

Там они потерпели серьезное поражение: Люксембургский суд отклонил требование двух стран, которые в сентябре 2015 требовали от министров внутренних дел ЕС соглашения по перераспределению 120 тысяч беженцев из Италии и Греции.

Исходя из слов журналистки, судьи последовали рекомендации Генерального адвоката Ива Ботса (Yves Bots) отклонить жалобы государств Восточной и Центральной Европы. Проанализировав ситуацию, журналист приходит к выводу, что косвенно Польша тоже является одной из проигравших, так как она присоединилась к Венгрии и Словакии в ходе судебного процесса в качестве сторонника. Тут же добавляется, что два года назад Румыния и Чехия также выступили против перераспределения беженцев.

Это поражение достаточно болезненно для восточноевропейцев, а особенно для венгерского премьера Виктора Орбана (Viktor Orbán). Орбан с самого начала оценивал массовый приток мигрантов как проблему во взаимоотношениях с Германией, а не как задачу, которой Европа должна была заниматься общими силами.

Затем журналист ссылается на словацкого коллегу Роберта Фицо (Robert Fico), который утверждал, что 90 % прибывающих сирийцев являются экономическими беженцами, а также что переселение, которое было организовано Советом министров внутренних дел ЕС два года назад, должно было быть завершено к концу августа 2017 г., но из-за сопротивления и ожидания судебного решения процесс принятия беженцев затянулся — за два года было принято менее 30 000 человек.

Затем журналист приводит свою оценку происходящего:

Приговор является важным сигналом для поддержки существующей политики в отношении беженцев, в том числе федерального правительства Германии. Если бы Европейский суд утвердил иск, идея о постоянной ставке на беженцев в качестве одного из элементов будущей миграционной политики предоставления убежища была бы окончательно сведена на нет.

Во втором разделе материала под названием «Многим людям не разрешено участвовать в программе распространения» автор излагает детали возникшего конфликта и размышляет над тем, что многие беженцы прибывают из Африки и у них мало шансов на убежище: *Поскольку уровень их признания низкий, они не могут участвовать в программе распространения. Только те, кто „несомненно нуждается в международной защите“, имеют на это право. Об этом договорились министры ЕС. Более того, большинство мигрантов вообще не хотят направляться в Восточную Европу, они выбирают более процветающие страны.*

Затем журналистка добавляет существенное замечание, которое заключается в том, что, по ее мнению, ЕС заставляет страны тщательно заботиться о беженцах, предлагать им жилье, питание, а также перспективы. *«Венгрия до сих пор не приняла ни одного перераспределенного беженца, в то время как Словакия приняла только 16 человек».*

В следующем разделе под названием «Будапешт рассматривает миграцию как причину терроризма» Ханнелоре Кролли излагает позицию государственного министра юстиции Венгрии Пала Вольнера, который обвинил Европейский суд в заговоре с участием американского миллиардера Джорджа Сороса:

Премьер-министр Орбан (Orban) критикует Сороса и неправительственные организации Венгрии, поддерживаемые фондом „Открытое общество“. На его взгляд, это делается для того, чтобы подпитывать „мафиозную сеть“: „Они тайно продвигают незаконную иммиграцию, так как это также и их заработок, сознательно или не сознательно они создали троянского коня — миграцию терроризма, которая влияет также на подрыв европейских органов и уничтожение „христианской и национальной“ идентичности народов Европы посредством иммиграции“.

Именно данной цитатой заканчивается материал, и надо сказать, что тут четко просматривается позиция автора, которая приводит только одну группу мнений по изученной ею проблеме. Мы не видим в материале противоположной позиции, которой придерживаются люди, смотрящие на данный процесс под другим углом. Кроме того, что информация односторонняя, процент аналитических размышлений крайне мал. Однако позицию автора мы все равно понимаем достаточно ясно, исходя из подбора аргументов, комментариев политиков, малочисленных наблюдений самой журналистки.

В период предвыборной кампании материалы газеты «Die Welt» стали более одно-

значными, часто в них ярко выражена позиция автора по проблеме, увеличилась доля оценочных суждений по отношению к фактической информации, все больше авторов выступают с идеей о том, что государство не в состоянии обеспечить безопасность своих граждан, а определенные беженцы представляют реальную опасность для немецкого народа. Издание также дает возможность высказать свою позицию авторам стран ЕС, главы которых отказались принимать беженцев. В одном из материалов очень подробно рассматривается данная проблема, читателю объясняется, почему принятие беженцев — это далеко не лучшее решение для этих стран. Автор делает подборку из высказываний политических лидеров, которые выступают против принятия беженцев и системы перераспределения. В части материалов мы видим, что миграционная проблема становится элементом политической гонки, журналисты показывают, как политики используют данный вопрос в своей предвыборной кампании. Ситуация с беженцами в данном случае рассматривается исключительно в контексте предстоящих парламентских выборов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вальраф Г. Нежелательные репортажи : сб. — М. : Радуга, 1982. 245 с.
2. Брук А. С., Кабузан В. М. Миграциология : учеб. пособие / под ред. А. С. Брука, В. М. Кабузана. — М. : Владос, 1989. 656 с.
3. Вороненкова Г. Ф. Путь длиною в пять столетий: от рукописного листка до информационного общества. Национальное своеобразие средств массовой информации Германии : моногр. — М. : Изд-во Москов. ун-та, 2011. 648 с.
4. Касперович Г. И. Миграция населения в города и этнические процессы : (на материалах исслед. гор. населения БССР) / Г. И. Касперович ; под ред. В. К. Бондарчика. — Минск : Наука и техника, 1985. 149 с.
5. Майн Г. Средства массовой информации в Федеративной Республике Германии / пер. с нем.: Мелитта Балье, Тамара Маневич. — Констанц : Ферлагсгезельшафт МБХ, 1998. 158 с.
6. Менц Г. «Полезные» гастарбайтеры, обременительные беженцы и вторая волна сокращения социальных расходов: связь между миграцией и государством всеобщего благосостояния // Прогнозис. 2007. № 1 (9). С. 2—15.
7. Основной Закон Федеративной Республики Германии [Электронный ресурс] : от 23.05.1949. = Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland, GG, Ausfertigungsdatum: 23.05.1949 // 1000dokumente. URL: http://www.1000dokumente.de/?c=dokument_de&dokument=0014_gru&object=translation&l=ru (data обращения: 05.02.2017).
8. Сухов А. Н., Трыканова С. А. Миграция в Европе и ее последствия. — М. : Флинта, 2013. 516 с.
9. Bewarder M., Leubecher M. Die Welt, BAMF sucht 800 Geschützte, die nie geprüft wurden [Electronic resource] // Die Welt. URL: <https://www.welt.de/politik/deutschland/article168957830/BAMF-sucht-800-Geschuetzte-die-nie-geprueft-wurden.html> (date of access: 01.10.2017).
10. Crolly H. Ein Urteil mit Symbolkraft, aber wenig Auswirkungen [Electronic resource] // Die Welt. URL: <https://www.welt.de/politik/ausland/article168362379/Ein-Urteil-mit-Symbolkraft-aber-wenig-Auswirkungen.html> (date of access: 05.10.2017).
11. Poschardt U. Merkels CDU, die schlechte Koalitionspartei [Electronic resource] // Die Welt. URL: <https://www.welt.de/debatte/kommentare/article168986300/Merkels-CDU-die-schlechte-Koalitionspartei.html> (date of access: 05.10.2017).

N. P. Parkhitko, I. A. Taran
Moscow, Russia

**MIGRATION PROCESSES IN THE FEDERAL REPUBLIC OF GERMANY AS DEPICTED IN «DIE WELT»
(ELECTION CAMPAIGN OF 2017)**

ABSTRACT. *The article studies the key aspects in description of migration processes in the German newspaper «Die Welt» before the parliamentary elections in Germany (in September of 2017). The article analyzes the content of the newspaper from the point of view of information presentation, selection of facts, arrangement and style of publications. The emphasis is on identification of similarities between the facts of the election campaign and those found in the articles devoted to migration policy of the country: content analysis allows to assess emotive component of the media text, types of arguments to support the statement and domination of either objective or subjective elements. Dynamics and transformations in the news presentation by the journalists during the election campaign are shown; the mechanism of covering migration situation in Germany is revealed; the main tendencies in interpretation of the events connected with refugees and migrants on the territory of Germany and EU are outlined. The article also discusses the latest changes in the methods of covering the problem of migration, the emotive context of the publications, the use of emotionally colored and expressive vocabulary, and correlation between the real state of affairs and its reflection in the media. It is shown that during the election campaign the publications of the newspaper were clear and unambivalent expressing the view of the author; the number of evaluative expressions grew, more and more authors express the idea that the state cannot provide security to the citizens as some of the refugees are a real threat to the German people.*

KEYWORDS: migration; media discourse; media texts; mass media; media; media linguistics; political discourse; election campaign.

ABOUT THE AUTHOR: Parkhitko Nikolay Petrovich, Candidate of History, Associate Professor, Department of Theory and History of Journalism, The Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia.

Taran Irina Andreevna, Master's Degree Student, Faculty of Philology, Department of Theory and History of Journalism, The Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia.

REFERENCES

1. Val'raf G. Nezhelatel'nye reportazhi : sb. — M. : Raduga, 1982. 245 c.
2. Bruk A. S., Kabuzan V. M. Migratsiologiya : ucheb. posobie / pod red. A. S. Bruka, V. M. Kabuzana. — M. : Vidos, 1989. 656 s.
3. Voronenkova G. F. Put' dlinoyu v pyat' stoletiy: ot rukopisnogo listka do informatsionnogo obshchestva. Natsional'noe svoeobrazie sredstv massovoy informatsii Germanii : monogr. — M. : Izd-vo Moskov. un-ta, 2011. 648 s.
4. Kasperovich G. I. Migratsiya naseleniya v goroda i etnicheskie protsessy : (na materialakh issled. gor. naseleniya BSSR) / G. I. Kasperovich ; pod red. V. K. Bondarchika. — Minsk : Nauka i tekhnika, 1985. 149 s.
5. Mayn G. Sredstva massovoy informatsii v Federativnoy Respublike Germanii / per. s nem.: Melitta Bal'e, Tamara Manovich. — Konstants : Ferlagsgezel'shaft MBKh, 1998. 158 s.
6. Ments G. «Poleznye» gastarbaytery, obremenitel'nye bezhentsy i vtoraya volna sokrashcheniya sotsial'nykh raskhodov: svyaz' mezhdru migratsiey i gosudarstvom vseobshchego blagosostoyaniya // Prognozis. 2007. № 1 (9). S. 2—15.
7. Osnovnoy Zakon Federativnoy Respubliki Germanii [Elektronnyy resurs] : ot 23.05.1949. = Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland, GG, Ausfertigungsdatum: 23.05.1949. // 1000dokumente. URL: http://www.1000dokumente.de/?c=dokument_de&dokument=0014_gru&object=translation&l=ru (data obrashcheniya: 05.02.2017).
8. Sukhov A. N., Trykanova S. A. Migratsiya v Evrope i ee posledstviya. — M. : Flinta, 2013. 516 s.
9. Bewarder M., Leubecher M. Die Welt, BAMF sucht 800 Geschützte, die nie geprüft wurden [Electronic resource] // Die Welt. URL: <https://www.welt.de/politik/deutschland/article168957830/BAMF-sucht-800-Geschuetzte-die-nie-geprueft-wurden.html> (date of access: 01.10.2017).
10. Crolly H. Ein Urteil mit Symbolkraft, aber wenig Auswirkungen [Electronic resource] // Die Welt. URL: <https://www.welt.de/politik/ausland/article168362379/Ein-Urteil-mit-Symbolkraft-aber-wenig-Auswirkungen.html> (date of access: 05.10.2017).
11. Poschardt U. Merkels CDU, die schlechte Koalitionspartei [Electronic resource] // Die Welt. URL: <https://www.welt.de/debatte/kommentare/article168986300/Merkels-CDU-die-schlechte-Koalitionspartei.html> (date of access: 05.10.2017).

Ю. В. Рогозинникова
Екатеринбург, Россия

ОБРАЗЫ ПРЕЗИДЕНТОВ РОССИИ И США В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАРИКАТУРЕ

АННОТАЦИЯ. В современной лингвистике актуальны исследования в области теории поликодового текста. На основе научных трудов в области теории поликодового текста и политической карикатуры сделана попытка проанализировать образы политических лидеров США и России в политической карикатуре XXI века. В статье дан краткий обзор роли прецедентности и метафоры в политической карикатуре. В работе выделены ведущие антропоморфные образы американских и российского президентов, а также стратегии и тактики их формирования с точки зрения когнитивной метафоры. Приведена классификация наиболее частотных образов американских президентов (Дж. У. Буша, Б. Обамы, Д. Трампа) в политической карикатуре за рассматриваемый период. Материалом послужили 300 текстов политической карикатуры с образами американских и российского президентов. Сформированы оценочные доминанты в рассматриваемых образах с точки зрения теории когнитивной метафоры. Все анализируемые примеры объединяются в категориально-смысловое поле «Свои — чужие». Для достижения цели исследования использовался метод когнитивного и контекстуального анализа. Подавляющее большинство анализируемых текстов американской и британской политической карикатуры демонстрируют отрицательные образы американских президентов на фоне нейтрального или положительного образа российского президента, наиболее частотные тактики — невыгодное сопоставление, создание дискредитирующего контекста, идеализация/героизация одного из образов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политическая карикатура; прецедентные имена; политические метафоры; политический дискурс; политическая метафорология; российские президенты; американские президенты.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Рогозинникова Юлия Владимировна, аспирант, Уральский государственный педагогический университет; 620017, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, д. 26; e-mail: julia-pavlukova@yandex.com.

Введение. Изучение политической карикатуры — одно из актуальных направлений современной лингвосомиотики. Политическая карикатура является жанром поликодового текста, т. е. текста, «в котором сообщение закодировано семиотически разнородными средствами — вербальным и невербальным компонентами, объединение которых представляет собой определенную структуру, характеризующуюся проявлением взаимозависимости составляющих как в содержательном, так и в формальном аспектах» [Анисимова 1992: 71]. При этом исследователи конкретизируют специфику средств поликодовых текстов, ср.: «В организации поликодовых текстов участвуют единицы разных семиотических систем: вербальной и невербальной. К невербальным компонентам относится графическая сегментация текста, расположение фрагментов текста, особенности шрифтового набора, цветообозначения, типографские знаки, цифры, средства иконического языка (рисунки, фотографии, таблицы, схемы и др.)» [см. подробнее: Дзюба 2016: 255].

Поликодовый текст становился предметом пристального внимания разных исследователей, среди которых Р. Барт (1989), Г. В. Ейгер и Л. Юхт (1974), Л. М. Большинова (1987), Р. О. Якобсон (1985), Ю. А. Сорокин (1990), Е. Е. Анисимова (1996) и другие, в более поздний период — И. М. Беляков (2009), Е. Ю. Дьякова (2011), Е. Р. Росинская и Е. И. Галяшина (2017), А. Г. Сонин (2005, 2006), М. Ю. Федосюк (2011), М. Б. Ворошилова (2013), Е. В. Шустрова (2013, 2014), О. О. Сподарец (2011, 2015), Е. В. Дзюба и Ю. Г. Ткаченко (2017) и др.

Политическая карикатура трактуется «в широком смысле как изображение, где сознательно создается комический эффект, где художник совмещает реальность и фантастику, преувеличивает, акцентирует специфические черты людей, изменяют соотношения их с окружающим миром и использует неожиданные сравнения. В более узком смысле карикатура — это особый жанр изобразительного искусства (как правило, графики), являющийся основной формой изобразительной сатиры и обладающий ясной идейной социально-критической направленностью» [Середина 2012: 606]. Жанр политической карикатуры в разных аспектах рассматривался следующими учеными: Е. А. Артемова (2002), А. Н. Баранов (1991), М. Б. Ворошилова (2013), Д. Грейбер (1981), Л. А. Мардиева (2008, 2012, 2014), Р. Т. Садуов (2013), Е. В. Середина (2012), Е. В. Шустрова (2012, 2013, 2014, 2015).

Основной функцией политической карикатуры является сатирическая, которая тесно связана с другими ее функциями: эмотивной, регулятивной, креативной, иллюстративной и функцией культурной памяти. Функции жанра политической карикатуры являются частным проявлением отдельных функций политического дискурса в целом [см. подробнее: Шарапова 2013: 164].

Тексты политической карикатуры нередко строятся на использовании известных прецедентных имен, что позволяет рассмотреть поликодовый текст с позиций теории прецедентности. А. Е. Супрун отмечает в качестве специфической черты карикатуры то, что к невербальным прецедентным феноменам, помимо прецедентной ситуации,

относятся также и ценностно-значимые артефакты, включающие преимущественно произведения искусства [Супрун 1995]. В политической карикатуре используется четыре основных способа отсылки к прецедентным феноменам: точная цитация, квазичитация, аллюзия и квазиаллюзия. Все они являются маркерами категории интертекстуальности и способствуют порождению комического эффекта. Под точной цитацией понимается дословное воспроизведение части текста или высказывания в том виде, в котором текст или высказывание сохранились в памяти цитирующего [см. подробнее: Артемова 2002: 46].

Как отмечает М. Б. Ворошилова, «понятие „узнаваемости“ образа, в том числе визуального, действительно, основополагающее для карикатуры, и не только политической» [Ворошилова 2013: 17]. Рассматривая политическую карикатуру, Л. А. Мардиева указывает на оптимальную форму отражения этой особенности — *прецедентность*. «Феномен... прецедентности как нельзя лучше отвечает духу времени», — подчеркивает исследователь [Мардиева 2011: 202]. М. Б. Ворошилова, рассматривая прецедентные образы в политической карикатуре, утверждает, что «самый распространенный метод ведения неформальной информационной войны — обыгрывание традиционной политической символики, известных политических образов, позволяющее создать узнаваемый, а значит понятный образ, уже наделенный определенными смыслами, как правило, негативными» [Ворошилова 2011: 74].

Одним из частотных средств актуализации авторского замысла в политической карикатуре является метафора, которая выявляет создаваемые, приписываемые объекту образы. «Политическая карикатура обладает рядом специфических особенностей, которые объясняются тем, что карикатура имеет жанровые характеристики, присущие и политическому, и юмористическому, и массмедийному, и художественному дискурсам. Визуальная метафора в сюжете политической карикатуры является универсальным средством, которое отражает эти свойства. Прежде всего, визуальная метафора является метким и ярким средством украшения, а также описания актуальных политических явлений в мире, она служит для создания красочных сюжетов и позволяет точно и образно изобразить проблемы мирового сообщества», — отмечает Е. В. Середина [Середина 2012: 70—71].

По мнению Дж. Лакоффа и М. Джонсона, «область источника в когнитивной теории метафоры представляет собой обобщение

опыта практической жизни человека в мире. Знания в области источника организованы в виде „схем образов“ (image schemas) — относительно простых когнитивных структур, постоянно воспроизводящихся в процессе физического взаимодействия человека с действительностью. К схемам образов относятся, например, такие категории, как „вместительность“, „путь“, „баланс“, „верх — низ“, „перед — зад“, „часть — целое“» [Лакофф 2004: 11]. Анализ метафоры занимает важное место в осмыслении политического дискурса вообще и политической карикатуры в частности, см. работы Э. В. Будаева [Будаев 2006, 2010, 2015], Е. П. Казаковой [Казакова 2011], Л. В. Коцюбинской [Коцюбинская 2016], Т. И. Литвиновой [Литвинова 2015], Т. В. Таратыновой [Таратынова 2010], Е. В. Шустровой [Шустрова 2012] и др.

Целью данного исследования является анализ образов американских президентов с позиции когнитивной метафоры. Научная новизна работы состоит в попытке охарактеризовать способы формирования оценочной (положительной или отрицательной) доминанты в рассматриваемых образах с точки зрения теории когнитивной метафоры.

Методология исследования. Метафора необходима для создания художественного образа в политической карикатуре. Э. В. Будаев и ряд других исследователей относят «к наиболее распространенным базисным структурам концепты СВОИ/ЧУЖИЕ, МЫ/ОНИ, ХОРОШИЕ/ПЛОХИЕ. Таким образом, метафора способна не только подмечать, но и создавать аналогию или даже навязывать ее, что создает широкие возможности для манипуляции массовым сознанием» [Будаев 2015: 13]. Все анализируемые примеры объединяются в категориально-смысловое поле «СВОИ — ЧУЖИЕ». Стратегии формирования образов президента в собранных для анализа поликодовых текстах условно можно представить в следующем виде: 1) «свой плохой — чужой хороший», 2) «чужой плохой — свой хороший», 3) «свой такой же плохой, как чужой». Каждая из стратегий реализуется определенным набором тактических приемов создания позитивного или негативного имиджа. Е. В. Дзюба при описании политических лидеров разных эпох выделяет целый ряд коммуникативных тактик, среди которых отмечает невыгодное сопоставление, дискредитирующий контекст, идеализацию/героизацию одного из образов и др. [см. подробнее: Дзюба 2015: 94—96]. При описании образов президентов в политических карикатурах обозначенные тактики также оказались востребованными. Таким образом, в данной статье с помощью лингвокогнитив-

ных и лингвопрагматических методов анализируется оценочный потенциал метафор, рисующих образы американских и российского президентов в креолизированных текстах.

Материалом для исследования послужили 300 текстов политической карикатуры, представляющих образы американских и российского президентов и опубликованных в СМИ с 2000 года по настоящее время. В качестве источников материала использовались американские и британские интернет-ресурсы: *politicalcartoons.com*, *wordpress.com*, *media.cagle.com*, *blogspot.com*, *crandall.wikispaces.com*, *danzigercartoons.com*, *davidmixner.typepad.com*, *de.cyplive.com*, *huffingtonpost.com*, *frontpagemag.com*, *blogs.denverpost.com*, *client.globecartoon.com*, *thebuffalonews.com*, *comicallyincorrect.com*, *beforeitsnews.com*, *indsayfincher.com*, *understandglobalization.com*, *jantoo.com*, *intoon.com*, *cyplive.com* (американские сайты); *telegraph.co.uk*, *uk.pinterest.com*, *dailymail.co.uk*, *thepoke.co.uk*, *mirror.co.uk*, *thetimes.co.uk*, *sunday-times.co.uk*, *express.co.uk*, *economist.com* и др. (британские сайты).

Обсуждение и результаты исследования. Отметим, что к настоящему времени в американских СМИ закреплена негативная оценка России. «Обзор материалов газетных статей показывает присутствие в них предвзятой трактовки событий, многочисленные стратегии направлены на пропаганду антироссийских настроений», — подчеркивает Н. А. Цыбина [Цыбина 2015: 183]. О. Н. Шалифова объясняет механизм наделения образа негативными смыслами так: «Образы публицистики обладают синтетической природой. С одной стороны, в них сильно чувственно-эмоциональное начало, с другой, —

логико-понятийное. Отсюда специфика публицистического образа: с одной стороны, в нем проявляется чувственно-эмоциональное восприятие творцом действительности, а с другой, — возникшие на этой основе образы „облучаются“ авторскими идеями и мыслями» [Шалифова 2016: 96].

ОБРАЗЫ ПРЕЗИДЕНТОВ В АМЕРИКАНСКОЙ И БРИТАНСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАРИКАТУРЕ

«Медвежья хватка» президента (Б. Клинтона). Биллу Клинтону посвящено 5 % от общего количества рассматриваемых примеров. Один из примеров акцентирует внимание на специфике поведения американского президента во взаимоотношениях с российским лидером, ср. заголовок карикатуры *President Putin puts his "Bearhug defence plan" into action*. — Президент Путин осуществляет „план по защите от медвежьего захвата“ (рис. 1), а также надпись на упавших бумагах *Bill Clinton's missile defense — ракетная (реактивная) защита Б. Клинтона* (*politicalcartoons.com*, 07.06.2000). Здесь используется метафорическое выражение *bear hug* — *медвежья хватка*, актуализирующее значение крепких, грубых объятий (*dictionary.cambridge.org*). Образ неуклюжего и распущенного президента противопоставлен собранному и сдержанному российскому президенту. Метафора позволяет реализовать здесь стратегию «Свой плохой — чужой хороший», поддерживаемую тактикой невыгодного сопоставления для одной из персоналий и тактикой создания дискредитирующего контекста.

Рис. 1

Рис. 2

Президент — косноязычный оратор. С приходом к власти в США Дж. У. Буша в 2001 г. западные СМИ стали чаще публиковать политические карикатуры с американским и российским президентами. Дж. У. Буш — турист с путеводителем *Europe on 5 Dollars a Day* — «Европа за 5 долларов в день», только вместо *dollars* стоит слово *gaffes* (от фр. *промах, ошибка*); в английском языке *gaffe* обозначает замечание или действие, которое относится к неправильному поведению и считается невежливым, неуважительным (dictionary.cambridge.org). Название *Europe on 5 Gaffes a Day* обладает ироничной семантикой, так как речи 43-го американского президента нередко встречали смех и аплодисменты зала из-за оговорок, комичных слов и фраз, получивших название «бушизмы». *If it's saturday, this must be Putin.* — *Если сегодня суббота, то это должен быть Путин* (рис. 2) (media.cagle.com, 15.06.2001). Фраза построена по аналогии с названием американской комедии 1969 г. *If it's Tuesday, This Must be Belgium* («Если сегодня вторник, то это должна быть Бельгия»). Коммуникативная цель политической карикатуры состоит в «осмеянии и острой сатирической критике известных политических деятелей и значимых событий в сфере политики, в манипулировании общественным сознанием, например, путем создания или развенчивания определенного образа политика» [Артемова 2002: 99].

Американский президент — неуспешный военный стратег. В представленной ниже карикатуре встречаются следующие

метафоры: *холодная война*, впервые появившаяся в публикации 1945 г. (автор — Дж. Оруэлл, George Orwell), и *глобальное потепление*. В данном поликодовом тексте метафора становится инструментом, демонстрирующим жесткую политическую позицию российского президента, уверенного в себе и категоричного, точно формулирующего свои мысли. Этот образ противопоставлен образу осторожного, а возможно, и просто нерешительного американского лидера — Дж. Буша, ср.: *G8 Bush: In our continuing effort to counteract global warming... Putin: We have decided to bring back the cold war!* — На заседании «Большой восьмерки» Буш: «В наших постоянных попытках противодействовать глобальному потеплению...» Путин: «Мы решили вернуть холодную войну!» (рис. 3) (understandglobalization.com, 2007).

Президент — художник-любитель. В одной из карикатур политические лидеры обеих стран выступают в образе художников: *Bush: Hey Vladimir... I've done your portrait. Putin: Funny. I've been working on one myself too: The Empire strikes back.* — Буш: «Эй, Владимир, я нарисовал твой портрет». Путин: «Забавно, я тоже работаю над своим портретом. Империя наносит ответный удар» (futureofmedia.blogspot.com, 03.10.2012). Путин выступает в образе бесстрашного и дерзкого Дарта Вейдера, колоритного и неоднозначного персонажа известного американского фильма «Звездные войны». На таком фоне высвечивается вся нелепость образа неудачливого американского президента.

Рис. 3

Рис. 4

Президент — мнимый освободитель.

Указанный образ встречается в следующем поликодовом тексте: *Iraq. G.W.Bush. This is not war for oil! This is war on terrorism. Chechnya. V.V.Putin. This is not war for oil! This is war on terrorism.* — Это война не за нефть. Это война с терроризмом (рис. 4) (seppo.net, 2003). Участие США в войне в Ираке приравнивается к жестко критикуемым военным действиям России в Чечне. Подобный эффект достигается за счет повторения заголовка в обеих частях карикатуры, похожего фона и угрожающих поз президентов.

В следующем примере тоже актуализируется метафора *Cold War*. Телефонный разговор Буша и Путина. Буш: *Heu Putey! Want to start a new cold war? This war on terror just ain't scarin' 'em no more.* — Эй, Путин! Хочешь начать новую холодную войну? Эта война с терроризмом просто не пугает их больше (cartoonstock.com, 2007).

В следующей карикатуре приравниваются друг к другу военные конфликты в Грузии и Ираке: *Vladimir Putin wants you to stay out of the Russia-Georgia conflict. Will you respect his wishes? — Bush: The same way I respected the wishes of the Iraqi people? — Владимир Путин хочет, чтобы Вы остались вне конфликта Россия — Грузия. Вы будете уважать его пожелания? — Буш: „Так же, как я уважал пожелания иракского народа?“* (lowres.jantoo.com, 2008). *Moral grounds... Bush (Iraq): „Such an action is unacceptable in the 21st century!“ to Putin (Georgia).* — С моральной точки зрения... Буш (Ирак): „Такое действие недопустимо в 21-м веке!“ Путину (Грузия) (latuff2.deviantart.com, 05.05.2008). *Putin. Bush. The Great Negotiator "War": Come on! There must be something you two idiots can agree on...Mutually assured destruction? New cold war? Sticking it to the Chinese? — Белукий*

посредник „Война“: Да бросьте! Должно же быть что-то, на что вы оба согласитесь... Взаимно гарантированное уничтожение? Новая холодная война? Пойти против китайцев? (danzigcartoons.com, 12. 2007). Актуализированная в перечисленных контекстах милитарная метафора часто используется авторами поликодовых текстов для формирования отрицательного образа американских президентов на фоне прецедентного имени российского происхождения. Внешняя политика государства представлена образом его руководителя. Э. В. Будаев указывает на «важное место концептуальной метафоры ГОСУДАРСТВО — это ЧЕЛОВЕК в осмыслении политики (см. работы: Скребцова 2002; Чудинов 2001; Chilton, Lakoff 1995; Lakoff 1991; Luoma-aho 2002 и др.)» [Будаев 2006: 88].

Президент — сторонник демократии.
Путин встречает в Москве саммит «Большой

восьмерки». *Putin's stamping out the political opposition. Suspending rights and curbing the media. G.Bush: I know. How cool is that?* — Путин искореняет политическую оппозицию. Приостановка прав и ограничение СМИ. Дж. Буш: „Я знаю. Как же это круто?!“ (рис. 5) (politicalcartoons.com, 14.01.2006).

Bush driving a car "Russian democracy": So, how do you get this thing out of reverse, Vlad? — Буш за рулем автомобиля „Русская демократия“: „Так, как ты переключаешь с задней скорости, Влад?“ (рис. 6) (media.cagle.com, 05.10.2005). В приведенных контекстах на фоне неоднозначного образа российского президента рисуется положительный образ приверженца демократии — Дж. У. Буша. Таким образом, здесь реализуется иная стратегия: «Чужой плохой — свой хороший», поддерживаемая тактическим приемом идеализации американского президента — демократа.

Рис. 5

Рис. 6

Несколько политических карикатур содержат, помимо прецедентного имени «Путин», прецедентное высказывание, принадлежащее Дж. У. Бушу («I looked the man in his eye. I was able to get a sense of his soul»). *Bush: I looked the man in his eye (Putin). I was able to get a sense of his soul. Putin's eye... Russia.* — Буш: «Я заглянул ему в глаза (Путину). И ощутил его душу» (politicus usa.com, 14.04.2015). *Bush: Wait a minute! That's not his soul — that's a silo! — Буш: „Подождите минуту! Это не его душа, это бункер“* (intoon.com.cartoons.com, 10.06.2007). *Hammer & sickle in Putin's eyes.* — *Серп и молот в глазах Путина* (loc.gov, 07.2007; thegreatamericandisconnect.blogspot.com, 07.2014). Метафоры *душа — это бункер* и *серп и молот в глазах* актуализируют идею милитаристских и реваншистских настроений российского президента.

В целом образ этого американского лидера создается посредством военной метафоры и прецедентных феноменов — высказываний, именуемых бушизмами. Отмечаются превалирующие отрицательные образы Дж. У. Буша: косноязычный оратор, неважный военный стратег, художник-любитель, мнимый освободитель, однако не исключаются и положительные характеристики — приверженность демократии, хотя и она подается весьма неоднозначно. Доминирующая стратегия при создании образа американского президента — «Свой плохой — чужой хороший»; используемые тактики: невыгодное сопоставление и создание дискредитирующего контекста.

В 2008 г. Б. Обама вступил в должность президента США. Около 40 % из собранных контекстов посвящено этому президенту США. Одной из самых многочисленных концептуальных моделей (по Е. В. Шустровой) является образ президента — неудачливого игрока [Шустрова 2012: 52—55]. Так, на одной из карикатур изображены президенты-игроки, при этом у В. В. Путина в руках 4 туза и карта с изображением Сноудена. Президенты играют в покер. *Obama: Full house! Putin holding 4 aces and a Snowden card.* — *Обама: „Фул хаус!“* (рис. 7) (philsreport.blogspot.com, 10.2013). Выбор игры не случаен, так как ее название — *poker* — образовано от глагола *to poke* — *толкать, тыкать, ткнуть, мешать*. *Full house* может означать «аншлаг», «палату законодательного собрания», также «фул хаус» — комбинация из трех карт одного достоинства и двух другого. «A Snowden card» заменяет «джокера», «пятого туза», так как подразумевается политический скандал из-за поступка Э. Сноудена. Карикатурой подчеркивается безусловное преимущество В. В. Путина в игре.

Подобные невыгодные для Б. Обамы сопоставления с российским президентом — успешным игроком частотны в политических карикатурах, ср.: *To Obama: Sen. Graham did say this was a “game changer”.* *Sign: Snowden granted asylum.* — *Путин (шахматы). Обама (шашки). Сенатор Грэхем говорил, что он меняет правила.* Надпись: *Сноудену предоставлено убежище* (2.bp.blogspot.com, 2013). Выражение *Game changer* может переводиться как *прорыв, козырь в рукаве, способ изменить все, изменить ситуацию, громкое дело*.

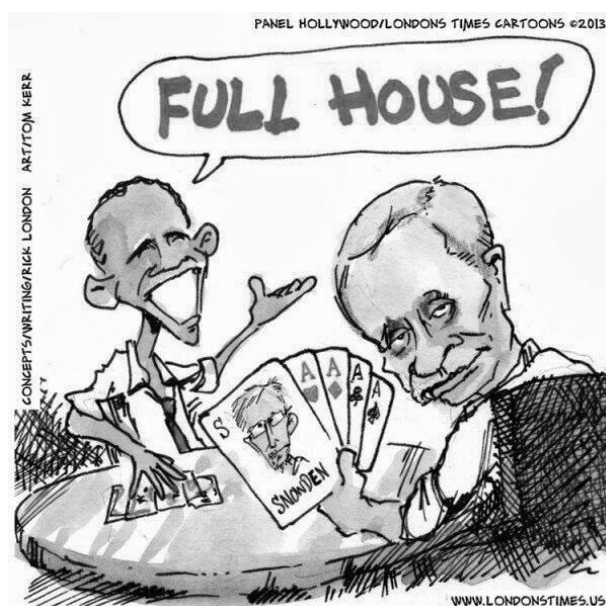

Рис. 7

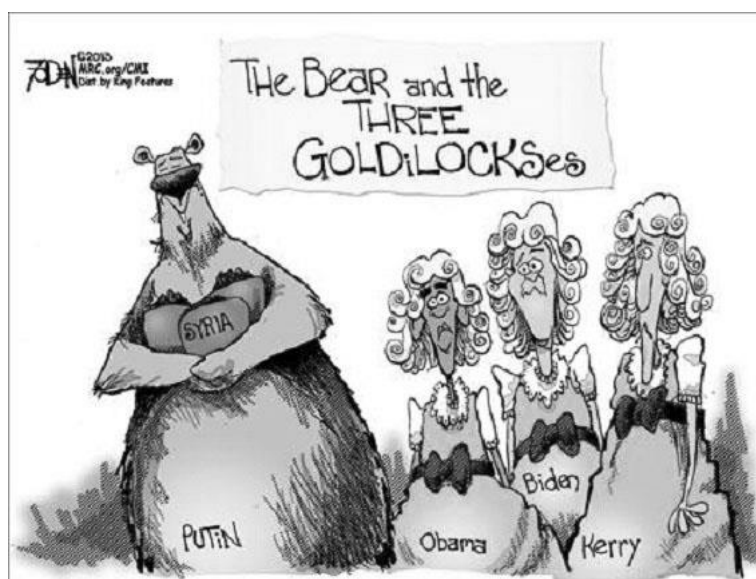

Рис. 8

Putin to Obama: *If they bring a knife, we bring a gun... What's your strategy?* — Путин — Обаме: „Если они принесут нож, мы возьмем ружье... Какая у вас стратегия?“ (comicallyincorrect.com, 09.2014). Заголовок гласит: *Putin's strategy NRD*. NRD (no record of destination) — аббревиатура «нет записи о месте назначения». На одной карикатуре Путин изображен с ядерной ракетой, Обама — с клюшками для гольфа и баллончиком с красной краской (Red line) (politicalcartoons.com, 10.2014).

Президент — слабый, безвольный соперник. Данная метафора встречается в следующих контекстах.

Obama to Putin: *After election I have more flexibility... See? Flexible! Ow! Ouch! Hurts!* — Обама — Путину: „После выборов я буду более гибким... Видите? Гибкий! Ой! Ай! Больно!“ (blogs.denverpost.com, 03.2014). На изображении Путин борется с Обамой, *flexible* — гибкий, гнущийся, свободный, податливый, уступчивый.

Then. To Putin: *Obama says he'll be more flexible after the election. Now. Putin: I won't.* — Путин проезжает по Обаме на танке. Обама говорит, что будет более гибким после выборов. Путин: „А я не буду“ (queenbeeworld.wordpress.com, 04.04.2014). Американский президент выступает бесхарактерным, слабым и беспомощным в сравнении с непреклонным в своей позиции, волевым и решительным российским лидером.

Президент — плохой полицейский. Имеются отсылки к тактике ведения допроса с использованием «хорошего» и «плохого» полицейских. Данный образ создается в следующем контексте: *Security Council. Good world cop (Obama). Bad world cop (Putin). Obama to*

Assad (Syria): Give up your stockpiles of poison gas or we'll start bombing... And we don't do pinpricks! Putin to Assad: *Stall for time and tell him what he wants to hear. Don't worry... I've got your back.* — Совет Безопасности. Обама — Асаду: „Избавьтесь от своих запасов ядовитого газа, или мы начнем бомбардировку... И мы не делаем выводов!“ Путин — Асаду: „Тяните время, говорите ему то, что он хочет услышать. Не волнуйтесь... Я вас прикрою“ (beforeitsnews.com, 30.09.2014). *Do pinpricks* означает «делать выводы», *pin-pricks* — политика мелких уколов, мелкая неприятность, досада, булавочный укол.

Президент — персонаж сказки. *The bear (Putin) and the three Goldilocks (Obama, Biden, Kerry).* — Медведь (Путин) и три Машеньки (Обама, Байден, Керри). Карикатура отсылает к англоязычной сказке «Goldilock and three bears» — «Златовласка и три медведя» (рис. 8; de.cypive.com, 2013). На рисунке представлены Обама и другие политики в образе девочек (антропоморфная метафора), у которых Медведь (Путин) забрал тарелки с кашей (Сирия). Изменение в содержании сюжета сказки говорит о том, что на этот раз Медведь поведет себя так, как обычно Маша ведет себя в домике у медведей. Сказочные персонажи помогают дать более меткую характеристику: трусливый, жалкий, беспринципный и т. п.

Президент — неудачливый участник рыбалки. Во-первых, как объект рыбалки может изображаться Обама: *US Syrian policy. Putin: I caught a 172 pound flounder (signed "Obama"). Obama: No. This is a mutually favourable cooperative effort. No, really...* — Америка-сирийская политика. Путин: „Я поймал 172-фунтовую камбалу“ (надпись:

„Обама“). Обама: „Это взаимоблагоприятное совместное усилие. Нет, на самом деле...“ (cyplive.com, 2013). Во-вторых, Обама представляется рыбаком с крайне скромным уловом: *Fish tales. Putin: It's enormous! 46 pounds! Pike. Obama: It's gigantic! It's huge! Goldfish (Economic recovery)*. — Байки рыбаков. Путин: „Огромная! 46 фунтов! Щука“. Обама: „Гигантская! огромная! Золотая рыбка“ (восстановление экономики) (queenbeeworld.wordpress.com, 04.04.2014). Э. В. Будаев указывает, что «политическая или экономическая „рыбалка“ — средство обогащения (преимущественно с негативным смыслом)» [Будаев 2007: 95]. Данный метафорический образ подтверждает, что «рыбы — типичный источник современных политических метафор, моделирующих зоонимические портреты деятелей сферы политики» [Литвинова 2015: 178].

Президент — недальновидный политик. Указанный концептуальный смысл отражен в следующем контексте: *Obama: I've placed the stiffest sanctions on Russia. Putin will be hurt politically. Putin: Obamacare? — Обама: „Я наложил самые суровые санкции на Россию. Путину политически будет нанесен урон“. Путин: „Реформа здравоохранения Обамы?“* (politicalcartoons.com, 10.2014). Превосходная степень прилагательного *stiff* («жесткий, сильный, строгий, непреклонный, чрезмерный, принужденный» и др.) подчеркивает размер угрозы для России. Реакция Путина характеризует тщетность усилий американского президента.

Obama: Vladimir, why would you keep a super bowl ring, you didn't earn? Putin: You kept the Peace Prize... Obama's list: two wars, indefinite detentions, kill list, drone strikes. — Обама: „Владимир, почему вы сохранили кольцо Суперкубка, вы ведь его не заслужили?“ Путин: „Вы же сохранили премию Мира...“ Список Обамы: 2 войны, бессрочные задержания, список убийств, удары с беспилотников (queenbeeworld.wordpress.com, 04.04.2014).

Президент — беспомощный политик. *Putin's military parade. Obama: Stop him or I'll give a speech! — Военный парад Путина. Обама: „Остановите его, или я произнесу речь“* (queenbeeworld.wordpress.com, 04.04.2014). *Speech* — «речь, выступление, слова, реплика, дар речи». Контекст выражает мысль, что российской армии Обама может противопоставить только ораторское выступление или просто возможность говорить. *About Obama: Your father is practicing to look tough when he teleconferences with Putin today.* — Мишель Обама дочери о президенте: „Твой папа тренируется выглядеть сильным, когда говорит по конференц-

связи с Путиным“ (queenbeeworld.wordpress.com, 04.04.2014). *Tough* может переводиться словами «жесткий», «грубый», «стойкий», «сильный» и др. Президент США пытается лишь выглядеть жестким политиком.

Iran nukes, Syria, Snowden, gay rights. Now you're really going to make me angry. — Путин, пересекая „красные линии“: „Иранское ядерное оружие, Сирия, Сноуден, права гомосексуалистов“. Обама: „Сейчас вы меня точно разозлите“ (queenbeeworld.wordpress.com, 04.04.2014). Использована визуальная метафора *red line* — «красная линия», «точка невозврата», «правка», «редакционные пометки», «чертеж» и др.

Putin drawing a Red line. Путин красной линией перечеркивает U.S. Influence — влияние США (usnews.com, 2015). *Influence* — «влияние»; «воздействие»; «действие»; «лицо, оказывающее влияние» и др.

Таким образом, при карикатурном изображении Б. Обамы актуальны антропоморфная и зооморфная метафора. При этом сферами-мишенями являются *игра, борьба, рыбалка, сказка*. Б. Обама выступает в разных метафорических ролях: неудачливый игрок, слабый военный соперник, плохой полицейский, плохой рыбак, улов, недальновидный и беспомощный политик. Рассмотренные политические карикатуры, представляющие образы американского и российского лидеров, репрезентируют стратегию «Свой плохой — чужой хороший», которая реализуется посредством следующих тактик: невыгодное сопоставление, дискредитирующий контекст, идеализация/героизация одного из образов.

Д. Трамп, находящийся на посту президента США лишь с 2016 г., является самым изображаемым политическим деятелем в американской и британской политической карикатуре. На 45-го американского президента приходится около 40 % примеров нашего исследования.

Президент — марионетка. Эта метафора возникает в следующих карикатурах.

Подпись к рисунку: *Final debate. H. Clinton: You're a Putin Puppet! Trump: No puppet! No puppet! You're the puppet!* — Финальные дебаты. Х. Клинтон (Уолл-стрит): „Ты — марионетка Путина!“ Трамп (Путин): „Не марионетка! Не марионетка! Это ты марионетка!“ (рис. 9; tulsaworld.com, 10.2016). Связанная с политической ситуацией языковая игра здесь создается артиклями. По мнению исследователей, «метафора театра — это один из наиболее распространенных способов образного представления политики», особенно во время президентской предвыборной кампании [Таратынова 2010: 124].

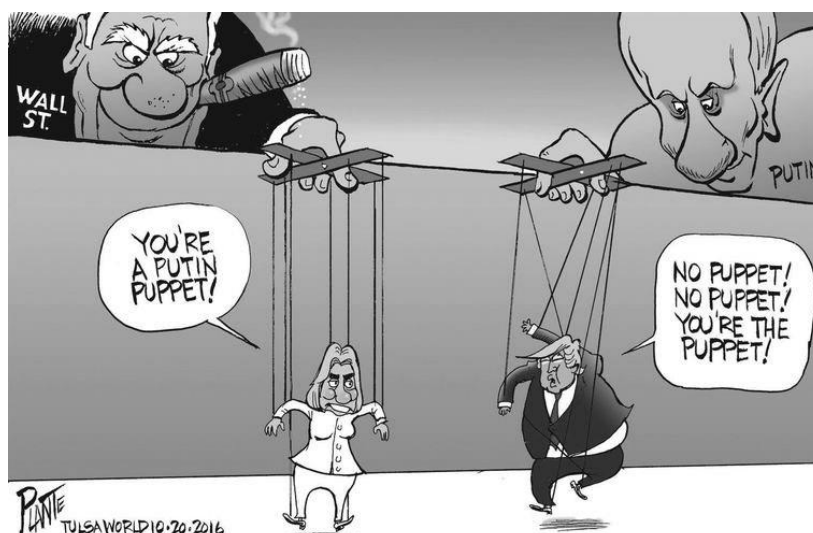

Рис. 9

Рис. 10

Wikileaks. Cyber hacks. Trump: I told you the election is rigged. — Кибератаки. Трамп: „Я сказал вам, что результаты выборов фальсифицированы“ (host.madison.com, 02.2016).

Путин изображен кукловодом Трампа. Название — *Transition of power*. Обама пожимает руку Путину, стоящего за спиной Трампа (editorialcartoonists.com, 17.01.2017).

Надпись на рисунке: *Total invention* — общее изобретение (caglecartoons.com, 04.08.2017). Трамп предстает в образе матрешки, в которой сидит Путин.

На карикатуре стоит сыщик с лупой и листком бумаги, на котором написано: *Russian collusion probe* — Расследование российского тайного сговора. Вокруг в виде разобранных матрешек, судя по всему, вложенных друг в друга, изображены политики: *Putin, Trump, Kushner, Flynn, Manafort, Sessions, Trump Jr.* (caglecartoons.com, 19.07.2017).

The Reality News. Trump wins. Putin: Tell Trump I'll have more FLEXIBILITY after the inauguration. — Путин читает газету „The Reality News“. Заголовок: „Трамп выигрывает“. Путин: „Скажите Трампу, у меня бу-

дет больше гибкости после инаугурации“ (conservativebyte.com, 01.2017).

Trump: Sorry Vladimir... Mike Flynn. — Трамп: „Извини, Владимир...“ Надпись: „Майк Флинн“ (globegazette.com.news, 15.02.2017). Имеется в виду скандальное увольнение помощника Трампа М. Флинна, Трамп представлен в образе марионетки Путина.

Russia's Deputy foreign minister confirms Russia worked with Trump campaign. — Заместитель министра иностранных дел России подтверждает, что Россия работала над кампанией Трампа (images.dailykos.com, 10.11.2016). Трамп изображен в образе марионетки Путина.

Подпись: *Voodoo (voodoo) Trump.* Путин: *I will befriend Trump, get him elected president of U.S.A... and then I will destroy him!* — Вуду-кукла Трампа. Путин: „Я подружусь с Трампом, заставлю его выбрать президентом США, а затем уничтожу его!“ (caglecartoons.com, 17.07.2017).

Образ марионетки эволюционирует в образ, выражающий идею полного подobia. Путин предстает в образе доктора Зло, Трамп — его уменьшенной копии Мини-Ми. *Putin: Mini-me, what's that spinning noise?*

Trump: Sounds like Reagan in his grave. — Путин: „Мини-Ми, что это за жужжание?“ Трамп: „Похоже, это Рейган в своем гробу“ (grondamorin.com, 02.11.2016).

А. И Зверев говорит об эмоционально-экспрессивной коннотации подобных театральных метафор: «Выразителем сарказма, иронии при описании человека служит пара театральных метафор кукловод-марионетка, которые добавляют описанию намеков на не-самостоятельность позиции человека или каких-либо его поступков» [Зверев 2015: 34].

Президент — друг моего врага. Эта идея выражается в ряде карикатур.

В некоторых текстах демонстрируется появление неологизмов *Trumputin* и *Bromance*. Эти контаминанты подчеркивают объединение Трампа и Путина в один образ и их политическую близость. На одном изображении президенты стреляют по звездам, символизирующим флаг Европы. Надпись гласит: *TRUMP/PUTIN hates democracy* — *Трампутин ненавидит демократию* (caglecartoons.com, 15.12.2016). Другая карикатура называется *Trumputin*. Изображена команда поддержки Трампа на президентских выборах 2016 г.: представитель ку-клукс-клана (англ. *Ku Klux Klan*) стоит с буквой **T**, Путин — с буквой **P** (рис. 10; hackwhackers.blogspot.com, 07.2016).

На рисунке перед типичным американским домом стоит табличка *Trumputin* (heraldnet.com, 07.2016). Здесь обыгрывается обычай накануне выборов перед домами ставить таблички с именами политиков, симпатичных жильцам.

Tiny Trump and au pair Putin. Putin: I think he just tweeted a BIG one! — Заголовок: „Крошечный Трамп и няня Путин“. Путин: „Я думаю, он сделал большой твит“ (caglecartoons.com, 20.07.2017). На карикатуре Трамп предстает в образе ребенка с мобильным телефоном в коляске. Путин толкает перед собой коляску. Антропоморфная метафора характеризует главенствующую позицию российского президента по отношению к Трампу.

Bromance — результат соединения двух лексем: *brother* (брат) и *romance* (роман, любовь), автор неологизма — Д. Карни, редактор «Big Brother Magazine». Это обозначение приобрело популярность, о чем свидетельствуют следующие примеры: 1) название карикатуры: *Bromance for bullies. Trump 2016. Trump isn't even hiding his tie Putin.* — Мужская дружба для хулиганов. Трамп-2016. Трамп даже не прячет свою связь с Путиным (crooksandliars.com, 10.2016). Слово *tie* здесь означает «цепь», «связь», «узы»; 2) на рисунке, который также назван *Bromance*,

Путин приклеивает к спине Трампа записку *Kick me.* — *Пни меня* (politicalcartoons.com, 21.12.2015); 3) название карикатуры: *Trump Putin — bromance*. Изображен поцелуй Трампа и Путина, произносящих следующие реплики: *Vlad, you are such a strong leader.* — *No, Donald, you're the strong one* (daryl cagle.com, 10.09.2016).

Охарактеризуем другие работы данной группы.

Название карикатуры: *Putin and Trump and hacking cartoon*. Надписи: *Crooked Hillary Nyet! My ruble's on Trump! Hilary: Now Putin's hacked the jumbotron!* — Путин и Трамп взломали карикатуру. Надпись на большом экране стадиона: „Кривой Хиллари — нет! Мой рубль за Трампа!“ Хиллари: „А сейчас Путин взломал и большой экран стадиона“ (denverpost.com, 27.01.2016).

Hackersack. U.S. Election. Putie. Trump. Assange. — Футбэг. Выборы США. Путин, Трамп, Ассандж (pinterest.com, 03.2017). Политические деятели, как лучшие друзья, играют в футбэг (разновидность футбола с самодельным мячом). На мяче написано: «Выборы США». Единица *hackersack* образована словосложением лексем *hacker* (хакер) и *sack* (мешок) и приобретает коннотативное значение только в рамках этого поликодового текста (forbes.com, 31.07.2016).

На рисунке политики танцуют вприсядку в костюмах, напоминающих русские народные наряды. *Trump: Russia's got talent, am I right? Putin: He gets elected, this is going to be sooo easy...* — Трамп говорит: „У России есть талант, я прав?“ Путин думает: „Его выберут, это будет слишком легко“ (politicalcartoons.com, 06.2016). Русский и американский президенты танцуют вприсядку в казачьих костюмах. Надписи: *Putin: Vulgar, arrogant, shameless egomaniac... Trump: Brutal, thuggish, amoral tyrant... Both: I think I'm in love!* — Путин думает: „Вульгарный, высокомерный, бесстыдный эгоист“. Трамп думает: „Жестокий, бандитский, аморальный тиран“. Думают вместе: „Думаю, я влюбился!“ (toursdelaliberte.blogspot.com, 09.2016).

Персонажи карикатур могут изображаться в бейсболке с надписью «Make America/Russia great again». В таком случае используется прецедентное высказывание «Make America great again». Например: *Putin in a shirt: Trump. Make Russia great again!* — Путин в футболке с надписью: „Трамп. Сделай Россию снова сильной“ (2.bp.blogspot.com, 09.2016). Путин изображен с голым торсом в бейсболке: *Make AMEЯИKA (America) GЯEAT (great) again.* — Сделай Америку снова сильной (caglecartoons.com, 18.08.2016). Кириллические вкрапления представ-

ляют собой прецедентный знак российского происхождения [Высоцкая 2013: 121].

Таким образом, американские и британские СМИ характеризуют Д. Трампа в политической карикатуре через дружбу с российским президентом. Появляются новые лексемы: *Trumputin*, *Bromance*, *Hackersack*. Сфера-источник метафор — театр, танец. Образы Д. Трампа — марионетка, «друг моего врага». Наличие прецедентного высказывания, прецедентных знаков и прецедентного имени российского происхождения усиливают вкладываемый в образы смысл. Стратегия — «Свой такой же плохой, как чужой»; тактики: невыгодное сопоставление, дискредитирующий контекст.

Заключение. В рассмотренных примерах целью американской и британской политической карикатуры является оценка действий американских президентов. Прецедентное имя «Путин» — фон, который помогает достижению поставленной цели. Прецедентные феномены в рассматриваемых примерах: прецедентное имя (*Путин* и др.), прецедентное высказывание (*I looked the man in his eye. I was able to get a sense of his soul* и др.), прецедентная ситуация (политические санкции Б. Обамы и др.), прецедентный знак (кириллические вкрапления).

Подавляющее большинство анализируемых текстов американской и британской политической карикатуры демонстрируют отрицательные образы американских президентов на фоне нейтрального или положительного образа российского президента. Все образы объединены одной категорией — СВОИ — ЧУЖИЕ, при этом ведущая стратегия формирования образа американского политического лидера — «Свой плохой — чужой хороший». Данная стратегия реализуется посредством наиболее частотных тактик: невыгодное сопоставление, создание дискредитирующего контекста, идеализация/героизация одного из образов.

Таким образом, прецедентные феномены и когнитивная метафора — неотъемлемая часть такого жанра поликодового текста, как политическая карикатура. Реальный мир в информационном пространстве транслируется сквозь призму метафоры. В ходе этого процесса события окружающей нас действительности получают вербальное выражение, концептуализируются и категоризируются и становятся частью языковой картины мира. Влияние политической карикатуры трудно переоценить. Политическая карикатура оказывает воздействие на аудиторию через средства массовой информации, являясь поликодовым текстом.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

1. Рис. 1. URL: politicalcartoons.com/2000/06/07/ec0af4bbf1d6e4e4233b0385b69a5769/.
2. Рис. 2. URL: media.cagle.com/putin/2001/06/15/KeefeM20010615/.
3. Рис. 3. URL: understandglobalization.com/38678_600/.
4. Рис. 4. URL: seppo.net/cartoons.albums.cartoons.global.politicians.bush_putin_oil_eng450/.
5. Рис. 5. URL: politicalcartoons.com/MKeefe_thedenverpost_01/14/06_28675_600.
6. Рис. 6. URL: media.cagle.com/19/2005/05/10/15587_600.
7. Рис. 7. URL: philsreport.blogspot.com/2013/10/the-poker-game-putin-vs-obama.
8. Рис. 8. URL: [de.cyplive.com/assets.images.news.caricat_17](http://de.cyplive.com/assets/images/news/caricat_17).
9. Рис. 9. URL: tulsaworld.com/opinion.bruceplante.bruceplante-cartoon-trump-and-clinton-the-final-debate.article.10.2016.
10. Рис. 10. URL: vnews.com/milbank-3691913.

ЛИТЕРАТУРА

11. Анисимова Е. Е. Паралингвистика и текст (к проблеме креолизованных и гибридных текстов) // Вопросы языкознания. 1992. № 1. С. 71—78.
12. Артемова Е. А. Карикатура как жанр политического дискурса : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19. — Волгоград, 2002. 237 с.
13. Будаев Э. В. Гендерная специфика политической метафоры // Вопросы когнитивной лингвистики. — Тамбов, 2006. № 1 (007). С. 88—92.
14. Будаев Э. В. Постсоветская действительность в метафорах российской и британской прессы. — Нижний Тагил : Нижнетагил. гос. соц.-пед. акад., 2007. 149 с.
15. Будаев Э. В. Политическая метафорология: ракурсы сопоставительного анализа // Политическая лингвистика. 2010. № 1 (31). С. 9—23.
16. Будаев Э. В. Концептуальная метафора на службе у разведки США // Политическая лингвистика. 2015. № 2 (52). С. 12—16.
17. Валгина Н. С. Теория текста. — М. : Логос, 2003. 173 с.
18. Ворошилова М. Б. «Русская матрешка» глазами европейцев: прецедентные образы в политической карикатуре об «Августовской» войне // Политическая лингвистика. 2011. № 2. С. 73—76.
19. Ворошилова М. Б. Мультипликационные герои в современной политической карикатуре [Электронный ресурс] // Человек в мире культуры. Региональные культурологические исследования. 2013. № 5. С. 37—45. URL: <http://www.cultural-research.ru/Voroshilova.pdf> (дата обращения: 10.02.2017).
20. Ворошилова М. Б. Образ Винни-Пуха в современной российской политической карикатуре // Лабиринт : журн. социально-гуманитарных исследований. 2013. № 4. С. 116—125.
21. Высоцкая И. В. Спорные вопросы теории прецедентности // Критика и семиотика. 2013. № 1 (18). С. 117—137.
22. Дзюба Е. В. Образы представления мигрантов в чешском политическом плакате // Визуальная коммуникация в социокультурной динамике : сборник статей II Междунар. науч. конф. (24—26 нояб. 2016 г.) / под ред. Н. Ф. Федотовой. — Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2016. С. 254—260.
23. Дзюба Е. В., Ткаченко Ю. Г. Советское «лицо феминизма»: манипулятивный потенциал концептуальной метафоры в поликодовом тексте // Вестн. Юж.-Урал. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика. 2017. Т. 14. № 4. С. 5—11.
24. Зверев А. И. Театральная лексика и терминология в политическом дискурсе (на материале русской и немецкой публицистики) : дис. ... канд. филол. наук. — М., 2015. 260 с.
25. Казакова Е. П. Об употреблении профессионализмов и жаргонизмов с прозрачной внутренней формой в современном английском деловом дискурсе // Вестн. СамГУ. 2011. № 7 (88). С. 81—86.
26. Кошюбинская Л. В. Метафора «Информационная атака» как объект лингвистического исследования // Политическая лингвистика. 2016. № 5 (59). С. 77—81.
27. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем : пер. с англ. / под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. — М. : Едиториал УРСС, 2004. 256 с.

28. Литвинова Т. И. Зооморфная метафора как средство концептуализации политической действительности Германии // Изв. ВГПУ. 2015. № 2 (267). С. 177—179.
29. Мардиева Л. А. Коллективная культурная память общества (прецедентные визуальные образы и феномены) // Вестн. Перм. ун-та. 2011 № 15. С. 202—209.
30. Середина Е. В. Визуальная метафора в политической карикатуре // Вестн. КГУ им. Н. А. Некрасова. 2012. № 3. С. 70—73.
31. Середина Е. В. Элементы трагизма и комизма в политической карикатуре // Науч. журн. КубГАУ. 2012. № 79 (05). С. 606—618.
32. Середина Е. В. Роль синтаксических средств в политической карикатуре // Науч. журн. КубГАУ — Scientific Journal of KubSAU. 2013. № 91. С. 1780—1789.
33. Садуов Р. Т. Феномен политического дискурса Барака Х. Обамы: лингвокультурологический и семиотический анализ : моногр. — Уфа : РИЦ БашГУ, 2012. 136 с.
34. Садуов Р. Т. Прецедентные вербальные, визуальные и вербально-визуальные феномены в креолизованном тексте (на материале современного российского политического комикса) // Политическая лингвистика. 2013. № 4 (46). С. 221—229.
35. Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. — М. : Высшая школа, 1990. С. 180—186.
36. Шустрова Е. В. Проявление основных архетипических образов в американской политической карикатуре // Политическая лингвистика. 2013. № 1 (43). С. 39—58.

Y. V. Rogozinnikova
Ekaterinburg, Russia

THE IMAGES OF THE PRESIDENTS OF RUSSIA AND THE UNITED STATES IN A POLITICAL CARTOON

ABSTRACT. *Studies in the field of the theory of polycode text are relevant in modern linguistics. On the basis of scientific works in the field of the theory of the polycode text (R. Barth, R. O. Jacobson, Y. A. Sorokin, M. Y. Fedosyuk, M. B. Voroshilova, E. V. Shustrova, E. V. Dzyuba and etc.) and political caricatures (E. A. Artemova, M. B. Voroshilova, D. Graiber, L. A. Mardieva, R. T. Saduov, E. V. Seredina, E. V. Shustrova and others) we make an attempt to analyze the images of political leaders of the United States and Russia in the political caricature of the 21st century. The article gives a brief overview of the role of precedence and metaphor in the political caricature. The work outlines the leading anthropomorphic images of American and Russian presidents, as well as the strategies and tactics of their formation from the point of view of cognitive metaphor. The classification of the most popular images of American presidents (J. W. Bush, B. Obama, D. Trump) in political caricatures is given during the period under review. The material was served by 300 texts of a poetic caricature with images of American and Russian presidents. Dominants of the images under consideration with the points of view of the theory of cognitive metaphor are formed. All analyzed objects are united in the categorial-semantic field of their own alienation. To achieve the goal of the study, the method of cognitive and contextual analysis was used. The overwhelming majority of the analyzed texts of American and British political cartoons show negative images of US presidents against the backdrop of a neutral or positive image of the Russian president, the most frequent tactics are unprofitable juxtaposition, creation of a defamatory context, idealization / glorification of one of the images.*

KEYWORDS: political cartoon; precedent names; political metaphor; political discourse; political metaphorology; Russian presidents; American presidents.

ABOUT THE AUTHOR: Rogozinnikova Yulia Vladimirovna, Post-graduate Student, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

REFERENCES

1. Ris. 1. URL: politicalcartoons.com/2000/06/07/ec0af4bbf1d6e4e4233b0385b69a5769/.
2. Ris. 2. URL: media.cagle.com/putin/2001/06/15/KeefeM20010615/.
3. Ris. 3. URL: understandglobalization.com/38678_600/.
4. Ris. 4. URL: seppo.net.cartoons.albums.cartoons.global.politicians.bush_putin_oil_eng450/.
5. Ris. 5. URL: politicalcartoons.com/MKeefe_thedenverpost_01/14/06_28675_600.
6. Ris. 6. URL: media.cagle.com/19/2005/05/10/15587_600.
7. Ris. 7. URL: philsreport.blogspot.com/2013/10/the-poker-game-putin-vs-obama.
8. Ris. 8. URL: de.cyplive.com.assets.images.news.caricat_17.
9. Ris. 9. URL: tulsaworld.com.opinion.bruceplante.bruceplante-cartoon-trump-and-clinton-the-final-debate.article.10.2016.
10. Ris. 10. URL: vnews.com/milbank-3691913.
11. Anisimova E. E. Paralingvistika i tekst (k probleme kreo-lizovannykh i gibridnykh tekstov) // Voprosy yazykoznaniya. 1992. № 1. S. 71—78.
12. Artemova E. A. Karikatura kak zhanr politicheskogo diskursa : dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.19. — Volgograd, 2002. 237 s.
13. Budaev E. V. Gendernaya spetsifika politicheskoy metafori-

37. Spodarec O. O. Воздействующий потенциал избирательного ряда в креолизованных текстах политического дискурса СМИ (на материале современного американского политического медиадискурса) // Политическая лингвистика. 2015. № 4 (54). С. 112—117.
38. Spodarec O. O. Поликодовость как ключ к новостному политическому медиатексту // Политическая лингвистика. 2011. № 1 (35). С. 171—176.
39. Супрун А. Е. Текстовые реминисценции как языковое явление // Вопросы языкознания. 1995. № 6. С. 17—29.
40. Таратынова Т. В. Театральная метафора в дискурсе выборов президента России — 2008 // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2010. № 21 (202). С. 124—129.
41. Цыбина Н. А. Когнитивные стратегии создания негативного образа России в американских СМИ при освещении газового конфликта // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2015. № 27 (382). С. 179—184. (Филологические науки ; вып. 98).
42. Шалифова О. Н. Медийный образ Хиллари Клинтон и средства его создания // Поволжский педагогический вестник. 2016. № 3 (12). С. 95—100.
43. Шарапова И. Л. Роль политической карикатуры во Франции как катализатор политической борьбы // Вестн. Ом. ун-та. 2013. № 3. С. 162—164.
44. Шустрова Е. В. Языковая игра в американской политической карикатуре на Барака Обаму // Политическая лингвистика. 2012. № 4 (42). С. 52—64.
45. Шустрова Е. В. Барак Обама и современная американская карикатура : моногр. / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2014. 370 с.

- ki // Voprosy kognitivnoy lingvistiki. — Tambov, 2006. № 1 (007). С. 88—92.
14. Budaev E. V. Postsovetskaya deystvitel'nost' v metaforakh rossiyskoy i britanskoy pressy. — Nizhniy Tagil : Nizhnetagil. gos. sots.-ped. akad., 2007. 149 s.
15. Budaev E. V. Politicheskaya metaforologiya: rakursy sopostavitel'nogo analiza // Politicheskaya lingvistika. 2010. № 1 (31). S. 9—23.
16. Budaev E. V. Kontseptual'naya metafora na sluzhbe u razvedki SSHa // Politicheskaya lingvistika. 2015. № 2 (52). S. 12—16.
17. Valgina N. S. Teoriya teksta. — M. : Logos, 2003. 173 s.
18. Voroshilova M. B. «Russkaya matreshka» glazami evropey-tsev: pretседentnye obrazy v politicheskoy karikature ob «Avgustovskoy» voyne // Politicheskaya lingvistika. 2011. № 2. S. 73—76.
19. Voroshilova M. B. Mul'tiplikatsionnye geroi v sovremennoy politicheskoy karikature [Elektronnyy resurs] // Chelovek v mire kultury. Regional'nye kul'turologicheskie issledovaniya. 2013. № 5. S. 37—45. URL: http://www.cultural—research.ru/Voroshilova.pdf (data obrashcheniya: 10.02.2017).
20. Voroshilova M. B. Obraz Vinni-Pukha v sovremennoy ros-

siyskoy politicheskoy karikature // Labirint : zhurn. sotsial'no-gumanitarnykh issledovaniy. 2013. № 4. S. 116—125.

21. Vysotskaya I. V. Spornye voprosy teorii pretседentnosti // Kritika i semiotika. 2013. № 1 (18). S. 117—137.

22. Dzyuba E. V. Obrazy predstavleniya migrantov v cheskom politicheskom plakate // Vizual'naya kommunikatsiya v sotsiokul'turnoy dinamike : sbornik statey II Mezhdunar. nauch. konf. (24—26 noyab. 2016 g.) / pod red. N. F. Fedotovoy. — Kazan' : Izd-vo Kazan. un-ta, 2016. S. 254—260.

23. Dzyuba E. V., Tkachenko Yu. G. Sovetskoe «litso feminizma»: manipulyativnyy potentsial kontseptual'noy metafory v polikodovom tekste // Vestn. Yuzh.-Ural. gos. un-ta. Ser.: Lingvistika. 2017. T. 14. № 4. S. 5—11.

24. Zverev A. I. Teatral'naya leksika i terminologiya v politicheskom diskurse (na materiale russkoy i nemetskoy publitsistiki) : dis. ... kand. filol. nauk. — M., 2015. 260 s.

25. Kazakova E. P. Ob upotreblenii professionalizmov i zhargonizmov s prozrachnoy vnutrenney formoy v sovremennom angliyskom delovom diskurse // Vestn. SamGU. 2011. № 7 (88). S. 81—86.

26. Kotsyubinskaya L. V. Metafora «Informatsionnaya ataka» kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya // Politicheskaya lingvistika. 2016. № 5 (59). S. 77—81.

27. Lakoff Dzh., Dzhonson M. Metafory, kotorymi my zhivem : per. s angl. / pod red. i s predisl. A. N. Baranova. — M. : Editorial URSS, 2004. 256 s.

28. Litvinova T. I. Zoomorfnaya metafora kak sredstvo kontseptualizatsii politicheskoy deystvitel'nosti Germanii // Izv. VGPU. 2015. № 2 (267). S. 177—179.

29. Mardieva L. A. Kollektivnaya kul'turnaya pamyat' obshchestva (pretседentnye vizual'nye obrazy i fenomeny) // Vestn. Perm. un-ta. 2011 № 15. S. 202—209.

30. Seredina E. V. Vizual'naya metafora v politicheskoy karikature // Vestn. KGU im. N. A. Nekrasova. 2012. № 3. S. 70—73.

31. Seredina E. V. Elementy tragizma i komizma v politicheskoy karikature // Nauch. zhurn. KubGAU. 2012. № 79 (05). S. 606—618.

32. Seredina E. V. Rol' sintaksicheskikh sredstv v politicheskoy karikature // Nauch. zhurn. KubGAU — Scientific Journal of KubSAU. 2013. № 91. S. 1780—1789.

33. Saduov R. T. Fenomen politicheskogo diskursa Baraka Kh. Obamy: lingvokul'turologicheskii i semioticheskii analiz : monogr. — Ufa : RITs BashGU, 2012. 136 s.

34. Saduov R. T. Pretседentnye verbal'nye, vizual'nye i verbal'no-vizual'nye fenomeny v kreolizovannom tekste (na materiale sovremennogo rossiyskogo politicheskogo komiksa) // Politicheskaya lingvistika. 2013. № 4 (46). S. 221—229.

35. Sorokin Yu. A., Tarasov E. F. Kreolizovannye teksty i ikh kommunikativnaya funktsiya // Optimizatsiya rechevogo vozdeystviya. — M. : Vysshaya shkola, 1990. S. 180—186.

36. Shustrova E. V. Proyavlenie osnovnykh arkhетipicheskikh obrazov v amerikanskoy politicheskoy karikature // Politicheskaya lingvistika. 2013. № 1 (43). S. 39—58.

37. Spodarets O. O. Vozdeystvuyushchiy potentsial izobrazitel'nogo ryada v kreolizovannykh tekstakh politicheskogo diskursa SMI (na materiale sovremennogo amerikanskogo politicheskogo mediadiskursa) // Politicheskaya lingvistika. 2015. № 4 (54). S. 112—117.

38. Spodarets O. O. Polikodovost' kak klyuch k novostnomu politicheskomu mediatekstu // Politicheskaya lingvistika. 2011. № 1 (35). S. 171—176.

39. Suprun A. E. Tekstovye reministsentsii kak yazykovoe yavlenie // Voprosy yazykoznaniya. 1995. № 6. S. 17—29.

40. Taratynova T. V. Teatral'naya metafora v diskurse vyborov prezidenta Rossii — 2008 // Vestn. Chelyab. gos. un-ta. 2010. № 21 (202). S. 124—129.

41. Tsybina N. A. Kognitivnye strategii sozdaniya negativnogo obraza Rossii v amerikanskikh SMI pri osveshchenii gazovogo konflikta // Vestn. Chelyab. gos. un-ta. 2015. № 27 (382). S. 179—184. (Filologicheskie nauki ; vyp. 98).

42. Shalifova O. N. Mediynnyy obraz Khillari Klinton i sredstva ego sozdaniya // Povolzhskiy pedagogicheskii vestnik. 2016. № 3 (12). S. 95—100.

43. Sharapova I. L. Rol' politicheskoy karikatury vo Frantsii kak katalizator politicheskoy bor'by // Vestn. Om. un-ta. 2013. № 3. S. 162—164.

44. Shustrova E. V. Yazykovaya igra v amerikanskoy politicheskoy karikature na Baraka Obamu // Politicheskaya lingvistika. 2012. № 4 (42). S. 52—64.

45. Shustrova E. V. Barak Obama i sovremennaya amerikanskaya karikatura : monogr. / Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2014. 370 s.

Цзюньхуэй Фэй
Гуанчжоу, Китай**СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ МЕТАФОР
В РУССКИХ И КИТАЙСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ**(на материале Послания Президента РФ Федеральному собранию
и Доклада Премьера Госсовета КНР о работе Правительства от 2016 г.)

АННОТАЦИЯ. Актуальность работы обусловлена расширением общественного участия в политической коммуникации и тем, что метафора стала действенным средством донесения до общества правительственного курса и влияния на социально-политическое сознание, а также обусловленным развитием глобализации ростом контактов между представителями во многом непохожих русской и китайской культур, что делает необходимым в том числе сравнительное рассмотрение метафор политического дискурса русского и китайского языков. Теоретическую основу исследования составляет теория Дж. Лакоффа и М. Джонсона о концептуальной метафоре, базирующаяся на когнитивно-дискурсивной парадигме. Материалом для исследования стали два сходных по жанру политических текста 2016 г. — стандартные ежегодные отчеты о работе руководства страны и планах подобной работы на будущее: Послание Президента РФ Федеральному собранию и Доклад Премьера Госсовета КНР о работе Правительства. Была поставлена цель выделить типы политической метафоры, уточнить ее функции в дискурсе, выявить когнитивные модели, сходства и различия между политико-культурными традициями России и Китая. Сравнительный анализ позволил установить значительное сходство концептуальных метафор по сферам-источникам в сопоставляемых текстах, специфичной для китайского текста стала только метафора со сферой-источником «Круг». Наряду с ней, в статье подробно анализируются два наиболее частотных типа метафоры (милитарная и строительная). Милитарные метафоры подчеркивают необходимость борьбы с отрицательными факторами, строительные выражают положительную оценку планов по развитию страны. Углубление культурных и экономических связей будет способствовать росту числа сходных концептуальных метафор в политических текстах разных культур.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политические тексты; политический дискурс; политическая метафорология; концептуальные метафоры; сопоставительное языкознание; русский язык; китайский язык.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Фэй Цзюньхуэй, кандидат филологических наук, старший преподаватель факультета русского языка Института европейских языков и культур, Гуандунский университет иностранных языков и внешней торговли; 510420, Китай, пров. Гуандун, пр-т Байюндао, д. 2; e-mail: 69230854@qq.com.

С 70-х гг. XX в. было проведено много исследований, выявляющих функции метафоры в различных областях, включая и политическую сферу, где метафора используется как эффективный инструмент воздействия на аудиторию. Поскольку многие политические концепции являются относительно абстрактными и расплывчатыми, политики часто характеризуют сложные политические проблемы с помощью метафор, осмысливают и объясняют политические понятия метафорически. В связи с этим метафора представляет собой важное средство формирования образа политической реальности. Вследствие развития общества в целом и сферы СМИ в частности всё больше и больше людей участвует в политическом общении. Метафора стала действенным средством донесения до общества правительственного курса и влияния на социально-политическое сознание. Роль метафоры в политическом дискурсе не ограничивается приданием речи выразительности и образности. В качестве основных функций метафоры в политической коммуникации, помимо художественной, или эстетической, выделяют коммуникативную, когнитивную и прагматическую. Как считает Н. О. Празян, «мета-

фора делает речь более образной и экспрессивной, она позволяет передать информацию в наиболее доступной для адресата форме, объяснять сложные политические явления посредством более простых и знакомых адресату реалий» [Празян 2009: 196]. Исследование метафоры в политическом дискурсе является на сегодняшний день одним из самых динамично развивающихся направлений лингвистики.

Теория концептуальной метафоры, предложенная Дж. Лакоффом и М. Джонсоном в 1980 г., переосмыслила прежние представления о метафоре и провозгласила метафору основной формой мышления: метафора не только оказывает влияние на языковое выражение, но и структурирует мысли человека и даже воздействует на его поступки. Концептуальная метафора в политическом дискурсе — одно из важных средств формирования и передачи идей, она эффективно представляет концепцию, передает мысль, убеждает читателей или слушателей и выражает идеологические установки. Таким образом, она скрыто влияет на массовое сознание, выполняет функцию убеждения [У Даньпин, Пан Цзисянь 2011: 38]. Своеобразие концептуальной ме-

本文广东省哲学社会科学“十三五”规划2017年度一般项目《俄罗斯总统国情咨文的政治话语功能研究》(GD17CWW09)的阶段性成果。

Статья подготовлена при поддержке гранта 13-го пятилетнего плана в области философии и общественных наук провинции Гуандун в 2017 г.: проект GD17CWW09 «Исследование политического дискурса современной России: Послание Президента России Федеральному собранию РФ».

тафоры, следовательно, состоит в том, что в ее основе «лежат не значения слов и не объективно существующие категории, а сформировавшиеся в сознании человека концепты. Эти концепты содержат представления человека о свойствах самого человека и окружающего его мира» [Чудинов 2001: 52].

Рассматриваемые в статье Послание Президента РФ и Доклад Премьера Госсовета КНР представляют собой четко структурированные, формализованные политические тексты. Оба они являются стандартными формами ежегодного отчета о работе руководства страны и планах подобной работы на будущее. Они обладают в целом аналогичными структурой и содержанием. В настоящем исследовании предложен опыт сопоставления моделей концептуальной метафоры в текстах Послания Президента России в 2016 г. и Доклада Премьера о работе Правительства Китая за тот же год, рассмотрены разные типы политической метафоры с целью уточнения ее функций в соответствующем дискурсе, выявления когнитивных моделей, установления различий и сходств между политико-культурными традициями России и Китая.

Политические и социальные системы России и Китая в основном различаются, равно как российская и китайская политические культуры. Однако сравнительный анализ отобранных материалов позволил установить значительное сходство концептуальных метафор в сопоставляемых текстах (табл.). В настоящей работе сквозь призму теории концептуальной метафоры главным образом анализируются два основных вида

метафоры (милитарная и строительная), употребление которых в обоих текстах характеризуется высокой частотностью. Кроме того, выделен особый вид метафоры — со сферой-источником «Круг», — которая встречается только в китайском тексте.

Милитарную метафору можно считать одной из наиболее изученных, ее исследованием много занимались как в России, так и за ее пределами [Чудинов 2001: 238]. Популярность данной метафоры связана с тем, что она хорошо понятна всем людям, вне зависимости от их национальности. И в русских, и в китайских текстах представлено большое количество употреблений милитарной метафоры, которая выражает силу воли и решимость в преодолении трудностей. Ключевыми при употреблении милитарной метафоры становятся такие слова, как *лагерь, борьба, стратегия, укрепление, наступать, обороняться*, связанные с соответствующей концептуальной метафорой: «развитие страны — борьба против всяческих отрицательных факторов, создающих проблемы». В милитарной метафоре новую понятийную область составляют *несчастье, коррупция, терроризм* и т. п., соответствующие *врагу* в исходной понятийной области; цель борьбы — защита достижений государственного строительства и укрепление безопасности людей. Использование милитарных концептуальных метафор демонстрирует ключевые принципы управления государством, усиливает патриотические настроения людей и отражает вектор развития страны.

Приведем примеры из Послания и из Доклада.

Таблица

Виды метафор и частотность их употребления в анализируемых текстах

Виды метафор	Частотность употребления	
	в Послании Президента РФ Федеральному собранию 2016 г.	в Докладе Премьера Госсовета КНР о работе Правительства 2016 г.
Милитарная метафора	12 / 18,2 % (1 место)	62 / 11,1 % (3 место)
Строительная метафора	11 / 16,7 % (2 место)	185 / 33 % (1 место)
Морбиальная метафора	9 / 13,6 % (3 место)	7 / 1,3 % (10 место)
Спортивная метафора	8 / 12,1 % (4 место)	7 / 1,3 % (11 место)
Метафора организма	7 / 10,6 % (5 место)	13 / 2,3 % (7 место)
Метафора стихии	5 / 7,6 % (6 место)	10 / 1,8 % (9 место)
Метафора механизма	3 / 4,5 % (7 место)	11 / 2 % (8 место)
Метафора движения	3 / 4,5 % (8 место)	179 / 32 % (2 место)
Театральная метафора	3 / 4,5 % (9 место)	6 / 1,1 % (12 место)
Семейная метафора	2 / 3 % (10 место)	17 / 3 % (6 место)
Метафора науки	2 / 3 % (11 место)	4 / 0,7 % (13 место)
Фитоморфная метафора	1 / 1,5 % (12 место)	31 / 5,5 % (4 место)
Метафора со сферой-источником «Круг»	0 / 0 %	28 / 5 % (5 место)
Всего	66 / 100 %	560 / 100 %

1. Не говорю, что всё, что делается за рубежом, нам нужно слепо копировать, тем более что российская экономика и ее структура существенно отличаются от других стран, которые применяют такие меры, но проанализировать всю эту практику, **взять на вооружение всё то, что нам подходит, можно и нужно** (В. В. Путин).

2. Кстати говоря, мы видим, какую работу проводят сотрудники специальных служб и подразделений и внутри страны по **борьбе с террором** (В. В. Путин).

3. Ужесточен административный и аудиторско-ревизионный контроль, всемерно продвинута работа по улучшению партийного имиджа, созданию неподкупного аппарата и **борьбе с коррупцией**, благодаря чему ряд коррупционеров понес наказание (Ли Кэцян).

4. Комплексно анализируя обстановку во всех сферах, мы пришли к выводу, что в нынешнем году у нас на пути развития **налицо более серьезные трудности и более суровые вызовы, поэтому мы должны полностью подготовиться к ведению ожесточенной борьбы** (Ли Кэцян).

Строительная метафора известна с древнейших времен и активно используется не только в политическом дискурсе, но и вообще в речи. Появление подобных метафор относится к тому моменту, когда люди перестали жить в пещерах [Иванов, Топоров 1965: 246]. Данная метафора характеризуется высокой продуктивностью и развешиваемостью, нацелена на широкую аудиторию. Сооружение представляет собой жизненное пространство, организованное на основе научных и эстетических правил с использованием технических средств для удовлетворения практических потребностей человека и общества. Государство уподобляется большому сооружению, строительство государства требует планирования, тщательного выбора материалов и строителей в целях обеспечения стабильности национального развития. Как в русском, так и в китайском текстах идея развития страны выражается в строительной метафоре. Например, ключевыми могут стать слова *основа, опора, объект, конструктор* и т. д. Метафора данного типа помогает людям ясно и отчетливо понимать абстрактные концепции государственного и общественного развития. В русском и в китайском текстах использование строительной метафоры, как правило, служит выражению положительной оценки — отображает грандиозный план развития страны и мобилизует народ на строительство процветающего общества. Например:

1. **Партия имеет конституционное большинство в Госдуме, является главной опорой Правительства в парламенте** (В. В. Путин).

2. **Вижу в молодом поколении надежную, прочную опору России в бурном, сложном XXI веке** (В. В. Путин).

3. **На основе постоянного повышения народного благосостояния обеспечить всему народу совместное пользование плодами развития** (Ли Кэцян).

4. Трансформируя движущие силы, необходимо стимулировать переход модели развития к **большей опоре** на человеческие и кадровые ресурсы, а также на инновации (Ли Кэцян).

Метафорическая модель «кольца», или «круга», обладает заметной национально-культурной спецификой, за счет чего особенно близка целевой аудитории. Метафора круга представляет собой специфически китайскую концептуальную метафору. Образ кольца относится к ключевым в социально-политическом сознании китайского народа и обладает сильной эмотивной коннотативной семантикой. Китайцы считают, что круг символизирует связь Неба и земли, солнце, единство, целостность и счастье. С метафорическим образом круга в китайском политическом лингвистическом корпусе связана лингвокультурная концепция «единства природы и человека». Метафора описывает единство, единое целое: в центре круга находится Правительство Китая, с ним соединяются расположенные со всех сторон народы страны, а по краю кругом расположена «Великая стальная стена», состоящая из армии, солдат. В соответствии с этой концептуальной структурой, Коммунистическая партия Китая считается центром общества, народные массы объединяются вокруг этого центра для общенационального развития. Тем самым формируется метафорический образ кольца. Подобная «кольцевая» метафора отсутствовала в русском тексте, поскольку не характерна для менталитета россиян.

Приведем примеры:

1. **Сокращение разрыва в уровне развития города и села, а также регионов — важная задача регулирования структуры экономики и в то же время ключ к раскрытию потенциала развития. Необходимо последовательно продвигать урбанизацию нового типа, ставящую человека в центр внимания** (Ли Кэцян).

2. **Давайте еще теснее сплотимся вокруг ЦК партии во главе с его Генеральным секретарем товарищем Си Цзиньпином, соберем все наши силы и со всей энер-**

гией устремимся вперед (Ли Кэцян).

В исследовании Теренса Хоукса приводятся три объяснения сходства концептуальных метафор в разных языках: во-первых, часто совпадения являются полностью случайными; во-вторых, один язык может калькировать (копировать) метафоры другого; в-третьих, при глубоком анализе становится очевидным существование универсалий, общих для разных культур [Hawkes 1972: 165]. Автор считает третье объяснение особенно важным. Сходства концептуальных метафор в русских и китайских политических текстах обусловлены общими чертами логики человеческого мышления и ее выражения. Политические тексты обладают интенциональностью и другими специфичными чертами. По результатам исследования, в рассматриваемых русском и китайском текстах сходство демонстрируют 12 типов метафоры.

В ходе исследования были выявлены и различия между концептуальными метафорами в русском и китайском политическом дискурсе. Отчасти они объясняются разницей языков: русский язык принадлежит к индоевропейской языковой семье, китайский — к китайско-тибетской, русский язык относится к синтетическому структурному типу языков, китайский — к аналитическому. Между русским и китайским языками существует много различий в формах языкового выражения значений и языковых структурах. Кроме того, несовпадение концептуальных метафор, призванных облегчать понимание политических концепций в разных языках, является следствием разницы социальных и культурных корней отличающихся друг от друга лингвокультур. Язык является зеркалом, отражающим духовную культуру. Согласно упоминавшейся теории Дж. Лакоффа, метафорическое отражение характеризуется всеобщностью в плане официального признания социумом и исключительностью в аспекте духовной культуры [Лакофф 1990: 245]. Сравнение абстрактной политической жизни государства с хорошо знакомой народу реальной бытовой жизнью делает отвлеченные концепции политического дискурса образными и живыми [Жэнь Шаоцзэн 2006: 10]. В когнитивной лингвистике считается, что формирование метафоры представляет собой мыслительный процесс (формирование новых концептов) и когнитивный процесс, направленный на познание мира на основе эмпирического опыта. Люди как когнитивные субъекты, представляющие разные культуры и живущие в объективном мире, участвуют в обоих этих процессах. Кроме того, можно предполагать, что значительную

роль в познании мира играет фактор различия культур у этнических групп, участвующих в подобных процессах. Сравнение метафор в разных национальных языках позволяет не только выявить общие когнитивные модели мыслительных процессов, характерные для разных этносов, но и пролить свет на особенности этнического самосознания, этнические нормы, ценности и в целом национальную картину мира.

В статье были рассмотрены с когнитивной и культурологической точек зрения концептуальные метафоры в Послании Президента РФ Федеральному собранию и Докладе Премьера Госсовета КНР о работе Правительства от 2016 г., выявлены различия и сходства между концептуальными метафорами и причины возникновения этих различий и сходств. Предполагаем, что различия между концептуальными метафорами в политических текстах будут существовать всегда: это следует из существенного различия культур. Необходимо отметить, что культурные контакты и связи будут углубляться по мере распространения экономической глобализации, роста интенсивности экономического и культурного обмена между странами и распространения культурного опыта. Эффективно формулы политических текстов на разных языках латентно влияют друг на друга, и вероятность использования сходных концептуальных метафор будет расти. Субъективно появление сходных метафор способствует живой и точной передаче политических идей и концепций, а также характерных особенностей разных культур и социальных традиций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аникин Е. Е., Будаев Э. В., Чудинов А. П. Историческая динамика метафорических систем в политической коммуникации России // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. № 3 (44). С. 26—32.
2. Белова В. Ф., Зюбина И. А., Лесняк М. В., Матвеева Г. Г. Универсальный характер коммуникативных стратегий в парламентских дебатах // Политическая лингвистика. 2016. № 3 (57). С. 53—60.
3. Будаев Э. В. Динамические характеристики метафор болезни в российских СМИ // Имплицитные и эксплицитные стратегии в восточноевропейском политическом дискурсе: материалы рос. секции междунар. конф. «Ain't misbehavin'? Implicit and explicit strategies in Eastern European political discourse» / под ред. А. П. Чудинова, Э. В. Будаева; Урал. гос. пед. ун-т, Цюрих. ун-т. — Екатеринбург, 2014. С. 32—38.
4. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Метафора в политическом интердискурсе. — Екатеринбург: УрГПУ, 2006. 213 с.
5. Жэнь Шаоцзэн. Концептуальная метафора и ее выражение в тексте. Многосторонний анализ текстов с концептуальной метафорой // Иностранные языки и преподавание иностранных языков. 2006. № 10. С. 17.
6. Иванов В. В., Топоров В. Н. Славянские языковые моделирующие семиотические системы (древний период). — М., 1965.
7. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. — М., 1990.
8. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы жи-

вем : пер. с англ. — М. : Едиториал УРСС, 2004. 256 с.

9. Празян Н. О. Использование метафоры в речи политических лидеров (на примере метафоры движения в выступлениях президента США Барака Обамы) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2009. № 4.

10. У Даныпин, Пан Цзисянь. Функция убеждения и стратегия метафорического дискурса в политическом тексте // Иностранные языки и преподавание иностранных языков. 2011. № 4. С. 38.

11. Чудинов А. П. Методика сопоставительного исследования политической метафоры // Имплицитные и эксплицитные стратегии в восточноевропейском политическом дискурсе : материалы рос. секции междунар. конф. «Ain't misbehavin'?

Implicit and explicit strategies in Eastern European political discourse» / под ред. А. П. Чудинова, Э. В. Будаева ; Урал. гос. пед. ун-т, Цюрих. ун-т. — Екатеринбург, 2014. С. 161—170.

12. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991—2000) : моногр. / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2001.

13. Ян Кэ. Политическая фразеология китайского языка: семантика и функционирование // Политическая лингвистика. 2016. № 1 (55). С. 51—57.

14. De Leonardis F. War as a Medicine: The Medical Metaphor in Contemporary Italian Political Language // Social Semiotics. 2008. Vol. 18, No. 1. P. 33—45.

15. Hawkes Terence. Metaphor. — London : Methuen, 1972.

Junhui Fei

Guangzhou, China

COMPARATIVE ANALYSIS OF CONCEPTUAL METAPHOR IN RUSSIAN AND CHINESE POLITICAL TEXTS (based on Presidential Address to the Federal Assembly and the Chinese Premier's Government Work Report of 2016)

ABSTRACT. The urgency of this research is explained by two factors. First of all it is the growing interest of people in political communication and by the fact that metaphor is an efficient tool to explain political course of the county and to manipulate socio-political consciousness. Secondly, it is expansion of contacts between the Russian and Chinese cultures due to globalization processes. All these factors make the comparative study of metaphors in Russian and Chinese political discourses especially important. The theoretical basis of this research is G. Lakoff and M. Johnson's theory of conceptual metaphor based on cognitive-discursive paradigm. The material for this research is made of two political texts of the similar genre released in 2016, these are standard reports of the work of the government in the previous year and plans for the future. In Russia it is Presidential Address to the Federal Assembly; in China — Premiere's Government Work Report. The goal is to identify the types of political metaphors, to reveal the functions of metaphors in political discourse, to reveal the cognitive models, similarities and differences between political and cultural traditions in Russian and China. Comparative analysis revealed many similarities between conceptual metaphors from the point of view of their source-domains; the only difference of Chinese text is the metaphor with the source-domain "Circle". The most frequent metaphors are military and building metaphors; their detailed analysis is undertaken. Military metaphors emphasize the importance of a fight against the negative factors; building metaphors express positive evaluation of the country development. Expansion of cultural and economic contacts between the countries is the reason for the similarities in conceptual metaphors in political texts belonging to different cultures.

KEYWORDS: political texts; political discourse; political metaphorology; conceptual metaphors; comparative linguistics; Russian language; Chinese language.

ABOUT THE AUTHOR: Fei Junhui, Candidate of Philology, Senior Lecturer of the Faculty of the Russian Language at the Institute of European Languages and Cultures, Guangdong University of Foreign Studies, Guangzhou, China.

REFERENCES

1. Anikin E. E., Budaev E. V., Chudinov A. P. Istoricheskaya dinamika metaforicheskikh sistem v politicheskoy kommunikatsii Rossii // Voprosy kognitivnoy lingvistiki. 2015. № 3 (44). S. 26—32.

2. Belova V. F., Zyubina I. A., Lesnyak M. V., Matveeva G. G. Universal'nyy kharakter kommunikativnykh strategiy v parlamentskikh debatakh // Politicheskaya lingvistika. 2016. № 3 (57). S. 53—60.

3. Budaev E. V. Dinamicheskie kharakteristiki metafor bolezni v rossiyskikh SMI // Implitsitnye i eksplitsitnye strategii v vostochnoevropeyskom politicheskom diskurse : materialy ros. sektsii mezhdunar. konf. «Ain't misbehavin'»? Implicit and explicit strategies in Eastern European political discourse» / pod red. A. P. Chudinova, E. V. Budaeva ; Ural. gos. ped. un-t, Tsyurikh. un-t. — Ekaterinburg, 2014. S. 32—38.

4. Budaev E. V., Chudinov A. P. Metafora v politicheskom interdiskurse. — Ekaterinburg : UrGPU, 2006. 213 s.

5. Zhen' Shaotszen. Kontseptual'naya metafora i ee vyrazhenie v tekste. Mnogostoronniy analiz tekstov s kontseptual'noy metaforoy // Inostrannye yazyki i prepodavanie inostrannykh yazykov. 2006. № 10. S. 17.

6. Ivanov V. V., Toporov V. N. Slavyanskije yazykovye modeliruyushchie semioticheskie sistemy (drevniy period). — M., 1965.

7. Lakoff Dzh., Dzhonson M. Metafori, kotorymi my zhivem // Teoriya metafori. — M., 1990.

8. Lakoff Dzh., Dzhonson M. Metafori, kotorymi my zhivem : per. s angl. — M. : Editorial URSS, 2004. 256 s.

9. Prazyan N. O. Ispol'zovanie metafori v rechi politicheskikh liderov (na primere metafori dvizheniya v vystupleniyakh prezidenta SShA Baraka Obamy) // Problemy istorii, filologii, kul'tury. 2009. № 4.

10. U Dan'pin, Pan Tszisyan'. Funktsiya ubezhdeniya i strategiya metaforicheskogo diskursa v politicheskom tekste // Inostrannye yazyki i prepodavanie inostrannykh yazykov. 2011. № 4. S. 38.

11. Chudinov A. P. Metodika sopostavitel'nogo issledovaniya politicheskoy metafori // Implitsitnye i eksplitsitnye strategii v vostochnoevropeyskom politicheskom diskurse : materialy ros. sektsii mezhdunar. konf. «Ain't misbehavin'»? Implicit and explicit strategies in Eastern European political discourse» / pod red. A. P. Chudinova, E. V. Budaeva ; Ural. gos. ped. un-t, Tsyurikh. un-t. — Ekaterinburg, 2014. S. 161—170.

12. Chudinov A. P. Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoy metafori (1991—2000) : monogr. / Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2001.

13. Yan Ke. Politicheskaya frazeologiya kitayskogo yazyka: semantika i funktsionirovanie // Politicheskaya lingvistika. 2016. № 1 (55). S. 51—57.

14. De Leonardis F. War as a Medicine: The Medical Metaphor in Contemporary Italian Political Language // Social Semiotics. 2008. Vol. 18, No. 1. P. 33—45.

15. Hawkes Terence. Metaphor. — London : Methuen, 1972.

РАЗДЕЛ 3. ЯЗЫК — ПОЛИТИКА — КУЛЬТУРА

УДК 81'272
ББК Ш100.621

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.19

Е. А. Картушина
Москва, Россия

ЯЗЫКОВОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ СТАТУСА МИНОРИТАРНЫХ ЯЗЫКОВ В УСЛОВИЯХ МНОГОЯЗЫЧИЯ (НА ПРИМЕРЕ ФИНЛЯНДИИ)

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается многоязычие как феномен современной реальности глобализующегося мира и как фактор, который необходимо учесть при языковом планировании. В центре внимания автора статьи языковое планирование в отношении статуса языка. Данный тип языкового планирования, помимо учета языков в образовательной политике и фиксации методами корпусной лингвистики, играет важную роль в языковой политике государства. Основная проблема учета многоязычия при реализации мер языкового планирования видится в уместности отражения статуса каждого идиома в официальной политике (придания статуса официального или миноритарного языка). Выбор языковой ситуации в Финляндии для социолингвистического анализа стал не случайным. Учитывая давнее существование двух официальных языков и большого количества миноритарных компонентов языковой ситуации (включая языки малочисленных народов, например, языки саами), языковая политика Финляндии сталкивается с необходимостью преодоления многих сложностей. Во-первых, это трудности социально-идеологического характера, связанные с принятием другого языка и с языковой нормой титульного языка. Во-вторых, это трудности правового порядка, к которым относится необходимость выполнения соглашений и договоров, которые подписала страна, и приведения языкового планирования в соответствие с ними. Языковое планирование в аспекте статуса языка отражается не только на законодательном уровне определенного государства, но и в международном праве. Проанализировав те миноритарные языки, которые так или иначе отражены в законодательстве Финляндии (среди них шведский, цыганский и язык глухих), автор статьи приводит данные опроса русскоязычного населения Финляндии. Исследование проводилось в начале года. Целью опроса было определение степени необходимости признания на официальном уровне русского языка как миноритарного при языковом планировании в Финляндии. В заключении делается вывод об адекватности мер языкового планирования в отношении статуса языков современным условиям многоязычия. Отмечается различие между юридическим, официальным статусом языков и их практической значимостью в определенной языковой ситуации. Возможным решением данного противоречия может стать социолингвистическое описание применения того варианта языка, который используется в определенной языковой ситуации, и прагматическое восприятие языка его пользователями. По всей вероятности, в данном случае мы имеем дело с ситуацией полиглоссии (по аналогии с термином «диглоссия», предложенным Ч. Фергюсоном), при которой существует множество «низких» языков, используемых в малораспространенных сферах, наряду с «высоким» языком, являющимся титульным, национальным и имеющим тенденцию к использованию во всех сферах применения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: языковая ситуация; языковая политика; статус языка; многоязычие; языковое планирование.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Картушина Елена Александровна, кандидат филологических наук, заведующий сектором иностранных языков кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина; 117485, Москва, ул. Академика Волгина, 6; e-mail: eakartushina@gmail.com.

В эпоху глобализации меняется ареал распространения языков, на территории многих государств появляются языки, присутствие которых еще несколько лет назад было сложно предугадать. Мировые языки начинают конкурировать с национальными, происходит изменение их функций и «сфер влияния», что, в свою очередь, сказывается на языковой ситуации и требует ее постоянного изучения в условиях многоязычия. Именно это обстоятельство и делает изучение языковой политики актуальным.

Целью данной статьи мы ставим рассмотрение степени адекватности тех мер языкового планирования (как одного из аспектов языковой политики), которые могут предприниматься в связи с фактическим изменением языковой ситуации в условиях многоязычия. Прежде всего имеется в виду планирование в отношении статуса языков — те меры, которые направлены на официальное признание статуса определенного идиома (языка) в отдельно взятой языковой ситуации.

Планирование в отношении статуса языков, так же как и учет идиома на всех уровнях образования и при исследованиях методами корпусной лингвистики, является важным ас-

пектом языковой политики любого государства. Подобное разграничение направлений языковой политики, по всей вероятности, берет свое начало в трудах Х. Клосса и А. Вердота, которые предложили проводить границу между планированием статуса языка (определением статуса и функциями идиома языковой ситуации) и планированием корпуса (определением языковых норм — выбор письменности, орфографии, лексики и грамматики) [Kloss, Verdoodt 1969]. Позднее Р. Купер [Cooper 1989] добавил к этим двум сферам третью — языковое планирование в сфере образования. Указанные три типа мер языкового планирования в совокупности и составляют языковую политику государства.

Рассмотрение мер планирования в области статуса языка проводится на примере Финляндии, выбор которой обусловлен длительной историей двуязычия и наличием среди компонентов языковой ситуации не только титульного (национального) языка, но и большого количества миноритарных языков, в том числе и вымирающих (некоторые языки саами).

Основная сложность, которую представляет собой реализация мер языкового пла-

нирования статуса языков, — это официальное признание на разных уровнях (законодательном, образовательном или лишь в соответствии с внутренними документами определенной организации) той практической роли, которую определенный идиом выполняет в языковой ситуации.

Первичным для решения этой проблемы в многокомпонентной языковой ситуации является отношение к самому феномену многоязычия. Как правило, многоязычие воспринималось исследователями положительно, что отразилось, в частности, в Европейской хартии о региональных и миноритарных языках (подписанной в Страсбурге в 1992 году) и, позднее, в поддержке многоязычия как стратегии ЕС [Картушина 2016].

Однако современные теории демонстрируют и критические замечания при описании многоязычия как феномена. В частности, ряд исследователей (И. Блумарт, С. Леппанен, М. Спотти) указывают на скрытую опасность многоязычия [Blommaert, Leppänen, Spotti 2012]. Основную сложность присутствия многих языков в определенном социуме исследователи видят в неразрешенных противоречиях между традициями, существующими в определенном сообществе, и современными тенденциями перемещения языков и культур. Кроме того, многоязычие соотносится с парадоксом соотношения языка и культуры в количественном отношении — с тем противоречием, о котором говорил Э. Сепир: одна культура не всегда соответствует одному языку, а, напротив, один язык может соотноситься с несколькими культурами и одна культура может соотноситься с несколькими языками [Ibid.: 7]. Многоязычие как реальность современного общества вторгается в устойчивую систему анахронизмов, присущих любому обществу, что, в свою очередь, связано с противоборством порядка и хаоса, нормы и аномалии [Ibid.: 9].

Это одна группа сложностей реализации принципа многоязычия на практике, которая относится к социокультурному, идеологическому аспекту функционирования языков, но существует и другой аспект, связанный с формальными принципами языкового планирования. Речь идет прежде всего о тех принципах, которые составляют основу языковой политики. Первый принцип, который выделяется социолингвистами [Williams 1992; Makoni, Pennycook 2007; Bloomaert 1999], — это принцип учета меньшего количества языков при языковом планировании (по терминологии И. Блумарта — принцип олиголингвизма). Вторая исходная предпосылка языковой политики — это принцип эффективности и лояльности, согласно ко-

торому присутствующие на территории определенного государства языки должны быть ранжированы при языковой политике с учетом национальных интересов определенной социальной группы и с учетом их практической значимости и сфер распространения. Именно этим принципом и обусловлено появление языковых меньшинств и языковых прав [Bloomaert 2012].

Сложность в реализации языковой политики заключается в необходимости соответствовать общей направленности национальной, социальной и, в некоторых случаях, международной политики. Языковая политика определяется действием двух векторов — вектора текущего использования определенного языка и общеполитического вектора.

Таким образом, при рассмотрении степени адекватности мер языкового планирования необходимо следить за их соответствием указанным выше принципам, но в то же время возникает вопрос наличия определенных критериев оценки эффективности мер языкового планирования на предмет соответствия основным предпосылкам. Можно ли считать меры языкового планирования адекватными, если каждый присутствующий язык учитывается в образовательной политике и создается корпус языка? Или необходимо закреплять статус каждого языка на законодательном уровне? В зависимости от того, как решаются эти вопросы при реализации мер языкового планирования, можно выделить рекреационную или агрессивную языковую политику.

Языковое планирование Финляндии можно скорее охарактеризовать как рекреационное, т. е. ориентированное на поддержание исторически устоявшихся статусов языков.

Другой аспект, который может затруднить адекватное языковое планирование, относится к юридическим сложностям, а именно необходимости выполнения многих внутригосударственных и международных договоров. Помимо законов о языке, существуют другие законодательные акты и постановления (не говоря о Конституции), которые регулируют использование языков: Акт об административном производстве (592/1982) законодательно предоставляет право каждого на перевод любой государственной услуги на свой родной язык. Акт о процедуре обсуждения и постановления решений государственных органов требует синхронного перевода на финский и шведский соответственно.

Кроме того, Финляндия связана многими международными соглашениями и аналогичными документами для группы Северных стран: Соглашение о северных языках

(1987); Общее соглашение между Финляндией и Россией (1992), а также соглашениями и обязательствами Совета Европы о правах человека (1990) и о миноритарных языках (1998), соглашениями ООН. Таким образом, планирование в отношении статуса языков в Финляндии должно не только основываться на анализе практической языковой ситуации, но и не идти вразрез с многочисленными законами и постановлениями как государственного, так и международного уровня.

Говоря о внутригосударственных документах, нельзя не упомянуть Закон о языках саами [Saami Language Act 1991], согласно которому на территории Лапландии языки саами признаются официальными. К тому же в Законе о языке 2004 упоминается еще два языка — цыганский и язык глухих, которые, согласно этому закону Финляндской Республики, имеют ратифицированный статус миноритарных языков.

Присутствие большого числа идиомов в языковой ситуации отнюдь не означает, что каждый из них должен иметь официальный статус. Ниже мы рассмотрим статусное языковое планирование в отношении официально (законодательно) признанных языков Финляндии и уточним условия и степень необходимости признания русского языка в качестве миноритарного языка Финляндии.

Языковое планирование в отношении шведского языка в Финляндии

В Финляндии было принято два закона о языке с разницей во времени в восемьдесят лет — в 1922 и 2004 г. Оба закона о языке призваны решить задачи статусного планирования двух официальных языков — финского и шведского, однако социальная реальность, исторический контекст различались. В начале прошлого века Закон о языке в Финляндии был нацелен на законодательное закрепление позиций финского языка. В начале этого века появление других языков на территории Финляндии (в связи с миграцией, идеологическим влиянием глобализации, усилением позиций английского языка в организационной коммуникации и образовании) вызвало необходимость законодательно закрепить позиции шведского языка как второго государственного языка в Финляндии.

Другое отличие Закона о языке 2004 г. касается сфер использования языка. Закон о языке 1922 г. в Финляндии прописывает использование родного языка (финского или шведского) в суде, однако закон 2004 г. упоминает, что использование родного языка не распространяется на университеты, лютеранскую и православную церкви [Kielilaki 2004]. Оба закона о языке признают право

на использование языков при судебном разбирательстве и при получении медицинских услуг.

Статусное планирование языковой политики Финляндии реализуется и в Законе об обязательном образовании (согласно которому школьник, помимо финского языка, имеет право два академических часа в неделю изучать свой родной язык), Законе об университетах (согласно которому магистерскую и докторскую диссертации можно защитить на родном языке с синхронным переводом на финский или шведский) и Законе о муниципалитетах (согласно которому округ может быть признан двуязычным, если не менее 8 % населения округа говорит на втором языке — финском или шведском).

Однако встречаются мнения, что при признании округа одноязычным происходит нарушение п. 17 Конституции Финляндии, который гласит: «Право каждого использовать родной язык, финский или шведский, в суде или других органах государственной власти гарантируется соответствующим Законом. Государственные органы должны обеспечивать культурные и социальные нужды финноязычного и шведоязычного населения страны на равноправной основе».

Таким образом, статусное планирование в отношении двух официальных языков, финского и шведского, на территории Финляндии должно прежде всего основываться на необходимости обеспечить конституционное право, и любое противоборство этих двух языков всегда будет связано с боязнью нарушить Конституцию, а не просто в некотором роде «уйти от устаревающей традиции». Как отмечается в работе Макрея, в результате языкового конфликта финского и шведского языков никогда не будет убитых и раненых, он всегда будет лишь словесной баталией [McRae 1997].

Стоит также отметить, что на языковое планирование, и в первую очередь статусное планирование, оказывает влияние и существующая идеология, в том числе и языковая идеология в отношении другого языка. Мы имеем в виду в том числе и изменение отношения к билингвизму — отношение к нему в лучшую сторону стало меняться в конце XX — начале XXI в. Этот процесс отразился и в социальном принятии двух языков на территории Финляндии.

Языковое планирование в отношении языков саами

Поскольку статусное языковое планирование не ограничивается только Конституцией, а включает и многие другие законодательные акты, то де-факто это может привести к противоречию: статус языка в разных

документах может не совпадать. Это относится в том числе и к шведскому языку на территории Финляндии. В частности, при ратификации Европейской хартии региональных языков и языков меньшинств Финляндия внесла в список последних шведский, саамский и цыганский языки, отметив, что в отношении языков саами как региональных языков будет применяться 59-е положение Хартии, а в отношении шведского как менее распространенного официального — 65-е положение [Kielilaki 2004]. С одной стороны, это показывает большую значимость шведского языка, чем языка саами, но, с другой стороны, ставит шведский в один ряд с региональными и миноритарными языками и языками меньшинств.

Проблема при определении статуса языка саами заключается в многообразии форм данного языка. Кроме того, поскольку языковые контакты среди саами начались сравнительно недавно, не было необходимости в создании какого-то одного стандартного языка саами. Концентрация усилий на отстаивании своих прав и свобод как малочисленных народов приводит и к необходимости отстаивать статус своего языка.

Два рассмотренных выше обстоятельства — стремление поддерживать свой вариант национального языка и отсутствие стремления прийти к одному варианту литературного языка — могут также быть следствием смены политики ассимиляции, которая проводилась правительством Финляндии вплоть до 1970-х гг. В рамках данной политики предполагалось, что народности саами должны стать частью финского национально-культурного сообщества. Впоследствии, после признания саами территориальным меньшинством, их язык и культура считаются в определенной степени изолированными от титульного на территории Финляндии языка и соответствующей культуры.

Нельзя не обратить внимание на достаточно устоявшийся термин в отношении языков саами — вариант языка саами или язык саами (*saami kieli*). Возможно, отсутствие четких критериев выделения диалекта, отсутствие однозначного решения проблемы языка и диалекта в лингвистике — все эти факторы способствовали закреплению именно такого термина, *вариант* языка саами.

Отстаивание определенного варианта языка саами имеет еще одно следствие — отсутствие нормативного языка. Как правило, нормированный язык имеет наддиалектную форму, поскольку возникает как смесь

диалектов, основываясь в большинстве случаев на койне столичного региона. В случае с языками саами этому, во многом естественному процессу развития языка препятствуют следующие факторы:

1) существование на всех территориях проживания народностей саами других национальных языков — финского, шведского, двух вариантов норвежского и русского, которые и выполняют объединяющую функцию в коммуникации этих народностей;

2) статусное планирование в рамках языковой политики Финляндии, направленное на поддержание языкового разнообразия, результатом чего становится стремление даже на уровне муниципальных документов считать любой территориальный вариант языка саами именно языком;

3) отсутствие социальной вариативности в языках саами: любая вариативность сводится исключительно к территориальной, а социальная вариативность практически исключается в силу однородности народностей саами по социальному составу.

Примечательно также, что названия языкам саами даются часто на основе географического расположения той области, в которой данный язык распространен, или по названию части света. Например, на территории Финляндии самым распространенным является северосаамский язык, который, согласно данным Й. Юликоски [Ylikoski 2017], имеет все шансы стать наиболее распространенным стандартным языком саами.

Не вызывает сомнения направленность языковой политики Финляндии на поддержание вариативности и сохранение языков саами даже в письменной форме. Возможно, рекреационная языковая политика такого типа может быть следствием директивы ООН от 2004 г., направленной в адрес Финляндского правительства, указывающей на недостаточную степень поддержания языкового и культурного разнообразия и утверждающей необходимость оказания большей поддержки народностям саами в рамках национально-языковой политики.

Данная директива была вызвана подписанием со стороны Финляндии в 1998 г. Европейской хартии региональных и миноритарных языков, а также Всеобщей конвенции по защите национальных меньшинств. Согласно этим документам, Финляндия признавала саами территориальным меньшинством. Был также принят Акт о языках саами в 2007 г., согласно которому три варианта языка саами были признаны, но не имели такого же юридического статуса, как финский и шведский.

Языковое планирование Финляндии в отношении миноритарных языков: цыганский язык и язык глухих

Согласно Конституции Финляндии, цыгане (народность рома) имеют право развивать собственный язык и культуру. По данным М. Гронфорса [Grönfors 1995], цыгане как миноритарное сообщество долгое время не признавались в Финляндии, ровно как и в других странах. С 1750 по 1850 г. нередко были столкновения между финнами и цыганами на территории Финляндии. Впоследствии в отношении этой народности применялся также закон о бродяжничестве. Лишь в 1901 г., в связи с проведением политики ассимиляции, положение цыган в Финляндии стало улучшаться. В 1970—1990-х г., когда вступил в действие последний Закон о дискриминации, влияние данного национального меньшинства стало гораздо больше: улучшились их жилищные условия, начало действовать право продолжать образование, в системе общеобразовательных школ, стал преподаваться родной язык (два академических часа в неделю). С начала 1990-х годов, в связи с распространением идей о правах человека, большая часть населения Финляндии изменила свое отношение к национальным меньшинствам вообще и к народности рома в частности, одновременно с чем выросла степень осознания национальной идентичности со стороны национальных миноритарных сообществ. В 1997 г. в Положении об Исследовательском институте языков Финляндии появилась поправка, включившая исследования в области цыганского языка (Romani) и его литературной нормы [Grönfors 1995; Ollikainen 1995; Suonoja, Lindberg 1999].

Как уже отмечалось выше, в 1998 г. Финляндия подписала Европейскую хартию о региональных и миноритарных языках, согласно которой цыганский на территории Финляндии признавался языком нетерриториального меньшинства, а затем Рамочную конвенцию о защите национальных меньшинств, обязывающую Финляндию признать народность рома национальным меньшинством, традиционно проживающим на территории Финляндии. Это является точкой отсчета трансформации языковой политики Финляндии, применения целей и принципов Конвенции к цыганскому языку и другим нерегиональным языкам, используемым в Финляндии.

По данным [Grönfors 1995], цыганское меньшинство имеет двойную идентичность: как граждане Финляндии, они считают себя и румынскими цыганами, и финнами, и в то же время национальным меньшинством. В качестве аргумента они используют утверждение, что жили в Финляндии с XVI в. и могут

считать себя встроившимися в финскую культуру.

При этом цыганское меньшинство сохраняет свой язык (в Финляндии существуют школы с его преподаванием) и национальную принадлежность (даже в столичном регионе можно встретить женщин в темных бархатных юбках с регилином).

Однако в Конституции Финляндии (2000, § 17) встречается указание на еще один язык — язык глухих (жестовый язык), который не часто учитывается в языковой политике какого-либо государства. Основным законом Финляндии гарантируется право людей с ограниченным слухом на устный и письменный перевод на этом языке. Финляндия, таким образом, стала одной из семи стран, наряду с Эквадором, Португалией, ЮАР, Швейцарией, Венесуэлой и Угандой, в которых национальный вариант языка глухих охраняется Конституцией [Jokinen 2000]. Финляндия также стала первой европейской страной, в которой люди с ограниченным слухом стали считаться культурно-языковой группой с соответствующим статусом на законодательном уровне, что, несомненно, стало большим шагом вперед в установлении языкового равенства.

Тем не менее положение языка глухих не всегда было таким, поскольку языком он стал считаться в конце 60-х годов прошлого столетия, а в Финляндии в результате мер языкового планирования язык жестов получил официальный статус в конце 1990-х гг. [Lappi 2000]. В отношении языка глухих как языка нетерриториального меньшинства Финляндия на практике руководствуется теми же основными целями и принципами, что и по отношению к цыганскому языку.

Если рассматривать соответствие статуса языка глухих, представленного в нормативных документах, практической реализации принципов закона, то можно отметить достаточно хорошие условия и возможности для пользователей этого языка: право обучиться сурдопереводу в некоторых университетах, наличие учебных пособий для школьников и студентов, наличие словарей, курсов для глухих и для членов их семей, хотя возможность получить сурдоперевод не всегда предоставляется в каждом конкретном случае. Тем не менее в отношении языка глухих можно наблюдать большую толерантность, чем в отношении других миноритарных языков Финляндии.

Языковое планирование в отношении русского языка в Финляндии

Позиция Финляндии при ратификации Рамочной конвенции по защите национальных меньшинств не носила эксклюзивный

характер в отношении одной определенной народности и/или языка, а, напротив, касалась нескольких народностей и языков, среди которых, помимо народностей саами, цыган, евреев, татар, шведофиннов, указывались еще и «старые русские» (*vanha venäläiset*).

Согласно соглашению между Россией и Финляндией, подписанному в 1992 г., обе стороны гарантируют сохранение идентичности как русскоязычного меньшинства, проживающего в Финляндии, так и финноязычного меньшинства, проживающего в России. Русскоязычное население, проживающее в Финляндии, участвует в деятельности многих организаций, в основном неправительственных. В частности, русское население Финляндии имеет свою рабочую группу в Европейском бюро менее используемых языков. В 1992 г. была создана русская ассоциация «*Forumi*», а в 1999 г. — Ассоциация русскоязычного населения в Финляндии (*Suomen Venäjänkielisten Yhdistysten Liitto ry*). Основная цель работы данных организаций — добиться признания прав не только для финнов, имеющих русские корни, но и всех русских, проживающих в Финляндии.

Средства массмедиа на русском языке на данный момент ограничиваются еженедельной газетой «Спектр» и радиостанцией «Спутник» (все относятся к одному медиахолдингу). Государственная телерадиовещательная корпорация «YLE» также предоставляет новости на русском языке. В Интернете есть форум общения для русских — «Финляндия по-русски». В Хельсинки с 1995 г. существует русско-финская школа, а также сеть русско-финских детских садов. Русскоязычная молодежная организация Финляндии совместно с другими Скандинавскими странами с 2009 по 2013 г. выпускала ежеквартальный журнал «Айсбрейкер» (примечательно, что журнал назван по-английски), в материалах которого освещались проблемы русскоязычной молодежи в Скандинавских странах.

Несмотря на активную деятельность русскоязычных организаций и долгую историю соседства и сотрудничества Финляндии и России, официальное признание статуса русского языка пока остается весьма отдаленной перспективой в Финляндии. Среди причин этого, как указывается в работе [Mustajoki, Protasova 2015: 70], есть и религиозные различия, и несовпадения в приемлемом политическом строе (скандинавская демократия и склонность к тоталитаризму), и философские различия (материализм и спиритуализм), и даже различия в идеологии (вера в поступательное движение, а не

стремление положиться на другого в решении проблем). Авторы статьи также высказываются за необходимость официального признания русского языка в Финляндии. Основным доводом в пользу официального утверждения статуса русского языка в рамках мер статусного планирования языковой политики исследователи считают огромного масштаба товарооборот между двумя странами на протяжении достаточно долгой истории взаимодействия Финляндии и России, распространение русского языка в восточной части страны — Иматре и Лаппеэнранте [Mustajoki, Protasova 2015: 74—76].

Другой предпосылкой к официальному признанию статуса русского языка в Финляндии является анализ результатов письменных сочинений финских школьников и студентов о русской культуре, русском языке, совместной истории этих двух стран. Согласно данным анализа, большинство высказывается в пользу выбора дополнительного языка в обучении из шведского или русского [Протасова 2015].

В попытке обозначить актуальное состояние русского языка в Финляндии исследователи говорят о его коммодификации, заключающейся в использовании русского языка в определенных коммуникативных ситуациях и на определенном уровне [Mustajoki, Protasova 2017: 625]. Об экономической составляющей как основании для признания статуса русского языка говорится и в работах Н. И. Бальчюнене [Бальчюнене 2015].

Говоря об исторической подоплеке официального признания русского языка, исследователи не могут не упомянуть деятельность Я. К. Грота — профессора русской словесности Хельсинкского Александровского императорского университета. Несмотря на отличное знание финского и шведского языков, Грот стремился к вытеснению шведского языка русским в Финляндии. Его деятельность пришлась на первый этап формирования языковой ситуации в Финляндии, когда финский язык только стал официальным.

Как отмечают исследователи творчества Я. К. Грота [Протасова 2014], финский народ в тот момент негативно отнесся к подобному рода языковой политике в отношении русского языка, и идеи Грота, хотя и были хорошо обоснованы, не получили дальнейшего развития. С нашей точки зрения, языковая политика, предлагавшаяся Я. К. Гротом, была слишком агрессивной, что в целом не характерно для финской языковой политики на любом этапе: ее в целом можно считать скорее рекреационной, чем провокационной, поскольку меры языкового планирования, как правило, направлялись на поддержание

текущего соотношения присутствующих языков, а не на продвижение интересов определенного идиома.

На наш взгляд, официальное признание русского языка в Финляндии достаточно вероятно и является перспективой обозримого будущего, но для этого требуются как дальнейшие усилия социолингвистов, так и активная социальная позиция российской диаспоры, внутренняя разобщенность которой на данный момент отнюдь не способствует формированию единой стратегии в развитии родного языка и культуры. Говоря о разрозненности российской диаспоры, мы имеем в виду прежде всего различия в возрастной идентичности (часто русские, переехавшие в Финляндию, стремятся уточнить время переезда друг у друга в целях возможного определения сходства в идентичности и языке), а также в социальном статусе (экономические мигранты в противовес владельцам недвижимости в Финляндии).

Еще один фактор, препятствующий официальному признанию русского языка в Финляндии, — это восприятие русских в этой стране. Влияние русофобии нельзя отрицать, и это подтвердилось, в частности, исследование М. Лахтенмяки и М. Ванхала-Анижевски [Lähteenmäki, Vanhala-Aniszewski 2012] среди русско-финской молодежи: финны негативно воспринимают использование русского языка и/или слишком правильного либо, наоборот, неправильного финского.

Другим косвенным фактором, который может послужить препятствием официальному признанию статуса русского языка в Финляндии, является его включение в клуб мировых языков. Как правило, основной функцией мирового языка выступает объединяющая, и мировые языки очень редко получают статус языка национального меньшинства. Трудно себе представить, например, чтобы английский или французский стали национальными языками миноритарного сообщества в определенной языковой ситуации.

В октябре — декабре 2017 г. мы провели опрос русских, проживающих в Финляндии, при помощи сервиса *surveymonkey*. Целью исследования было узнать отношение русских к официальному принятию русского языка в Финляндии. Всего в опросе приняли участие 187 человек. Учитывался возраст и пол информантов, а также время проживания в Финляндии. 32 % опрошенных, среди которых 19 % — женщины, проголосовали за принятие русского языка в Финляндии, за присвоение русскому языку статуса языка национального меньшинства. 65 % респондентов высказались против (41 % из них —

мужчины). Средний возраст информантов составил 35—40 лет. Среднее время проживания в Финляндии составляет 5 лет.

Интерпретируя результаты, хочется отметить, что, во-первых, русская диаспора в Финляндии еще не готова к принятию русского языка на официальном уровне. Возможно, мы имеем дело и с психолингвистическими аспектами восприятия родного языка, с приданием ему сакрального статуса, с чем связано осознание особой ценности владения языком.

Заключение

Статусное планирование в условиях многоязычия сопряжено с определенными сложностями как формального (юридического) характера, связанными с необходимостью выполнения международных соглашений, так и социокультурного, идеологического характера, касающимися отражения практической, объективной ситуации и признания национальных прав. Однако даже конкретные меры в области языкового планирования могут не способствовать изменению ситуации. Например, шведский фактически является языком национального меньшинства, а юридически обладает статусом второго официального языка. Признание других языков (цыганского и языков саами) в качестве миноритарных в Финляндии не явилось результатом отстаивания со стороны какого-либо из упомянутых меньшинств своих прав, а произошло с целью выполнить обязательства по международным договорам и директивам, которые подписала финская сторона. Более того, как показало рассмотрение положения русского языка в Финляндии, его признание в качестве миноритарного языка не является необходимым, что обусловлено теми функциями, которые выполняет русский язык (функция мирового языка и объединяющая функция языка диаспоры).

Сложность реализации языковой политики в условиях многоязычия заключается еще и в том, что любое признание на официальном уровне другого идиома в определенной степени сказывается на статусе титульного, национального языка страны. Сложно сразу принять новое и чужое в качестве неотъемлемой части повседневной жизни «на легальных основаниях».

В условиях многоязычия мы, по всей вероятности, имеем дело с ситуацией, которую можно охарактеризовать как полигlossия. Ч. Фергюсон определил дигlossию как особый вид двуязычия, при котором существует высокий язык, используемый в официальных ситуациях, и низкий, ограниченный сферой семьи, общения с друзьями и/или бытовыми

сферами [Ferguson 1959]. По аналогии с этим, полиглоссию можно определить как такой тип многоязычия, при котором существует один язык, используемый по большей части в официальных ситуациях, и несколько низких языков, функционирующих в повседневном общении.

Меры статусного языкового планирования могут и не дать желаемых результатов, к которым можно отнести наделение большими правами определенного национально-меньшинства, и, более того, не отражать реального положения дел, в результате чего может образоваться несовпадение фактического и юридического статусов языка. В данном случае социолингвистический анализ, а именно описание функционирования и формы языка (диалектной, пиджинизированной, литературной), в некоторой языковой ситуации позволяет получить более надежные в практическом плане результаты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бальчунене Н. И. Еще раз о перспективах русского языка в Финляндии // Новое слово в науке: перспективы развития. 2015. № 3 (5). С. 68—69.
2. Картушина Е. А. Многоязычие как основная стратегия языковой политики Евросоюза (на примере языковой политики Финляндии) // Языковые процессы в эпоху глобализации : материалы Междунар. науч. семинара. 2016. С. 87—90.
3. Протасова Е. А. Я. К. Грот и русский язык в Финляндии // Тр. Ин-та русского языка им. В. В. Виноградова. 2014. № 2-1. С. 116—124.
4. Bloomaert J. The debate is open. Language Ideological Debates. — Berlin : Mouton De Gruyter, 1999. P. 1—38.
5. Bloomaert J., Leppänen S., Spotti M. Endangering multilingualism. Dangerous multilingualism: Northern perspective on Order, Purity and Normality / ed. by Jan Blommaert, Sirpa Leppänen, Päivi Pahta, and Tiina Räisänen. — New York : Palgrave Macmillan, 2012. P. 5—25. (Language and Globalization series).
6. Ferguson C. Diglossia // Word. 1959. Vol 15. P. 325—350.
7. Grönfors M. Finnish Roma: A forgotten cultural group // Cultural Minorities in Finland. An Overview towards Cultural Policy Publications of the Finnish National Commission for Unesco 66 / J. Pentikäinen, M. Hiltunen (eds.). — Helsinki : Finnish National Commission for Unesco, 1995. P. 149—160.
8. Jokinen M. Kuurojenomamaailma—kuurouskielenäjakulttuurina // Viittomakieliset Suomessa = Sign Language Users in Finland / A. Malm (ed.). — 2000. P. 79—101.
9. Kielilaki = Language Law of Finland [Electronic resource]. URL: <https://www.eduskunta.fi/fi/search/sivut/results.aspx?k=kielilaki> (date of access: 15.03.2018).
10. Kloss H., Verdoodt A. Research Possibilities on Group Bilingualism: A Report. — Quebec : International Center for Research on Bilingualism, 1969. 91 p.
11. McRae H. Conflicts and Compromises in Multilingual Societies. — Helsinki, 1999. 145 p.
12. Makoni S., Pennycook A. Desinventing and reconstructing languages. — Buffalo, NY : Multilingual Matters, 2007. 272 p.
13. Mustajoki A., Protassova E. Finnish-Russian relationship: the interplay of Economics, history, psychology and language // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Лингвистика. 2015. Т. 19. № 4. С. 69—81.
14. Latomaa S., Nuolijärvi P. The Language Situation in Finland // Language Planning and Policy in Europe: Hungary, Finland and Sweden / ed. by Robert B. Kaplan, Richard B. Baldauf Jr. — New York : Multilingual matters, 2006. P. 125—233.
15. Lähteenmäki M., Vanhala-Aniszewski M. Hard Currency or a Stigma — Russian-Finnish Bilingualism among Young Russian-Speaking Immigrants in Finland // Dangerous multilingualism: Northern perspective on order, purity and normality / ed. by Jan Blommaert, Sirpa Leppänen, Päivi Pahta, and Tiina Räisänen. — New York : Palgrave Macmillan, 2012. P. 121—141.
16. Ollikainen M. Vankkurikansan perilliset. Romanit, Euroopan unohtettu vähemmistö = The Successors of the Wagon People: The Roma, the Forgotten Minority in Europe. — Helsinki : Yliopistopaino = Helsinki Univ. Pr., 1995. 127 p.
17. Statistics Finland [Electronic resource]. URL: https://www.stat.fi/til/index_en.html (date of access: 12.03.2018).
18. Cooper R. L. Language Planning and Social Change. — Cambridge : Cambridge Univ. Pr., 1989. 216 p.
19. Williams G. Sociolinguistics: a sociological critique. — London : Routledge, 1992. 278 p.
20. Ylikoski J. Language contact in the Arctic Europe with a special focus on saami languages / on North saami // Language contact in the circumpolar world: Abstracts (27—29th Oct. 2017, Institute of Linguistics RAS, Moscow). — M., 2017. P. 56—57.

E. A. Kartushina
Moscow, Russia

MINORITY LANGUAGE STATUS PLANNING UNDER THE CONDITIONS OF MULTILINGUALISM (BASED ON FINLAND)

ABSTRACT. The article concerns status language planning under the conditions of multilingualism. Status language planning is an integral part of language policy together with education policy and corpora planning. The author analyses the language status planning in Finland the choice of which as a subject matter for the research was made due to the long history of two official languages (Finnish and Swedish) as well as the presence of other minority languages. The introductory part of the paper concerns attitudes towards multilingualism as a trend within the globalising world. The perception of multilingualism has always been positive both within the academic community and within the general public. However, the recent sociolinguistic studies (for example, the concept by Jan Blommaert) suggest that multilingualism can be an endangering as it, to a certain extent, contradicts the traditions and anachronisms existing in every society. The author pinpoints two major types of difficulties with regard to status language planning. The first relates to social and ideological matters and concerns the purity of the language existing in the community. The second one relates to legal matters and is contingent to observing the compliance with several international agreements and treaties. Having analysed all the minority languages that have been reflected in Finnish Language acts (i.e. Roman language and the silent language), the article also shares the results of the questionnaire of the Russian people living in Finland on their attitude of recognizing the Russian language as a minority language in Finland. The survey revealed, that the majority of the participants voted against such a measure of the language planning. As it is particularly emphasized in the end, it is essential to underline that official recognition of a language status may not be an adequate measure of a language policy, though sociolinguistic description and/or educational and corpora planning may lead to better practical results.

KEYWORDS: language situation; language policy; status of language; multilingualism; language planning.

ABOUT THE AUTHOR: Elena Alexandrovna Kartushina, Candidate of Philology, Associate Professor, Head of Department of Foreign Languages, Department of the Humanities and Social Sciences, Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia.

REFERENCES

1. Bal'chyunene N. I. Eshche raz o perspektivakh russkogo yazyka v Finlyandii // Novoe slovo v nauke: perspektivy razvitiya. 2015. № 3 (5). С. 68—69.
2. Kartushina E. A. Mnogoyazychie kak osnovnaya strategiya yazykovoy politiki Evrosoyuza (na primere yazykovoy politiki Finlyandii) // Yazykovye protsessy v epokhu globalizatsii : materialy Mezhdunar. nauch. seminar. 2016. S. 87—90.

3. Protasova E. A. Ya. K. Grot i russkiy yazyk v Finlyandii // Tr. In-ta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova. 2014. № 2-1. S. 116—124.
4. Bloomaert J. The debate is open. *Language Ideological Debates*. — Berlin : Mouton De Gruyter, 1999. P. 1—38.
5. Bloomaert J., Leppänen S., Spotti M. Endangering multilingualism. *Dangerous multilingualism: Northern perspective on Order, Purity and Normality* / ed. by Jan Blommaert, Sirpa Leppänen, Päivi Pahta, and Tiina Räisänen. — New York : Palgrave Macmillan, 2012. P. 5—25. (Language and Globalization series).
6. Ferguson C. Diglossia // *Word*. 1959. Vol 15. P. 325—350.
7. Grönfors M. Finnish Roma: A forgotten cultural group // *Cultural Minorities in Finland. An Overview towards Cultural Policy Publications of the Finnish National Commission for Unesco 66* / J. Pentikäinen, M. Hiltunen (eds.). — Helsinki : Finnish National Commission for Unesco, 1995. P. 149—160.
8. Jokinen M. Kuurojenomamaailma—kuurouskielenäjakulttuurina // *Viittomakieliset Suomessa = Sign Language Users in Finland* / A. Malm (ed.). — 2000. P. 79—101.
9. Kielilaki = Language Law of Finland [Electronic resource]. URL: <https://www.eduskunta.fi/fi/search/sivut/results.aspx?k=kielilaki> (date of access: 15.03.2018).
10. Kloss H., Verdoodt A. Research Possibilities on Group Bilingualism: A Report. — Quebec : International Center for Research on Bilingualism, 1969. 91 p.
11. McRae H. Conflicts and Compromises in Multilingual Societies. — Helsinki, 1999. 145 p.
12. Makoni S., Pennycook A. *Desinventing and reconstructing languages*. — Buffalo, NY : Multilingual Matters, 2007. 272 p.
13. Mustajoki A., Protasova E. Finnish-Russian relationship: the interplay of Economics, history, psychology and language // *Vestn. Ros. un-ta druzhby narodov. Ser.: Lingvistika*. 2015. T. 19. № 4.S. 69—81.
14. Latomaa S., Nuolijärvi P. The Language Situation in Finland // *Language Planning and Policy in Europe: Hungary, Finland and Sweden* / ed. by Robert B. Kaplan, Richard B. Baldauf Jr. — New York : Multilingual matters, 2006. P. 125—233.
15. Lähteenmäki M., Vanhala-Aniszewski M. Hard Currency or a Stigma — Russian-Finnish Bilingualism among Young Russian-Speaking Immigrants in Finland // *Dangerous multilingualism: Northern perspective on order, purity and normality* / ed. by Jan Blommaert, Sirpa Leppänen, Päivi Pahta, and Tiina Räisänen. — New York : Palgrave Macmillan, 2012. P. 121—141.
16. Ollikainen M. Vankkurikansan perilliset. Romanit, Euroopan unoitettu vähemmistö = The Successors of the Wagon People: The Roma, the Forgotten Minority in Europe. — Helsinki : Yliopistopaino = Helsinki Univ. Pr., 1995. 127 p.
17. Statistics Finland [Electronic resource]. URL: https://www.stat.fi/til/index_en.html (date of access: 12.03.2018).
18. Cooper R. L. *Language Planning and Social Change*. — Cambridge : Cambridge Univ. Pr., 1989. 216 p.
19. Williams G. *Sociolinguistics: a sociological critique*. — London : Routledge, 1992. 278 p.
20. Ylikoski J. Language contact in the Arctic Europe with a special focus on saami languages / on North saami // *Language contact in the circumpolar world: Abstracts (27—29th Oct. 2017, Institute of Linguistics RAS, Moscow)*. — M., 2017. P. 56—57.

И. Д. Киквидзе
Кутаиси, Грузия

СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ТЕОЛИНГВИСТИКА: ПРЕДМЕТ И ЦЕЛИ ИССЛЕДОВАНИЯ

АННОТАЦИЯ. Идея выделения теолингвистики как самостоятельной дисциплины с четко очерченным кругом проблем, целью и задачами, объектом и методами исследования возникла сравнительно недавно. Первые научные работы, в которых широкий спектр проблем, связанных с изучением религиозного языка, разрабатывался в рамках нового направления, появились в конце XX века. В статье рассматриваются основные понятия теолингвистики: теонема, религиолект, религиолектизм. Религиолект понимается как сравнительно устойчивая, социально маркированная подсистема языковой системы, которая обслуживает речевые потребности ограниченной социальной группы верующих — членов определенного религиозного общества. Одним из перспективных направлений синхронной теолингвистики представляется сопоставительная теолингвистика, цель которой — исследование религиозной сферы в сопоставляемых языках. Оно должно охватывать все уровни языковой системы, однако наиболее релевантными (особенно при сопоставлении разнотипных языков) оказываются уровни лексики и фразеологии. Статья основана на сопоставительном исследовании грузинского и русского языков, сфокусированном на отдельных лексических группах (например, наименованиях православных праздников), отдельных словах, имеющих особую смысловую нагрузку и представляющих собой ядерные лексемы лексико-семантических групп с религиозным значением (например, «соборность», «Пасха», «святой» и т. д.). Выявляются общие признаки в религиозной лексике грузинского и русского языков: специфические православные термины, не известные за пределами религиолекта; обилие заимствований (в основном грецизмов и латинизмов). Выявляются отличия сравниваемых религиолектов, например безэквивалентные единицы, наличие которых в языке связано с особенностями традиций, культуры народа (названия типов колокольного звона в русском языке, названия типов церковного пения в грузинском языке).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: сопоставительная теолингвистика; религиолектизм; теонема; русский язык; грузинский язык; сопоставительное языкознание.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Киквидзе Инга Джимшиервна, доктор филологии, профессор департамента славянской филологии Государственного университета Акакия Церетели, Кутаиси, Грузия; 4600, Грузия, Кутаиси, пр-т Царицы Тамары, 59; e-mail: ingakikvidze@rambler.ru.

В современной лингвистике наблюдается повышенный интерес к исследованию языка религии, взаимоотношений языка и религии, на основе чего в конце XX и начале XXI в. сформировалась новая дисциплина — теолингвистика (греч. *theos* — «Бог» и лат. *lingua* — «язык»).

Вопросами, релевантными для данной научной сферы, занимались и ранее, однако идея выделения теолингвистики как самостоятельной дисциплины с четко очерченным кругом проблем, целью и задачами, объектом и методами исследования возникла сравнительно недавно. Именно этим обусловлена неоднородность подходов к пониманию целей и задач теолингвистики, а также круга вопросов, актуальных для данной дисциплины.

Первые научные работы, в которых широкий спектр проблем, связанных с изучением религиозного языка, разрабатывался в рамках нового направления, появились в конце XX в.

Термин «теолингвистика» («*theolinguistics*») впервые использовал бельгийский лингвист Жан Пьер ван Нoppen (J.-P. van Noppen), а в 1987 г. Дэвид Кристал (D. Crystal) внес его в Кембриджскую языковую энциклопедию, в которой *теолингвистика* определяется как дисциплина, изучающая «язык библеистов, теологов и прочих специалистов, занимающихся теорией религии, и практикующих верующих» [Crystal 1995: 412].

В начале XXI в. проблемы теолингвистики стали активно разрабатываться в работах Михаэля Теля (Michael Thiele), Альбрехта

Гройля (Albrecht Greule), Эльжбеты Кухарска-Драйс (Elżbieta Kucharska-Dreiß), А. К. Гадомского, В. И. Постоваловой, И. В. Бугаевой, В. А. Степаненко, К. Кончаревич, А. А. Бувич и др. В настоящее время в рамках теолингвистики ведутся исследования по различным направлениям: характеристика языка религиозных текстов, особенности перевода богословских текстов, проблемы лексикографии, зортология, религиозный дискурс и др.

В синхронной теолингвистике перспективным и актуальным направлением представляется сопоставительная теолингвистика, определение предмета, цели, задач, методов которой в настоящее время находится на начальном этапе. В работах основоположников данной области языкознания даны лишь общие указания на перспективу сопоставительных исследований, но не представлены какие-либо положения, поясняющие конкретные цели и методологию исследований. На актуальность выявления и исследования широкого круга проблем сопоставительной теолингвистики указывает профессор православного богословского факультета Белградского университета Ксения Кончаревич, которая целью сопоставительной теолингвистики считает «изучение проявлений религии, которые закрепились и отразились в сопоставляемых языках», независимо «от их генеалогической и типологической принадлежности, а также тождества, сходства и различия в способах отражения, сохранения и передачи религиозного содержания» [Кончаревич: 15]. Автор опре-

деляет следующие задачи, необходимые для достижения поставленной цели:

« (а) выбор материала из соответствующих источников на сопоставляемых языках;

(б) дифференциация полученного материала;

(в) систематизация полученного материала и

(г) интеграция полученного материала в целях выявления релевантных для теолингвистики тождеств, сходств и различий между сопоставляемыми языками» [Там же].

Необходимость решения конкретных вопросов и выбор релевантных методов исследования определяются множеством факторов: какие языки сопоставляются, изучение языка каких религий осуществляется в исследовании, изучаются ли в сопоставляемых языках проявления одной и той же религии или же разных религий и т. д.

В центре внимания исследований, проводимых в рамках сопоставительной теолингвистики, оказываются языковые средства различных уровней, с помощью которых происходит выражение религиозного содержания. Для обозначения указанных языковых средств предложено несколько терминов, среди которых наиболее часто используются термины «теонема» [Гадомский 2004, 2010] и «религиолектизм» [Бугаева 2010; Кончаревич 2012].

Теонема понимается как языковой знак, функциональная единица языка, выражающая содержание теологического характера, как инвариант, реализация которого происходит на разных уровнях языковой системы в виде синтаксических, фразеологических, лексических, словообразовательных, морфологических, морфонологических, фонологических вариантов. Причина, по которой предпочтение отдается термину «религиолектизм», состоит в том, что теонемы недостаточно широко представлены на различных уровнях языковой системы (кроме лексического и фразеологического уровней), вследствие чего потенциал сопоставительного анализа, при котором теонема может быть использована в качестве *tertium comparationis* (именно такой подход использует в своих исследованиях А. К. Гадомский), довольно ограничен.

В соответствии с этой логикой, исследуемый материал будет более полным и многообразным, а результаты — более адекватными, если в качестве *tertium comparationis* при сопоставительном исследовании будет выбран религиолектизм. Религиолект понимается как сравнительно устойчивая, социально маркированная подсистема языковой

системы, которая обслуживает речевые потребности ограниченной социальной группы верующих — членов определенного религиозного общества. Религиолект отражает теоцентрическую картину мира и характеризуется четко выраженными лексическими, фонетическими и грамматическими особенностями. Выбор в качестве единицы исследования теонемы или религиолектизма зависит не столько от того, насколько полную и многообразную картину данных мы планируем получить, сколько от того, в какой сфере осуществляем исследование — в языковой системе в целом или же в рамках одной из ее подсистем — религиолекта.

Комплексный сопоставительный анализ, безусловно, должен охватывать все уровни языковой системы. Однако следует отметить, что наиболее релевантными с точки зрения изучения проявлений специфики религиозного языка (особенно при сопоставлении неродственных языков) являются уровни лексики и фразеологии.

Интересным и перспективным представляется нам сопоставительное исследование эксплицирующих религиозную семантику единиц, закрепившихся в русском и грузинском языках. В этом направлении нами проведены исследования отдельных лексических групп (например, наименований православных праздников), отдельных слов, имеющих особую смысловую нагрузку и представляющих собой ядерные лексемы лексико-семантических групп с религиозным значением (например, слова *соборность*, *Пасха*, *святой* и т. д.). В результате интенсивной работы по вопросам сопоставительной лексикографии был издан «Русско-грузинский и грузинско-русский словарь православной лексики». Целью исследования, проводимого нами в настоящее время, является комплексный сопоставительный анализ православной лексики в русском и грузинском языках. В ходе работы был выявлен ряд общих характерных признаков религиозной лексики в сопоставляемых языках. Например:

— наличие большого количества православных терминов, часть которых не известна или малопонятна далеким от церкви носителям языка. Например, в русском языке: *клубук*, *неседален*, *покров*, *покровец*, *оглашённый*...; в грузинском языке: *კუნკული* (*kunkuli*), *დაუჯდომელი* (*daujdomeli*), *დაფარნა* (*dapharna*), *ენკერი* (*enkeri*), *კათაკმეველი* (*katakmeveli*), *ძლისპირი* (*dzlispiri*);

— широкое применение заимствованной лексики (как в русском, так и в грузинском, в основном грецизмов и латинизмов): *амвон* —

ამბიონი (ambioni); *виссон* — *ბიზონი* (bisoni); *епифания* — *ეპიფანია* (epiphania); *евхаристия* — *ევქარისტია* (evkaristia); *ирмос* — *ირმოსი* (irmosi); *религия* — *რელიგია* (religia) и т. д.

В результате сопоставления выявляются существенные расхождения между соотносимыми лексическими единицами с семантической точки зрения: неполное соответствие семного состава, различия в парадигматических отношениях единиц и т. д. Нередко соотносимые единицы различаются коннотативными, ассоциативными семами, ср.:

– *масленица* — *ყველიერი* (kvelieri);

– *масленица* — «1. Весенний — приуроченный христианской церковью к Сырной неделе перед Великим постом — праздник проводов зимы, с которым у славянских народов связан обычай печь блины и устраивать различные увеселения. 2. Чучело или ряженный человек, олицетворяющие собою этот праздник» (здесь и далее толкования русских слов взяты из словаря Т. Ф. Ефремовой [Ефремова 2000]);

– *ყველიერი* (kvelieri) — «В христианстве неделя перед Великим постом, когда не ели мясного, из скоромного ели только рыбу и молочные продукты (в древности — народный земледельческий праздник перед приходом весны, когда устраивались различные развлечения)» (здесь и далее толкования грузинских слов (в переводе) даются по восьмитомному толковому словарю грузинского языка [Толковый словарь грузинского языка]);

– *коляда* — *ალილო* (alilo);

– *коляда* — старинный рождественский и святочный обряд, сопровождавшийся обходом домов с песнями и поздравлениями; сама обрядовая песня;

– *ალილო* (alilo) — 1. Обычай: в рождественскую ночь ходили по домам и пели «Алило». 2. Хоровая песня, исполняемая во время хождения на Алило.

Следует отметить, что в религиозной лексике сопоставляемых языков встречаются так называемые немотивированные лакуны — отсутствие вербальной номинации определенной реалии. Наличие подобных лексических лакун вовсе не свидетельствует об отсутствии в языковом сознании народа соответствующего концепта; он может быть выражен фразеологизмом, устойчивым сочетанием слов или оказаться «словесно не выраженным, не вербализованным» [Стернин 2016: 50]. К подобным языковым фактам относится, например, слово *Святки*, обозначающее дни, связанные с празднованием православными Рождества и Крещения и

сопровождающиеся гаданием, пением колядок, переодеванием и т. п. В грузинском языке соответствующее понятие вербализуется с помощью описательного выражения — *ქრისტეშობის დღეები შობიდან ნათლისღე ბამდე* (букв. Рождественские дни с Рождества до Крещения).

Несмотря на общность вероисповедания и литургии, в отдельных лексико-семантических группах религиозной лексики сопоставляемых языков встречаются безэквивалентные единицы, наличие которых в языке связано с особенностями традиций, культуры народа. Например, наличие в русском языке лексических единиц, обозначающих отдельные виды церковного колокольного звона: *трезвон*, *перезвон*, *перебор* и т. д., связано с богатой русской колокольной культурой, традициями церковного звона. В грузинском языке большинству из указанных выше слов со значением конкретных типов звона соответствует одна лексическая единица — *ზარი* (zari). В грузинском языке выявляются лакуны в лексико-семантической группе, вербализующей понятие церковного песнопения: *გამშვენებული გალობა* (gamshvenebuli galoba), *შეხმობა-შებანება* (shekhmoba-shebaneba), *წათქმა* (tsartkma) и т. д. Это слова, обозначающие отдельные голоса, различные нюансы, связанные с многоголосием грузинского церковного песнопения. В русском языке они не находят полных лексических соответствий.

Таким образом, сопоставительная теолингвистика как область сопоставительных исследований находится на этапе формирования: происходит определение, уточнение объекта, основной проблематики, единиц, методов исследования. Учитывая малоизученность религиозного языка и важность духовной, религиозной составляющей в языковой картине мира, результаты исследований, проводимых в рамках сопоставительной теолингвистики, могут быть актуальными для других областей языкознания, нацеленных на изучение языка в тесной связи с духовной и культурной жизнью человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бугаева И. В. Язык православной сферы: современное состояние, тенденции развития : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — М., 2010. 48 с.
2. Бувеч А. А. К вопросу о статусе новой интегрированной дисциплины — теолингвистики // Беларуско-польское супастаўляльнае мовазнаўства, літаратуразнаўства, культуралогія : зборнік навуковых артыкулаў. — Віцебск : ВДУ імя П. М. Машэрава, 2013. С. 132—134.
3. Гадомирский А. К. К проблеме определения теолингвистики // Уч. зап. ТНУ. — Симферополь, 2004. № 17 (56). С. 63—69. (Филологические науки ; № 1).
4. Гадомирский А. К. К вопросу о единицах теолингвистики // Восточнославянская филология : сб. науч.

работ. — Горловка, 2006. Вып. 11, ч. 1. Языкознание. С. 11—20.

5. Гадомский А. К. Русская теоллингвистика: история, основные направления исследований // Стил. — Београд, 2010. № 9. С. 357—374.

6. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный : в 2 т. — М. : Рус. яз., 2000.

7. Кончаревич К. К теоретико-методологическому обоснованию сопоставительной теоллингвистики (на материале русского и сербского языков) // Достижения и перспективы

сопоставительного изучения русского и других языков. — Белград, 2012. С. 14—22.

8. Стернин И. А. Концепты и лакуны // Вестн. Кыргыз.-слав. ун-та. 2016. Т. 16. № 8. С. 49—52.

9. Толковый словарь грузинского языка : в 8 т. — Тбилиси, 1950—1964. = ქართული ენის განმარტებითი ლექსიკონი. — თბ., 1950—1964. 8 ტ.

10. Crystal D. The Cambridge Encyclopedia of Language. — Cambridge Univ. Pr., 1995.

I. D. Kikvidze

Kutaisi, Georgia

CONTRASTIVE THEOLINGUISTICS: SUBJECT AND AIMS OF THE RESEARCH

ABSTRACT. *The idea of identification of theolinguistics as an independent branch of linguistics with its own goals, tasks, aims, object and methods of research has recently appeared. The first scientific works that attempted to solve the problems of studying religious language in the frames of the new branch were written at the end of the XXth century. The article defines the following notions of theolinguistics: theoneme, religiolect, and religiolectism. Religiolect is a comparatively stable, socially marked subsystem of the language system which serves as the language of a social group of believers — the members of a certain religious community. One of the promising areas of synchronic theolinguistics is contrastive theolinguistics, the aim of which is to study the religious spheres in the languages under study. It should analyse all the levels of the language system, however the most relevant (especially when structurally different languages are compared) are the levels of vocabulary and phraseology. The article is based on contrastive research of the Georgian and Russian languages and it focuses on certain lexical groups (for example, names of Orthodox holidays), words with special meaning, making the nucleus of lexico-semantic groups with religious meaning (for example “conciliarity”, “Easter”, “holy”, etc.). The common features of the religious vocabulary of the Georgian and Russian languages are identified: specific Orthodox terms, which are not in use outside the religiolect; borrowings (mostly from Greek and Latin). The differences between the contrasted languages are also singled out: culture-specific vocabulary (names for different kinds of bell-ringing in Russian and the names for kinds of chants in Georgian).*

KEYWORDS: contrastive theolinguistics; religiolect; theoneme; Russian; Georgian; comparative linguistics.

ABOUT THE AUTHOR: Kikvidze Inga, Doctor of Philology, Professor of Department of Slavic Philology, Akaki Tsereteli State University, Kutaisi, Georgia.

REFERENCES

1. Bugaeva I. V. Yazyk pravoslavnoy sfery: sovremennoe sostoyanie, tendentsii razvitiya : avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. — M., 2010. 48 s.

2. Buevich A. A. K voprosu o statuse novoy integrirrovannoy distsipliny — teolingvistiki // Belarуска-ruska-pol'skae supastayl'nal'nae movaznaŭstva, litaraturaznaŭstva, kul'turalogiya : zbornik navukovykh artykulaŭ. — Vitsebsk : VDU imya P. M. Mashera, 2013. S. 132—134.

3. Gadomskiy A. K. K probleme opredeleniya teolingvistiki // Uch. zap. TNU. — Simferopol', 2004. № 17 (56). S. 63—69. (Filologicheskie nauki ; № 1).

4. Gadomskiy A. K. K voprosu o edinitsakh teolingvistiki // Vostochnoslavianskaya filologiya : sb. nauch. rabot. — Gorlovka, 2006. Vyp. 11, ch. 1. Yazykoznanie. S. 11—20.

5. Gadomskiy A. K. Russkaya teolingvistika: istoriya, osnovnye napravleniya issledovaniy // Stil. — Beograd, 2010. № 9. S. 357—374.

6. Efremova T. F. Novyy slovar' russkogo yazyka. Tolkovoslovoobrazovatel'nyy : v 2 t. — M. : Rus. yaz., 2000.

7. Koncharevich K. K teoretiko-metodologicheskomu obosnovaniyu sopostavitel'noy teolingvistiki (na materiale russkogo i serbskogo yazykov) // Dostizheniya i perspektivy sopostavitel'nogo izucheniya russkogo i drugih yazykov. — Belgrad, 2012. S. 14—22.

8. Sternin I. A. Kontsepty i lakuny // Vestn. Kyrgyz.-slav. un-ta. 2016. T. 16. № 8. S. 49—52.

9. Tolkovyy slovar' gruzinskogo yazyka : v 8 t. — Tbilisi, 1950—1964.

10. Crystal D. The Cambridge Encyclopedia of Language. — Cambridge Univ. Pr., 1995.

И. Г. Никифорова
Иркутск, Россия**СЦЕНАРИИ ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ДИСКУРСА ТРЕТЬЕГО РЕЙХА**
(на материале немецкоязычных художественных фильмов)

АННОТАЦИЯ. В статье классифицируются дискурсивные сценарии школьного образовательного дискурса Третьего рейха, анализируемые на материале немецкоязычных художественных фильмов и именованные в соответствии с доминирующей дискурсивной деятельностью. Дискурсивные сценарии в рамках основного хронотопа школьного образовательного дискурса урока разделены на два подвида: обучающие и организационные. Внеурочные сценарии школьного образовательного дискурса Третьего рейха подразделяются на внеклассные и внешкольные. Школьный образовательный дискурс Третьего рейха подразделяется на два вида: общеобразовательный и элитный. Во внеурочном режиме коммуникации в элитном школьном образовательном дискурсе Третьего рейха имеются особенности реализации некоторых сценариев, среди которых сценарии обеспечения жизнедеятельности в учебном заведении постоянного пребывания (подъем, утренний зарядка, прием пищи, сон) и сценарии входа в дискурс и выхода из него. К сценариям входа в дискурс относятся набор, вступительные испытания, дорога в школу, прибытие в школу, знакомство и ритуал посвящения. Автор, наряду с институциональным, выделяет параинституциональный и экстраинституциональный образовательные дискурсы. Под первым понимается дискурс, который бытует вне стен образовательного учреждения и тем не менее сферой обслуживания которого является образование, под вторым — дискурс, который обеспечивает произвольное внеинституциональное образование в процессе повседневной жизнедеятельности индивида. Таким образом, исследование, представленное в данной статье, вносит вклад в таксономию образовательного дискурса. В статье представлены некоторые лингвистические и экстралингвистические особенности дискурсивных сценариев, способствующие внедрению тоталитаризма и нацизма в образовательный дискурс.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: школьный образовательный дискурс; элитный дискурс; институциональный дискурс; параинституциональный дискурс; экстраинституциональный дискурс; дискурсивные сценарии; киноискусство; кинофильмы.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Никифорова Инна Гербертовна, Институт филологии, иностранных языков и медиакоммуникации, Иркутский государственный университет; 664025, Россия, г. Иркутск, ул. Ленина, 8; e-mail: dreamwork05@mail.ru.

Школьный образовательный дискурс Третьего рейха существовал с 1933 по 1945 г. в Германии. Время и место его бытования было обусловлено социополитическими и историческими факторами, которые сформировали его в том виде, как он осознан носителями немецкой языковой картины мира и демонстрируется в немецкоязычных художественных фильмах. Теоретическое значение данного исследования заключается в том, что оно вносит вклад в таксономию образовательного дискурса, практическое значение проявляется в выявлении характеристик дискурсивных сценариев, многократное повторение которых способствует внедрению тоталитаризма и нацизма в образовательный дискурс. Предметом исследования являются дискурсивные сценарии школьного образовательного дискурса Третьего рейха, как они представлены в художественных фильмах. Цель исследования — выявить и классифицировать, проанализировать и наименовать дискурсивные сценарии школьного образовательного дискурса Третьего рейха по их доминирующей деятельности. Актуальность данного исследования заключается в том, что его результаты дают возможность не допустить проникновения тоталитаризма и нацизма при проектировании современного школьного образовательного дискурса. Новизна исследования заключается в том, что анализ дискурсивных сценариев осуществляется на материале художественных фильмов. Исследуемый нами кинотекст представляет собой репрезентацию дискурса его непосредственными

участниками и позволяет включить в анализ экстралингвистические факторы, недоступные при работе с печатным материалом. Из 40 немецкоязычных художественных фильмов, репрезентирующих образовательный дискурс Третьего рейха, для целей данной статьи было отобрано 5 художественных фильмов 1955, 1965, 1982, 1996 и 2004 года выпуска, созданных в ФРГ, ГДР и объединенной Германии. Для решения задач данного исследования были использованы методы наблюдения, выборки, дискурс-анализа, классификация, контекстуальный и интерпретативный анализ, моделирование.

Дискурсивный сценарий понимается «как упорядоченная последовательность действий, разворачивающихся в некоем пространственно-временном контексте и подчиненная некоторой цели, определяет действия и условия, сопряженные с достижением данной цели, а также агентов действий» [Мамина 2010: 20]. Исследованию дискурсивных сценариев посвящены работы В. В. Айвазовой, Л. И. Гришаевой, В. И. Шляхова, Е. В. Котельниковой и др. С. Ю. Дашкова исследовала фатические средства в ритуальных сценариях педагогического дискурса [Дашкова 2013: 66]. И. И. Зубков проанализировал влияние директивов и конструктивов на сценарии развития конфликтного дискурса во французской школе на материале фильмов [Зубков 2014: 117]. Эффективность реализации сценария можно оценить по тому, насколько совпадают его цель и дестинация как «конечная аксиологическая доминанта, завершающая в мысленной перспективе го-

ворящего/пишущего траекторию реализации его дискурса» [Плотникова, Серебренникова 2013: 185]. Дискурсивный «сценарий вызывает самоосуществление соответствующей стратегии — проекции сценария в цепочку определенных действий — речевых и неречевых» [Плотникова, Серебренникова 2013: 184]. Данные действия являются составляющими исследуемых нами дискурсивных сценариев.

Основным хронотопом школьного образовательного дискурса является урок. В уроке проявляется фрактальность и ритуальность образовательного дискурса. Отличительной особенностью урока в школьном образовательном дискурсе Третьего рейха является присутствие расовой и антисемитской тематики, а также пропаганда нацистского мировоззрения. Дискурсивные сценарии в рамках урока можно разделить на два вида: обучающие и организационные. К обучающим относятся следующие сценарии: актуализация изученного материала, фронтальный опрос, ответ у доски, оценивание, выдача тетрадей, предъявление нового материала, самостоятельная работа, контрольная работа, наблюдение, исправление ошибок, цитация и интерпретация прецедентного явления, перевод, объяснение и списывание.

Например, в рамках сценария «цитация и интерпретация прецедентного явления» наиболее частотное использование прецедентного имени *Adolf Hitler* и лексемы *Führer*. В фильме «*Blut und Ehre — Jugend unter Hitler*» директор ведет урок. Он рассказывает об исключительной мессианской роли Гитлера: *Nur Adolf Hitler konnte Deutschland aus dem Dunkel der Knechtschaft in das Licht und in die Freiheit führen*. Директор встает и проходит по ряду. Он смотрит на учеников пристально сверху вниз: *Niemals verlangt er von anderen, was er nicht selbst bereit war*. Произнося слово *Hingabe* (преданность, самоотверженность, готовность отдаться), директор кладет руку на плечо ученику. Этот прием способствует усилению внушающего воздействия. Таким образом, в школьном образовательном дискурсе лексема, именующая концепт «*Führer*», становится триггером, побуждающим индивида к действиям, сопряженным с самопожертвованием во имя национал-социалистических целей.

Организационные сценарии урока выполняют вспомогательную функцию в институциональном образовательном дискурсе. К ним относятся такие сценарии, как начало урока, опоздание, знакомство, привлечение внимания, обратная связь, дисциплинирование, наказание, завершение урока, отмена урока и отсутствие ученика. К примеру, сце-

нарии «начало урока» и «завершение урока» выполняют ритуальную функцию. Только в Третьем рейхе в рамках данных сценариев используется фатическое высказывание *Heil Hitler*. В фильме «*Die Abenteuer des Werner Holt*», войдя в класс, учитель встает перед классом в центре между рядами. Он поднимает вытянутую руку вверх: *Heil Hitler, Kameraden!* Ученики отвечают, сопровождая ответ таким же жестом: *Heil Hitler!* Для завершения коммуникации в конце урока также используется нацистское приветствие.

Художественные фильмы демонстрируют различные внеурочные сценарии школьного образовательного дискурса Третьего рейха. В зависимости от места бытования они подразделяются на внеклассные и внешкольные. К внеклассным сценариям относятся перемена, буллинг, решение конфликта, взаимовыручка, хоровое пение, игра, просмотр фильма, беседа учителя и родителя, беседа родителя и ученика, беседа директора с участниками образовательного дискурса. Образовательный дискурс включает в себя не только обучающий, но и административный компонент. В процессе реализации сценария «беседа директора школы с другими участниками дискурса» директор вербализует принцип, характерный для данного периода бытования дискурса: страх — лучший воспитатель: *Sie wissen, Frau Keller, ... Angst ... ist oft der beste Erzieher* (Blut und Ehre — Jugend unter Hitler). Коммуникация директора и других внешних и внутренних участников дискурса проходит в конфликтном режиме, при котором решения о дальнейшем разворачивании сценария зависят только от одного из коммуникантов — директора, что является признаком авторитарности школьного образовательного дискурса Третьего рейха.

К внешкольным сценариям общего школьного образовательного дискурса Третьего рейха относятся дорога в школу, деятельность в рамках *Hitlerjugend*, проектная деятельность, каникулы и эвакуация. В фильме «*Kinder, Mütter und ein General*» матери приезжают в город, где находится эвакуирующаяся школа, чтобы забрать своих сыновей: *Wir wollen unsere Jungs abholen, mehr nichts*. Учитель сообщает, что сыновья самовольно вышли из образовательного дискурса, покинули школу и отправились на фронт: *Ihre Jungs sind weg. ... Sie sind an die Front. Ja, Sie haben es geschrieben. Auf einem Zettel. Heute Morgen habe ich den Zettel gefunden, aber es war niemand mehr da. 15 Jungs. Ein ganzer Schlafsaal*. Учебное заведение в Третьем рейхе не несет ответственности за отсутствие учеников. Ученики могут самовольно

уйти или быть централизованно отправлены на фронт, несмотря на юный возраст, без согласования с родителями.

В исследуемый нами период бытования образовательного дискурса в системе образования Германии был создан новый тип учебных заведений, целью которого являлось производство элиты для национал-социалистического режима правления: Adolf-Hitler-Schule и Napola (Nationalpolitischen Erziehungsanstalt). Коммуникация в таких школах обслуживалась элитным школьным образовательным дискурсом.

Урок, продолжая оставаться основным хронотопом, имеет свои особенности в элитной школе. Тематика и идеологическое наполнение урока способствуют формированию личности, готовой к реализации поставленных господствующим политическим строем задач. Во внеурочном режиме коммуникации в элитном школьном образовательном дискурсе Третьего рейха имеют место сценарии входа в дискурс и выхода из дискурса, внеклассные и внешкольные организационные сценарии. К сценариям входа в дискурс относятся набор, вступительные испытания, дорога в школу, прибытие в школу, знакомство и ритуал посвящения.

В фильме «Der Unhold» ритуал посвящения в ученики школы происходит в торжественной обстановке в присутствии всех участников дискурса на площади во дворе школы. Руководитель сообщает, что с этого дня у учеников «нет ни матери, ни отца, ни семьи», они являются подарком фюреру и отныне принадлежат ему: *Und nun, meine jungen Helden, hört mir gut zu! Von diesem Tag an habt ihr keine Mutter, keinen Vater und keine Familie mehr. Von heute an gehört ihr dem Führer. Ihm werdet ihr heute geschenkt.* Текст клятвы, произносимой посвящаемым, подтверждает, что посвящение имеет характер сакрального ритуала: *Ich schwöre bei Gott diesen heiligen Eid, dass ich dem Führer des Deutschen Reiches und Volkes Adolf Hitler, dem Oberbefehlshaber der Hitlerjugend, unbedingt Gehorsam leisten und bei jeder Gefahr bereit sein will, mein Leben einzusetzen.* Данный ритуал оказывает глубокое воздействие на личность участника. Он разрывает его связи с семьей и готовит к самопожертвованию во имя фюрера.

К внеклассным сценариям элитного школьного образовательного дискурса относятся встреча после каникул, приветственная речь в начале учебного года, приветствие, информирование о правилах, поощрение, наказание, буллинг, спортивная тренировка, издание школьной газеты и сценарии обеспечения жизнедеятельности в учебном заведе-

нии постоянного пребывания (подъем, утренняя зарядка, прием пищи, сон). В приветственной речи директор называет новый учебный год годом службы (перифраз — *Dienstjahr*): *Ich möchte euch auf das Allerherzlichste zum neuen Dienstjahr 1942 begrüßen.* Директор озвучивает миссию учебного заведения: «создавать людей, которые будут создавать историю». Он использует метафору, сравнивая педагогическую деятельность с обработкой камня (алмаза) и превращением его в драгоценность (бриллиант). *Männer machen Geschichte, aber wir machen die Männer. Wir nehmen uns eurer an. Und werden den glitzernden Rohdiamanten in euch so lange schleifen, bis am Ende ein funkelnder Edelstein daraus geworden ist.* Приветственная речь директора в начале учебного года нацелена на переключение учеников, вернувшихся с летнего отдыха, на идеологический настрой, требуемый в рамках элитного школьного образовательного дискурса Третьего рейха.

К внешкольным сценариям элитного школьного образовательного дискурса Третьего рейха относятся такие сценарии, как соревнование, трудовая деятельность, выходной, получение почты и военные учения. В фильме «NaPolA — Elite für den Führer» учеников будят ночью. Ученики в полном снаряжении выстраиваются во дворе школы. Гаулейтер, формально не являющийся участником образовательного дискурса, приветствует учеников и сообщает о том, что сбежавшие вооруженные русские военнопленные укрылись в лесу. Он обращается к ученикам с просьбой об их поимке и обещает самой лучшей группе военную награду: *Jungmannen! Gebt euer Bestes und lasst sie nicht entkommen. Die fleißigste Gruppe wird von mir persönlich für das Kriegsverdienstkreuz vorgeschlagen.* В ходе реализации данного сценария смертельно ранят пленных. Когда выясняется, что пленные, на которых организована облава, дети, ученики испытывают психологический шок. Гаулейтер добывает раненого ребенка на глазах учеников. Элитный школьный образовательный дискурс Третьего рейха является примером того, как с помощью соответствующих дискурсивных технологий можно влиять на мировоззрение и поведение индивида в процессе его обучения и воспитания, формируя удобный для управления и готовый к достижению военных целей тип личности.

В данном исследовании образовательный дискурс Третьего рейха анализируется не только как институциональный, но и как внеинституциональный. При этом нами выделяются параинституциональный и экстраинституциональный образовательные дискур-

сы. Под первым мы понимаем дискурс, который бытует вне стен образовательного учреждения, и тем не менее его сферой обслуживания является образование, под вторым — дискурс, который обеспечивает непроизвольное внеинституциональное образование в процессе повседневной жизнедеятельности индивида. Мы относим к параинституциональному образовательному дискурсу Третьего рейха частные уроки по школьным предметам, частные занятия музыкой, семейное обучение, осуществляемое родителями, обучение в рамках Hitlerjugend, религиозное обучение.

Таким образом, на материале немецкоязычных художественных фильмов выделены и классифицированы 56 дискурсивных сценариев в рамках школьного образовательного дискурса Третьего рейха. Сценарии именованы в соответствии с доминирующей деятельностью исследуемого сценария. Используемые в процессе реализации данных сценариев лингвистические и экстралингвистические средства позволили школьному образовательному дискурсу решать поставленные национал-социалистическим государством задачи по формированию готовой к самопожертвованию личности в частности и хорошо обучен-

ной легко управляемой армии в целом.

ИСТОЧНИКИ

1. Blut und Ehre — Jugend unter Hitler = Кровь и честь — молодежь при Гитлере [Видеозапись] : худ. фильм / авт. сцен. Гельмут Киссель, Роберт Мюллер ; реж. Бернд Фишеруэр. — ФРГ, США, 1982. 1 вк.
2. Der Unhold = Лесной царь [Видеозапись] : худ. фильм / авт. сцен. Жан-Клод Карьер, Фолькер Шлёрдорф, Мишель Турнье ; реж. Фолькер Шлёрдорф. — Франция, Германия, Великобритания, 1996. 1 вк.
3. Die Abenteuer des Werner Holt [Видеозапись] = Приключения Вернера Хольта : худ. фильм / авт. сцен. Йоахим Кунерт, Клаус Кюхенмайстер ; реж. Йоахим Кунерт. — ГДР, 1965. 1 вк.
4. Kinder, Mütter und ein General = Дети, матери и генерал [Видеозапись] : худ. фильм / авт. сцен. Ласло Бенедек, Херберт Райнекер ; реж. Ласло Бенедек. — ФРГ, 1955. 1 вк.
5. NaPoLA — Elite für den Führer = Академия смерти [Видеозапись] : худ. фильм / авт. сцен. Деннис Ганзель ; реж. Деннис Ганзель. — Германия, 2004. 1 вк.

ЛИТЕРАТУРА

6. Дашкова С. Ю. Фатические средства в ритуальных сценариях педагогического дискурса // Вестн. Кузбасск. гос. пед. академии. — Новокузнецк, 2013. № 2. С. 66—71.
7. Зубков И. И. Влияние директивов и инструктивов на сценарии конфликтного дискурса во французской школе (на материале французских фильмов о школьном образовании) // Вестн. Воронеж. гос. архитектурно-строительного ун-та. — Воронеж, 2014. № 2. С. 117—129.
8. Мамина Т. В. Коммуникативно-дискурсивные свойства концептов в сценарии «карьера» // Вестн. Томск. гос. ун-та. — Томск, 2010. № 341. С. 20—23.
9. Плотникова С. Н., Серебренникова Е. Ф. Когнитивная траектория дискурсивизации: дестинация, стратегия, технология // Вестн. Иркут. гос. лингвист. ун-та. — Иркутск, 2013. № 1 (22). С. 183—188.

I. G. Nikiforova
Irkutsk, Russia

SCRIPTS OF SCHOOL EDUCATIONAL DISCOURSE OF THE THIRD REICH (BASED ON GERMAN FEATURE FILMS)

ABSTRACT. In this article, the discursive scripts of the school educational discourse of the Third Reich are classified, analyzed on the material from German-language feature films and named in accordance with a dominant discursive activity. Discursive scripts within the basic chronotope of the school educational discourse, which is a lesson, are divided into two subcategories: educational and organizational ones. Extra-school scripts of the school educational discourse of the Third Reich can be outside a school and outside a classroom. The school educational discourse of the Third Reich is divided into two types: general and elite ones. Communication outside a classroom within the elite school educational discourse of the Third Reich has special features of implementation. The author, along with an institutional one, classifies para-institutional and extra-institutional educational discourses. The first is understood as the discourse that exists outside the educational institution, but its service sphere is education; the second one is the discourse that provides an involuntary education in the everyday life of the individual. Thus, the study presented in this article contributes to the taxonomy of educational discourse. The article presents some linguistic and extralinguistic features of discursive scripts promoted the introduction of totalitarianism and Nazism into the educational discourse of the Third Reich.

KEYWORDS: school educational discourse; elite discourse; institutional discourse; para-institutional discourse; extrainstitutional discourse; discursive scenario; cinematography; films.

ABOUT THE AUTHOR: Nikiforova Inna Gerbertovna, Institute of Philology, Foreign Languages and Media Communication, Irkutsk State University, Irkutsk, Russia.

REFERENCES

1. Blut und Ehre — Jugend unter Hitler = Krov' i chest' — molodezh' pri Gitlere [Videozapis'] : khud. fil'm / avt. stsен. Gel'mut Kissel', Robert Myuller ; rezh. Bernd Fisherauer. — FRG, SSHA, 1982. 1 vk.
2. Der Unhold = Lesnoy tsar' [Videozapis'] : khud. fil'm / avt. stsен. Zhan-Klod Kar'er, Fol'ker Shlendorf, Mishel' Tum'e ; rezh. Fol'ker Shlendorf. — Frantsiya, Germaniya, Velikobritaniya, 1996. 1 vk.
3. Die Abenteuer des Werner Holt [Videozapis'] = Prikl'yucheniya Vernera Kho'l'ta : khud. fil'm / avt. stsен. Yoakhim Kunert, Klaus Kyukhenmayster ; rezh. Yoakhim Kunert. — GDR, 1965. 1 vk.
4. Kinder, Mütter und ein General = Deti, materi i general [Videozapis'] : khud. fil'm / avt. stsен. Laslo Benedek, Kherbert Rayneker ; rezh. Laslo Benedek. — FRG, 1955. 1 vk.

5. NaPoLA — Elite für den Führer = Akademiya smerti [Videozapis'] : khud. fil'm / avt. stsен. Dennis Ganzel' ; rezh. Dennis Ganzel'. — Germaniya, 2004. 1 vk.
6. Dashkova S. Yu. Fatcheskie sredstva v ritual'nykh stsенariyakh pedagogicheskogo diskursa // Vestn. Kuzbassk. gos. ped. akademii. — Novokuznetsk, 2013. № 2. S. 66—71.
7. Zubkov I. I. Vliyaniye direktivov i instrukтивov na stsенarii konfliktного diskursa vo frantsuzskoy shkole (na materiale frantsuzskikh fil'mov o shkol'nom obrazovanii) // Vestn. Voronezh. gos. arkhitekturno-stroitel'nogo un-ta. — Voronezh, 2014. № 2. S. 117—129.
8. Mamina T. V. Kommunikativno-diskursivnye svoystva kontseptov v stsенarii «kar'era» // Vestn. Tomsk. gos. un-ta. — Tomsk, 2010. № 341. S. 20—23.
9. Plotnikova S. N., Serebrennikova E. F. Kognitivnaya traektoriya diskursivizatsii: destinatsiya, strategiya, tekhnologiya // Vestn. Irkut. gos. lingvist. un-ta. — Irkutsk, 2013. № 1 (22). S. 183—188.

У Яньцю

Шаосин, КНР

Цю Сюэпин

Владивосток, Россия

**К ВОПРОСУ КУЛЬТУРНО-ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ
ИСТОРИКОВ-ЭМИГРАНТОВ «ПЕРВОЙ ВОЛНЫ»**

АННОТАЦИЯ. Авторы поставили цель раскрыть проблему лингвокультурной и профессиональной адаптации историков-эмигрантов «первой волны», а также ответить на следующие вопросы: какую миссию выполняла русская эмиграция, прежде всего интеллигенция, каково было место историков-эмигрантов Русского Китая в общем потоке русской эмиграции, а также каковы были их функции? Авторы считают, что в эмиграции оказался цвет российской нации, представители ее богатой культуры, науки и образования. Эти люди взяли на себя миссию по сохранению культуры, исторической памяти, исторических ценностей и традиций России, по осмыслению трагического опыта революции и Гражданской войны. Новизна научной статьи состоит в подтверждении того факта, что, будучи в изгнании, историки-эмигранты постоянно подчеркивали общность судьбы эмигрантов и России. Одни оправдывали советский режим и пытались возвратиться на Родину, другие всеми доступными средствами в своих произведениях, научных трудах вели борьбу с советским режимом. Главным их орудием было печатное слово. В своих научных трудах они пытались проанализировать и осмыслить произошедшее с Россией, их волновала судьба России, они строили планы ее возрождения и обновления. В полной мере представлены политические аспекты культурно-лингвистической и профессиональной адаптации историков-эмигрантов того периода. Русская эмиграция не растворилась в принявшем ее китайском обществе, а адаптировалась к новым условиям. Процессу объединения оказавшихся в эмиграции историков мешали различия в политических взглядах: среди эмигрантов были монархисты, республиканцы, либералы, демократы, меньшевики, фашисты и сторонники других взглядов, жаждавшие ликвидации большевистского режима, а также готовые к сотрудничеству с ним деятели («сменовеховцы»). Несмотря на разногласия, в среде научной эмиграции, в том числе в историческом сообществе, существовало связующее звено — ее духовная, историко-культурная миссия. Помимо сохранения национальных культурных традиций, историки Русского Китая внесли значительный вклад в установление контактов и взаимообогащение двух великих культур и цивилизаций — русской и китайской.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: историки-эмигранты; историческая миссия; социальная адаптация; русский язык; русская эмиграция; народные традиции; диаспоры; интеллигенция.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: У Яньцю, кандидат исторических наук, старший преподаватель, заместитель директора института европейских языков и заведующий кафедрой русского языка, Чжэцзянский институт иностранных языков «Юэсю», КНР; 312030, Unit 1001, China, Zhejiang Province, Shaoxing City, Yuecheng District, Qunxianroad No. 2801, foreign teacher building 1, Jinghu campus of Zhejiang Yuexiu university of foreign language; e-mail: 254319172@qq.com.

Цю Сюэпин, аспирант кафедры отечественной истории, Дальневосточный федеральный университет, РФ; 312030, Unit 1001, China, Zhejiang Province, Shaoxing City, Yuecheng District, Qunxianroad No. 2801, foreign teacher building 1, Jinghu campus of Zhejiang Yuexiu university of foreign language; e-mail: qiuqiu1984815@163.com.

Эмиграция и адаптация — взаимосвязанные, взаимообусловленные явления. Адаптация — постоянный фактор исторического процесса, она перманентна и присуща человечеству на всех этапах его развития. Каждая эпоха, каждая страна пребывания эмигрантов в плане адаптации имеют свои особенности. Неповторимыми характеристиками обладала и адаптация русской эмиграции в Китае, во многом зависевшая от условий страны-реципиента.

Рассуждая об этом, историки Н. Л. Горкавенко и Н. П. Гридина замечают: «Налицо неоднозначность этого процесса, сложного и противоречивого, не столь идеализированного, каким его представляют некоторые исследователи. При этом нельзя забывать об одном важном факторе — Восток, в частности Маньчжурия, по культуре и мировоззрению резко отличался от стран, близких России по менталитету, что, естественно, осложняло адаптацию российской научной интеллигенции в Маньчжурии» [Горкавенко, Гридина 2000: 63].

В эмиграции оказался цвет российской нации, представители ее богатой культуры,

науки и образования. Какую миссию выполняла русская эмиграция, прежде всего интеллигенция? Каково было место историков-эмигрантов Русского Китая в общем потоке русской эмиграции? Каковы были их задачи? На последний вопрос ответ очевиден: прежде всего это сохранение культуры, исторической памяти, исторических ценностей и традиций России, а также осмысление трагического опыта революции и Гражданской войны.

Будучи в изгнании, историки-эмигранты постоянно подчеркивали общность судьбы эмигрантов и России, напряженно размышляли над этой идеей. Одни оправдывали советский режим и пытались возвратиться на Родину, другие всеми доступными средствами в своих произведениях, научных трудах вели борьбу с советским режимом. Главным их орудием было печатное слово. В своих научных трудах эти люди пытались осмыслить произошедшее с Россией, их волновала судьба родной страны, они строили планы ее возрождения и обновления.

Историками-эмигрантами был накоплен и осмыслен громадный, уникальный жизнен-

ный опыт. Проведенные ими в изгнании годы интересны в двух отношениях: во-первых, русская эмиграция в лице своих образованных представителей продемонстрировала перед лицом мира высоты науки и культуры; во-вторых, как представители русской нации они вступали в контакт с другими народами, и в первую очередь с великим китайским народом, получили возможность узнать его со всех сторон.

Оказавшись в изгнании, историки, как и вся интеллигенция, стали предпринимать шаги к тому, чтобы обеспечить свое существование и продолжить профессиональную деятельность. Они смогли образовать устойчивый самодостаточный социум. Русская эмиграция не растворилась в принявшем их китайском обществе, а адаптировалась к новым условиям. «Мощным фактором, повлиявшим на становление и развитие русской эмиграции Маньчжурии, — пишет профессор Е. Е. Аурилене, — явилось присутствие русского уклада жизни в полосе отчуждения КВЖД. Институты „Счастливой Хорватии“, существовавшие в Маньчжурии до массового появления беженцев, значительно облегчили процесс их адаптации» [Аурилене 2003:187]. Заметим, что «Счастливой Хорватией» называлась полоса отчуждения в честь управляющего КВЖД Д. Л. Хорвата.

По примеру европейских центров, дальневосточная эмиграция пытается создавать так называемые академические группы, комитеты, организации. Многие ученые группировались вокруг научно-просветительских учреждений.

Важную роль в этих процессах играл Комитет образовательных учреждений КВЖД, который был представительным органом общественности и педагогов, призванным решать вопросы школьного и вузовского образования [Вопросы школьной жизни 1925: 122—125].

Посильную помощь беженцам в Маньчжурии оказывал культурно-просветительский отдел БРЭМа (Бюро по делам российских эмигрантов) — своеобразное «эмигрантское правительство». На протяжении своего десятилетнего существования Бюро по мере своих возможностей обеспечивало жизнедеятельность диаспоры. Находясь под контролем Японской военной миссии и действуя в предписанных ему рамках, БРЭМ тем не менее был основной опорой эмиграции во всех непредвиденных ситуациях. Конечно, ученые и преподаватели занимались еще и случайными заработками — репетиторством, переводами. А наиболее «удачливые» и продвинутые люди со связями устра-

ивались на работу в вузы и колледжи Харбина и других городов. Национальные учебные заведения, вузы, школы Маньчжурии выполняли важнейшую функцию сохранения исторической памяти в эмигрантской диаспоре. В них дети эмигрантов изучали русский язык, литературу, историю, Закон Божий. Несмотря на то, что с установлением в 1931 г. в Маньчжурии японского оккупационного режима количество русских учебных заведений сократилось, русское образование продолжало оставаться мощным фактором этнокультурного воспроизводства диаспоры [Аурилене 2003: 75].

Культурно-просветительский отдел БРЭМа, хотя и не регулярно, всё же обеспечивал снабжение учебных заведений литературой, произведениями русских писателей. На содержании Главного бюро русской эмиграции в Маньчжурии находилось несколько гимназий [ГАХК. Ф. 830. Оп. 1. Д. 60. Л. 304—305], оно координировало работу русских вузов и колледжей Харбина, решало вопросы, связанные с организацией учебного процесса, включая подбор педагогических кадров. На содержании Бюро находилась одна из крупнейших на Дальнем Востоке русских библиотек, насчитывающая около 30 000 томов [Аурилене 2003: 76].

Эмигрантские «читальни» открылись в Русском клубе в помещении духовной семинарии в Модягоу, при районных бюро и отделениях. В издательской части БРЭМ вышли в свет и стали популярными в эмигрантских кругах книги «Пушкин и его время», «Русская история в русской поэзии», «Православная церковь в СССР», «Пантеон воинской доблести и чести» и «Пути русской молодежи» (автор — В. А. Кислицин), «Очерки белого движения на Дальнем Востоке» (автор — В. А. Сергеев) и др. [Аурилене 2003: 76].

Культурно-просветительский отдел БРЭМа занимался организацией регулярных лекций по русской истории и культуре. Представление об их тематике дает план, составленный отделением Бюро в Квантунской области на первое полугодие 1940 года: «Собор 1917 г. и восстановление патриаршества в России», «Силы, создавшие Русское государство», «Как увеличивалась территория России от начала Русского государства до наших дней», «Измаил», «Ломоносов — великий русский ученый и поэт», «Русская монархическая идея» и т. д. [ГАХК. Ф. 830. Оп. 1. Д. 35. Л. 9].

«Тематика лекций, — пишет Е. Е. Аурилене, — была нацелена на формирование национального самосознания у молодого поколения эмигрантов в духе традиционного

принципа российской государственности: „Бог. Царь. Отечество“. Аналогичную задачу выполняли периодические издания Бюро — газета „Голос эмигрантов“ и журнал „Луч Азии“. „Голос эмигрантов“ предлагал читателю специальную рубрику: „Через познание России — к освобождению“. Заголовки статей, печатавшихся под этой рубрикой, демонстрируют стремление редакции охватить различные аспекты российской истории: „Российская империя и малые народности“, „Споры о великой России (Идейный кризис русской дореволюционной интеллигенции)“, „Великая земельная реформа Столыпина“ и др.» [Аурилене 2003: 76].

Культурно-просветительный отдел БРЭМа, научные общества способствовали оживлению культурно-просветительной деятельности эмигрантов, распространению знаний о русской науке и культуре в стране проживания. Руководство БРЭМа периодически анализировало идеологическую, социально-экономическую и психологическую обстановку в диаспоре. Для этого привлекались ученые, в том числе историки. Так, 12 февраля 1941 г. доклад «Российская эмиграция и Великая Азия» сделал профессор Н. И. Никифоров [ГАХК. Ф. 830. Оп. 1. Д. 88. Л. 1—24].

Ученые сотрудничали также с теми организациями, которые давали эмигрантам молодого поколения образование, служившее их подготовке к будущей профессиональной деятельности на Родине. Такой организацией в Харбине был ХСМЛ (Христианский союз молодых людей) [Русский голос. 1920. 25 сент.].

В Маньчжурии в 1920-е гг. действовало 74 русских учебных заведения. 43 работали в Харбине, 31 — на линии КВЖД. Общее число обучаемых к концу 1931 г. составляло около 18 тыс. человек [Аурилене 2003: 31].

Естественно, в этих учебных заведениях работали учителя-историки. По признанию современников, русские учебные заведения в Маньчжурии находились в более благоприятном положении, чем в Европе, где они со второй половины 1920-х гг. закрывались из-за отсутствия финансирования, а дисциплины, связанные с русской культурой и историей, изучались частным порядком. В условиях отсутствия местных научных кадров русским ученым принадлежала инициатива разностороннего исследования Маньчжурии. В Харбине еще до революции существовали научно-исследовательские учреждения, ориентированные на изучение истории, экономики края, например Общество русских ориенталистов (1908—1926 гг.). В 1922 г. в Харбине открылось Общество по

изучению Маньчжурского края (ОИМК), существовавшее до 1929 г., у истоков которого стояли талантливые русские ученые, в том числе историки, этнографы, археологи, краеведы. В Обществе работали известные ученые и общественные деятели, среди которых находим автора ряда научных трудов по истории, сибиреведению, оставившего интересные воспоминания об эмиграции И. И. Серебренникова [Серебренников 1940: 75].

В частности, И. И. Серебренников проявлял большой интерес к истории и культуре Китая, в результате чего появились разнообразные очерки, рассказы историко-этнографического характера. Занимался он преподавательской деятельностью в Тяньцзине и Харбине. Иван Иннокентьевич читал на Харбинских кооперативных курсах лекции по сибиреведению, изданные в 1920 г. отдельной книгой.

Творческая деятельность работавших в вузах, научно-просветительных обществах ученых затруднялась необходимостью искать средства к существованию, что отнимало у эмигрантов много сил и времени.

Н. В. Устрялов в книге «У порога Китая» писал: «Вся их (эмигрантов. — Ц. С.) энергия, все помыслы были направлены на добывание куска хлеба для себя и своей семьи... О заработке службой или интеллектуальным трудом почти нечего было думать... эмигранты в своем подавляющем большинстве были совершенно не приспособлены к торгово-конторской службе. Оставалось одно — неквалифицированный физический труд. Но тут эмигранты столкнулись с конкуренцией китайцев, которую европейцам трудно было преодолеть. Китаец мог работать за 15—20 копеек в день. Он на такой заработок не только мог прожить, но еще сэкономил половину на черный день. Европейцу же такого заработка едва хватало на один хлеб» [Устрялов 1941: 14].

Эмигрантская интеллигенция разделила судьбу всех беженцев, но благодаря наличию образования ей легче было приспособиться к трудным условиям изгнания. Преподаватели и ученые, например, устраивались в открывшиеся в Харбине учебные заведения, работали в редакциях газет и журналов, кто знал китайский или английский языки, поступали на службу в местные органы власти и просвещения. Техническая интеллигенция устраивалась на работу в отделы и службы КВЖД. Многим заработка не хватало, как не хватало времени, чтобы заняться любимым творчеством. Поэтому хорошо устраивались только профессиональные историки, чей опыт, знания были

востребованы. Но и большинство из них жило скромно.

После установления так называемого независимого государства Маньчжоу-Го многим эмигрантам некуда было деться и не на что было уехать — особенно это касалось научной интеллигенции, которая никогда не была состоятельной частью русского населения. И все же, несмотря на идеологическую обработку, интеллигенция продолжала свою деятельность, стараясь сохранить целостность и национально-культурную самобытность русской колонии, тем более что в начале 1930-х гг. прояпонские марионеточные власти не стремились к роспуску обществ, кружков, благодаря которым удобнее было вести наблюдение за местным русским населением в регионе. Создание в 1936 г. общества «Киовакай» для усиленной идеологической обработки населения в прояпонском духе ухудшило ситуацию в Маньчжурии как для китайского, так и для русского населения. В круг особых интересов этой организации попали русские ученые-эмигранты, которых предполагалось привлечь для антисоветской работы с последующим использованием в войне против СССР.

Среди психологических факторов, оказавших наибольшее воздействие на сознание и духовный мир русских ученых, было чувство утраты Родины и тоски по ней, изменение социального статуса, языковой барьер, разрыв родственных связей, социальная невостребованность личности в китайском обществе, сложность профессиональной самореализации. Адаптация наиболее сложно проходила в среде гуманитарной интеллигенции, легче приходилось инженерам, техникам: они были более востребованы. То же самое касалось видных ученых, чьи имена были известны среди китайцев. Правовое положение российских эмигрантов в Китае было более тяжелым, чем у европейских или американских. Они оказались самой незащищенной группой в правовой и юридической системе Китая, в первую очередь вследствие международного положения Советской России [Наземцева 2016: 35].

Помимо правовой адаптации российских ученых к инокультурной среде, происходила и идейно-политическая, которая даже превалировала. Идейно-политические взгляды историков-эмигрантов имели особенности, обусловленные эмоциональными факторами, а именно патриотизмом и ностальгией по Родине. Это проявлялось в том, что у эмигрантов сохранялся неподдельный и глубокий интерес к событиям, происходившим в России и за ее пределами. Конечно, оценка последствий данных событий для

дальнейшего развития страны была самой различной и зависела от политических симпатий и антипатий, партийной принадлежности.

Отметим, что нельзя судить однозначно о процессе профессиональной адаптации ученых, в том числе историков. Если сравнить эмигрантов всех родов занятий и «удачливых», состоявшихся в эмиграции ученых, то процентное соотношение успешных профессионалов будет далеко неравным. Только совсем незначительная часть ученых, в том числе историков, работала по специальности, а еще реже — по призванию.

Тяжелое социально-экономическое, политико-правовое положение, психологическая неудовлетворенность и другие сложности и неудобства в значительной степени объясняют то, что многие историки, хотя и принадлежали к творческой профессии, в этих условиях не могли сосредоточиться на создании больших научных трудов, в том числе монографий, диссертаций, а если это кому-то и удавалось, то только по достижении некоторой стабильности финансового положения [Раев 1994: 200].

Трудности возникали даже с написанием малообъемных работ, в основном из-за недостатка материалов. Не было необходимых источников о России. Даже печатные материалы находились в разных городах, а при технических, юридических и экономических условиях, которые тогда существовали, копирование документов или поездки были практически недоступны для эмигрантов. Кроме того, «определенный этноцентризм, — пишет Марк Раев, — присущий историографии того времени, не позволял большинству эмигрантских историков обратиться к изучению иностранных архивных источников по истории России» [Раев 1994: 201].

Различные причины затрудняли и публикацию научных трудов. Многие историки Русского Китая не писали на иностранных языках, в том числе на китайском, а те немногие, кто это все-таки делал, могли рассчитывать на публикации только в научно-популярных изданиях и на темы, близкие к современности. Переводы стоили дорого, и организовать их было непросто, особенно в Китае, население которого в своем большинстве было неграмотно.

Таким образом, эмигрантские историки были вынуждены обращаться лишь к ограниченной русской аудитории. Естественно, подобная ситуация не вдохновляла их на материальные жертвы ради интересов науки [Раев 1994: 201]. Поэтому многие периодические издания, выпускавшиеся в Харбине, Шанхае, Пекине, Тяньцзине на русском язы-

ке, выходили нерегулярно и малыми тиражами. Поскольку желающих опубликоваться было много, большие труды можно было печатать только частями. Поэтому ученым с большим трудом приходилось отыскивать деньги, бумагу, затрачивая на издания много усилий и времени. Некоторым ученым публиковаться помогали благотворительные организации, но это происходило нечасто.

Более и менее регулярно выходили в свет публикации по гуманитарным наукам, в том числе по истории, праву, экономике. Выделим «Известия Харбинского юридического факультета», публикации в которых внесли большой вклад в изучение разных аспектов русской истории, а также «Ученые записки» ряда вузов Харбина.

Оценивая уровень подобных эмигрантских изданий, Марк Раев между тем подчеркивает, что эти работы написаны стилем, присущим дореволюционным научным статьям, не привлекали большого внимания и, за исключением некоторого интереса со стороны исследователей-специалистов по истории России, остались незамеченными зарубежными историками. Резюме на французском или немецком языках, имевшиеся в некоторых периодических изданиях, лишь в незначительной степени способствовали расширению их аудитории. Только статьи, содержавшие важные обобщения или новые трактовки, которые затрагивали более широкую проблематику, временами переводились на иностранные языки и печатались в зарубежных специальных журналах [Раев 1994: 202].

Высоким научным уровнем отличались работы, напечатанные в «Известиях юридического факультета». Многие статьи из этого журнала перепечатывались в Европе и США на английском, французском и немецком языках. Например, в юбилейном (1920—1930) девятом томе «Известий юридического факультета» за 1931 г. были опубликованы статьи ученых Русского Китая, в том числе историков В. А. Рязановского, Н. В. Устрялова, В. В. Энгельфельда, М. Н. Ершова, Н. И. Никифорова, Г. К. Гинса, Н. Е. Эсперова и др. Актуальность проблематики, авторитет авторского и редакционного коллектива способствовали популярности этого издания.

В плане профессиональной адаптации ученых-историков интересен еще один аспект. Речь идет о восприимчивости эмиграции к историческому знанию и изучению прошлого сквозь призму личных впечатлений. Эмигранты только что пережили трагические события революции и Гражданской войны, многие в качестве участников, и это сказывалось на темах их рассказов, эссе,

романов, написанных страстно, правдиво, по горячим следам. Не случайно такие произведения находили живой отклик у многих беженцев. Их охотно выпускали отдельными изданиями или печатали в журналах, газетах. «Интерес к мемуарам был сродни ностальгии, желанию оживить воспоминания о прошлом, пусть не самом счастливым, но все-таки незабываемом», — пишет М. Раев [Раев 1994: 203]. Примером могут служить воспоминания Вс. Н. Иванова, написанные в первые годы эмиграции по «горячим следам»: «В гражданской войне» (Харбин, 1921), «Крах белого Приморья» и др.

Если уровень первых публикаций не позволял им претендовать на научный анализ причин и сходства трагических событий в истории России, то появившиеся позже исторические романы были написаны глубже и воспринимались читателями с большим интересом. Впрочем, эти романы и мемуары порой носили субъективный характер, были далеки от «объективной истории», но у простых эмигрантов подобные сочинения находили отклик.

Если говорить о работах профессиональных историков, то они не сразу обратились к изучению событий 1917 г. и Гражданской войны. Во-первых, материал для серьезных научных исследований еще не «отлежался» и был «сырой». Не хватало документальных источников. Во-вторых, недавние события воспринимались ими еще слишком болезненно и были слишком близки, чтобы описывать их бесстрастно [Раев 1994: 206].

Гораздо позже, обкатав исторический материал в статьях, воспоминаниях, мемуарах, эссе, профессиональные историки возьмутся за написание монографических сочинений, посвященных событиям революции и Гражданской войны. Поначалу же их больше интересовало изучение Древней Руси, Русского Средневековья, Петровского периода и истории Отечественной войны 1812 г.

Обобщая вышеизложенное, делаем вывод, что процесс социально-экономической, духовно-политической и профессиональной адаптации историков, как и всей эмигрантской интеллигенции, в Китае в рассматриваемый период проходил противоречиво. В более сложном положении по сравнению с видными учеными, чьи имена были уже известны русской и китайской общественности, оказывались «рядовые» историки — учителя школ, гимназий. Интеллектуальное творчество, научная и преподавательская деятельность в эмиграции часто становились «вторым ремеслом», которым ученые, в том числе историки, занимались в свободное от

основной работы время, но которое в будущем некоторым из них принесло успех и признание в США, Австралии, куда они переехали после Второй мировой войны. В Австралию уехали А. П. Хионин, П. В. Шкуркин. В США оказались Г. К. Гинс, В. А. Рязановский, А. П. Ферафонов и многие другие.

Немаловажную роль в адаптации играл правовой статус эмигрантов, который регулировался законодательством разных политических режимов на территории Китая: советского в полосе отчуждения КВЖД, прояпонского в Маньчжоу-Го, демократического в международном городе Шанхае и др.

Что касается политических пристрастий и взглядов историков-эмигрантов, то они были разными. Среди них были монархисты, республиканцы, либералы, демократы, меньшевики, фашисты и прочие, которые, несмотря на общую цель ликвидации большевистского режима (хотя некоторые — «сменовеховцы» — были настроены даже на сотрудничество с ним), были не способны преодолеть личные амбиции и антипатии, что мешало процессу объединения. Зачастую это противоборство выплескивалось на страницы газет и журналов, проявлялось в открытых дискуссиях, в том числе на исторические темы.

И все же, несмотря на разногласия, в среде научной эмиграции, в том числе в сообществе историков, существовало объединяющее начало — духовная, историко-культурная миссия. Помимо сохранения национальных культурных традиций, историки Русского Китая вносили большой вклад в установление контактов и взаимообогащение двух великих культур и цивилизаций — русской и китайской.

Адаптация российской научной интеллигенции, в том числе занятой изучением истории, в Китае, на наш взгляд, уникальное явление. Суть этой адаптации состояла не только в том, чтобы найти вуз или кафедру для продолжения научных изысканий, для получения средств к существованию, но и в том, чтобы попытаться воссоздать российскую научную школу на чужбине, получить

возможность обсуждать и публиковать научные труды на русском языке, обеспечить квалифицированное образование и передачу лучших научных традиций молодому поколению русского зарубежья.

Всю массу русских ученых, осевших в Китае, по нашему мнению, можно разделить на три группы: 1) получившие известность еще в дореволюционной России (Н. В. Устрялов, В. А. Рязановский), но волею судьбы оказавшиеся за рубежом; 2) начавшие свою карьеру в России, но вынужденные уехать (С. М. Широкогоров, Н. Е. Эсперов, Б. Я. Владимирцев, А. Г. Малявкин); 3) получившие образование за границей (Г. В. Мелихов, В. С. Стариков).

Дальневосточная русская эмиграция характеризуется уникальными особенностями. Как показано выше, на характер профессиональной адаптации ученых огромное влияние оказали условия страны пребывания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аурилене Е. Е. Российская диаспора в Китае. Маньчжурия. Северный Китай. Шанхай, 1920—1950 гг. — Хабаровск, 2003. 191 с.
2. Балакшин П. Финал в Китае: (Возникновение, развитие и исчезновение белой эмиграции на Дальнем Востоке). — Сан-Франциско, Париж, Нью-Йорк, 1958.
3. Вопросы школьной жизни. — Харбин, 1925. № 3. С. 1—3; 122—125.
4. Горкавенко Н. Л., Гридина Н. П. Адаптация российской научной интеллигенции в странах дальневосточного зарубежья в 20—30-е годы // Российская эмиграция на Дальнем Востоке. — Владивосток, 2000. С. 63.
5. Государственный архив Хабаровского края = ГАХК. Ф. 830. Оп. 1. Д. 35. Л. 9.
6. ГАХК. Ф. 830. Оп. 1. Д. 60. Л. 304—305.
7. ГАХК. Ф. 830. Оп. 1. Д. 88. Л. 1—24.
8. Мелихов Г. В. Маньчжурия далекая и близкая. — М., 1991.
9. Наземцева Е. Н. На дипломатическом уровне: проблемы правового статуса русских эмигрантов в Китае в советско-китайских отношениях (1920—1940 гг.). — СПб., 2016. С. 35.
10. Раев М. Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции 1919—1939 гг. — М., 1994. 296 с.
11. Русский голос. 1920. 25 сент.
12. Серебренников И. И. Мои воспоминания... Т. 2. В эмиграции (1920—1924). — Тяньцзинь, 1940. 262 с.
13. Устрялов Н. В. У порога Китая. — Харбин, 1941. С. 14.
14. Чернолуцкая Е. Н. К вопросу о численном составе национальных колоний в Маньчжурии до 1917 г. // Россия и АТР. Содружество на рубеже веков : материалы 1-й Междунар. науч.-практ. конф. — Владивосток, 1999. Кн. 2. С. 26—33.

Wu Yanxiu
Shaoxing, China

Qiu Sue Pin
Vladivostok, Russia

TO THE QUESTION OF CULTURAL-LINGUISTIC AND PROFESSIONAL ADAPTATION OF EMIGRANTS FROM RUSSIA

ABSTRACT. The goal of the article is to disclose the problem of cultural-linguistic and professional adaptation of emigrants-historians of the "first wave" and to answer the following questions: What was the mission of the Russian emigrants, especially of the intellectual class; What was the role of emigrants-historians in Russian China in the flow of Russian emigration; What were their functions? The authors believe that the best people of Russia were forced to emigrate; they were the bearers of the culture, people of science and education. These people had the mission of preservation of the culture, historical memory, values and traditions of Russia; they tried to interpret the meaning of the tragic experience of the revolution and the Civil War. The novelty of this research is in the fact that being in exile, emigrants-historians constantly emphasized the similarity of the fate of emigrants from Russia. Some of them defended the Soviet regime and tried to come back to Russia; the others fought against it in all the possible ways: in their literary works, scientific papers, etc.

their main weapon was the word. In their scientific papers they analyzed and interpreted the situation in Russia, they were concerned about its fate, they made plans for its revival and renewal. The article describes the political aspects of cultural-linguistic and professional adaptation of emigrants-historians of that period. Russian emigrants did not melt in the Chinese society, they rather adapted to the new reality. It was impossible for the emigrants-historians to unite due to their differences in political views: there were monarchists, republicans, liberals, democrats, the mensheviks, fascists and those who were eager to get rid of the Bolshevik's regime, or those who were ready to join the Bolsheviks. In spite of the differences in views, there was a connecting link in the scientific groups, including historians – it was spiritual; and historical-cultural mission of emigration. The historians of the Russian China, except for preservation of the national cultural traditions, made a great contribution in communication between two cultures — Russian and Chinese.

KEYWORDS: emigrants-historians; historical mission; social adaptation; Russian; emigrants from Russia; people's traditions; diaspora; intellectuals.

ABOUT THE AUTHORS: Wu Yanxiu, Candidate of Historical Sciences, Senior lecturer, Deputy Director of the Institute of European Languages, Head of Department of the Russian Language, Zhejiang Institute of Foreign Languages, Shaoxing, China.

Qiu Sue Pin, Post-graduate Student, Department of Russian History, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

REFERENCES

1. Aurilene E. E. Rossiyskaya diaspora v Kitae. Man'chzhuriya. Severnyy Kitay. Shankhay, 1920—1950 gg. — Khabarovsk, 2003. 191 s.
2. Balakshin P. Final v Kitae: (Vozniknovenie, razvitie i ischeznoenie beloy emigratsii na Dal'nem Vostoke). — San-Frantsisko, Parizh, N'yu-York, 1958.
3. Voprosy shkol'noy zhizni. — Kharbin, 1925. № 3. S. 1—3; 122—125.
4. Gorkavenko N. L., Gridina N. P. Adaptatsiya rossiyskoy nauchnoy intelligentsii v stranakh dal'nevostochnogo zarubezh'ya v 20—30-e gody // Rossiyskaya emigratsiya na Dal'nem Vostoke. — Vladivostok, 2000. S. 63.
5. Gosudarstvennyy arkhiv Khabarovskogo kraja = GAKhK. F. 830. Op. 1. D 35. L. 9.
6. GAKhK. F. 830. Op. 1. D. 60. L. 304—305.
7. GAKhK. F. 830. Op. 1. D. 88. L. 1—24.
8. Melikhov G. V. Man'chzhuriya dalekaya i blizkaya. — M., 1991.
9. Nazemtseva E. N. Na diplomaticheskom urovne: problemy pravovogo statusa russkikh emigrantov v Kitae v sovetsko-kitayskikh otnosheniyakh (1920—1940 gg.). — SPb., 2016. S. 35.
10. Raev M. Rossiya za rubezhom. Istoriya kul'tury russkoy emigratsii 1919—1939 gg. — M., 1994. 296 s.
11. Russkiy golos. 1920. 25 sent.
12. Serebrennikov I. I. Moi vospominaniya... T. 2. V emigratsii (1920—1924). — Tyan'tsin', 1940. 262 s.
13. Ustryalov N. V. U poroga Kitaya. — Kharbin, 1941. S. 14.
14. Chernolutsкая E. N. K voprosu o chislennom sostave natsional'nykh koloniy v Man'chzhurii do 1917 g. // Rossiya i ATR. Sotrudzhestvo na rubezhe vekov : materialy 1-y Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. — Vladivostok, 1999. Kn. 2. S. 26—33.

РАЗДЕЛ 4. ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА: ЯЗЫК И ПРАВО

УДК 81'42
ББК Ш105.51

ГСНТИ 16.21.33; 16.21.29

Код ВАК 10.02.01

Т. Г. Букина, Т. А. Кутенева
Екатеринбург, Россия

ТЕКСТОВЫЕ ДЕЛИКТЫ В РЕКЛАМНОМ ДИСКУРСЕ

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена анализу понятия «неэтичная реклама». Проблема нарушения этических норм пронизывает все сферы общественной жизни, и рекламный дискурс как один из видов институционального общения также оказывается подверженным этим нарушениям. Опираясь на критерии этичности в рекламе, выявленные А. В. Малик, авторы анализируют нарушения этических норм, вызванные умышленной двусмысленностью рекламного текста. Данная двусмысленность может возникать при обыгрывании омонимии или полисемии как литературных, так и внесистемных языковых единиц. Подобная игра «на грани фола» создает текстовые деликты, которые могут появляться в рекламном слогане или в названии коммерческого объекта. Авторы выделяют две группы текстов, в которых зафиксировано данное явление. К первой группе относятся слоганы и коммерческие имена, вызывающие ассоциации с непристойными, бранными словами. Во вторую группу объединяются тексты по признаку противоречия сложившимся в обществе правилам поведения, приличия и хорошего тона. В результате анализа текстового материала авторы приходят к выводу, что отсутствие четких критериев при определении норм этики в рекламной коммуникации не позволяет в полной мере осуществлять регулирование рекламной деятельности, что приводит к частому появлению неэтичной и аморальной рекламы, которая не только привлекает внимание реципиента, но и оказывает влияние на формирование новых ценностей и моделей поведения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: рекламный дискурс; реклама; моральные нормы; текстовые деликты; неэтичная реклама; языковая игра; рекламные тексты.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ: Букина Татьяна Григорьевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков, Уральский юридический институт МВД России; 620057, Россия, Екатеринбург, ул. Корепина, 66; e-mail: tf30@rambler.ru.

Кутенева Татьяна Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры языков массовых коммуникаций, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина; 620142, Россия, Екатеринбург, ул. Чапаева, 16; e-mail: shadrina_tatyana@mail.ru.

Развитие общества как социального организма привело к созданию определенных моральных и нравственных ценностей, регулирующих его деятельность. Другими словами, общественная жизнь не может существовать обособленно от системы норм нравственного и морального поведения. Необходимо отметить, что главным ценностным ориентиром для общества является этика — наука, диктующая нормы человеческих поступков. Как отмечает Г. А. Голубева, «этика является важным элементом человеческой культуры. Изучение этики закладывает основы интеллигентности человека, его благородство и добропорядочность, формирует гражданственность личности, вкус и хорошие манеры» [Голубева 2005: 11]. Именно поэтому этика, пронизывая собой всю многообразность человеческого бытия, является неотъемлемой частью социума.

Социализация человека обязывает его взаимодействовать с другими людьми, и это происходит лишь тогда, когда индивид имеет устойчивые гарантии поведения в отношении другого. Именно моральные нормы диктуют правила поведения и тем самым создают благоприятные условия для организации общественной жизни. Моральные нормы — это нравственные императивы поведения человека, основанные на общественных нормах.

Опираясь на мнение А. А. Гусейнова, можно выделить основную характеристику

моральных норм. Во-первых, любая моральная норма содержит в себе повелительное предписание. Во-вторых, норма имеет свою целевую аудиторию. В-третьих, норма может иметь имплицитный характер (действия выражены нечетко). В-четвертых, норма предполагает меры воздействия при условии их нарушения (осуждение, порицание, неприятие обществом) [Гусейнов 2004: 383].

Хотя моральные нормы имеют императивный характер, выбор, следовать им или нет, остается за самим человеком. У каждого члена общества сформированы представления о тех или иных моральных нормах посредством ценностей общественного сознания. Отсюда следует неразрывность моральных норм и ценностей общества. «Без норм ценности лишаются общеобязательного значения и, собственно, перестают быть ценностями общественного сознания, превращаясь в индивидуальные оценки» [Разин 2006: 407].

Ценности отражают общепринятые представления о потребностях и интересах человека, о его отношении к чему-либо. Ценности определяют поступки человека, его мысли и чувства, которые определяются системой ценностных ориентаций. О. Н. Логвиненко отмечает, что «именно система ценностных ориентаций способствует выработке личной стратегии правильной жизни» [Логвиненко 2007: 46].

Проблема нарушения этических норм пронизывает все сферы общественной жизни, и рекламный дискурс как один из видов институционального общения также оказывается подверженным этим нарушениям.

Рекламный дискурс охватывает многие сферы жизни современного человека и связан с разнообразными видами его деятельности в социуме. А. В. Олянич называет основные цели рекламного дискурса: воздействующая, которая направлена на создание определенных стереотипов поведения, перестройку или закрепление ценностных ориентиров в сознании личности; социальная, которая призвана способствовать коммуникационным связям в обществе, формировать общественное сознание, содействовать улучшению качества жизни; информационная, суть которой заключается в том, чтобы распространять в массовом масштабе информацию о товаре или услуге, их характере и месте продажи, выделять товар определенной фирмы; экономическая, которая заключается в стимулировании распространения товаров и услуг [Олянич 2011: 10]. К сожалению, в погоне за реализацией этих целей рекламодатель забывает о том, что рекламный дискурс имеет еще и культуроформирующую цель, не только транслируя потребителю информацию о товаре или услуге, но и формируя у него определенные моральные ценности. В результате часто недобросовестные рекламисты игнорируют принятые в обществе моральные нормы и ценности и распространяют заведомо неэтичную рекламу.

Как отмечает А. В. Малик, «проблема нарушения этических норм в рекламе заключается в том, что рекламодатели, отрицая социальную ответственность, преследуют цель привлечения внимания аудитории и прибегают к созданию скандальной, шокирующей, а порой и оскорбляющей чувства потребителя рекламы» [Малик 2016: 112]. Несмотря на то что неэтичная реклама запрещена законодательством, она все чаще появляется в городском пространстве.

В ст. 5 п. 6 закона РФ «О рекламе» говорится: «Не допускается использование бранных слов, непристойных и оскорбительных выражений, в том числе в отношении пола, расы, национальности, профессии, социальной категории, возраста, языка человека и гражданина, официальных государственных и религиозных символов (флагов, гербов, гимнов), религиозных объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, а также объектов культурного наследия, включенных в Список всемирного наследия» [О рекламе

http]. Широкая практика обращения граждан в судебные органы с требованием демонтировать наружную рекламу, так как она «унижает человеческое достоинство, развращает подрастающее поколение, разрушает нравственные устои общества» (заявление в Федеральную антимонопольную службу по Свердловской области от гражданки г. Екатеринбурга от 22 июля 2015 г.), показывает, что нарушение этических норм в рекламе отнюдь не единичное явление.

Проблема этики в рекламе предопределяется тем, что воздействие рекламы имеет мощное влияние на потребителей и «мало кто может взять на себя ответственность определить степень, формы и пределы психологических воздействий в рекламе, т. е., по сути дела, ответить на вопрос: как и чем можно или нельзя воздействовать на потребителя. Поэтому в большинстве случаев ссылаются на законы и судебную практику» [Каримова 2004: 35].

Несмотря на правовое регулирование рекламной деятельности в вопросах этики и существующих установок относительно неэтичности рекламы, в Законе РФ нет четких критериев этичности в рекламе. У. Уэллс отмечает: «Решение многих затрагивающих рекламу спорных вопросов остается на совести рекламодателей. <...> Немало решений имеют в своей основе этические соображения. В дискуссии об этике рекламы центральными являются три вопроса: пропаганда, точность и восприимчивость» [Уваров 2014: 69]. Поэтому необходимо, «чтобы окончательное решение принимал <...> покупатель. Если реклама товара воспринимается как нарушение стандартов этики, покупатели могут оказывать давление на рынок, отказываясь приобретать этот товар или предъявляя претензии производящей его компании, а также подавая жалобы в многочисленные органы правового регулирования» [Там же: 71].

Принятый в 2001 г. Российский рекламный кодекс содержит свод правил, который подразумевает соблюдение этических норм. Статья 1 «Общие положения» гласит: «Реклама должна быть законной, пристойной, честной, корректной и достоверной. Любая реклама должна разрабатываться с должным чувством ответственности перед обществом и должна соответствовать принципам добросовестной конкуренции, общепринятым в коммерческой деятельности. Никакая реклама не должна оказывать отрицательное влияние на доверие общественности к рекламной деятельности» [Российский рекламный кодекс http].

Учитывая особенность восприятия рекламы, этичность носит субъективно-оценоч-

ный характер, так как каждый воспринимает информацию и интерпретирует ее по-своему. Это зависит от личностных характеристик адресата (пола, возраста, национальности, образования, семейных устоев, образа жизни и т. д.). Соответственно, вероятно ситуация, когда одна и та же реклама неоднозначно воспринимается получателями информации и может расцениваться как этичная и неэтичная одновременно.

А. В. Малик, проанализировав документы Федеральной антимонопольной службы по Свердловской области, поступившие на рассмотрение в 2015—2016 гг., выявила следующие критерии неэтичности:

- двусмысленность, вызывающая ассоциации с непристойными или оскорбительными выражениями; нецензурная игра слов и оскорбительные высказывания;
- неуместное или грубое использование эротических образов или выражений;
- оскорбительные выражения, которые принижают значимость исторического события;
- оскорбление чувств религиозных и других убеждений; оскорбление чувств людей, столкнувшихся с утратой или болезнью;
- оскорбление чести и достоинства отдельных групп людей по физическим данным, возрасту, полу;
- дискриминация людей по расе и социальному положению [Малик 2016: 113].

Как показывает анализ текстов наружной рекламы, поступивших на рассмотрение в Федеральную антимонопольную службу, чаще всего этические нормы нарушаются в рекламе услуг (банки, вклады, кредиты, косметические салоны, магазины и т. д.).

Объектом исследования в данной работе являются тексты, в которых этическая норма нарушается через обыгрывание омонимии и многозначности языковых единиц (как литературных, так и жаргонных), в результате которого возникает коммуникативный конфликт «а) между требованием универсальной, внеситуативной грамотности и такой же этичности, которое исходит обычно от массовой аудитории и культурных арбитров; б) между ситуативным, дискурсивным требованием „эффективности несмотря ни на что“, которое исходит от авторов, преследующих воздейственные цели, и от аудитории, которая нуждается в решении проблемы и ждет, что производитель ей в этом поможет своим товаром, а рекламист ее убедит в необходимости приобретения, а заодно развлечет выразительным текстом; и, наконец, между: в) требованием законодательным, с его пропорцией между интересами индустрии, целевых аудиторий и широкой общественности» [Амири 2013]. В конечном

итоге этот конфликт вырастает до противостояния адресата и адресанта рекламы.

Использование в наружной рекламе каламбуров «на грани фола» Л. П. Амири называет текстовыми деликтами (от лат. *delictum* — проступок, правонарушение) [Там же]. Предметом нашего рассмотрения являются деликты, возникшие на вербальном уровне. Данный феномен может проявляться как в рекламном слогане (что происходит чаще всего), так и в коммерческом имени.

Рекламные слоганы с нарушением этических норм можно разделить на две группы.

Первая группа объединяет слоганы с использованием и имитацией общенной и жаргонной лексики, вызывающей ассоциации с непристойными, бранными словами.

Реклама аннуитетных экспресс-кредитов от банка «Альянс Финанс» содержит слоган: *Все будет аннуительно!* Неоднозначная языковая игра рекламного текста создана за счет омоформы термина «аннуитетный». В данном случае термин преобразован в новую окказиональную единицу «аннуительно», практически совпадающую по звучанию с общенным словом, обозначающим «отлично, превосходно» [Блинов, Шевелев 2002: 147].

Реклама магазина бытовой техники «Видео» в г. Бердске Новосибирской области содержит следующий слоган: *Цены просто зашибись!* «Зашибись — мол., жрр. О чем-л. Отличном, прекрасном, вызывающем одобрение» [Мокиенко, Никитина 2001: 219]. На первый взгляд, здесь использовано невинное слово из молодежного жаргона с положительной семантикой. Но рекламисты использовали графический прием: буква Ш как бы свисает со строчки, превращаясь в букву Е. Таким образом молодежная фраза трансформируется в бранное выражение. Подобным образом обыгрывается слоган *Цены просто заведись!* Буквальное значение текста не имеет негативной коннотации — «хорошие цены». При этом использование разноцветных букв на красном фоне приводит к «потере» слова «просто» и букв «В» и «Д». Отсюда мы получаем «Цены заеись», что также созвучно с известным бранным выражением [Блинов, Шевелев 2002: 64].

Неоднозначная языковая игра, основанная на обыгрывании омоформ, представлена в рекламе фирмы доставки еды «Фарфор»: *Японуться теперь можно.* Окказиональный глагол «японуться» созвучен с бранным выражением, которое означает «лишиться рассудка» [Там же: 63].

Вторая группа слоганов с нарушением этических норм выявлена по признаку противоречия со сложившимися в обществе

правилами поведения, приличия и хорошего тона. В пример приведем рекламу магазина «Эксперт»: *Купи жене в подарок утюг и ваши тещи получат по чайнику — БЕСПЛАТНО!* Проводя анализ рекламного сообщения, мы обращались не только к лексикографическим, но и к фоновым знаниям, имеющим отражение в сознании носителя языка, поскольку существуют стереотипы, связанные с тещей, как правило, представляющие ее образ в ироническом или негативном контексте. В пример можно привести малые фольклорные формы языка — пословицы и поговорки про тещ: *Ах, тёща моя, хуже лихорадки; Бог создал небо, реку и рошу, а черт — зятя, свекровь и тещу; Жениться надо на сироте, дабы не обременять себя тещей; Не меняй тещу опрометчиво — следующая может оказаться ещё хуже; Прими зятя в дом, а сама убирайся вон!; Тещу в дом — чёрта в дом; Тёща в дом, всё вверх дном* и др. [Уваров 2014: 2—4]. Стереотипы, воплощенные в ироническом контексте, связанные с тещами, прослеживаются и в приведенной рекламе. Итак, в рекламе магазина представлена бесплатная акция: при покупке утюга — чайник в подарок. Мы видим трансформированное использование фразеологизма *дать по чайнику*, точнее его буквализацию. Данную рекламу, как мы предполагаем, можно интерпретировать иным образом: *дать по чайнику* — «жрр., шутил. ударить кого-л. по голове; избить кого-л.» [Мокиенко, Никитина 2001: 664]. Подобным образом построен рекламный слоган туристической компании «Vista» *Закопай тещу в песок. От 350 у.е.* Здесь уже адресат узнает каламбур с участием глагола *закопать*: «выкопав углубление в чем-н. сыпучем и поместив туда, засыпать» [Ожегов, Шведова 1999: 208], но результатом таких действий может быть не только прогревание всего тела с помощью горячего южного песка, но и лишение жизни. Учитывая то, что реклама не только информирует о товаре или услуге, но и навязывает определенные стандарты поведения, данная реклама может восприниматься как провозглашение модели поведения человека. Заявленное противоправное действие, обыгранное в контексте, противоречит современным моральным и нравственным нормам.

К этой же группе можно отнести рекламу ресторана японской кухни. На рекламном баннере изображено вопросительное предложение: *Дашь мне в ротик?...суши.* Из-за графического выделения вопросительного предложения реклама вызывает ассоциации непристойного сексуального характера. В «Большом словаре русского жаргона» зафиксиро-

вано значение глагола *дать*: «жрр. Вступить в половую связь (о женщине)» [Мокиенко, Никитина 2001: 147]. Реклама с аналогичным контекстом представлена в рекламном тексте ресторана японской кухни «Якитория»: *Бери в рот. Глотай не глядя.*

Следует отметить, что апелляция к теме сексуальности в текстовых деликтах является весьма тиражируемым приемом. Так, рекламный слоган фирмы «Consaltinggroup» звучит следующим образом: *С нашими бухгалтерами Вы можете спать спокойно!* В данном случае обыгрывается многозначность глагола *спать*: «1. находиться в состоянии сна; 3. находиться в половых отношениях» [Там же: 754]. Графический компонент усиливает двусмысленность вербального компонента за счет использования образа молодой женщины с глубоким декольте. Данная реклама вызывает непристойные ассоциации и нарушает этические нормы общества.

Коммерческое имя как нематериальный актив организации, как транслятор ее репутации значительно реже, чем рекламный слоган, в основе своей содержит текстовый деликт. Но в попытке создать работающее на продажу рекламное имя горе-неймеры экспериментируют в рамках так называемого квазикреативного творчества. Под квазикреативным творчеством Л. П. Амири понимает «использование шоковых способов воздействия, вызывающих у среднестатистического потребителя неприятие одного из составляющих компонентов рекламного сообщения» [Амири 2014: 7].

Как правило, имена-деликты встречаются в сфере бытового обслуживания (названия кафе, закусочных, магазинов). Среди таких имен, во-первых, выделяется группа названий, эксплуатирующих фоновые знания потребителя о нецензурных словах и оскорбительных высказываниях.

Подобный прием использован в наружной рекламе мужского бара города Екатеринбурга «Ё-барЪ». В данном случае название бара образовано по способу графической игры: используются буквы старорусской графики (Ъ), а также такой текстовый графический прием, как уменьшение пробелов. Таким образом, созвучие с обценной лексикой становится еще более заметным и название еще больше напоминает нецензурное выражение, у которого Словарь русского мата фиксирует отрицательную коннотацию в виде пометы *пренебр.*: «(пренебр.) мужчина, сексуальный партнер» [Блинов, Шевелев 2002: 61].

Название туристической фирмы аХуедь, образованное по синтаксической модели рекламных имен (восклицательное междометие

+ форма повелительного наклонения глагола) созвучно общенному глаголу, обозначающему «испытать восторг от чего-л., кого-л., восхищение чем-л., кем-л.» [Там же: 144].

К этой же группе отнесем название магазина бальных платьев *ЯиБал*, название бьюти-центра *Ebano* (с итальянского языка переводится «черное дерево») и др.

Вторую группу имен с нарушениями этических норм составляют названия, способные нанести оскорбление чести и достоинству отдельных групп граждан из-за ненадлежащих ассоциаций, связанных с названием заведения. Так, названия магазинов и предприятий бьюти-индустрии часто образуются по отадресатному принципу речевого акта номинации [Романова 2008: 20], т. е. отадресатные коммерческие имена так или иначе характеризуют потребителя. Такие названия, как *Алконавт* (оптовый магазин алкоголя), *Носорог* (салон красоты), скорее отпугнут потенциальных клиентов, чем расположат к покупке. А название *Малыш* для магазина, торгующего водкой и пивом, вообще может попасть в поле зрения У ФАС.

Таким образом, при анализе нарушений рекламного законодательства необходимо учитывать двусмысленность восприятия текста, многозначность языковой единицы и неразрывную связь между вербальной и визуальной составляющей, способную породить иное прочтение рекламного сообщения.

Неэтичная реклама, появляющаяся в городском пространстве, привлекает внимание и вызывает негативную реакцию общественности. Несмотря на правовое регулирование рекламной деятельности, мы наблюдаем регулярное появление рекламных сообщений, содержащих нарушение норм этики. Выявление нарушений рекламного законодательства затрагивает единичные случаи. Несмотря на это, общественность откликается на подобную рекламу и выражает свое недовольство в социальных сетях или заявлениях, поступающих в государственные органы.

Отсутствие четких критериев норм этики рекламной коммуникации не позволяет в полной мере осуществлять регулирование

рекламной деятельности, что приводит к частому появлению неэтичной и аморальной рекламы, которая не только привлекает внимание реципиента, но и оказывает влияние на формирование новых ценностей и моделей поведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Амири Л. П. Игровой потенциал многозначности, или Один из способов «каламбуринга» в современной рекламной коммуникации // Изв. Урал. фед. ун-та. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2014. № 2 (126). С. 6—12.
2. Амири Л. П. Текстовые деликты, или «шоковые» способы воздействия на потребителя в креолизованных рекламных текстах [Электронный ресурс] // Медиаскоп : электр. науч. журн. 2013. № 2. URL: <http://www.mediascope.ru/node/1304>.
3. Блинов В. А., Шевелев Ф. А. Русский народный мат : толковый словарь. — Екатеринбург : Урал. литератор, 2002. 205 с.
4. Голубева Г. А. Этика : учеб. — М. : Экзамен, 2005. 320 с.
5. Гусейнов А. А., Апресян Р. Г. Этика : учеб. — М. : Гардарики, 2004. 472 с.
6. Каримова Л. И. Социальная психология и реклама : учеб. пособие для вузов. — Ташкент : Издат.-полиграф. дом им. Г. Гуляма, 2004. 120 с.
7. Логвиненко О. Н. Деловая культура : учеб.-метод. пособие. — Бобруйск : БФ БГЭУ, 2007. 162 с.
8. Малик А. В. Этический аспект в рекламе: нормы и отклонения // Стратегии развития социальных общностей, институтов и территорий : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 18—20 апр. 2016 г.) : в 2 т. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2016. Т. 2. С. 112—115.
9. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русского жаргона. — СПб. : Норинт, 2001. 720 с.
10. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений. — М. : Азбуковник, 1999. 944 с.
11. Олянич А. В. Рекламный дискурс и его конститутивные признаки // Рекламный дискурс и рекламный текст : коллектив. моногр. — М. : Флинта — Наука, 2011. С. 10—38.
12. О рекламе (с изменениями на 31 дек. 2017 г.) [Электронный ресурс] : Федеральный закон от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901971356>.
13. Разин А. В. Этика : учеб. для вузов. — М. : Академический проект, 2006. 624 с.
14. Романова Т. П. Теория и методика создания коммерческих наименований и рекламных текстов : учеб. пособие для слушателей образовательной программы «Рекламная и издательская деятельность». — Самара : Универс групп, 2008. 156 с.
15. Российский рекламный кодекс [Электронный ресурс] / Совет ассоциаций медийной индустрии (САМИ). URL: <http://www.advertology.ru/index.php?name=Subjects&pageid=349>.
16. Уваров Н. Тёща моя... И в шутку, и в серьез. — М. : Инфра-Инженерия, 2014. 90 с.
17. Уэллс У., Бернет Дж., Мориарти С. Реклама: принципы и практика. — СПб. : Питер, 1999. 736 с.

T. G. Bukina, T. A. Kuteneva
Ekaterinburg, Russia

TEXTUAL DELICTS IN ADVERTISING DISCOURSE

ABSTRACT. The article analyzes the concept of "unethical advertising". The problem of violation of ethical norms permeates all spheres of public life, and advertising discourse as a type of institutional communication is also subject to these violations. Based on ethical criteria in advertising revealed by A.V. Malik, the authors analyze ethical violations caused by deliberate ambiguity of the advertising text. This ambiguity can arise when playing on homonymy or polysemy of both literary and non-systemic linguistic units. Such a game "on the verge of a foul" creates text torts that can appear as an advertising slogan or in the name of a commercial object. The authors distinguish two groups of texts in which this phenomenon is recorded. The first group includes slogans and commercial names that cause associations with obscene, abusive words. The second group combines texts on the basis of contradiction with the rules of behavior, decency and good tone. As a result of the analysis of the text material, the authors conclude that the lack of clear criteria of ethics in advertising communication does not allow to fully regulate advertising activities, which leads to the frequent occurrence of unethical and immoral advertising, which not only attracts the attention of the recipient, but also has an impact on the formation of new values and behaviors.

KEYWORDS: *advertising discourse; advertising; moral standards; text delicts; unethical advertising; word play; advertising texts.*

ABOUT THE AUTHORS: *Bukina Tatyana Grigoryevna, Candidate of Philology, Associate Professor, Foreign Languages Department, Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ekaterinburg, Russia.*

Kuteneva Tatyana Aleksandrovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Languages, Mass Communications, Ural Federal University named after first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia.

REFERENCES

1. Amiri L. P. Igrovoy potentsial mnogoznachnosti, ili Odin iz sposobov «kalamburinga» v sovremennoy reklamnoy kommunikatsii // *Izv. Ural. fed. un-ta. Ser. 1. Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury*. 2014. № 2 (126). S. 6—12.
2. Amiri L. P. Tekstovye delikty, ili «shokovye» sposoby vozdeystviya na potrebitelya v kreolizovannykh reklamnykh tekstakh [Elektronnyy resurs] // *Mediascope : elektr. nauch. zhurn*. 2013. № 2. URL: <http://www.mediascope.ru/node/1304>.
3. Blinov V. A., Shevelev F. A. Russkiy narodnyy mat : tolkovyy slovar'. — Ekaterinburg : Ural. literator, 2002. 205 s.
4. Golubeva G. A. Etika : ucheb. — M. : Ekzamen, 2005. 320 s.
5. Guseynov A. A., Apresyan R. G. Etika : ucheb. — M. : Gardariki, 2004. 472 s.
6. Karimova L. I. Sotsial'naya psikhologiya i reklama : ucheb. posobie dlya vuzov. — Tashkent : Izdat.-poligraf. dom im. G. Gulyama, 2004. 120 s.
7. Logvinenko O. N. Delovaya kul'tura : ucheb.-metod. posobie. — Bobruysk : BF BGEU, 2007. 162 s.
8. Malik A. V. Eticheskiy aspekt v reklame: normy i otkloneniya // *Strategii razvitiya sotsial'nykh obshchnostey, institutov i territoriy : materialy II Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Ekaterinburg, 18—20 apr. 2016 g.) : v 2 t.* — Ekaterinburg : Izd-vo Ural. un-ta, 2016. T. 2. S. 112—115.
9. Mokienko V. M., Nikitina T. G. Bol'shoy slovar' russkogo zhargona. — SPb. : Norint, 2001. 720 s.
10. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka : 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazheniy. — M. : Azbukovnik, 1999. 944 s.
11. Olyanich A. V. Reklamnyy diskurs i ego konstitutivnye priznaki // *Reklamnyy diskurs i reklamnyy tekst : kolektiv. monogr.* — M. : Flinta — Nauka, 2011. S. 10—38.
12. reklame (s izmeneniyami na 31 dek. 2017 g.) [Elektronnyy resurs] : Federal'nyy zakon ot 13 marta 2006 g. № 38-FZ. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901971356>.
13. Razin A. V. Etika : ucheb. dlya vuzov. — M. : Akademicheskiiy proekt, 2006. 624 s.
14. Romanova T. P. Teoriya i metodika sozdaniya kommercheskikh naimenovaniy i reklamnykh tekstov : ucheb. posobie dlya slushateley obrazovatel'noy programmy «Reklamnaya i izdatel'skaya deyatel'nost'». — Samara : Univers grupp, 2008. 156 s.
15. Rossiyskiy reklamnyy kodeks [Elektronnyy resurs] / Sovet assotsiatsiy mediynoy industrii (SAMI). URL: <http://www.advertoology.ru/index.php?name=Subjects&pageid=349>.
16. Uvarov N. Teshcha moya... I v shutku, i v ser'ez. — M. : Infra-Inzheneriya, 2014. 90 s.
17. Uells U., Bernet Dzh., Moriarti S. Reklama: printsipy i praktika. — SPb. : Piter, 1999. 736 s.

РАЗДЕЛ 5. ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

УДК 811.111. '42
ББК ШП43.21-51

ГСНТИ 16.21.27; 16.21.55

Код ВАК 10.02.19

Д. А. Павлова, В. А. Каменева
Кемерово, Россия

КОГЕЗИЯ АМЕРИКАНСКИХ И БРИТАНСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ГИПЕРТЕКСТОВ

АННОТАЦИЯ. Данная статья раскрывает понятие когезии с точки зрения гипертекста, выявляет наиболее часто используемые средства когезии для привлечения и удержания внимания реципиента в рамках политического дискурса, а также определяет функции каждого вида когезии. В работе дано уточненное определение термину «когезия», выделены и проанализированы средства когезии политического дискурса гипертекстового формата. В качестве материала исследования были выбраны два британских и три американских веб-сайта: веб-сайт Республиканской партии США, Консервативной партии Великобритании, веб-сайт Парламента Великобритании, а также веб-сайты сената и палаты представителей США. Полученные сведения были синтезированы, что позволило выявить преобладающие средства когезии в американских и британских политических гипертекстах. Главными методами исследования были выбраны общенаучные методы анализа, синтеза и сравнения, так же как и лингвистические методы словарных дефиниций, дискурсивный и интерпретативный анализ гипертекстовых характеристик.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: гипертексты; политический дискурс; когезия; средства когезии; типы когезии; реципиент.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ: Павлова Дарья Андреевна, магистрант, Юридический институт, Кемеровский государственный университет; 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Терешковой, 40; e-mail: pavlovadaria93@mail.ru.

Каменева Вероника Александровна, доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии, Кемеровский государственный университет; 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6, корп. 6, к. 6409; e-mail: russia_science@mail.ru.

Current linguistics deals actively with communicative processes in different life spheres. Political communication isn't an exception. Internet-communication spread widely due to technological progress as well as special kind of text — hypertext. This term was first used by Ted Nelson, which he defined as a complete text being a system of texts arranged in a hierarchical fashion [Nelson 1965; 1983]. Hypertext is a document, which presents nonlinear structure of ideas contrary to standard linear structure of books, films and speech. Last decades large number of papers was devoted to the problem of hypertext and its characteristics within political discourse. Such authors should be mentioned J. Nielsen [Nielsen 1990], N. K. Radina [Radina 2016], A. A. Pushkov [Pushkov 2011], E. V. Zikova [Zikova 2010], O. N. Morozova [Morozova 2012], E. A. Popov [Popov 2015], A. R. Safina [Safina 2012] and others.

As hypertext is a block of hypotexts, the cohesion issue appears to be very important. Although not all scientists agree that hypertext is a text and can be analyzed from textuality point of view. Since cohesion is one of the most important characteristics, it was studied by such researchers as N. E. Enkvist [Enkvist 1985], M. A. K. Halliday, R. Hasan [Halliday 1976], L. Voborzhil [Voborzhil 1998], F. U. Zhabbarova [Zhabbarova 2011], I. A. Illyna [Illyna 2009], O. V. Kasachenko [Kasachenko 2009] and others.

Not a lot of scientists studied cohesion from the perspective of hypertext. E. A. Suhovalova researched cohesion and coherence from the perspective of English political discourse, but as a material for the study this scientist took text in its traditional form and characterized all possible means of cohesion [Suhovalova 2010].

Yu. V. Danushina studied macrostructure of discourse, its cohesion according to different definitions of several linguists. This author also analyzed realization ways of syntactic-semantic cohesion of American corporative discourse structure by studying hypertext of international oil and gas company ExxonMobil [Danushina 2009].

Since hypertext exists studying of cohesion becomes essential from the perspective of cohesion means and how these means draw and hold recipient's attention, how do they help him/her to follow the idea of a political hypertext. Recipient's ability to acquire information changes with communicative processes by the time and influence of technological progress. Natural, that almost every recipient of political hypertext is potential voter and since he changes, designers of political hypertexts are forced change the way of presenting the information. That's why it is rather important to study cohesion means to understand which and how help designers to draw and hold recipient's attention.

Cohesion is one of the main criteria of textuality. Common definition of cohesion doesn't exist and every scientist defines it from his/her point of view. Term cohesion was firstly introduced in 1976 by English linguists M. A. K. Halliday and R. Hasan. According to them cohesion is a set of significant relations, which is common for all the texts, which separates a text from a non-text, which is means to reveal interdependence of different parts [Halliday 1976]. This definition is rather narrow. Russian scientist I. R. Galperin defines cohesion as special kinds of connections, which provides continuum i. e. logical sequence, interdependence of separate messages, facts, actions [Galperin 1981]. According to M. L. Makarov cohesion is a crite-

ria of textuality, which characterizes formal connection of a text [Makarov 1998]. In the study of L. R. Bezuglaya cohesion is defined as sequence and switching of words and fragments within the text with the help of lexical and grammatical connections [Bezuglaya 2009]. N. V. Lukashevich defines cohesion as a total of lexical and grammatical means used for demonstration the connection between fragments of texts [Lukashevich 2010]. Dijk understands cohesion as a local connection, which connects linear sequences and is expressed by syntactic and semantic means between some sentences [Dijk 1977].

M. A. K. Halliday and R. Hasan talk about next kind of cohesion: reference, substitution, ellipsis, conjunction, lexical cohesion. It allowed us to divide them into 3 groups: grammatical cohesion (reference, substitution, ellipsis), lexical cohesion and transitive cohesion (conjunction) [Halliday 1976]. I. R. Galperin also includes in term cohesion different kinds of text connections, but he had more extend list: grammatical, logical, associative, figurative, compositional-structured, stylistic, rhythmical-formed. According to this scientist traditional grammatical means are conjunctions and connective words (that's why, although, as, therefore, as well as), all deictic means and participial phrases. Logical means of cohesion include adverbs (soon, before long, when), recitation forms (first, second), words, which are spatial characteristics of information (next to, near, not far, opposite), graphical means and numbers. All above mentioned logical means are united because they fit in with logical-philosophic ideas of sequence, temporal, spatial and cause-and-effect relations. This division is rather questionable, because the same part of speech is divided into different kinds of cohesion. Rhythmical-formed means of cohesion are very important only in the texts where rhythm and intonation make a big difference. Associative means (in the same way that, it reminded him, came back to his memory) are based on imaginative closing gaps, i.e. on subjective-attitudinal modality, retrospection and connotation. Figurative cohesion includes extended metaphors, which make recipient's imagination work. Compositional-structured means (insertion, aside, description of event which is not related to the main idea) usually ruin the sequence of the text and its logical structure. Stylistic kind of cohesion is supposed to repeat style in some text fragments [Galperin 1981].

Czech linguist L. Voborzil identifies formal and graphical means of cohesion. Formal means of cohesion help to divide text into separate fragments, place text on the page, mark paragraphs and abstracts and organise head-

ings and crossheadings. Graphic means of cohesion are punctuation marks, which also have function in simple sentences as well as in complex and compound sentences [Voborzil 1998]. T. V. Milevskaya presents 5 main kinds of cohesion, which include big number of means. The first kind, lexical, is understood as a sequence of references of the same extra-linguistic situation, which forms a nominative line. The main means is reiteration, which is repetitive and cohesive element, which is used not only in different fragments, but also in one fragment, thereby it emphasises completeness of construction from semantic point of view. Synonymous cohesion is a way of linear cohesion, accomplished by synonyms for new information about afore-mentioned object. Next kind is grammatical cohesion, which uses conjunctions, articles and demonstrative pronouns as its means. Deictic cohesion possesses means of morphological level, pronouns, modal words and particles. T. V. Milevskaya defines this kind as the most important, because author's intentions play a key role by writing a text and they can be shown with the help of deictic means of cohesion [Milevskaya 2003]. Syntactic cohesion is used for forming the constructions and co-occurrence of separate fragments. Syntactic means appear as a result of components co-occurrence of initial phrase formal structure. From viewpoint of structure and semantics initial structure can be predicted, ellipsis and parallelism can be used. Which kinds and means of cohesion are common for political hypertexts, which can draw and hold attention of the recipient the best is possible to find out only in the process of analysis [ibid.].

For authentic results political hypertexts of two English-speaking countries, the USA and Great Britain were chosen. One dominant party of every country was chosen: Republican Party of the USA and Conservative and Unionist Party of Great Britain. Political hypertexts of legislative authorities were taken for countercheck as well: Parliament of the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland, the United States House of Representatives, the United States Senate. There was a possibility to analyze means of cohesion by examining political hypertexts of different political systems and of different political levels.

All websites were considered as cohesive political hypertexts, which contained significant number of hypotexts. First, hypertext of political party was examined. Republican Party of the USA contained 1250 hypotexts, which were connected to each other by different means of cohesion. The size of this hypertext didn't simplify search of cohesive means. While studying theoretical material, next kinds of cohesion

were identified: grammatical, logical, associative, lexical, figurative, compositional-structured, stylistic, rhythmical-formed, transitive, event-related, syntactic, deictic, cohesion on the level of similar units and sign forms, cohesion of text attributes. According to our examination this hypertext possessed grammatical, logical, associative, lexical, compositional-structured, syntactic, deictic kinds of cohesion. The most used kind of cohesion turned to be compositional-structured 34,5%. Compositional-structured cohesion contained such means which didn't always logically connect hypotexts, therefore hypertext's structure could be changed or disturbed. Compositional-structured means included insertion, aside, description of event which is not related to the main idea. In our opinion, this kind of cohesion was transformed as a part of political hypertext and political discourse. It didn't only connect hypotexts, it organised information in the way it was clear and convenient for recipient to move from one information unit to the other (*Platform, Preamble; Blogs; Government Reform; Action Center: Petitions; Surveys; Merchandise; Postcard Project; National Security Survey; Women's History Month Highlight: Dr. Ada Fisher; Wisconsin Primary Straw Poll; Mainstream Media Accountability Survey; 2016 Sustaining Membership Questionnaire*). As it was noticed, most means were presented as a noun or nominative phrase with attributes. Next kind of cohesion turned to be syntactic 16%. It functioned on the sentence level with the help of ellipsis and parallelism. Both cohesive means were presented equally in this hypertext, 8% each. Parallelism of political hypertext was rather specific and connected hypotexts of the same significance (*Stand with President Trump's Supreme Court Nominee; Stand with Team Trump; Stand for life; preserve Scalia's Legacy; Obama's Women Woes; Obama's PR Stunt; Obama's Broken Promise to NALEO; ObamaCare Burdening Women; Obama's wrong on Syrian Refugee; Obama's biggest failure survey*). Second means was ellipsis — fragmental omission of information. Within political discourse it was call for some actions without any instructions but the recipient could understand it using his background knowledge (*America resurgent; Veterans for Trump; Rocky Rodriguez on why he is a republican; Correcting the Record; Engaging with Hispanics; Black republican activities; Asian Pacific Americans; Veterans and military families; Agriculture, Energy, and the Environment; Great American Families, Education, Healthcare, and Criminal Justice*). The third kind of cohesion 14,5% in this political hypertext was grammatical one. Grammatical cohesion allowed connecting fragments of hypertext in

specific text environment with the help of repetition of grammatical forms. Grammatical means included reference, substitution, conjunction, connective words, participial phrase, articles and demonstrative pronouns. But this exact hypertext had only two means of grammatical cohesion, substitution and usage of articles. Substitution was also used with the help of abbreviations GOP — Grand Old Party and RNC — Republican National Committee (*GOP Faith; GOP Millennials; RNC women; GOP Hispanics; GOP Presidential Focus Group; Official GOP Exit Poll; Official GOP Super Tuesday Exit Poll; The official GOP Pint glass*). Substitution wasn't the only means of grammatical cohesion, there were also examples with definite article (*The Platform Committee; Health Care, the American way; Restoring the American Dreams*). Logical cohesion was presented by 9,2% of means: adverbs, citation, words having spatial and temporal characteristics, graphical means and numbers. These means were called logical because they followed common philosophical rules. Next means of cohesion were found in this political hypertext: adverbs, citation, words having spatial and temporal characteristics, graphical means and numbers. Examples (*Learn more!; 50 years later*) belonged to logical cohesion, since adverbs helped to connect definite hypotexts from the logical point of view. Next examples (*Continue Reading; Jump to Platform; Jump to Republicans believe*) contained verbs "continue" and "jump to", which were indicative of further information in the hypotext followed. Besides, citation of resolutions was identified according to their operative time (*2013 Resolutions; 2014 Resolutions; 2015 Resolutions; 2016 Resolutions; 2017 Resolutions*) which were also added to our list of means. Designers of this hypertext also used graphical means of cohesion in the block called State Leadership. It was possible to observe picture of the USA map, divided into all states, and by clicking every state you could see the information about all party representatives exactly in this state. 8,5% of examples (*How will Christie win; Which did Jefferson say; Sign the pledge; Enter to win a trip to the next GOP debate; Receive less email; Poll: Did Obama underestimate ISIS*) weren't allocated to any kinds, which made us think of political hypertext having its own special kind of cohesion. Associative cohesion had 7,5% of all the found means. This kind of cohesion functioned by making recipient use his/her imagination and compensate lack of information. Generally associative means were widely used by authors of literary texts, but it has emerged that this kind of cohesion was also possible to use within political discourse. Certainly, this kind of cohesion

was realized specifically with the help of such words as “remembering” and “same old” in examples (*Remembering the Sixteenth Street Baptist Church Bombing; Same old Rhetoric from Democrats*). Phrases which connected recipient’s memory with certain events were also found (*I’m Hillary’s Enemy; Practice makes Perfect; Promise made, Promise kept*). Another kind of cohesion was lexical one (6,7%). Lexical cohesion was based on usage of synonyms and reiterations for creating cohesion of the structure from semantic point of view. Both means were used equally: synonyms (*MEMO Democrats’ War on women; A Rebirth of Constitutional Government*) and reiteration (*New Year, New Congress, New Faces; Tell Hillary and Obama: Yes to Energy. Yes to Jobs*). The last but not the least cohesion kind, which took only 3,2% of all means, was deictic. Deictic cohesion presented means of cohesion on the morphological level, there were pronouns, modal words and particles. Mostly used was pronominal reference, because it enabled the author to call the exact referent differently (*All; We Want Your Opinion; Keep terrorists out of My Backyard; Nuestra Familia, Nuestra Economia; Take the Oath, Thank Our Troops*).

For more consistent results about kinds and means of cohesion and connection to recipient’s attention it was decided to examine political hypertexts of different level and political hypertexts of legislative authorities were chosen: the United States House of Representatives, the United States Senate. These political hypertexts had several differences, but it was decided to examine them together to see all similarities and differences clearer. First, these hypertexts had different number of hypotexts: the United States House of Representatives — 820, the United States Senate — 2590. It was connected with differences in information given. But both hypertexts contained grammatical, logical, compositional-structured and syntactic kinds of cohesion. The United States Senate hypertext also included means of associative cohesion. The most means belonged to compositional-structured cohesion. Hypertext of the United States House of Representatives — 85% (*Representatives (names 435); Transportation and Infrastructure; Leadership; Committees; Ways and Means; Joint Committee on the Library; Legislative Activity; The House Explained*); Hypertext of the United States Senate—38,6% (*Senators (100 names); Committees; Legislation & Records; Small Business and entrepreneurship; Finance; Committee on Foreign Relations; Committee on Appropriations; Committee on Homeland Security*). As next kind of cohesion identified was syntactic cohesion, which means took 38,6% — hypertext of the

United States Senate and 5% hypertext of the United States House of Representatives. Means of syntactic cohesion could be presented by ellipsis and parallelism, which were both found in hypertext of the United States Senate (*Getting to the Capitol; Emergency Evacuation Information; One way a bill becomes a law; Withdrawn; Privileged; Confirmed; How to find congressional votes; How to find copies of bills; How to find bill numbers — parallelism. Treaties with Floor Status Action in the Current Congress; Treaties Approved; Treaties Received; Senate’s Executive Calendar; Senate’s Legislative Calendar; Executive Calendar; Senate Calendar; Pending on Executive Calendar; Pending in committee — ellipsis*). But hypertext of the United States House of Representatives had only parallelism (*Majority Leader; Democratic Leader; Majority Whip; Democratic Whip; Republican Conference Chairman; Republican Policy Committee Chairman; Democratic Caucus Chairman*). Next kind of cohesion turned to be logical one, which was presented 6% in hypertext of the United States House of Representatives and 15,5% in hypertext of the United States Senate. Logical cohesion could be presented by such means: adverbs, citation, words having spatial and temporal characteristics, graphical means and numbers. It was found only two means of logical cohesion in the United States House of Representatives, unlike the United States Senate, which contained four means of cohesion. Examples (*More; More House History; Learn more about majority and minority leaders from the Office of Clerk; Learn more about the history of House leadership*) were identified as means of logical cohesion, since adverbs helped to connect definite hypotexts from the logical point of view. Next examples (*Additional State information; View past executive Calendars; View Past Calendars of Business: Read the full Senate Story; View the Campus Map; Go to the Clerk’s site for more information about representatives*) contained verbs “view” and “read”, which were indicative of further information in the hypotext followed. These examples (*Latest issue; Past issues*) were presented by means expressing temporal characteristics of information. Besides, the hypertext of the United States Senate contained citation of Congresses, documents according to their operating time (*2017 (115th, 1st); 2016 (114th, 2nd); 1989 (101st, 1st); 114th Congress; 104th Congress*). Such examples were also met (*Chapter 1—23; Article I — VII*), which were identified as numeration of hypotexts. Finally, the last kind of cohesion, which was found in both political hypertexts, was grammatical cohesion: 4% — the hypertext of the United States House of Representatives; 2% — the

hypertext of the United States Senate. Grammatical means included reference, substitution, conjunction, connective words, participial phrase, articles and demonstrative pronouns. Next kind of means were found: substitution with the help of abbreviations (*USAGov*; *USA-Jobs* — the hypertext of the United States House of Representatives), demonstrative pronouns (*These featured biographies* — the hypertext of the United States Senate), definite article (*Speaker of the House*; *To the President*; *To the Senate*; *On the Senate Floor*; *The Constitution grants unique power to the Senate*; *The Senate and the United States Constitution*; *The Constitution*; *The Bill of Rights*; *The Declaration of Independence* — both). Unlike hypertext of the United States House of Representatives, the hypertext of the United States Senate had one more kind of cohesion used to draw recipient's attention. It was associative kind of cohesion (*Resume on Congressional Activity*; *Oral history Project*; *Accessibility Services*), which was presented by 1,5% of all means.

Three political hypertexts of American political system were studied, than it was important to double check the results for proving them right or wrong in relation to recipient. So next political hypertext examined by us was political hypertext of Conservative Party of Great Britain, which included 500 hypotexts, which were connected to each other by different means of cohesion. At the stage of counting hypotexts it was possible to see the difference between American and British hypertexts of political parties. American party contained two and half times more hypotexts, which gave us the right to suppose that the diversity of connections could be bigger, but it had to be checked. While studying this political hypertext, next kinds of cohesion were identified: grammatical, logical, associative, lexical, compositional-structured, stylistic, syntactic, deictic. It became clear that both American and British political hypertext had the same set of cohesion kinds. The most used kind of cohesion also turned to be compositional-structured 65%. Compositional-structured means included insertion, aside, description of event which is not related to the main idea. As it was mentioned above these means of cohesion were realized in specific way, not only connect hypotexts, but organising information in the way it was clear and convenient for recipient to move from one information unit to the other (*Manifesto*; *Volunteer Code*; *Volunteer*; *Member's area*; *Privacy/terms of Use*; *Members of Parliament* — all 317 members' names). The second kind of cohesion was logical one and its means had 10% of all the means. Logical cohesion could be presented by next means: adverbs, citation, words having spatial and tem-

poral characteristics, graphical means and numbers. Next means of cohesion in this political hypertext were found: adverbs, words having spatial and temporal characteristics, graphical means and numbers. Examples (*Read more*; *Shop now*) belonged to logical cohesion, since adverbs helped to connect definite hypotexts from the logical point of view. Besides, words and dates were found, which were means presenting information from temporal point of view (*Local Election 2017*; *Budget 2017*; *Unemployment remains at 11-year low*). Examining block about party members having seats in Parliament, the alphabetic index was noticed, which was presented by 26 hyperlinks for each letter, which could be identified as graphical means of cohesion. Next kind of cohesion turned to be syntactic 8%. It functioned on the sentence level with the help of ellipsis and parallelism. Both cohesive means were presented equally in this hypertext, 8% each. Parallelism of political hypertext was rather specific and connected hypotexts of the same significance (*Labour Property and Garden tax*; *Labour tax hikes*; *12 point plan for Brexit*; *Plan for Brexit*; *Just 11 days*; *11 days*; *Investing in technical education*; *Investing in Britain's Infrastructure*; *Negotiating objectives for Brexit: Customs*; *Brexit talks begin*; *Theresa May Florence Speech*; *Standing with Theresa May*). Second means was ellipsis — fragmental omission of information (*8 reasons*; *Self-driving lorries: Boost to School Funding*; *Confidence and Supply Agreement*; *Action to defeat Islamist Extremism*; *Real Action on Mental Health*). Next kind of cohesion (6%) in this political hypertext was grammatical one. Grammatical means included reference, substitution, conjunction, connective words, participial phrase, articles and demonstrative pronouns. But this exact hypertext had only two means of grammatical cohesion, demonstrative pronouns and usage of articles. Examples with definite and indefinite articles were found (*This Man could be PM*; *An Extraordinary Day*; *For a Brighter Future Vote Conservative*; *Plan for a Stronger Britain*; *The Right Brexit Deal*; *Fixing the Broken Housing Market*). There was only one hypotext, which was connected to the others by a demonstrative pronoun (*This Man could be PM*). This kind of means wasn't detected in other hypertexts. Deictic cohesion (5%) presented means of cohesion on the morphological level, there were pronouns, modal words and particles. The only means used was pronominal reference (*About Us*; *All collections*; *Our team*; *Work for us*; *Contact us*; *Our Record on Jobs*; *Our Digital Strategy*; *Our Plan for Britain*; *Martin Lewis on our Tuition Fees Policy*; *Your Choice at this Election*; *Our Plan for a Stronger Britain*; *Written by*

Corbyn and Paid for by You; Why we Need General Election). One more kind of cohesion was lexical one (4%). Lexical cohesion was based on usage of synonyms and reiterations for creating cohesion of the structure from semantic point of view. This political hypertext presented us only synonyms, sometimes even metaphors (*Coalition of Chaos; Corbyn and his Tax Shambles; Corbyn and his Comrades; The Queen's Speech; This man could be PM*). As it was possible to notice the example "*This man could be PM*" contained lexical and grammatical kinds of cohesion. Associative cohesion had only 1% of all the found means. Example (*Accessible manifesto versions*) enabled a recipient to get acquainted with different forms of Manifesto, which was not clear from the hyperlink directly, but the recipient still could understand. The last example (*Theresa May Will Protect Workers' Pensions from Irresponsible Bosses*) couldn't be allocated to already known kinds of cohesion. That's why this example was identified as means of cohesion which existed only within political discourse. The same group of means was widely presented in political hypertext of American political party.

For the balance of our study, political hypertext of legislative authorities of Great Britain was examined as well. Political hypertext of Parliament of the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland was chosen. This website included both upper and lower houses: the House of Lords and the House of Commons. This hypertext was examined from the point of its completeness and unity for recipient. Political hypertext of Parliament of the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland was the biggest one examined by us in this paper, and consisted of 27600 hypotexts. Such a huge number was possible because this hypertext contained news block almost of 25000 news, each being a hyperlink transferred to hypotext. According to our examination this hypertext possessed grammatical, logical, lexical, compositional-structured, syntactic, deictic kinds of cohesion. Interesting was that the biggest group of means (36,2%) turned to be the group firstly found in political hypertext of Republican Party of the USA and wasn't allocated with known kinds of cohesion. Examples (*What is the government's plan for British agriculture and Brexit?; Too little done to support farmers hit by late subsidy payments; Farmers, Small business and landlords provide evidence on tax; Have you say on the Immigration Bill; Treasury must investigate if post-Brexit tax powers can boost tourism; What's in the Parliamentary Archives?; Does the Prime Minister have to resign?; Has there been a situation of no overall control before?; Who should I contact with my*

issue?), which appeared in this group, generally, were affirmative or interrogative sentences with subject and predicate, without having any characteristics of other kinds of cohesion. The second kind of cohesion turned to be syntactic 32,6%. It functioned on the sentence level with the help of ellipsis and parallelism. This political hypertext possessed only one means of cohesion, parallelism. Parallelism of political hypertext is rather specific and connects hypotexts of the same significance (*Brexit: farm animal welfare — short inquiry launched; UK agriculture — public goods post — Brexit; UK agriculture — trade post Brexit; UK agriculture — opportunities and challenges post Brexit; Lords debate UK rural economy; MPs debate on snares; Lords debate climate change; Lords debates sustainable development goals; Opposition debate on the Agricultural Wages Board; What the Lords does; What the Commons does*). Logical cohesion was presented by 14,5% of means: adverbs, citation, words having spatial and temporal characteristics, graphical means and numbers. These means were called logical because they follow common philosophical rules. Examples (*More action required to protect UK soil Health; Further Information; Back to top*) belonged to logical cohesion, since adverbs helped to connect definite hypotexts from the logical point of view. Next examples (*Join a learning programme; Get involved with the Lords; Read Parliamentary News: Autumn Statement 2016*) contained verbs "join" and "get involved", which were indicative of further information in the hypotext followed. Next examples (*Commons Business Briefings today; Commons Business Briefings this week; Commons Business Briefings next week*) were presented by the means, which pointed out to temporal characteristics of information. Besides, this hypertext had citation of explanatory notes according to their operative time (*Explanatory notes 2017/18; Explanatory notes 2016/17; Explanatory notes 2015/16*) which were also added to our list of means. Except explanatory notes there was the same means used, but examples were different (*Westminster Hall debates: 17 June 2014; Westminster Hall debates: 4 November 2014; Statement In Calais: 24 October 2016; Chapter 1—27*). Designers of this hypertext also used graphical means of cohesion for alphabetical index (*Committees A-Z*). Next kind compositional-structured cohesion (10,8%) contained such means which didn't always logically connect hypotexts, therefore hypertext's structure could be changed or disturbed. Compositional-structured means included insertion, aside, description of event which were not related to the main idea (*Home; Parliamentary business; Parliamentary news; Agri-*

culture, animals, food and rural affairs; Asylum, immigration and Nationality; Business, Industry and Consumers; Communities and families; Crime, civil law, Justice and rights; Government and opposition; 650 names of MPs; 798 names of Lords). As it was noticed, most means were presented as a noun or nominative phrase with attributes. The other cohesion kind, which took only 3,6% of all means, was deictic. Deictic cohesion presented means of cohesion on the morphological level; there were pronouns, modal words and particles. Mostly used was pronominal reference, which was identified during the study (*All parliamentary news; Her Majesty's Government; Her Majesty's Official Opposition; Meet our members; What we don't hold; The building & its collection; Other way to have your say; Have your say: Laws and debates; Ask your MP to present a petition; Hire your venue*). Grammatical cohesion wasn't used very much, only 1,3%. Grammatical means included reference, substitution, conjunction, connective words, participial phrase, articles and demonstrative pronouns. This hypertext had only two means of grammatical cohesion, demonstrative pronouns (*This week in the Commons: 24—28 October*) and usage of definite and indefinite articles (*The Speaker; The role and history; Working with the Speaker; The Board; The work of the House of Common; Working for an MP; Key Issues for the new Parliament; The building & its collection; Women and the vote*). The last kind of cohesion was lexical and was presented only by 1% means (*EU must act on illegal eggs, say MPs; Equal-Teas; Voice and Vote exhibition*).

All hypertexts possessed compositional-structured means of cohesion, which happened to be mostly used at hypertexts of Republican Party of the USA (34,5%), Conservative and Unionist Party of Great Britain (85%), the United States Senate (38,6%). Only hypertext of Parliament of the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland had this kind of cohesion on the fourth place (10,8%). Political hypertexts include big amount of sketchy information, which has to be structured, so that recipient can find information he needs. It wouldn't be possible without compositional-structured means of cohesion, at least it would much more difficult. Syntactic cohesion also had a leading position. Political discourse often demands concretization of homogeneous information to avoid the repetition effect and losing attention of recipient. Grammatical and logical cohesion were equally often used. Means of cohesion of these kinds were presented in all hypertexts. Lexical, associative, deictic kinds of cohesion were not so commonly used in political hypertexts. Most probably, the reason is that these

kinds of cohesion are typical for literary texts, and have more opportunities to be realized. Political discourse has its own peculiarities; the main goal of it is to inform eventual voters. Political discourse didn't have space for traditional associative and lexical means of cohesion to the full extent, that's why we met these means only limited and modified. Special group of means was presented by sentences, partly compound and complex. At first thought, this way to create hyperlinks is unusual, because the main idea of a hyperlink is to point out next information, not to tell complete hypotext. Nevertheless, designers of these websites aimed to have this exact effect. It is connected to technological progress and how recipient evolves with it. It's not possible to look through every hypotext during this period of high level of society automation. Probably that's the main reason why designers of political hypertexts try to put as much information as possible into a hyperlink, because they can't always hope, that the recipient will follow the hyperlink.

The findings. For this study cohesion was defined as an important textual characteristic of political hypertext, which describes linear connection of separate parts of hypertext with the help of lexical and grammatical connections between minimal parts.

Classifications of kinds and means of cohesion, which were given by I. R. Galperin, M. A. K. Halliday and R. Hasan, T. V. Milevska were analyzed. These scientists didn't always take the same basis for their classifications, as a result there wasn't a common classification which could help to describe cohesion completely. All kinds of cohesion, appeared in works above mentioned, were combined and next kinds were identified: grammatical, logical, associative, lexical, figurative, compositional-structured, stylistic, rhythmical-formed, transitive, event-related, syntactic, deictic, cohesion on the level of similar units and sign forms, cohesion of text attributes.

5 political hypertexts were studied and all means of cohesion were distinguished. To have more authentic results, political hypertexts of political parties and legislative authorities of Great Britain and the USA were chosen. 7 kinds of cohesion were identified: compositional-structured, syntactic, grammatical, logical, associative, lexical, and deictic. Kinds of cohesion from most used to less used:

1. compositional-structured;
2. syntactic;
3. grammatical, logical;
4. lexical, associative, deictic.

Besides all the kinds mentioned above, one special group of means was discovered, which couldn't be related to any of known kinds. And as

3 political hypertexts had these means of cohesion, they were separated to an independent group. Means of this cohesion were presented as hyperlinks, which contained sentences, sometimes even complex and compound sentences.

Compositional-structured cohesion helped the recipient not to get lost among big number of hyperlinks and build spatial sequence of information. Next kind of cohesion, syntactic, was realized by ellipsis and parallelism and enabled recipient to follow the connection of homogeneous hypotexts. Means of logical cohesion helped to build temporal sequence of hypotexts. Grammatical and deictic kinds of cohesion enabled recipient to follow connection of hypotexts on morphological level. Associative and lexical means of cohesion gave an opportunity to catch the emotional atmosphere and get on recipient's good side. Last group of means, presented by sentences, had special purpose to inform the recipient without him/her reading hypotext further.

REFERENCES

1. Bezuglaya L. R. Discursive and textual categories: to separate the meanings // Chernivtsi: Methods of Text Analyses: Collection of studies. 2009. P. 40—53.
2. Danushina Yu. V. Syntactic and Semantic Cohesion in the structure of the Corporate web-site Discourse (In the US variant of the English Language) // Bulletin of South Ural State Humanitarian Pedagogical Univ. 2009. Vol. 11 № 2. P. 271—277.
3. Dijk T. A. van. Text and Context. Explorations in the Semantics and Pragmatics of Discourse. — London ; New York : Longman, 1977. 282 p.
4. Enkvist N. E. Introduction: Coherence, Composition and Text Linguistics // Coherence and Composition: A Symposium / ed. by N. E. Enkvist. — Åbo, 1985. P. 14—15.
5. Galperin I. R. Text as an Object of Linguistic Research. — Moscow : Nauka, 1981. 139 p.
6. Halliday M. A. K., Hasan R. Cohesion in English. — London : Longman, 1976. 375 p.
7. Iliyina I. A. Problems of studying and reception of hypertext in multi-media space Internet. — Moscow, 2009. 232 p.
8. Kasachenko O. V. Coherence and cohesion of text // Almanac of Modern Science and Education. — Tambov, 2009. Vol. 8, № 2. P. 88—90.
9. Lukashevich N. V. Thesauruses for informational search purposes. — Moscow, 2010. 396 p.
10. Makarov M. L. Linguistic communication in a small group: an experience of the interpretative discourse analysis : Diss. for the Dr. of Philology degree. — Tver : Tver State Univ. publ. house, 1998. 443 p.
11. Milevskaya T. V. Cohesion as a category of discourse and text (cognitive-functional and communicative-pragmatic aspects) : diss. for the Dr. of Philology degree. — Rostov-on Don : RSU publ. house, 2003. 390 p.
12. Morozova O. N. Political advertisement discourse on Great Britain Internet (on the material of personal websites of members of the Parliament) : Diss. for the Dr. of Philology degree. — Saint-Petersburg, 2012. 348 p.
13. Nelson T. N. As we will think in Online 72 // Proceedings of the International Conference on Online Interactive Computing. — Uxbridge, UK : Online Computer Systems Ltd., 1983. P. 439—454.
14. Nielsen J. Hypertext and Hypermedia. — Copenhagen : Technical Univ. of Denmark Academic Pr., 1990. 272 p.
15. Popov E. A. Approaches to hypertext study // Bulletin of Pushkin Leningrad State Univ. — Saint-Petersburg : Pushkin Leningrad State Univ., 2015. Vol. 1. P. 167—171.
16. Pushkov A. A. Specifics of political discourse in Russia today // Bulletin of central and local government. — Moscow : RANEPa, 2011. Vol. 2. P. 97—102.
17. Radina N. K. Text and hypertext: specifics of understanding (on the material of political news comments) // Communicative studies. — Nizhny Novgorod : Dostoevsky Omsk State Univ. 2016. Vol. 2. P. 108—116.
18. Safina A. R. Linguistic features of the Russian Internet-mass media. Hypertext // Proceedings of Samara scientific centre of Russian Academy of Sciences. — Samara : Samara Scientific Research Center of Russian Academy of Science, 2012. Vol. 2. № 6. P. 1582—1587.
19. Suhovalova E. A. Cohesion and Coherence in the context of English-language Political Discourse // Bulletin of Moscow State Linguistic Univ. — Moscow : Moscow State Linguistic Univ., 2010. Vol. 587. P. 40—49.
20. Voborzhil L. Lexical and other means of cohesion (on the material of Russian agreement). URL: <http://www.rusistika.upol.cz>, 1998. 10 p.
21. Zhabbarova F. U. Categories of text // Bulletin of Bashkir State Univ. — Ufa : BashSU, 2011. Vol. 16. № 3. P. 759—762.
22. Zikova E. V., Morozova O. N. External hyperlinks in personal political website structure // Bulletin of Pushkin Leningrad State Univ. — Saint-Petersburg : Pushkin Leningrad State Univ., 2010. Vol. 5. P. 83—92.

DATA COLLECTION

23. Conservative and Unionist Party of Great Britain. URL: <https://www.conservatives.com/>.
24. Parliament of the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland. URL: <https://www.parliament.uk/>.
25. Republican Party of the USA. URL: <https://www.gop.com/>.
26. United States House of Representatives. URL: <https://www.house.gov/>.
27. United States Senate. URL: <https://www.senate.gov/>.

D. A. Pavlova, V. A. Kameneva
Kemerovo, Russia

COHESION OF AMERICAN AND BRITISH POLITICAL HYPERTEXTS IN WEB-FORMAT

ABSTRACT. This paper defines cohesion from the perspective of hypertext; it studies the means of cohesion in order to identify the most frequent ones in political discourse used for drawing and holding attention of a recipient; and it identifies the functions of cohesion. The paper defines the term “cohesion” and singles out the means of cohesion in hypertext political discourse. The material for this research is two British and three American websites: Conservative and Unionist Party of Great Britain, Republican Party of the USA, the web-sites of the UK Parliament, the US House of Representatives and the US Senate. The data were integrated and analyzed to identify predominant means of cohesion. As a result the functions of each cohesion kind in relation to recipient were identified. The methods of the research were general scientific methods of analysis, synthesis and comparison, as well as linguistic methods of vocabulary definition, discursive and interpretative analysis of hypertext characteristics.

KEYWORDS: hypertexts; political discourse; cohesion; means of cohesion; types of cohesion; recipient.

ABOUT THE AUTHORS: Pavlova Daria Andreevna, Master's Degree Student of Institute of Law of Kemerovo State University (Russia).

Kameneva Veronica Alexandrovna, Doctor of Philology, Professor of the English Philology Department of Kemerovo State University, Kemerovo, Russia.

РАЗДЕЛ 6. РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА

УДК 811.111'4239

ББК ШП43.21-006.35+ШП43.21-51

ГСНТИ 16.21.29

Код ВАК 10.02.19

Р. И. Зарипов

Москва, Россия

А. П. Чудинов

Екатеринбург, Россия

ЭТНИЧЕСКИЕ СТЕРЕОТИПЫ АРМЕЙСКОГО СОЦИУМА США

АННОТАЦИЯ. Рецензия на монографию А. С. Романова «Этнические стереотипы армейской субкультурной среды США в знаках языка и культуры» (М.: Военный университет, 2017. — 231 с.). Рецензируемая монография посвящена исследованию национально-культурной специфики этнических стереотипов армейского социума США на материале английского языка. Этнические стереотипы отражают культурно обусловленную перцепцию какого-либо объекта или ситуации. Актуальность их исследования продиктована необходимостью выстраивания «диалога культур» в процессе межкультурной коммуникации с участием представителей различных лингвоэтнокультурных традиций. Монография состоит из предисловия, введения, двух глав, заключения и списка литературы. Первая глава «Теоретико-методологические проблемы исследования стереотипов. Этнический стереотип» посвящена описанию диалектической взаимообусловленности языка и культуры, роли языка как важнейшего фактора этносоциального развития. Вторая глава «Языковые средства экспликации этнических стереотипов армейской субкультуры США» направлена на выявление и систематизацию этностереотипов носителей американской лингвокультуры относительно социального института вооруженных сил США и его представителей. Акцент сделан на выявлении языковых средств и речевых форм экспликации этнических стереотипов армейского языкового коллектива США. Исследование опирается на аутентичный материал, включающий тексты прецедентного жанра, военно-политического и интернет-дискурсов, лексико-фразеологические единицы, различные грамматические и синтаксические конструкции, а также другие единицы военного социолекта. Используются следующие методы: семасиологический, функциональный («языковая форма — внеязыковое содержание»), компонентного и контекстуального анализа. Автор приходит к выводу, что в коллективном языковом сознании американского социума преобладают положительные стереотипные репрезентации военнослужащих США. Негативно окрашенные стереотипы немногочисленны и вытекают из опыта социальных практик взаимодействия представителей гражданского мира и военного социума, опыта неудачных войн и локальных конфликтов. Монография адресована лингвистам, преподавателям иностранных языков, политологам, а также широкому кругу читателей.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: этнические стереотипы; концепты; языковая картина мира; языковые средства; экспликация этностереотипов; американские военнослужащие; армейская субкультура; этнолингвистика.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ: Зарипов Руслан Ирикович, кандидат филологических наук, начальник группы Центра (лингвистического МО РФ) Военного университета, Военный университет Министерства обороны РФ; 111033, г. Москва, ул. Волочаевская, д. 3/4; e-mail: lieutenant-en-chef@ya.ru.

Чудинов Анатолий Прокопьевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного, Уральский государственный педагогический университет; 620017, Россия, Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, к. 285; e-mail: ap_chudinov@mail.ru.

Современный период развития международных отношений можно определить как переломный этап. Мы являемся свидетелями процесса формирования полицентричного мироустройства, в ходе которого происходит перераспределение глобального баланса сил, появляются новые источники политического влияния и центры экономического роста. Неизбежным следствием этих изменений стало возобновление геополитического противостояния, в котором исторический Запад пытается отстоять свое доминирование на международной арене, право вмешательства во внутренние дела суверенных государств и навязывания собственной шкалы демократических ценностей.

Образ американского военнослужащего, укоренившийся в лингвокультурном сознании русской языковой личности как образ врага, завоевателя и потенциального противника, остается недостаточно изученным и представленным широкой общественности, в том числе с позиций американского социолингвистического пространства. Отношение американского общества к своей ар-

мии как важнейшему социальному институту, без сомнений, требует комплексного изучения как важного фактора, свидетельствующего о поддержке (неприятии) населением страны военной политики, проводимой ее руководством. В контексте нарастающей международной напряженности, всестороннего давления Соединенных Штатов на Российскую Федерацию и реальной возможности прямого или опосредованного боестолкновения военнослужащих обеих стран на Ближнем Востоке системное исследование американской военной субкультуры приобретает особую актуальность. Попытка рассмотреть этнолингвистическую сторону этой темы предпринята А. С. Романовым в монографии «Этнические стереотипы армейской субкультурной среды США в знаках языка и культуры» [Романов 2017].

Стереотип представляет собой упрощенную ментальную репрезентацию различных категорий людей [Леонтович 2003: 280]. Проблема исследования его природы носит междисциплинарный характер. Это понятие изучается в психологическом (В. С. Агеев,

© Зарипов Р. И., Чудинов А. П., 2018

А. Н. Леонтьев, Г. Тэшфел, П. Н. Шихирев, К. Г. Юнг), социологическом (Г. С. Батыгин, И. С. Кон, У. Липпман, У. Олбиг, Г. У. Оллпорт, Г. У. Солдатов), лингвистическом (Ю. Д. Апресян, А. К. Байбурин, Ю. В. Горшунов, В. А. Маслова, Ю. Е. Прохоров, Ю. А. Сорокин) и этнопсихолингвистическом (Е. Бартминский, В. В. Красных, Л. П. Крысин) аспектах, а также представляет научный интерес для специалистов в сфере межкультурной коммуникации (М. Дж. Беннет, Р. Брукс, Г. В. Елизарова, С. В. Иванова, О. А. Леонтович, Дж. Рассел, С. Г. Тер-Минасова, А. Хан). Представители разных направлений выделяют в стереотипе свойства, наиболее актуальные для соответствующей области научного знания. В контексте рецензируемой монографии рассматриваются как автостереотипы, эксплицированные в форме вербовочных слоганов, строевых песен и лексических единиц военного социолекта, так и ее гетеростереотипы. К последним относят, в частности, тексты сетевых форумов [Романов 2017: 169—181]. По мнению автора монографии, совокупный в знаках языка и культуры совокупный корпус авто- и гетеростереотипов армейской субкультурной среды США позволяет составить представление о системе аксиологических координат американских военнослужащих (см., например, с. 88), раскрывает языковые особенности «речевого паспорта» представителя воинской касты. Это способствует успешному межкультурному взаимодействию, в основе которого лежит взаимопонимание во всех его аспектах: языковом, социокультурном, аксиологическом, ценностном [Карасик 2002: 73; Прохоров 2008: 78—79; Тер-Минасова 2008: 15].

Глава первая «Теоретико-методологические проблемы исследования стереотипов. Этнический стереотип» посвящена описанию диалектической взаимообусловленности языка и культуры, роли языка как важнейшего фактора этносоциального развития. В главе раскрывается содержание таких понятий, как языковая концептуализация мира, языковая картина мира, концепт, стереотип (в том числе этнический стереотип как разновидность стереотипа социального), а также его свойства и функции. Кроме того, представлена классификация стереотипов, проанализированы механизмы образования стереотипных репрезентаций, выявлены специфические особенности языковой картины мира военнослужащего.

Глава вторая «Языковые средства экспликации этнических стереотипов армейской субкультуры США» направлена на выявление и систематизацию существующих в ментальном пространстве носителей американ-

ской лингвокультуры этностереотипов о социальном институте вооруженных сил США и его представителях. Автором выявлены ключевые концепты образа американского военнослужащего, созданные политехнологами с целью улучшения имиджа военной службы и армейского человека, и представлена вытекающая из этих концептов система ценностей армейской субкультуры США. Одной из важнейших функций этнического стереотипа выступает формирование положительного «я-образа». Этностереотип, отражающий реалии определенной социальной группы (в данном случае — армейской субкультуры), создает и поддерживает фундамент для позитивной групповой идентичности.

Ценность монографии заключается в подобранном для исследования аутентичном материале, включающем не только лексико-фразеологические единицы, синтаксические конструкции, атрибутивные и генитивные словосочетания, сравнительные обороты и поговорки [Крысин 2002: 171—174], но и единицы военного социолекта, вербовочные слоганы, армейские тексты прецедентного жанра (анекдоты [см.: Шмелева, Шмелев 2002]), строевые песни, тексты военно-политического и интернет-дискурсов: «Функционируя в текстах военного фольклора, в художественных текстах о войне и армии, в текстах словарей военного жаргона, единицы социально-группового диалекта сообщают названным текстам свойства социально маркированного средства коммуникации. В единицах социально-групповых диалектов находят выражение субкультурная языковая картина мира, речевые характеристики обобщенного социального портрета военнослужащих. Словари военного жаргона, особенно те, что созданы в субкультурной среде, обретают субкультурную ценность» [Бойко 2009: 4]. Тезис о наличии стереотипогенного потенциала в вышеуказанных языковых средствах и речевых формах экспликации этностереотипов социально-профессиональной среды военнослужащих США подкрепляется в монографии следующим иллюстративным материалом:

• **лексические единицы социокультурного диалекта:**

- *captain Jack* — капитан Джек (собирательный образ американского военного, олицетворяющий мужество, отвагу, высокий уровень профессионализма);
- *squared away / standing tall* — молодецватый, подтянутый, имеющий опрятный вид;
- *trigger puller* — военнослужащий, имеющий за плечами богатый опыт боевых действий;
- *wife (a soldier's rifle)* — винтовка;

- *to hit the glory road* — выполнять опасное задание;
- **армейские вербовочные слоганы:**
 - “*Look Sharp, Be Sharp, Go Army!*” (1950—1960) — «Выгляди на все сто, чувствуй себя на все сто, иди в армию!»;
 - “*We never promised you a rose garden*” (1970s) — «Мы никогда не обещали вам легкой службы»;
 - “*Be All (That) You Can Be*” (1980—2001) — «Стань тем, кем ты можешь быть»;
 - “*Army of One*” (2001—2006) — «Армия едина»;
 - “*Army Strong*” (2006 — н. вр.) — «Армия сильна» (Bailey, 2009);
- **фразеологические единицы:**
 - *armed to the teeth* — во всеоружии;
 - *a baptism of fire* — крещение огнем, боевое крещение;
 - *to bite the bullet / to face the music* — мужественно, стоически переносить испытания, лишения, физическую боль;
 - *fortune favours the brave* — фортуна улыбается храбрым;
 - *to make a last-ditch effort* — стараться изо всех сил;
 - *save your breath to cool your porridge* — держать язык за зубами;
 - *do or die* — с щитом или на щите, делай или умри.

Особое внимание в своей монографии А. С. Романов уделил вопросу гендерных стереотипов, бытующих в языковом сознании носителей армейской субкультуры США. В основе возникновения и распространения гендерно обусловленных стереотипов о женщинах-военнослужащих, с его точки зрения, лежит патриархальная система устройства института ВС США. Гендерные стереотипы о женщинах-военнослужащих нередко носят негативный характер и обнаруживают черты сексизма. Возникновение и закрепление в коллективном сознании мужской части армейского языкового коллектива США гендерных представлений объясняется культурно-историческими традициями, спецификой законодательной политики руководящих органов армии США, андроцентричностью языкового употребления в армейской среде, физиологическими особенностями противоположных полов, гендерным составом ВС США, а также ригидностью и согласованностью стереотипов.

Результатом научного труда стало комплексное исследование лингвокультурных доминант, составляющих сущность собирательного образа американского военнослужащего. У читателя монографии складыва-

ется объективное представление о реалиях иноязычной военной картины мира, которое может быть использовано в интересах обеспечения эффективной коммуникации и повышения уровня профессиональной подготовки военных переводчиков.

Работа вносит значительный вклад в лингвокультурологию и этнолингвистику; ее положения и отдельные тезисы способствуют определению, анализу и классификации языковых средств, отражающих стереотипное восприятие мира и его фрагментов. Методика исследования и функциональные критерии этнокультурной стереотипизации, используемые автором в монографии, применимы к любой социальной группе.

В целом рецензируемая монография вызывает несомненный научный интерес, а этнолингвистическое направление, в русле которого подготовлен научный труд, представляется перспективным в теоретическом и практическом отношении. Выводы, сделанные на основании анализа обширного теоретического и языкового материала, достоверны и непротиворечивы. Автор заключает, что наряду с преобладающими положительными стереотипными репрезентациями военнослужащих США в коллективном языковом сознании американского социума присутствуют и немногочисленные пейоративно окрашенные суждения, вытекающие из опыта социальных практик взаимодействия представителей гражданского мира и военного социума, опыта неудачных войн и локальных конфликтов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бойко Б. Л. Основы теории социально-групповых диалектов : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19. — М. : Военный университет, 2009. 56 с.
2. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. — Волгоград : Перемена, 2002. 477 с.
3. Крысин Л. П. Лингвистический аспект изучения этно-стереотипов (постановка проблемы) // Встречи этнических культур в зеркале языка: (в сопоставительном лингвокультурном аспекте) / Науч. совет по истории мировой культуры. — М. : Наука, 2002. С. 171—175.
4. Леонтович О. А. Россия и США: введение в межкультурную коммуникацию : учеб. пособие. — Волгоград : Перемена, 2003. 399 с.
5. Прохоров Ю. Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. Изд. 5-е. — М. : ЛКИ, 2008. 224 с.
6. Романов А. С. Этнические стереотипы армейской субкультурной среды США в знаках языка и культуры : моногр. — М. : Военный университет, 2017. 231 с. ISBN 978-5-600-01942-3.
7. Тер-Минасова С. Г. Война и мир языков и культур. — М. : Слово, 2008. 297 с.
8. Шмелева Е. Я., Шмелев А. Д. Русский анекдот: текст и речевой жанр. — М. : Языки славянской культуры, 2002. 144 с.

R. I. Zaripov

Moscow, Russia

A. P. Chudinov

Ekaterinburg, Russia

US MILITARY COMMUNITY ETHNIC STEREOTYPES

ABSTRACT. *This is a review of A.S. Romanov's Monograph "Ethnic Stereotypes of the US Army Subculture Ambience Reflected through Language and Culture" (Moscow: Military University, 2017. — 231 p.). The monograph under review focuses on the national-cultural specific features of the US military society ethnic stereotypes as exemplified in English. Ethnic stereotypes express a culturally preconditioned perception of an object or situation. The relevance of studying the above mentioned phenomenon is substantiated by the need for establishing «a cultural dialogue» in the process of the cross-cultural communication bringing together representatives of various linguo-ethnic-cultural traditions. The monograph includes the preface, the introduction, two chapters and a list of reference. Chapter One "Theoretical and Methodological Issues of Stereotypes Analysis. The Ethnic Stereotype" describes a dialectical interconditionality of language and culture, regards a language as a vital factor for ethnic-social development. Chapter Two "Linguistic Means for Explicating Ethnic Stereotypes of the US Army Subculture" is intended to reveal and systematize the US linguoculture natives' ethnic stereotypes on the US Armed Forces social institution and its representatives. The chapter dwells on linguistic means and forms of explication of ethnic stereotypes of the US Army subculture. This research is exemplified by authentic language material, including texts of a precedent genre, military-political and Internet-discourse, lexical and phraseological units, various grammar and syntax constructions, as well as lexical units of the military social-group dialect. This work is based upon semasiological and functional ("linguistic form — extralinguistic content") research methods, and a component and contextual analysis. The author concludes that the US society collective linguistic consciousness is dominated by positive stereotypical representations of American service members. Negative stereotypes are scarce and stem from the experience of social contacts between the Civil Street and military society representatives, and are stipulated by disgraceful experience of particular wars and local armed conflicts. This monograph is intended for linguists, professors of foreign languages, analysts in politics and a broad audience.*

KEYWORDS: ethnic stereotypes; concepts; worldview; language means; ethnic stereotypes explication; American soldiers; army subculture; ethnolinguistics.

ABOUT THE AUTHORS: Zaripov Ruslan Irikovich, Candidate of Philology, Head of Department of Linguistic Centre of Military University, Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russia.

Chudinov Anatoly Prokopievich, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Intercultural Communication, Rhetoric and Russian as a Foreign Language, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

REFERENCES

1. Boyko B. L. Osnovy teorii sotsial'no-gruppanykh dialektov : avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk : 10.02.19. — M. : Voennyi universitet, 2009. 56 s.
2. Karasik V. I. Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs. — Volgograd : Peremena, 2002. 477 s.
3. Krysina L. P. Lingvisticheskiy aspekt izucheniya etnostereotipov (postanovka problemy) // Vstrechi etnicheskikh kul'tur v zerkale yazyka: (v sopostavitel'nom lingvokul'turnom aspekte) / Nauch. sovet po istorii mirovoy kul'tury. — M. : Nauka, 2002. S. 171—175.
4. Leontovich O. A. Rossiya i SShA: vvedenie v mezhkul'turnuyu kommunikatsiyu : ucheb. posobie. — Volgograd : Peremena, 2003. 399 s.
5. Prokhorov Yu. E. Natsional'nye sotsiokul'turnye stereotipy rechevogo obshcheniya i ikh rol' v obuchenii russkomu yazyku inostrantsev. Izd. 5-e. — M. : LKI, 2008. 224 s.
6. Romanov A. S. Etnicheskie stereotipy armeyskoy subkul'turnoy sredy SShA v znakh yazyka i kul'tury : monogr. — M. : Voennyi universitet, 2017. 231 s. ISBN 978-5-600-01942-3.
7. Ter-Minasova S. G. Voyna i mir yazykov i kul'tur. — M. : Slovo, 2008. 297 s.
8. Shmeleva E. Ya., Shmelev A. D. Russkiy anekdot: tekst i rechevoy zhanr. — M. : Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2002. 144 s.

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ АВТОРАМИ РУКОПИСЕЙ В ЖУРНАЛ «ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА»

«Политическая лингвистика» издается как узкоспециализированный научный журнал, ориентированный на максимально широкий круг читателей и многонациональный состав авторов, представляющих различные научные школы и направления в России и других странах.

Журнал «Политическая лингвистика» адресован филологам, политологам, социологам, журналистам и политикам. Редакционная коллегия приглашает к сотрудничеству всех специалистов по политической лингвистике и смежным проблемам.

Мы против политической цензуры, с уважением относимся к политическим взглядам авторов наших публикаций, но за соблюдение принципов толерантности и политической корректности, в том числе в статьях, созданных в рамках критического анализа дискурса.

Авторы, предлагающие статьи для публикации, должны учитывать проблематику журнала, который включает следующие разделы:

1. Рубрика «Теория политической лингвистики» предоставляет трибуну ведущим специалистам по политической лингвистике.

2. Рубрика «Политическая коммуникация» включает теоретические статьи, в которых значительное место занимает практический анализ языковых фактов.

3. В разделе «Язык — политика — культура» представлены исследования публицистических, рекламных, разговорных и художественных текстов, в той или иной степени значимые для политической лингвистики.

4. Раздел «Лингвистическая экспертиза: язык и право» объединяет статьи по проблемам, находящимся на пересечении политической и юридической лингвистики.

5. В рубрике «Зарубежный опыт» публикуются впервые переведенные на русский язык работы, которые, хотя и написаны много десятилетий назад, сохраняют свою значимость для теории и истории науки, а также работы современных исследователей, написанные на иностранных языках.

6. Рубрика «Рецензии. Хроника» представляет современный научный дискурс: в ней публикуются рецензии на самые новые и актуальные научные труды по политической лингвистике, освещаются крупные научные конференции.

7. Непостоянная рубрика «Дискуссии» предоставляет площадку для полемики между представителями различных или диаметрально противоположных взглядов на проблемы политической лингвистики и когнитивистики. Как правило, в разделе публикуется несколько материалов, излагающих соперничающие концепции.

Научные направления:

Основная специальность: 10.00.00 — Филологические науки

Издательство: ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет»

Адрес редакции: 620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов 26, каб. 219

Главный редактор: доктор филологических наук, профессор Чудинов Анатолий Прокопьевич

Телефоны/ факс: (343) 336-15-92

E-mail: ap_chudinov@mail.ru

Выпускающий редактор: кандидат филологических наук Ворошилова Мария Борисовна

Телефон: 8-922-6128661

E-mail: shinkari@mail.ru

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации **ПИ №ФС 77-34838** от 25.12.2008

Зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standard Serial Numbering — ISSN) с присвоением международного стандартного номера **ISSN 1999-2629** от 14.05.2008

Включен в в Объединенный каталог «Пресса России». **Индекс 81955.**

С 2010 года решением Президиума ВАК Министерства образования и науки РФ включен в **Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий**, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидат наук.

Материалы журнала регулярно размещаются на платформе **Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)**. http://elibrary.ru/title_about.asp?id=28049.

Материалы для публикации присылаются в электронном виде. Набор должен быть выполнен в текстовом редакторе WORD в соответствии со следующими требованиями:

- Объем статьи не менее 18 и не более 44 тыс. знаков с пробелами.
- Формат страницы — А4; гарнитура — Times New Roman; размер кегля — 14; межстрочный интервал — 1,5.
- Ссылки на литературу делаются в тексте в квадратных скобках. Например: [Иванов 2000: 56—57]. Список литературы (по алфавиту) помещается после текста статьи и оформляется по ГОСТ 7.0.5.-2008 (см. образец).
- Отдельными файлами прилагаются: рисунки (только черно-белые, без полутонов) — в векторных форматах — AI, CDR, WMF, EMF; в растровых форматах — TIFF, JPG с разрешением не менее 300 то-

чек/двойм в реальном размере; диаграммы из программ «MS Excel», «MS Visio» и т. п. вместе с исходным файлом, содержащим данные.

Для публикации статья должна соответствовать требованиям РИНЦ, то есть, помимо основного текста, содержать следующие сведения на русском и английском языках.

1. Сведения об авторах (если их несколько, то обо всех):

- Фамилия, имя, отчество автора полностью.
- Ученая степень, звание, должность.
- Полное и точное место работы автора.
- Подразделение организации.

Контактная информация (e-mail, почтовый адрес для рассылки и для публикации в журнале).

2. Название статьи.

3. Аннотация (объемом 200 слов, или 2000 знаков с пробелами).

4. Ключевые слова (5—10 слов).

5. Тематическая рубрика, УДК, ГСНТИ и код ВАК.

Обязательным условием публикации является наличие отзыва доктора наук.

Списки литературы следует оформлять по ГОСТ Р. 7.0.5.-2008.... Образцы оформления:

СТАТЬИ ИЗ ЖУРНАЛОВ И СБОРНИКОВ

Адорно Т. В. К логике социальных наук // Вопр. философии. 1992. № 10. С. 76—86.

Crawford P. J., Barrett T. P. The reference librarian and the business professor: a strategic alliance that works // Ref. Libr. 1997. Vol. 3. № 58. P. 75—85.

Если авторов четыре и более, то заголовок не применяют (ГОСТ 7.80-2000).

Корнилов В. И. Турбулентный пограничный слой на теле вращения при периодическом вдуве / отсосе // Теплофизика и аэромеханика. 2006. Т. 13. № 3. С. 369-385.

Кузнецов А. Ю. Консорциум — механизм организации подписки на электронные ресурсы // Российский фонд фундаментальных исследований: десять лет служения российской науке. — М.: Науч. мир, 2003. С. 340—342.

КНИГИ

Тарасова В. И. Политическая история Латинской Америки: учеб. для вузов. 2-е изд. — М.: Проспект, 2006. С. 305—412.

Допускается предписанный знак точку и тире, разделяющий области библиографического описания, заменять точкой.

Философия культуры и философия науки: проблемы и гипотезы: межвуз. сб. науч. тр. / Саратов. гос. ун-т; [под ред. С. Ф. Мартыновича]. — Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1999.

Допускается не использовать квадратные скобки для сведений, заимствованных не из предписанного источника информации

Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь. 5-е изд., перераб. и доп. — М.: ИНФРА-М, 2006. 494 с.

Если авторов четыре и более, то заголовок не применяют (ГОСТ 7.80-2000)

АВТОРЕФЕРАТЫ

Глухов В. А. Исследование, разработка и построение системы электронной доставки документов в библиотеке: автореф. дис. ... канд. техн. наук. — Новосибирск, 2000.

ДИССЕРТАЦИИ

Фенухин В. И. Этнополитические конфликты в современной России: на примере Северо-Кавказского региона: дис. ... канд. полит. наук. — М., 2002. С. 54—55.

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ОБЗОРЫ

Экономика и политика России и государств ближнего зарубежья: аналит. обзор, апр. 2007 / Рос. акад. наук, Ин-т мировой экономики и междунар. отношений. — М.: ИМЭМО, 2007.

ПАТЕНТЫ

Патент РФ № 2000130511/28, 04.12.2000.

Еськов Д. Н., Бонштедт Б. Э., Корешев С. Н., Лебедева Г. И., Серегин А. Г. Оптико-электронный аппарат // Патент России № 2122745. 1998. Бюл. № 33.

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИЙ

Археология: история и перспективы: сб. ст. Первой межрегион. конф. — Ярославль, 2003.

Марьинских Д. М. Разработка ландшафтного плана как необходимое условие устойчивого развития города (на примере Тюмени) // Экология ландшафта и планирование землепользования: тезисы докл. Всерос. конф. (Иркутск, 11—12 сент. 2000 г.). — Новосибирск, 2000. С. 125—128.

ИНТЕРНЕТ-ДОКУМЕНТЫ

Официальные периодические издания: электронный путеводитель / Рос. нац. б-ка, Центр правовой информации. [СПб.], 2005—2007. URL: <http://www.nlr.ru/lawcenter/izd/index.html> (дата обращения: 18.01.2007).

Логинова Л. Г. Сущность результата дополнительного образования детей // Образование: исследовано в мире: междунар. науч. пед. интернет-журн. 2003.21.10. URL: <http://www.oim.ru/reader.asp?nomer= 366> (дата обращения: 17.04.2007).

<http://www.nlr.ru/index.html> (дата обращения: 20.02.2007).

Рынок тренингов Новосибирска: своя игра. URL: <http://nsk.adme.ru/news/2006/07/03/2121.html> (дата обращения: 17.10.2008).

Литчфорд Е. У. С Белой Армией по Сибири // Восточный фронт Армии Генерала А. В. Колчака. URL: <http://east-front.narod.ru/memo/latchford.htm> (дата обращения: 23.08.2007).

Цена свободная

**НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА
2018. ВЫПУСК 2 (68)**

Адрес редакции:

620017, Екатеринбург, пр-т. Космонавтов 26, Уральский государственный педагогический университет, кафедра межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного (каб. 285).

Для детей старше 16 лет.

Свидетельство о регистрации ПИ №ФС77-34838 от 25.12.2008.

Подписано в печать 28.04.2018. Формат 60x84/8.

Бумага для множительных аппаратов. Печать на ризографе.

Уч.-изд. л. — 17,1. Усл. печ. л. — 17,5. Тираж 500 экз. Заказ 4945.

Оригинал-макет отпечатан в отделе множительной техники
Уральского государственного педагогического университета

620017 Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26

E-mail: uspu@uspu.me